ДЕРИБАСОВСКАЯ ▽ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ОДЕССКИЙ

37

АЛЬМАНАХ

ОДЕССА ● ПЛАСКЕ ЗАО ● 2009

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)"452.2"

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 37 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь, И.Л. Липтуга. — Одесса: Издательская организация "ПЛАСКЕ" ЗАО, 2009. — 320 с.

ISBN 978-966-8692-19-2

Д $\frac{4702640204}{2004}$ $\frac{0503020902}{2004}$

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь
Иван Липтуга

Редакционный совет:
Виталий Амурский (Париж), Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Игорь Померанцев (Прага), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин), Кармелла Цепколенко.

Фото:
Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar
Ivan Liptuga

Editorial council:
Vitaliy Amoursky (Paris), Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Igor Pomerantsev (Prague), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkolenko.

Photos by:
Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

ISBN 978-966-8692-19-2 © Авторство художественных текстов, 2009

От редакции

Вот уже третий век одесское лето начинается с Пушкина. Шестого июня мы отмечаем его день рождения – на сей раз 210-й, а 30 июля исполнится 176 лет с того дня, когда поэт прибыл в Южную Пальмиру для дальнейшего прохождения южной ссылки.

Нынешняя же одесская весна началась с Гоголя. Великому писателю исполнилось 200 лет. Впервые он посетил Одессу весной 1848 года и поселился на улице Надеждинской, ныне носящей его имя.

Пушкинская (бывшая Итальянская) – неподалеку, и в фантастическом фильме об этих Гениях словесности вполне можно представить, как они встречаются на Дерибасовской угол Ришельевской...

Если памятник Пушкину граждане Одессы соорудили еще в 1888 году, то Гоголь был увековечен лишь весной нынешнего года. При большом стечении народа в Саду скульптур Литературного музея нашему взору предстала бронзовая композиция: Николай Васильевич управляет сразу тремя крылатыми Пегасами, влекущими в будущее Птицу-тройку.

Как и все уже установленные в саду знаки признательности знаменитым личностям, чья жизнь и творчество были связаны с Одессой, новая скульптура – подарок родному городу от многопрофильной организации ЗАО "ПЛАСКЕ", продолжающей высокие традиции одесских меценатов.

Выход этого номера альманаха "Дерибасовская – Ришельевская" знаменует старт нового культурологического и издательского проекта – начала творческого сотрудничества нашего издания и "ПЛАСКЕ". Нас объединяет общее понимание задач, стоящих пред всеми, кого волнует история, сегодняшний день и будущее нашего города.

Феликс КОХРИХТ

Дитя расчета и отваги

На Земном шаре немало городов, возникших согласно концептуальному замыслу их фундаторов. Известны города-крепости, города-дворцы, города-университеты. Но не так уж много полисов, изначально задуманных как стратегические транспортные узлы, или, как нынче говорят, коммуникационные центры.

Таковы, к примеру, Гамбург, Роттердам, Гонконг, Сан-Франциско, в Российской империи и СССР — Санкт-Петербург, Владивосток, Одесса. Обладая в разной мере всеми перечисленными выше приоритетами, они были и остаются крупнейшими портами, железнодорожными станциями — силовыми точками, в которых скрещиваются и автомобильные трассы, и воздушные дороги.

Еще в 20-е годы 19 века молодой Пушкин, выписывая Южной Пальмире "Грамоту на бессмертие", отмечал, что молодой город на Черном море, пленивший его вольнолюбивым духом и открытым нравом предприимчивых обитателей, и театром, и книжными лавками, и ресторациями, и красотой женщин, славен прежде своей открытостью всему Миру. Он зорко подметил, что основным — перспективным фактором развития города — является порт, где начинаются и заканчиваются маршруты кораблей из многих стран.

В Одесской главе "Евгения Онегина" Поэт среди прочих блистательных зарисовок из жизни молодой Одессы дает и картинку утра в приморском городе:

Глядишь — и площадь запестрела.
Все оживилось; здесь и там
Бегут за делом и без дела,
Однако больше по делам.
Дитя расчета и отваги,
Идет купец взглянуть на флаги,
Проведать, шлют ли небеса
Ему знакомы паруса.

"Дитя расчета и отваги" — это ведь и об Одессе, рожденной от сочетания, казалось бы, не сочетаемых качеств и свойств характеров и личностей ее отцов.

Мы начинаем публикацию материалов, рассказывающих о том, как формировался причерноморский транспортный узел — крупнейший не только в Украине, но и в мире, — какие факторы способствовали развитию и процветанию Одессы, как продолжаются сегодня традиции ее славных основателей.

Олег ГУБАРЬ

О том, как инвестировался "Одесский проект"

Следующий тезис, возможно, представляется несколько экстравагантным, однако наш город — типичный инвестиционный проект. Разумеется, ретроспективный. Но перед глазами есть и вполне современные: к примеру, порты Ильичевск и Южный — тоже возникшие практически на голом месте и стремительно сформировавшие собственные мощные инфраструктуры.

Задачи, конечно, ставились разные по функциональности и масштабности, но суть от этого нисколько не меняется. В конце XVIII столетия обстоятельства сложились таким образом, что в Северо-Западном Причерноморье настоятельно требовалось устроить мощную транспортную развязку, перевалочную базу для сельскохозяйственной продукции, следовавшей из только что отошедшего к России польского Подолья. Прежде она уходила в порты Балтии, и "всемирный перевозчик", Англия, фактически занимался реэкспортом российских товаров. Третья четверть XX века — естественно, совершенно иная эпоха. Тем не менее, устройство "тематических портов" (химического, контейнерного, пассажирского и проч.) — задача аналогичная: только солидные инвестиции могут дать соответствующий "подъем". Тривиально, но действенно во все времена.

Как известно, дальновидная императрица предусмотрела параллельное строительство военного и купеческого портов в нарождающейся Одессе, о чем и говорится в известном указе 1794 года. Для активного привлечения материальных и гуманитарных ресурсов к устройству города и порта были задействованы не только прямые, бюджетные, но и, так сказать, косвенные, опосредованные инвестиции. Так, например, первопоселенцы освобождались от рекрутского набора, постоя войск, ряда податей, места под застройку отводились безвозмездно, с единственным условием возвести дом в оговоренный срок. Для успешного заселения края на льготных условиях приглашались иностранцы, получавшие обширные земельные наделы, ссуды, готовые домостроения и т. д.

Приведем ряд наглядных примеров, рельефно иллюстрирующих, как именно регулировалась и стимулировалась деловая и финансовая активность в Одессе и крае центральной, региональной и местной властью.

Каким образом укоренить людей зажиточных, деловых, профессиональных, цивилизованных в весьма и весьма неблагоприятном, неком-

фортном месте, как сделать их полноценными *гражданами*? А юная Одесса была именно такой: безводной, пыльной, опасной в инженерно-геологическом, эпидемическом и военном отношениях, лишенной строительных материалов, топлива и т. п. О каком местном патриотизме, казалось, могла идти речь? В решение этой проблемы де Ришелье без преувеличения вложил всю свою душу. Помимо императорских льгот он непрестанно изобретал и внедрял свои, эксклюзивные. Самым главным шагом его было инвестирование приватного жилого и промышленного строительства на фоне улучшения порта, карантина и в целом всего того, что относится к морской торговле, улучшение экологии (создание зеленых зон и искусственных поверхностных водоемов).

В 1806 году герцог Ришелье с санкции монарха позаимствовал 50 тысяч рублей из Херсонского приказа общественного призрения из суммы в 100 тысяч, отпущенной тамошним жителям на сооружение мелких коммерческих судов. Кредиты от 400 до 2000 рублей (колоссальные, прямо скажем, деньги на тот период) сроком до двух лет получили 29 исправных застройщиков, среди которых находим авторитетнейших одесских граждан: купцов Якова Протасова и Ивана Амвросио, подполковника Аркудинского, коллежского асессора Капниста, дворянина Федора Флогаити, надворного советника Шемиота, протоиерея Греческой церкви Пулакия, лидера греческой общины Ивана Дестуни и др. Ссуды выдавались по минимальной ставке: под 6% годовых плюс 1% от этих процентов — на улучшение городового пожарного инвентаря.

Подобное инвестирование осуществлялось не только в массовом, но и в индивидуальном порядке, из сумм, находившихся в распоряжении Одесского строительного комитета. Так в 1812 году столярный мастер немецкого происхождения Эпнер получил ссуду в 500 рублей на окончание дома, в уважение того, что он "хороший мастер, трудолюбив и доброго поведения". В том же году кредит в 1500 рублей для строительства кафельного завода получил иностранец Янсон. Можно привести много таких примеров. В результате в молодой Одессе закреплялись солидные коммерсанты, умелые ремесленники, крупные землевладельцы-дворяне, росла ее финансовая мощь.

Явление на одесском театре состоятельных граждан привело к формированию кредитно-денежного рынка в облике меняльных лавок, банков, страховых обществ, морских коммерческих контор. В 1806 году основано *Императорское страховое общество* — преимущественно французскими и отчасти итальянскими предпринимателями. В него вошли и греческие негоцианты, склонные к, скажем так, идеологическому плагиату. Спустя

короткое время, увидев, что дело прибыльное, они предумышленно поссорились с французами и организовали свое, альтернативное, *Греко-российское страховое общество* — в 1808 году. У истоков первого стояли небезызвестные граждане Сикар, Рено, Сен-При и, вероятно, Шансиньон, Лесар, Велари. Вторым руководили тоже популярные в Одессе фигуры: Иоанн Дестуни, Феодор Серафино и Иоанн Петало.

Обе эти компании занимались, в основном, *морским страхованием* и в меньшей степени — универсальными кредитно-банковскими операциями, поскольку первая попытка Дюка устроить местный заемный банк не увенчалась успехом. Следует уточнить, что в течение ряда лет одесситы и их морские коммерческие конторы далеко не всегда являлись судовладельцами, а по большей части фрахтовали транспортные средства, ходившие под австрийским, турецким, сардинским, английским, французским и прочими флагами. Иначе говоря, транспортирование грузов осуществлялось опосредованно, через несколько промежуточных инстанций, что усиливало значимость страхования рисков.

Третье по счету страховое общество в Одессе возникло в 1813-1814 годах и называлось *Компания греков-страхователей*. Возглавляли ее солидные предприниматели Иоанн Амвросио, Илия Манесис и Сергий Ксидиас (на ум тотчас приходят персонажи "Интервенции" Льва Славина — семейка банкиров Ксидиас; реально *Банкирский дом И. Ксидиас* в Одессе был довольно авторитетным в 1910-е годы). Прибыль этого сообщества, как и прежних, составляла 10% — то была плата за услуги страхователей. Однако вся эта прибыль шла исключительно на благотворительность — финансирование греческой школы и больницы в Одессе! Другими словами, страховое общество инвестировало гуманитарную сферу.

До рубежа 1870-1880-х годов основными страхователями в Одессе были преимущественно представительства, отделения, агентства крупных российских и зарубежных страховых обществ и компаний. Они выполняли функции кредитно-банковского, транспортного и страхового учреждения, а сверх того — коммерческой (комиссионной) конторы. То есть помимо банков город инвестировали многочисленные страхователи-монстры со всех континентов, в том числе: "Жизнь" (с 1835 по 1912-й выплатило страхователям 65,5 млн. руб. компенсации!), "Помощь", "Волга", "Русь", "Урбэн", "Нью-Йорк", "Ллойд", "Эквибеталь", "Якорь" и др. Кроме того, функционировали и местные страховые фирмы: Одесское общество взаимного страхования от огня, Черноморское общество взаимного страхования судовладельцев и др.

Самый первый частный коммерческий банк в Одессе создан французским коммерсантом *Фурнье* и ливорнским банкиром *Жомом*. Так сказать, традиционное "франко-итальянское производство". Начало его деятельности относится к 1 ноября 1801 года. Стартовый капитал этого учреждения простирался до 300 тысяч французских ливров. Следом, в середине 1800-х, свой банк формирует близкий к де Ришелье сотрудник барон *Жан Рено*, пушкинский знакомец, владелец дома, где проходили биржевые собрания, казначей Строительного комитета. Рено и его компаньоны беспрестанно и надолго ссужали город солидными суммами, причем на весьма льготных условиях (6% годовых), способствуя тем самым стремительному росту Одессы.

Предтечей конторы государственного банка в Одессе была созданная Ришелье *Променная контора* (23 февраля 1804 года) с капиталом в 100 тысяч рублей медною монетою. А создана была эта структура по той причине, что во всем крае остро ощущалась нехватка в разменной монете. Доходило до трагикомического: нечем было выплачивать жалованье солдатам и офицерам, что приводило к нежелательным последствиям; при закладке "крутых" домостроений едва находилась монета, каковые традиционно подкладывали под углы новостройки, чтобы дом "хорошо стоял". После 1806-го контора помещалась в одном из домов, приобретенных у Феликса де Рибаса, — на Дерибасовской: позднее здесь построен дом, в котором теперь ресторан "Гудини".

Контора государственного коммерческого банка открылась уже при преемнике Ришелье, графе А.Ф. Ланжероне, в 1819-1820 годах. А реально начала действовать, вероятно, только в 1823-м. Изначально под эту контору был выделен другой дом, приобретенный городом у Феликса де Рибаса, младшего брата основателя Одессы. Это тот самый дом по улице Дерибасовской, у Городского сада, где прежде располагался магазин "Медкнига" — одно из старейших зданий в городе, построенное не позднее 1797 года. Затем контору перенесли на улицу, вскоре получившую название Почтовой. Рядом с банком устроен мост Новикова.

Авторитетные частные банки. Прежде всего, банкирский дом *Ф.П. Родоканаки* (основан в 1816 году), который кредитовал хлебный экспорт, питавший город и прилегающие регионы. Далее — банкирские дома *А. Тработти* (1833 г.), *Ф. Рафаловича* (1833 г.), *А. Мааса* (1838 г.) и др. Особо — о банкирском доме братьев *Штиглиц*, сыгравших столь видную роль в кредитном и банковском деле России в целом, инвестировавших целый ряд важных отраслей.

Штиглицы — уроженцы германского княжества Вальдек. Николай основал торговый дом в Петербурге, а Бернгард сделался крупнейшим откупщиком в Приднепровье. С Одессой связаны оба, но в большей степени — третий брат, Людвиг, прибывший в Россию в 1803 году и унаследовавший дело Николая. Этот третий Штиглиц особенно преуспел в конце 1800-х годов, когда Одесса стала важнейшим пунктом транзитной торговли в ходе так называемой "континентальной блокады Англии", и когда имя юного города прозвучало на весь мир. Этот Штиглиц был одним из крупнейших банкиров Европы — именно он организовал государственный заем в 50 млн. серебряных рублей под прокладку "чугунки" из Петербурга в Москву.

Крупные банкирские дома Одессы. *М. и Е. Ашкенази, А.М. Бродского, М.И. Ефрусси, Э. Мааса, Ф. Маврокордато, Ф.И. Петрококино, О.С. Хаиса* и ряд других. Так, Ефрусси, Рафаловичи и Родоканаки входили в число пайщиков известных золотопромышленных товариществ империи — Забайкальского, Иннокентьевского, Ленского. Маврокордато был одним из основателей Санкт-Петербургского международного коммерческого банка. Филиалы многих из упомянутых банковских домов исправно функционировали в европейских столицах.

Другие частные кредитные учреждения. *Земский банк Херсонской губернии*, основан в 1864-1865 гг. Как бы компенсировал издержки, понесенные землевладельцами после реформы 1861 года, предоставив им кредитов на 170 млн. рублей. Банк выдавал ссуды под 4,5% закладными листами на 38,5 лет. С учетом погашения и расходов по управлению, процентная ставка составляла менее 6%.

Первое городское кредитное общество (вспомним старика Фунта!) открыто в 1868 году. По существу оно с самого начала было банком и производило операции по учету векселей и соло-векселей, обеспеченных недвижимостью или товаром, выдаче ссуд под векселя и процентные бумаги, переводу денег внутри империи, приему векселей на инкассо и др.

На рубеже 1871-1872 гг. открыто также *Одесское городское кредитное общество*. С разрешения министерства финансов облигации этого общества подлежали приему под залог по казенным подрядам и поставкам. Одесская контора госбанка обязывалась выдавать ссуды под залог этих облигаций в размере 65% от их номинальной стоимости, а коммерческие банки согласились выдавать ссуды даже под 80%. По выпускаемым облигациям выплачивались дивиденды — 4,5% годовых. Что касается ссуд, то они выдавались: на 30,5 лет — под 6% и на 37,5 лет — под 5,5%.

В числе акционерных банков, пользовавшихся безупречной репутацией, назовем *Бессарабско-Таврический* (основан 30 октября 1872 г.), выдававший долгосрочные ссуды под залог земель (на 61 год 8 месяцев, 51 год 9 месяцев, 48 лет 8 месяцев) и городское недвижимое имущество (29 лет 9 месяцев и 19 лет 11 месяцев). Хорошо зарекомендовали себя и *Одесский учетный банк* (основан в 1879 г.), *Торгово-промышленный банк* (основан в 1889 г.), преобразованный в 1893 году в *отделение Русского внешнеторгового*, *Южнорусский промышленный банк* (основан в 1897 г.), *отделение Лодзинского купеческого банка* (основан в 1899 г.), *Крестьянский поземельный* и другие.

Отдельная тема — *Одесское отделение Лионского кредита* (основано в 1891 г.), капитал которого составлял 2,5 млрд. франков. Это еще одно общее поле одесского и международного денежных рынков. Располагался Лионский кредит в доме известной фирмы Беллино-Коммерель, на углу Ланжероновской и Ришельевской.

Анализируя хронику кредитно-банковского и страхового дела, мы видим, что Одесса в значительной степени инвестировалась приватным капиталом, на отдельных этапах преимущественно иностранным. Причем власти всячески способствовали привлечению этого капитала, создавая условия наибольшего благоприятствования. Так, неоспоримым достижением Одессы стало устройство в городе уникальной институции — первого в империи коммерческого суда (1808 г.), в частности занимавшегося урегулированием любых вопросов, связанных с кредитованием, сделками, уставными нарушениями финансовых структур и проч.

Отдельная тема — Одесская товарная биржа, основанная даже раньше Нью-Йоркской, в октябре 1796 года, то есть буквально в дни младенчества города!

Неоценима заслуга краевой администрации по инвестированию (государственному и частному) парового судоходства, включая судостроение. Срочное (регулярное) пароходное сообщение открыл в июле 1828 года построенный в Николаеве пароход "Одесса" рейсами Одесса — Крым, которые становятся регулярными собственно с 1835 года. 1831 год: установлено регулярное пароходное сообщение Одессы со Стамбулом. 1833 год: учреждается *Черноморское акционерное общество пароходства*. 1843 год: основана *Экспедиция постоянных пароходных сообщений*, предтеча *РОПиТ*. С лета 1846 года установлено постоянное сообщение между Одессой и русскими дунайскими портами. В 1856-1857 годах сформировано *Русское общество пароходства и торговли* (РОПиТ). 1878 год: создан *Доб-*

ровольный флот, сыгравший огромную роль в морской торговле с Китаем через Суэц. 1883 год: основана *Пароходная компания князя Юрия Гагарина* (с 1885 года — *Черноморско-Дунайское общество*).

Следует отметить, что перечисленные и другие (*Трапани*, "*Русский Ллойд*" и проч.) пароходные общества и компании также нередко выполняли функции страховых и кредитно-банковских учреждений, поддерживали многочисленные инвестиционные проекты. Так, РОПиТ выдавал, например, ссуды под залог вывозимого через одесский порт зерна. К слову, о вывозе зерна. Крупнейшими инвесторами города и региона были такие мощнейшие фирмы-экспортеры, как, например, "*Дрейфус и К°*".

Частный капитал издавна привлекался в разных областях благоустройства. Так, еще в 1829 году сформировано *Одесское общество искусственных минеральных вод* — по существу, первое крупное акционерное общество в городе. Несколько лет спустя возникло АО, инвестировавшее чрезвычайно важные для Одессы и края гидрогеологические изыскания — бурение артезианских скважин. Предприниматель-канатчик Новиков со товарищи частично финансировал строительство моста по Почтовой улице. Горожане вскладчину строили общественные колодцы, цистерны, водопои, высаживали зеленые насаждения и др. Любой подрядчик, исполнявший муниципальный заказ, сперва вкладывал в дело свой собственный капитал, то есть по существу тоже был инвестором. Инвесторами фактически были и издатель первой в Одессе газеты (приватный франкоязычный "*Мессаже*", 1820-1823 гг.) Жан Даваллон, и даже антрепренеры театральных трупп. Частный капитал постоянно подпитывал городской бюджет в сфере сооружения богоугодных, культурных и культовых заведений (Воронцовы, Стурдза, Теутул, Коцебу, Ефрусси, Ашкенази, Коган, Валих, Бродский, Маврокордато, Ямчитский, Маразли, Толстые и многие другие).

Несколько крупных АО создавалось в связи с масштабным городским благоустройством со второй половины 1860-х и по 1910-е годы: по поводу мощения улиц, строительства водопровода и канализации, устройства конки, парового трамвая, электричества, электрического трамвая, парового отопления, лифтов, кооперативного строительства, совместных предприятий и др. В некоторых случаях, несмотря на очевидный приток инвестиций, мы имеем отчетливо негативный опыт: в том смысле, что заключение контрактов частных предпринимателей и городского самоуправления сопровождалось "откатами". Особенно рельефно (дело доходило чуть ли не до судебных разбирательств) коррупция думцев проявилась во время обсуждения и оформления проекта устройства водопровода.

Суть дела сводится к следующему. Осуществление масштабных проектов подобного рода могло идти тремя основными путями: 1) подряд на средства города; 2) концессия, предполагавшая поступление от города капиталов или облигаций; 3) концессия, не требовавшая от города капиталов. Так вот большая группа коррумпированных думцев признала более выгодным устройство водопровода подрядным способом на городские средства. В этом случае необходимо было прибегнуть к займу, который должен был простираться до 1/5 — 1/6 части общей стоимости всех недвижимых имуществ в городе. Однако гражданское общество Одессы не дремало: авторитетные горожане и в целом общественное мнение отвергли такой сомнительный подход, с очевидностью означавший "зарывание общественных средств в землю". И в итоге все же остановились на здравом концессионном методе: концессионеры Швабен и Мор самостоятельно нашли потребные инвестиции, обеспечивая финансовую сторону предприятия из Лондона.

Как видим, инвестиционные проекты осуществлялись в молодой Южной Пальмире и в последующие годы — применительно к самым разным отраслям деловой и общественной жизни, но активнее и эффективнее всего они реализовывались в сфере транспорта — морского и наземного. Эта тенденция отмечалась и в последующие годы, когда Одесса выходила на лидирующие позиции не только в России, но и в Европе, и в мире.

Леонид АВЕРБУХ, Вадим НЕДОСТУП, Всеволод РОЗАНОВ, Михаил ФРЕЙДЛИН

Стратегический план устойчивого развития Одессы: возрождение и преемственность научного наследия

Постоянно вспоминаются слова И. Ньютона о том, что в своих исследованиях он опирался на "плечи гигантов" – своих научных предшественников, обозначая, таким образом, эстафету сменяющихся поколений ученых. И хотя сегодня это его высказывание может истолковываться несколько иначе, учитывая тот факт, что число ученых за всю предшествующую историю человечества не составляет и десятой доли от числа работающих в науке в наши дни, роль эстафеты поколений в науке, сохранения интеллектуального богатства, культурных и профессиональных традиций научного сообщества отнюдь не утратила своего значения.

Это в полной мере относится к региональной истории науки и, в частности, к богатой уникальными достижениями и яркими творческими личностями истории одесских научных школ.

Изучая закономерности функционирования и развития науки, структуру и динамику научной деятельности, взаимодействие науки с другими социальными институтами и сферами материальной и духовной жизни общества, известнейшие исследователи Г.-Л. Гельмгольц, К. Бернар, Т. Гексли, К.А. Тимирязев, В.И. Вернадский, а также менее известные (или, скорее, забытые) А. Декандоль (1873) и В. Оствальд (1909) отмечали особое влияние социально-исторических и психологических факторов на процесс формирования ученого и на развитие науки, что имеет прямое отношение к становлению научной мысли и формированию авторитета ученого в конкретном регионе или городе.

Читатель наверняка уже понял, что в предлагаемой статье мы хотим привлечь внимание к проблеме бережного сохранения и преумножения научных традиций, существующих в нашем городе, обеспечения преемственности поколений в науке, создания максимально благоприятных условий для становления молодых ученых, для их эффективной исследовательской работы. В этой связи полезно хотя бы в общих чертах воспроизвести ретроспективу научных традиций в нашем городе на протяжении его более чем двухсотлетней истории.

Единой системы сравнения показателей научной деятельности не существует, но все же представляется уместным привести немного статистики, которая основывается на конкретной персональной информации. Можно, в частности, отметить, что среди более чем шести тысяч наиболее

значительных ученых (всех времен и народов!), внесенных в биографические справочники по таким направлениям науки, как биология, физика, химия, математика и механика, астрономия, геология и география — 159 исследователей (а это 2,6%!) так или иначе — по рождению, учебе, проживанию, научной деятельности — связаны с Одессой (для справки: в Одессе проживает менее 0,01% жителей "планеты всей"). Причем если среди геологов и географов, математиков и механиков доля мировых корифеев науки составляет 1,5%, то среди биологов (в т. ч. медиков) и астрономов она достигает соответственно 3,8 и 3,4%.

Эти данные относятся к концу прошлого века, и мы не располагаем аналогичной информацией по ведущим мировым научным центрам. Можно предположить, что калифорнийская Силиконовая долина (где, кстати, множество выходцев из бывшего Союза, в том числе и из Одессы) способна сегодня похвастать более значительными цифрами, но, согласитесь, что вряд ли какой-либо город мира (не столица, не целенаправленно создаваемый научный центр) в состоянии сравниться с приведенными одесскими рекордами.

Хорошо известна специфика нашего города, которая, по распространенному мнению, является и причиной, и следствием его "особости". Конечно, было бы некорректно утверждать, что именно эта специфика явилась определяющей в формировании приведенных количественных показателей. Но следует сказать, что упомянутые выше авторитетные науковеды относили к числу факторов, выраженно влияющих на научную ситуацию, и климат, и дух независимости, и психологическую атмосферу, и характер взаимоотношений между людьми и т. п. Несомненно, есть места на земном шаре, привлекающие людей творческих, увлеченных научным поиском, искателей научной истины и ценителей знаний. Одесса с ее многонациональным народонаселением относится к одним из таких мест.

Наиболее престижных международных наград для ученых — Нобелевских премий — были удостоены И.И. Мечников (1908), З.А. Ваксман (1952) и И.Е. Тамм (1958). Мечников работал в Одессе в общей сложности более 20 лет и именно здесь завершил свое историческое исследование по проблеме иммунитета и сделал первый доклад о роли фагоцитоза. Физик Тамм, удостоенный премии за открытое (в соавторстве) явление свечения электронов и других элементарных частиц, работал в Одессе в 20-х годах — в политехническом институте и Губпрофобре. Микробиолог Ваксман, завершивший в Одессе среднее образование, получил и передал в руки врачей антибиотик стрептомицин, с помощью которого

спасены сотни тысяч больных туберкулезом. По мнению авторитетнейших специалистов, по крайней мере, еще 5 одесситов могли с полным основанием претендовать на Нобелевскую премию. Это, прежде всего, академик Л.И. Мандельштам, открывший и описавший эффект комбинационного рассеяния света. Премию за такое открытие, сделанное значительно позже, получил индийский физик Ч. Раман.

С Одессой тесно связана биография академика, увенчанного Золотой Звездой Героя, А.Н. Фрумкина, открывшего электрохимические процессы, регистрация которых позволяет судить о концентрации различных химических элементов в растворах и расплавах. Эти процессы позднее описал чех Я. Гейровский и получил за это своего "Нобеля".

Профессор физик М.М. Альперин открыл и описал одно из так называемых "сверхъявлений" — вынужденные колебания квантового осциллятора. За это открытие также была присуждена Нобелевская премия, но... американскому физику Фейнману.

Имена Флеминга и Ваксмана, нобелевских лауреатов, получивших премии за открытие антибиотиков, хорошо известны в мире, но мало кто знает имя скромного одесского микробиолога И.Г. Шиллера, еще в 1911 году открывшего явление насильственного антагонизма микробов, лежащего в основе действия антибиотиков. Сам Ваксман признавал его первооткрывателем явления антибиоза. Надо ли говорить, что премии Шиллер не получил.

Наконец, нельзя не упомянуть имя уникального исследователя одессита Георгия Антоновича (а впоследствии — Джорджа) Гамова, рассчитавшего энергию альфа-частиц в ядрах атома урана, создавшего доминирующую сейчас космогоническую теорию происхождения вселенной — теорию "Большого взрыва", гениально предсказавшего существование реликтового излучения и внесшего решающий вклад в решение проблемы генетического кода. Можно только удивляться, что Нобелевская медаль не увенчала эти работы, каждая из которых тянет на премию Стокгольмского комитета. Кстати, свои космогонические теории создали и бывший ученик 2-й одесской гимназии, академик и герой, мужественный арктический исследователь, математик, геофизик О.Ю. Шмидт и недолго живший в Одессе великий математик А.М. Ляпунов, упокоившийся на 2-м христианском кладбище.

Космос, вне всякого сомнения, привлекал пристальное внимание одесситов. Именно здесь, в Одессе, произошло становление дважды удостоенных геройского звания за свои научные разработки теоретиков и создате-

лей прикладного космоплавания академиков С.П. Королева и В.П. Глушко. Среди других создателей новой техники и ее теоретических основ следует упомянуть творца уникального авиационного вооружения А.Е. Нудельмана, гениального математика П.С. Урысона, родившегося в Одессе акад. С.Н. Бернштейна, работавшего здесь большую часть жизни членкора АН Украины М.Г. Крейна — лауреата премии Вольфа (аналог Нобелевской премии для математиков), членкора АН СССР А.О. Гельфонда и профессоров И.М. Занчевского (ректора нашего университета в начале прошлого века), Г.К. Суслова (ректора одесского политеха в 1919-1929 гг.), С.О. Шатуновского, В.Н. Лигина, Ф.А. Гантмахера и др.

Неполным, конечно, окажется и перечень наших выдающихся физиков, некоторые из которых уже названы выше. Так, уроженцами Одесской области были итальянский (!) физик-теоретик, член "Академии деи Линчеи" Глеб Ватагин (г. Бирзула, теперь Котовск) и работавший в Одессе профессор Ф.Н. Шведов (Килия), автор ряда пионерских открытий в области астрофизики и коллоидной физики, который на грани XIX-XX веков был ректором Новороссийского университета. Одним из фундаторов Одесского политехнического института был академик Н.Д. Папалекси.

Физикой атомного ядра и ядерной спектроскопией успешно занимались уроженцы Одессы членкоры АН СССР Б.С. Джелепов и С.Л. Мандельштам (сын акад. Л.И. Мандельштама, одессит в третьем поколении). Работами по оптике, удостоенными Государственной премии СССР, известен профессор Одесского университета Е.А. Кириллов. Создателем радиотелемеханики и первым отечественным рентгенологом по праву считается профессор Н.Д. Пильчиков, работавший в Одессе в 1894-1902 годах. Второе высшее образование получил в Одесском гидрометинституте физик-металлург академик АН Украины В.Е. Иванов. Физикохимией плазменных процессов и теоретическими проблемами металлосварки занимался действительный член АН СССР и Сербской академии наук Н.Н. Рыкалин, который родился в Одессе в 1909 году. Директором института гидромеханики АН УССР был одессит, выдающийся корабел академик Г.Е. Павленко. Многие из этих ученых были подлинными энциклопедистами, успешно работавшими одновременно во многих, даже не всегда пограничных областях науки.

Магнитометеорологическую лабораторию, преобразованную затем в гидрометеорологическую обсерваторию и доныне работающую в Одессе, в 90-х годах позапрошлого века создал работавший здесь в течение 27 лет член-корреспондент петербургской Академии наук А.В. Клоссовский.

Профессором нашего университета в течение многих лет был крупный географ, ботаник и почвовед Г.И. Танфильев, именем которого назван один из островов Курильской гряды.

В Одессе учились: выдающийся минералог и геохимик академик А.Е. Ферсман и прославленный исследователь Арктики, океанограф и гидробиолог, академик, Герой Советского Союза П.П. Ширшов (нарком, а впоследствии министр морского флота СССР), а также геолог и палеоботаник академик А.Н. Криштофович, который в течение 6 лет преподавал в своей *alma mater*. Его имя также носит ряд географических объектов. Родился, учился и работал в Одессе геофизик, членкор АН Украины М.А. Аганин — создатель первого магнитного атласа Украины.

В разные годы в Одессе учились и плодотворно работали крупные ученые-медики, оставившие ярчайший след в истории отечественной медицинской науки, образования и практического здравоохранения, среди которых, прежде всего, следует назвать величайшего хирурга Н.И. Пирогова, который, будучи попечителем Одесского учебного округа, практически подготовил условия для создания Новороссийского университета.

В течение 5 лет (1871-1876) профессором Новороссийского (Одесского) университета работал великий физиолог И.М. Сеченов. Здесь получили образование и работали будущие президенты Академии наук Украины эпидемиолог Д.К. Заболотный и патофизиолог А.А. Богомолец. Достойно служили медицинской науке тесно связанные с Одессой академики В.П. Воробьев, В.П. Филатов, Н.Ф. Гамалея, Н.Д. Стражеско, Н.В. Склифосовский, Ф.Г. Яновский, Л.В. Громашевский, Д.С. Воронцов, Л.А. Тарасевич, И.С. Бериташвили, Г.И. Маркелов, М. А. Ясиновский, а также организатор и первый декан медицинского факультета нашего университета проф. В.В. Подвысоцкий, профессора Я.Ю. Бардах, Б.Ф. Вериго, С.М. Щастный и О.О. Мочутковский, также А.М. Безредка, В.А. Хавкин, именем которого назван институт в Индии, Г.М. Минх и бесчисленное количество других блестящих исследователей и практиков, борцов с эпидемиями, анатомов, физиологов, патологов, клиницистов, бактериологов и гигиенистов.

К числу работавших в Одессе биологов, палеонтологов, ботаников относятся академики А.О. Ковалевский, М.С. Воронин, В.В. Заленский, В.И. Липский, Д.А. Долгушин, членкоры Л.И. Рубенчик, В.П. Тульчинская, замечательные экспериментаторы Л.П. Симиренко и В.Е. Таиров. Директором Одесского ботанического сада был президент АН УССР В.И. Липский.

Достоверность исторического очерка была бы весьма сомнительной без объективной оценки также связанного с Одессой негативного явления, к сожалению, встретившегося в ходе этого яркого творческого процесса. Хотелось бы думать, что известные факты были следствием добросовестного заблуждения, однако слишком тяжелыми оказались результаты и масштабы происшедших событий. Речь, конечно же, идет о личности и многолетней деятельности Т.Д. Лысенко, работавшего во Всесоюзном селекционно-генетическом институте в Одессе (в т. ч. и его директором) с 1929 по 1940 год. Его работы по проблемам наследственности и изменчивости, отрицавшие основные положения классической хромосомной генетики и полностью опровергнутые впоследствии, импонировали сталинским партийным принципам в науке, вписались в политическую конъюнктуру и принесли их автору все высшие академические посты и регалии — 8 орденов Ленина, 3 Сталинские премии и звание Героя Соцтруда. Однако именно они на много лет задержали развитие в стране всех направлений биологической науки и привели к полосе репрессий и трагической гибели крупнейших ученых — оппонентов "преобразователя природы".

Среди ученых-химиков, жизнь и деятельность которых так или иначе связаны с Одессой, первым должен быть назван великий Д.И. Менделеев, пусть недолго, но работавший в Ришельевской гимназии в середине позапрошлого века. А в последующие годы целая плеяда замечательных представителей этой науки получила образование, плодотворно трудилась в нашем городе. Достаточно назвать сформировавшихся в Одессе академиков, Героев Соцтруда Н.Д. Зелинского, Г.К. Борескова, А.Н. Фрумкина, членкоров союзной или украинской академии наук П.И. Петренко-Критченко, Е.С. Бурксера, А.И. Рабиновича, Д.Л. Талмуда, П.Г. Мелекишвили, В.А. Назаренко, профессоров В.В. Марковникова, В.М. Петриашвили (ректор Новороссийского университета с 1907 г.), автора ряда уникальных открытий И.Р. Кричевского и многих других. Только фактом рождения связаны с Одессой академики-химики И.Я. Постовский и Б.А. Казанский, но и это повод для гордости.

В стенах Одесской астрономической обсерватории, создателем и первым руководителем которой был проф. Л.Ф. Беркович, работали в разное время такие выдающиеся астрономы, как академик А.Я. Орлов, А.Д. Билимович — будущий директор Варшавской обсерватории, Н.М. Стойко — будущий директор службы времени Парижской обсерватории, а затем и Международного бюро времени, создатель знаменитых "максутовских"

телескопов членкор АН СССР Д.Д. Максутов. Многие из них вели преподавательскую работу в университете.

Многолетнего руководителя обсерватории членкора АН Украины В.П. Цесевича хорошо помнят одесситы старшего поколения. Тесно связан с Одессой был родившийся здесь и много лет работавший директором Крымской обсерватории академик Г.А. Шайн. Одессит по рождению и выпускник Одесского университета, известный советский астроном В.К. Абалакин с 1983 г. работал директором Пулковской обсерватории.

Из приведенной информации явствует, что значительное число ученых разных специальностей, творчески выросших в Одессе, составили впоследствии цвет столичных научных сообществ в отечестве и в "дальнем" зарубежье. Думается, что это лишь подчеркивает высочайший уровень одесских научных кадров и укрепляет авторитет наших научных школ. Многие из названных ученых были избраны почетными членами ряда зарубежных академий и научных обществ, удостаивались различных советских и зарубежных премий и наград.

В этой статье мы упоминаем славные имена представителей старой гвардии, составлявших цвет научного сообщества на протяжении минувших веков. Современные исследователи, очевидно, смогут пополнить этот перечень новыми замечательными именами. Предметом особого внимания и благодарной памяти могут и должны служить судьбы одесситов — ярких представителей гуманитарных наук — историков и философов, филологов и искусствоведов.

Мы не можем в этой короткой публикации охватить все отрасли науки, потому приглашаем всех, кому есть что сказать, внести свой вклад и принять участие в обсуждении проблемы интеллектуальной преемственности в Одессе, назвав те имена, которые мы здесь не смогли назвать. Это как раз то, что нужно сегодня и старшему поколению, и особенно — молодежи.

Становлению отдельных ученых и целых научных школ способствуют бережное сохранение и обеспечение преемственности интеллектуального потенциала, верность научным и культурным традициям, забота властных структур о создании условий для эффективного функционирования учреждений науки, о социальной защите ученых. Губят науку невзыскательность, клановость, провинциализм.

Многое меняется в нашей жизни, в жизни науки, но есть вечные ценности. Допустимо ли оборвать эту цепь, утратить эти традиции?

Никто не станет отрицать, что одесская земля действительно богата на таланты. Впрочем, судьба этих талантов, пик их развития часто оказывались связанными с иными мировыми центрами научной мысли. Одесса десятилетиями "экспортировала" выдающиеся умы в Москву, Нью-Йорк, Париж, Берлин и другие столицы или известные своими научными традициями города. "Утечка мозгов" из Одессы — не новое и, в общем, понятное явление. Лучшие и наиболее уверенные в себе ищут счастья там, где масштаб иной и где больше возможностей. Это касается и ученых, и педагогов, и артистов. Но они все равно остаются одесситами. И именно так они воспринимаются в своих новых странах, городах и коллективах. Но что это означает для Одессы сегодня?

Сегодня, когда мы задумываемся над перспективами развития города на десятилетия вперед, встает вопрос о состоянии одесской науки, о том творческом потенциале, который всегда был характерен для одесского научного сообщества. Мы знаем, что наука в первые годы независимости, распада пусть тяжеловесной и неповоротливой, но все же конкурентоспособной в мировом масштабе советской системы образования и подготовки научных кадров высшей квалификации, что называется "понесла тяжелые утраты". Резко снизилось ее финансирование, устарела и обветшала материальная база, но самое главное — огромные потери имели место среди квалифицированных специалистов. По сути, никем не подсчитано, сколько молодых и перспективных одесситов уехало за рубеж, и сколько еще вполне способных и подготовленных к решению научных задач переместилось на "7-й километр", пополнив ряды частных предпринимателей и наемных торговцев. К сожалению, на фоне всеобщей невзыскательности, "психологии выживания" снизилась планка требований при получении ученых степеней.

Сегодня Одесса стоит перед новыми вызовами. Основные положения стратегического плана устойчивого развития города предусматривают решение широкого круга вопросов, причем основой являются инновации, следование мировым и европейским принципам защиты окружающей среды, экономического роста и социального развития, общественного согласия. Эти принципы, их реализация, требуют творческого подхода, появления поколения высокообразованных, энергичных, молодых и талантливых, способных на нестандартные решения.

Суть стратегического плана собственно и состоит в том, что в нем молодым людям предлагается новое видение перспективы, открываются новые возможности, создаются предпосылки для новых проектов, подсказы-

вается возможное приложение сил, талантов и знаний. В условиях такого инновационного подхода к развитию особенно остро встает вопрос о восстановлении интеллектуального потенциала, о научных школах, о кадрах, способных решать самые разнообразные и нестандартные задачи в условиях современного быстрого развития технологий, высокой информационной нагрузки, интенсивной конкуренции.

При этом речь идет не только о кадрах т. н. менеджерского типа, а о профессионалах в системообразующих технических отраслях, в информационных технологиях и технологиях здравоохранения — то, что составляет приоритеты науки в развитых странах. Особенно важными являются высокие стандарты в науке, соответствие мировому уровню и вовлеченность в мировой контекст. Можем ли мы сегодня сказать, что этот уровень достигнут? Всем понятно, что на этом направлении очень многое предстоит сделать, и что это непростой и небыстрый процесс. В то же время, у нас есть традиции, и это вселяет надежду — восстанавливать приходится не на пустом месте.

Современная наука — это коллективный труд, в котором возрастает роль организационного начала. Именно за счет прогрессивных технологий и новых подходов в области управления наукой, аккумуляции финансовых возможностей, создания международных консорциумов, технопарков и "силиконовых долин" в последние годы достигались самые крупные успехи на инновационных направлениях науки (ядерная физика, геномика, клиническая фармакология). Поэтому так остро стоит вопрос о том, кому и как будут переданы традиции, с одной стороны, и насколько умело будут использованы новые возможности. Появились совершенно новые направления науки, например, нанотехнологии. Развитие таких инновационных областей — это пример той важной роли инвестиций в науку, которые позволяют сконцентрировать ресурсы и в короткие сроки добиться решающих технологических достижений.

Можно уверенно утверждать: интеллектуальное возрождение и преемственность — важнейший фактор устойчивого развития Одессы. Одесса известна научными школами, многие из них сохранили свой потенциал. На их основе возможно создание инновационных структур по ряду актуальных для науки и техники направлений, имеющих как фундаментальное, так и прикладное значение. Одесса всегда была городом с высокой концентрацией высших учебных заведений. Многие из них хранят традиции ответственного и требовательного отношения к научной смене, они могли бы стать механизмом, обеспечивающим связь поколений.

Здесь мы вплотную подходим к проблеме современного образования. Ясно, что качественное современное, соответствующее стандартам образование является фундаментом интеллектуального возрождения. Потенциал в миллионном городе имеется. В то же время ни для кого не является секретом системный кризис образования в стране, который не обошел и одесские вузы. В первую очередь, это связано с ломкой традиций, таких важных для преемственности, и внесения новаций, чуждых по своей природе высшей школе страны. А кроме того — резкое увеличение числа вузов, коммерциализация и коррупция в образовательной сфере, снижение требований при отборе абитуриентов, девальвация диплома о высшем образовании.

Одной из важнейших составляющих интеллектуальной преемственности является восстановление престижа высшего образования, создание условий для конкурентоспособности выпускников. Отбор наиболее достойных из них — основа создания интеллектуальной элиты.

Один из механизмов, который мог бы предотвратить "утечку мозгов", — расширение возможностей по трудоустройству в престижных структурах после окончания университетов и иных учебных заведений. Современную молодежь могли бы привлечь фундаментальные и прикладные науки, технопарки, бизнес-инкубаторы, другие инновационные виды деятельности с перспективой выхода на международный уровень. Здесь молодые специалисты могут увидеть перспективу роста, но для этого такие структуры должны существовать и активно заявлять о себе.

Преодолеть тенденции, когда способная и талантливая молодежь устремляется в столицу или за рубеж, привлечь молодые семьи могли бы и специальные жилищные программы для молодежи, связанные с недорогими ипотечными кредитами на жилье, социальной инфраструктурой, а также и достойными их знаний и талантов — наукоемкие и высокотехнологичные рабочие места. Кстати, тогда можно будет рассчитывать и на "вклад" в улучшение демографической структуры города, особенно ее интеллектуальной составляющей.

Необходимо создание социотехнополисов — комплексов с комфортным жильем, детскими дошкольными учреждениями, специализированными школами, медицинскими, спортивными, торгово-развлекательными и иными инфраструктурными объектами, и разумеется, научными и научно-прикладными лабораториями, технологическими парками, информационными центрами. Эта задача требует системного решения: не только со стороны городских структур управления и местного делово-

го сообщества, но и центральных властей. Следует рассматривать эту задачу и с точки зрения ее привлекательности для крупных отечественных и зарубежных венчурных инвесторов, международных финансовых кредитных институтов. На сегодняшний день в Одессе и ближайших ее пригородах имеются территории для создания такого рода полисов и, что особенно важно, — есть готовность научного и бизнес-сообществ рассматривать такие проекты и сделать свой вклад в их осуществление.

Необходимо участие города и в других важных целевых программах для талантливой молодежи. Нужны престижные стипендии, учрежденные местным деловым сообществом или муниципалитетом, причем учитывающие не только факт способностей или старания, но и направленности интересов — в сферу высоких технологий, в сферу охраны окружающей среды, нанотехнологий, современных тенденций в мировой экономике, ультрасовременных методов диагностики и лечения и т. д.

Сейчас вновь возрастает роль классической математики, физики, химии, астрономии, молекулярной генетики, инженерных наук. Необходимо вернуться (на новом уровне) к классическому образованию. Хорошее владение основами дает возможность и преподавателям, и молодежи быть в курсе мировых новинок, участвовать в разработке и внедрении современных технологий.

Подводя итог обсуждению вопроса об интеллектуальном возрождении и преемственности научного наследия, хотелось бы вновь вернуться к феномену Одессы. Сегодня, когда формируется стратегический план устойчивого развития города на десятилетия, человеческий потенциал является главным фактором. Самый главный вопрос — кто будет реализовывать план устойчивого развития и для кого. Сомнений нет — у миллионного города огромные возможности, и для их реализации нужны таланты, которые не заставят себя ждать. Конечно, если им помогут стать на ноги. Тогда мы снова сможем вспомнить о феномене Одессы, и новые имена в науке примут эстафету.

Важно не забывать, какие традиции хранит одесская наука, и использовать мощную инерцию этой традиции во благо нашему городу, одесситам и всем грядущим поколениям.

Олег ГУБАРЬ

Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы*

Отвод мест под частные постройки и заведения Обстоятельства застройки

Поскольку херсонский военный губернатор и одесский градоначальник герцог де Ришелье — фактический руководитель и, я бы сказал, идеолог ОСК — стал быстро наводить порядок в организации и правовом обеспечении городской застройки, постольку началось весьма активное жилищное строительство. К примеру, в одном из "отводных дел" фонда ОСК имеется "Ведомость, учиненная в Одесской градской полиции, о начатых строением в нынешнем 1805-м году, с показанием, чьи они именно, домов, магазейнов, лавок, погребов".[1] Из этого документа мы узнаем, что строится 62 плановых дома, 23 магазина, 9 лавок и 4 погреба, из которых в октябре уже окончено 9 домов, 1 магазин и 4 лавки. В числе застройщиков такие заметные фигуранты региональной истории, как купец Новиков, генерал-майор Хитрово, негоциант Ризнич (родственник небезызвестного пушкинского знакомца), подполковник Аркудинский, бригадир Грохольский, князь Долгоруков, коммерции советник Форгегер. Упоминается шесть греческих купцов и военных, четыре еврейских купца, шляхтич Галецкий, итальянец Антонуцци и др.

Наиболее значимые плановые постройки производились главным образом негоциантами, военными, чиновниками (военные и чиновники часто выступали в качестве подрядчиков по казенным работам и поставкам), подольскими шляхтичами (производителями сельскохозяйственной продукции). Все эти категории застройщиков в той или иной степени занимались предпринимательством и ощущали нехватку наличных денег, постоянно находящихся в обороте. По этой причине порой даже состоятельные, солидные застройщики нередко вынужденно затягивали строительство. Многие из них обращались в Комитет с прошениями ссудить их заимообразно определенными суммами на окончание той или иной постройки. Из дел ОСК видно, что он неоднократно шел навстречу таким просителям, разумеется, исходя из своих возможностей. Так, одесский житель

* Продолжение. Начало в кн. 35.

Франц Бло 15 июня 1805 г. получил 500 рублей на построение дома сроком на один год под 6% годовых плюс 1% от этих процентов — на обновление городского пожарного инвентаря (стандартная формула комитетского кредитования). Годом ранее на тех же условиях 1000 рублей взял у Комитета другой местный предприниматель, причем "по уважению причин объясненных" ему отсрочили выплату долга еще на один год.[2]

Однако из-за недостатка комитетских средств подобные подпитывающие инъекции делались крайне ограниченно. Поэтому герцог де Ришелье лично занялся поиском, так сказать, целевых финансовых средств. Значительная сумма была им изыскана и позаимствована в Херсонском приказе общественного призрения. В 59-м фонде сохранилось "Дело о ссуде одесских жителей для строения домов и лавок из суммы 50 тысяч рублей, поступивших заимообразно из Херсонского Комитета"[3], фрагменты которого цитируются ниже.

"Получено 15 октября 1806. Учрежденному в Одессе Комитету. Предписание. Вникая в действительное положение желающих водвориться в здешнем городе и соображая протекших лет опыты, усмотрено мною сделанное правительством вспомоществование частным людям в распространении строением города делает успех. Сим побуждаясь, посредством министерства финансов испросил я высочайшее монаршее дозволение отделить из отпущенных Херсонскому приказу общественного призрения на ссуду тамошним жителям, желающим строить мореходные суда, ста тысяч рублей, отпустить в сей Комитет пятьдесят тысяч рублей с тем, чтоб из оных раздавать под залоги желающим строиться, за обыкновенные проценты на два только года. На каковой конец предписано мною херсонскому гражданскому губернатору господину действительному статскому советнику и кавалеру Гладкому в самоскорейшем времени из Херсонского приказа означенную сумму доставить в сей Комитет, по получении коей будет обязанностью Комитета под несомнительные и верные залоги, сходственно узаконения и на законные проценты на срок выше назначенный, выдавать объявившим желание заимообразно получить из таковой суммы, соображаясь во всем с правилами на таковой случай изданными. Комитет не преминет давать в заем частями, небольшим количеством, так, чтоб многие могли участвовать в сем благонамеренном пособии. Генерал-лейтенант Дюк де Ришелье".[4]

Из содержащегося в деле реестра[5] видно, что 29 горожан получили ссуду на общую сумму в 40 тысяч рублей и сроком от одного до двух лет. Остальные 10 тысяч пошли на покупку быков по заказу австрийского дво-

ра. В числе заемщиков 12 купцов, 2 мещанина, 5 военных, 5 дворян, 4 чиновника и 1 церковнослужитель. Впрочем, как было сказано, в числе военных, дворян, чиновников нередко видим тех же предпринимателей. Не обижен один из деятельнейших сотрудников ОСК подпоручик Кривичков, получивший на два года 1500 рублей. Деньги заняли такие солидные негоцианты, как Амвросио, Андрич, Бабарыкин, Дестуни, Кленов, Лигда, Петараки, Протасов, Флогаити, барон Миллер, подполковник Аркудинский, надворный советник Шемиот, дворяне Еремей и Яков Савоини, протоиерей Греческой церкви Пулакий, еврейский купец Ицкович и др. Подробная информация о порядке выдачи этих ссуд и представленных залогах может быть почерпнута в журналах ОСК.[6] Между прочим, компенсацию заимствованных средств некоторые заемщики затянули на долгие годы.

Все эти частные постройки возводили "вольные люди", что явилось следствием здравого расчета герцога де Ришелье. В 1806 г. начались военные действия, затормозившие отпуск зерна и муки из одесского порта, и таким образом пришлые чернорабочие, занимавшиеся погрузкой судов, остались незадействованными. Выдавая ссуды местным жителям на домостроительство, герцог дальновидно имел в виду и тот позитивный результат, что эти свободные руки получат работу.[7]

За два года до описываемых событий, в 1804 г., герцог де Ришелье заимообразно выделил 80.000 рублей из "портовой суммы" в ссуду одесским жителям на два года для строительства новых домов. Этими средствами воспользовалось около 60 человек.[8]

Упомянем еще о персональной экстренной помощи Комитета. 8 августа 1812 г. столярный мастер Эпнер пишет в ОСК о том, что заготовил материал и приступил к строительству дома. Просит заимообразно 500 рублей. В ответ последовало небезынтересное определение: "Уважая, что проситель, как известно Комитету, хороший столярный мастер, трудолюбив и доброго поведения, с тем вместе известно, что начал производить постройку дома на отведенном от Комитета месте, то, желая водворить его здесь, выдать в помощь на производство постройки заимообразно пятьсот рублей из суммы портовой под залог начатой постройки и всего заготовленного материала, а по окончании дома оный весь должен поступить Комитету в залог сроком на десять месяцев. В исправном платеже взять обязательство". Ссуда выдавалась под обычные проценты.[9] Другими словами, помимо сооружения домов для колонистов, ОСК помогает им и, так сказать, в частном порядке.

Что до строительства колонистских домов, то оно осуществлялось за счет казны под эгидой Комитета. Работа эта, в частности, исполнялась подрядчиками одесскими купцами, братьями Василием и Петром Ефремовыми не позднее начала 1805 г., которые оказались не вполне исправными.[10] Дома строились в двух районах: близ будущей улицы Ремесленной (Нижняя Немецкая колония) и Лютеранской площади (Верхняя Немецкая колония). Упоминания об этом разбросаны во многих архивных делах. Обстоятельства оного сюжета отчасти иллюстрирует дело "По отношению Одесской городской думы о выдаче данной наследникам гросслибентальского колониста Иоганнеса Санценбахера на дом в 3-й части".[11]

27 апреля 1845 г. Дума сообщает в ОСК о донесении старосты немецкого мещанского общества. Тот не находит препятствий к выдаче документов на дом вдове колониста колонии Гросс-Либенталь Луизе Санценбахер, так как казенный долг за это строение уже выплачен. "По списку, имеющемуся при делах сей Думы о домах, построенных от казны при водворении в Одессе колонистов, что ныне мещане, ремесленники, видно: показан под № 31 дом, принадлежащий колонисту колонии Гросс-Либенталь Иоганнесу Санценбахеру, переданный ему с согласия одесского немецкого мещанского общества от ремесленника Георгия Гегла, с тремя при нем флигелями и принадлежащими к ним постройками и местом, которое мерою в длину 25, а ширину 15 сажень, и что на дом этот, состоящий в 3-й части города, колонист Санценбахер получил из сей Думы, вследствие заключения ее, состоявшегося 25 апреля 1838 года, временное свидетельство".[12] Городской архитектор Козлов фиксирует наличие двухэтажного магазина в 3-й части города, в XVI квартале, № 186[13] — это нечетная сторона улицы Торговой, меж Нежинской и Ямской (Немецкой), то есть близ Верхней Немецкой колонии.

Далее сообщается о том, что в делах ОСК "имеется отношение Попечительского комитета об иностранных поселенцах южного края России от 21 февраля прошлого 1838, № 896, о том, что ремесленные колонисты, прибывшие в 1802 году из-за границы в Россию, поселены в городе Одессе, на основании высочайшего манифеста, последовавшего 20 июня 1763 года, и доклада г-на министра внутренних дел, высочайше утвержденного 20 февраля 1804 года". Теперь — самое главное: "Построение же домов для тех колонистов в Одессе на счет казны происходило в 1805 году по предписанию бывшего херсонского военного губернатора от 5-го апреля 1805 года на местах, отведенных сим Комитетом по отношению бывшего члена Новороссийской опекунской конторы Бригоцци (так в документе. — **О. Г.**), управ-

лявшего одесским водворением. Но были ли утверждены для построения колонистских домов фасады или нет, того из дел Комитета не видно. А как потом, по расчислению долгов колонистских, пришлось казенного ссудного долга по 1089 руб. 77 1/2 коп., то долг этот ко взысканию передан на расторжение городского начальства в 1825 году [...]. По учиненной в делах сего Комитета выправке, никакого сведения о времени отвода в городе мест под построение колонистских домов на счет казны не оказалось".[14]

Из данного документа следует, что: 1) хронология отвода мест под колонистские дома неизвестна; 2) строительство осуществлялось в 1805 г.; 3) дома строились за казенный счет, однако фактически это была ссуда, подлежащая возврату; 4) ссуженная сумма раскладывалась равномерно на всех колонистов и таким же образом компенсировалась; 5) до определенного момента колонистские дома были коллективной собственностью.

Сооружение колонистских домов в окрестностях Одессы и в целом в Северном Причерноморье началось ранее, в 1804 г. Из архивных документов видно, что в начале 1805 г. предъявляются претензии к подрядчикам Ефимовым, причем за одним из братьев числится долг по винному откупу.[15] В журнале ОСК от 17 февраля 1805 г. говорится о выдаче суммы на водворение колонистов — 20.400 рублей, — члену Новороссийской конторы опекунства И.О. Бригонци[16]. Примерно в тот же период колонистам отводились и места под хутора на городской земле, то есть под садоводство.[17]

Издержками процесса бурного строительства были массовые перестройки и перепланировки первых патриархальных одесских домиков, при которых довольно часто игнорировались утвержденные или выданные Комитетом планы. 16 октября 1806 г. в ОСК поступил следующий лаконичный рапорт Ферстера: "По дошедшему ко мне от г-на архитектора Франполли уведомлению и личному моему свидетельству, доношу Комитету, что во многих местах ломаются дома и строятся вновь без всякого подписанного плана, и с тем данные от его сиятельства (герцога де Ришелье. — **О. Г.**) повеления пренебрегаются, и прежнее самоволие в строениях, худо построенных, обновляется, и вид города вновь портится, и для того прошу Комитета войти своим предписанием к г-ну полицмейстеру — всех таковых строений без планов не строить до представления фасадов, и частных приставов обязать впредь над сим установлением смотрение иметь". На этом рапорте стоит резолюция: "Писано в полицию 10 октября"[18].

Городская полиция довольно долго выполняла функции строительной инспекции, что в то время и даже гораздо позже приводило ко многим недоразумениям (к этой проблеме мы еще вернемся). Что касается устройст-

ва горожанами по указке ОСК разнообразных торговых заведений и предприятий, то об этом будет сказано в соответствующих разделах.

Помимо полуофициальной застройки в центральной части города и предместьях (прежде всего, в Молдаванской Слободке), незаконные строения, в основном, землянки и полуземлянки, на протяжении многих лет существовали в Карантинной и Военной балках, по приморским обрывам. Высочайше утвержденным планом 1803 г. строительство здесь не предусматривалось, исключая устройство хлебных магазинов (амбаров) в Карантинной балке. Как же возник "самострой"? Почему его так долго терпела городская администрация?

Дело в том, что при первичном заселении Одессы, еще до официальной раздачи мест, тут ощущалась острая надобность в рабочих руках и гужевом транспорте. Приходящие "для казенных и городских работ" лица и отставные военные сооружали землянки по балкам и обрывам для временного жительства. "Далее, по окончании контрактов и переселении в город, они продавались, переходили в другие руки, и с некоторою починкою могли существовать до сих пор". Но возводились эти строения без надлежащего плана, оказывались неуместными, служили рассадником всяческих беспорядков. Комитет долго не мог принять решительных мер по недостатку в суммах, по мотивам интенсификации заселения города и др. Насельникам многажды сообщалось чрез полицию, что это дело временное, что они должны перебраться на места, по плану назначенные. Просителям отказывали в узаконении временных жилищ. А чтобы помочь переселиться, нужны были пособия: в самом деле, не оставлять же людей без крова[19].

Проблема эта обсуждалась в ОСК 13 июня 1812 г. в присутствии герцога де Ришелье. Было принято решение переселить тамошних жильцов на избранные в городе места. "Сии места назначить в одной части города, именуемой ПЕРЕСЫП (изначально оный топоним функционировал исключительно в мужском роде — **О. Г.**)". Оно выгодно наличием свободных мест, тут можно строить и маленькие дома — по удаленности от главных улиц. Пришли к выводу: на законном основании "сочинить пристойные фасады", отличные от общепринятых. Вместе с тем, если бы кто высказал пожелание селиться в городе, то ему это дозволялось, но с непременным условием построиться в один год по общему плану, а иначе место отбиралось. Учитывая несостоятельность переселенцев — отставных военных людей, "просторабочих", "весьма посредственных ремесленников", "мещан же по большей части шинкарей" — без материальной помощи переселить их не представлялось возможным. Комитет располагал не-

которой суммой на пособие, но ее было явно недостаточно. Тогда выработали поэтапный принцип реализации проекта:

1) Всех мещан переселить непременно в текущем году. Полиции оценить их строения, выдать половину оценочной суммы в виде пособия на перенесение материала и производство постройки; другую половину предоставить хозяину стройматериалами.

2) Оценить жилища отставников, но переселение их отложить до 1 мая 1813. Прежде определить их материальное состояние и социальное поведение. Во всех отношениях исправных переселить наравне с мещанами, а замеченных в беспорядках оставить до 1 мая. Исполнение возложили на членов Комитета, а оценку строений и сбор соответствующих сведений, включая информацию относительно намерений переселенцев, — на полицию[20].

К чему привели означенные меры, мы увидим в разделах, посвященных истории формирования конечных пунктов переселения — Пересыпа и Арнаутской Слободки.

Другим негативным моментом в ходе раздачи мест под застройку были чиновничьи злоупотребления. Хорошее представление об этом сюжете — в контексте общих обстоятельств гражданского строительства — дает хранящееся в фонде ОСК дело "Относительно построения домов по высочайше утвержденным фасадам"[21]. Здесь на листе первом представлена копия с указа его императорского величества, полученная 9 марта 1810 г., относительно злоупотреблений при раздаче мест. Замечания, собственно говоря, носят абстрактный характер, то есть речь идет не об Одессе конкретно, а о типологических нарушениях, замеченных в разных городах Юга России. Однако совершенно ясно, что и в сем строящемся городе подобные эксцессы, как принято говорить, имеют место быть. Власть предержащие чиновники, говорится в этом документе, "разбирают лучшие в городе места — не по состоянию застроить, а для прибытка из продажи оных", предумышленно оставляют выгодные места незастроенными. "Между тем люди, являющиеся с состоянием строиться, теряют, теряет и город от долговременной незастройки мест разобранных"[22].

Обращая на это внимание губернского начальства, делается, однако, существенная оговорка: "Несправедливо бы было ограничением числа даваемых мест ограничить желание людей строиться и тем воспрепятствовать успешнейшему застроению города, когда иной один в состоянии несколько мест застроить. Но справедливость требует не отдавать всех лучших мест одному, когда представляются также строить и другие, кои такое же право, как и тот, на получение места имеют, чтобы одного качества мес-

та не одному, но всем желающим поровну достались". Вторым пунктом высочайших указаний значится: отдавать места только по предварительному представлению плана предположенному строению, "и с тем, чтобы в течение года хотя бы начало строению тому было сделано, буде же в течение года без строения останется, в таком случае, отбирая, отдавать другим, более состоятельным строиться". При этом пошлина, взятая за землю, не возвращается, а с нового застройщика взимается таковая же.

24 марта 1810 г. Комитет получает от герцога де Ришелье чертежи высочайше утвержденных образцовых фасадов для частных домов с прилагаемыми инструкциями министра внутренних дел[23]. Суть циркуляра сводится к следующему: 1) отныне дозволяется строить дома не иначе, как по одному из выбранных застройщиком образцовых фасадов; 2) ежегодно в декабре следует направлять в министерство отчет о том, какое количество зданий и сооружений и по каким фасадам возведено в текущем году. Эта директива имела последствием запись в журнале заседаний Комитета от 28 марта 1810 г. : "[...] предписать г-ну городовому архитектору Франполли, чтобы он отныне в сочинении планов на строения частные и в производстве оных поступал по присланному высочайше утвержденным фасадам экземпляру"[24]. Согласно циркуляру от 6 июля 1811 г., герцог де Ришелье 23 августа того же года передал в ОСК к исполнению полученные от министра полиции высочайше апробированные образцы фасадов для заборов и ворот к частным строениям[25].

Для удобства составления ежегодных отчетов о приватном домостроительстве прислали исполненную типографским образом образцовую "Табель, показующую число частных домов, построенных в городах Санкт-Петербургской губернии в течение 1810 года по высочайше утвержденным фасадам": фасады №№ 1, 8, 12, 50, 76, 92, 100[26]. Этот документ, между прочим, позволяет сравнить интенсивность застройки Одессы и целого ряда других городов: самой северной столицы[27], Шлиссельбурга, Кронштадта, Луги, Царского Села, Ямбурга и Ладоги. Разумеется, молодой порт застраивался куда более высокими темпами.

В деле содержится и важная информация, связанная с изменением функции самого города. После успешной военной кампании на юге, начавшейся в 1806 г., юная Одесса постепенно теряет значение военного приграничного форпоста. 30 октября 1811 г. последовал именной указ, "объявленный Военной коллегии военным министром", об исключении Одесской крепости из числа штатных и обращении ее со всеми воинскими зданиями в карантин[28]. После этого началась активная застройка квар-

талов, примыкавших к упраздненной крепости со стороны Карантинной балки — квартал LII Военного форштата (нечетная сторона улицы Канатной) и кварталы, примыкающие к Арнаутской Слободке. Следующий документ — ордер, адресованный одесскому полицмейстеру еще до упразднения крепости, наглядно объясняет, почему застройка этого района до определенного момента была затруднена или вообще невозможна.

"1-е. При пограничных крепостях на эспланадах в расстоянии 130 сажень от гласиса никаких строений не заводить, и старое починивать не допущать. 2-е. На форштатах за эспланадами строения располагать под анфиладу крепостных". Строения эти могут быть только деревянные, без каменных фундаментов. Вокруг домов и огородов запрещается копать рвы и погреба. "3-е. Самые огороды позволять заводить на эспланадах, от конца гласиса не ближе 50 сажень, с тем, однако ж, чтобы огораживаемы были тонкими кольями или решетками, а бревенчатыми досками или палисадом обносить их запрещать". Каменные фундаменты под деревянные строения дозволено строить не ближе 450 сажень от крепости[29].

Из последующих материалов этого дела выясняются занимательные подробности регламента допустимых отступлений от высочайше утвержденных фасадов. Так, в циркуляре министра полиции от 23 ноября 1811 г., адресованном херсонскому гражданскому губернатору, читаем: "По вступившим из некоторых губерний представлениях о неудобствах, встречаемых в построении частных домов, государь император высочайше указать соизволил предписать циркулярно гг. начальникам губерний, что строение домов по апробированным фасадам может быть произведено в большей или меньшей величине, с уменьшением числа окон и размера их". То есть можно пропорционально уменьшать или увеличивать образцовый фасад. При этом, однако, делаются следующие оговорки. 1) Во всяком фасаде посередине должно быть окно, а не простенок. Другими словами, общее число окон должно быть нечетным. 2) Высота окон должна быть не менее $2^{1/2}$ аршин, а ширина не менее $1^{1/2}$ аршин, за исключением магазинов и антресолей, в коих окна могут быть и ниже. 3) Простенки меж окнами не могут быть уже ширины окна. При этом расстояние от верхней части окна до кровли с карнизом не может быть меньше $1^{1/2}$ аршина. 4) Форма и украшение фасадных окон остаются образцовыми, — с тем чтобы менялся лишь размер, но не фасон. 5) Если речь идет о строительстве маленьких домов малоимущими, определить высоту окон не менее 2 аршин, а ширину — 1 аршин и 2 вершка. При этом нижняя часть окна должна возвышаться не менее чем на 2 аршина над землей, а расстояние от окна до кровли с карни-

зом — не менее 1 аршина. То есть минимальная высота строения должна составлять не менее 5 аршин, не считая высоты кровли, каковая не должна быть "выше 4-й части широты самих строений"[30]. В директивных документах говорится не только о фасадах, но и о планах, а кроме того, о денежных взысканиях с непослушных застройщиков[31].

Как отреагировали на строительные нововведения горожане и контролирующие инстанции, видно из рапорта инженера, генерал-майора Е.Х. Ферстера на имя герцога де Ришелье, полученного 4 августа 1810 г. "Из присланных при указе фасадов видно, что государю императору угодно, чтобы здания, в городах строящиеся, были выведены по правилам архитектуры. Хотя планы за утверждением вашего сиятельства из Комитета сходственно высочайшим фасадам, и выдаются, но за постройкою по плану зданий таковых худое наблюдение. Многие вовсе с фасадами не соответствуют, в колоннах и карнизах такое безобразие, что какого оные чина (то есть ордера. — **О. Г.**), вовсе судить не можно. А как таковые упущения навсегда остаются, и насчет тех относится будут, которые для надсмотра приставлены, то вашему сиятельству о сем представляю. Прошу дать повеление, чтоб городовой архитектор с одним на то отряженным частным приставом еженедельно осматривали вообще вновь производимые строения, так же и перестраиваемые: сходно ли с планами строятся или нет. Потом подавали б в Комитет по понедельникам рапорт. Буде окажется неправильно построенное, то без отлагательства сломать и исправить, из чего, по недопущению до беспорядка хозяина, убыток не может быть большой". В тот же день на этом документе проставлена комитетская резолюция: "По повелению его сиятельства дать повеление полиции, чтоб в точности выполнили по предложенному в сем рапорте замечанию". 8 августа ОСК направил в полицию соответствующее предписание[32].

И наконец, в том же чрезвычайно информативном деле есть материалы, относящиеся к составлению очередного плана города в контексте оформления атласа Херсонской губернии. 20 ноября 1811 г. одесский полицмейстер пишет в ОСК о том, что министерство полиции собирает сведения: "когда и кем заложен город Одесса, при ком более продолжалось построение оного, сколько в городе кварталов и улиц". Он получил также и повеление херсонского гражданского губернатора на сей счет. В комитетской резолюции говорится о предписаниях от 27 ноября о составлении нового плана и от 4 декабря о доставлении старого плана. 12 декабря ОСК получает от герцога де Ришелье копию отношения херсонского гражданского губернатора от 30 ноября 1811 г. следующего содержания: "К составлению атласа Херсон-

ской губернии по предписанию г-на министра полиции необходимо нужен план города Одессы, и как оного в чертежной здешнего губернского землемера вовсе нет, то я покорнейше прошу ваше превосходительство кому следует приказать препроводить оный план ко мне для скопирования. И как предписанием бывшего г-на министра внутренних дел князя Куракина требовалось, чтобы на каждом плане городовом означено было, в каком он должен быть положении по высочайше конфирмованному плану: что в оном существует и остается без уничтожения, что назначается к проекту и что полагается устроить вновь, то я покорнейше прошу вас, милостивый государь мой, приказать составить по сих предметах, относящихся до плана, ясную записку, и оную вместе с планом препроводить ко мне"[33].

О каких планах здесь идет речь? Во-первых, о высочайше утвержденном генеральном плане Одессы 1803 г. Во-вторых, о плане города архитектора Ф. Франполли 1807 г., который упоминается выше как "старый план"[34]. В-третьих, вероятно, о плане Е. Ферстера 1811г.[35], на котором подробно запечатлены оборонительные и другие казармы. Во всяком случае, уже 9 марта 1812 г. герцог Ришелье возвращает ОСК план городских кварталов, полученный от министра полиции[36].

Наблюдение за правильностью фасадов после получения высочайшего предписания в самом деле усиливается. Так, например, 11 августа 1813 г. Франполли рапортует в ОСК, что одесский купец Георгий Кехрибарджи (Военный форштат, XV квартал, место № 125 — это на перекрестке Греческой и Екатерининской улиц) с одной стороны построил дом по плану, "а с другой — окошки и двери опущены против плана ниже в пол-аршина, в верхнем этаже окошки сделаны не по плану"[37]. Комитет тут же сигнализирует в полицию, чтоб та проследила исполнение надлежащих исправлений. В мае того же года Комитет обязывает иностранного грека Кирилла Касуфаса перестроить находящийся в Карантинной балке дом в магазин. Суть в том, что согласно генплану, в оной балке не предусмотрено сооружение жилых домов, а только магазинов. Дом куплен Касуфасом у купца Еройского за 2550 рублей. Последнему же место отведено 15 июня 1808 не под дом, а как раз под магазин. Поэтому Касуфас и должен преобразовать строение в магазин по утвержденному плану и фасаду[38]. Примеров такого рода довольно много.

Но вернемся к вопросу о злоупотреблениях в ходе раздачи мест под застройку и, в частности, об отводе одному и тому же лицу сразу нескольких мест, каковые он физически был не в состоянии застроить, а также о фактической спекуляции местами. Здесь на самом деле подлинные

злоупотребления нередко соседствуют или переплетаются с мнимыми, обусловленными сиюминутно складывающимися обстоятельствами. Возьмем хотя бы первичный отвод мест 15 сентября 1794 г. Тогда, например, их получило множество военных, значительная часть которых по разным причинам не могла выстроить дома: одних переводили по службе в иные города, другие не обладали достаточным капиталом, третьи просто не собирались связывать свою дальнейшую жизнь с этаким захолустьем, в особенности после кончины императрицы.

Как видно из первичного реестра, редко кто из первопоселенцев получал более двух мест в одни руки. Правда, по четыре места получили сам Иосиф де Рибас и ближайшие к нему лица: инженер-капитан Кейзер, штаб-лекарь Милашевский, по три — будущий казначей ОСК полковник Чехненков, капитан Бицилли, капитан 2-го ранга Бардак, граф Смекио, купец Георгий Врето, граф Прот-Потоцкий и граф Северин Потоцкий. Остальным назначены по одному или по два места[39]. Однако, как было сказано выше, уже в 1795 г. некоторое число мест сменило владельцев. Так, Иосиф де Рибас построился совсем в другом районе, на Польской улице, а впоследствии крупный экспортер Вучина соорудил здесь хлебные магазины[40]. По городскому плану, это XVII квартал Военного форштата, место № 145, на углу Польской и нечетной стороны Полицейской улицы[41]. Что касается мест Иосифа де Рибаса в I квартале Военного форштата, то они впоследствии застроены семейством Бларамберг. Георгий Врето в конечном итоге выстроил дом не на отведенных местах в Греческом форштате, а в IV квартале Военного и т. д.

Неисправность целого ряда застройщиков привела к тому, что на самых первых этапах устройства Одессы недостатка свободных мест вовсе не ощущалось. Напротив, администрация была крайне заинтересована в том, чтобы потенциально способные к застройке лица получали столько участков, сколько просят. Но уже к середине 1800-х ситуация изменилась: места в центральной части города были разобраны, и возникла проблема качества застройки. В частности, некоторые домовладельцы заводили на смежных участках сады (в принципе, под садоводство отводились участки в предместьях, на городском выгоне, в балках, близ приморских обрывов), а это становилось непозволительной роскошью при возникавшем дефиците мест. Вот тут-то как раз и начинает отчетливо проявляться иронический тезис о том, что и при всеобщем равенстве есть фигуры, каковые равнее иных прочих.

Судя по всему, наибольшее число мест досталось военному коменданту города и одному из руководителей Строительного комитета генерал-

майору Фоме (Томасу) Александровичу Кобле. Ему принадлежал весь XVIII квартал Греческого форштата — целых 20 мест, №№ 216-235 — все пространство, заключенное меж улицами Садовой, Дворянской, Коблевской и Торговой. В 1794 г. (в 1795-м этот отвод подтвержден) он, тогда еще подполковник, получил лишь два места, №№ 90-91, в соседнем, VIII квартале, примыкающем к будущей Соборной площади, но не застроил их[42]. 10 июля 1813 г. Кобле подает в Комитет прошение: "На отведенных мне местах, состоящих на Греческом форштате, в XVIII-м квартале под № 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234 и 235-м выстроил я на первых четырнадцати номерах дом и другое строение и развел сад. А на последних шести номерах — шесть лавок, по плану, Комитетом утвержденному. Но на спокойное владение не имею открытого листа. Комитета покорнейше прошу на застроенные мною места, состоящие пода лавками, № 230, 231, 232, 233, 234 и 235, и домом и другими строениями, под № 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228 и 229 выдать мне открытые листы". Тогда же, основываясь на донесении Фраполли об освидетельствовании указанных мест, военному коменданту выдают владельческие документы[43]. Все бы ничего, но из городских планов 1814-1830 гг. отчетливо видно, что Кобле фактически застроил лишь места вдоль Дворянской и Торговой улиц, а все остальные участки, №№ 220-229, были заняты садом. Однако никто, и прежде всего, ОСК, не предъявлял к нему никаких претензий.

Здесь уместно вспомнить и обширный участок в еще более привлекательном районе, принадлежавший отставному секунд-майору Феликсу де Рибасу, младшему брату первого начальника Одессы. Ему принадлежал тоже целый квартал — LXIV на Греческом форштате, места №№ 686-696. Указанный квартал впоследствии слился с соседним, LXV, ввиду расширения Казенного сада. Изначально же будущая улица Ланжероновская, продолжавшаяся от Гаваной до Преображенской, рассекала этот сдвоенный квартал на две части. Это видно из генеральных планов 1802-1803 гг.[44]. Соединение двух кварталов в один привело к тому негативному последствию, что первостепенная транспортная артерия от Херсонской рогатки прямиком к Таможенной площади по Ланжероновскому спуску разрывалась Городским садом. Теперь гужевому транспорту приходилось объезжать его по Дерибасовской либо по Казарменному (впоследствии — Малому) переулку. Именно поэтому, кстати, уже в то время роль Дерибасовской в "раскладке улиц" несколько усилилась, а впоследствии, как мы увидим ниже, по ней проложили шоссе от Александровского проспекта до Ришельевской.

К сожалению, сохранившиеся архивные документы не дают однозначного ответа на вопрос, когда именно эти места достались Феликсу де Рибасу. Во всяком случае, отвод состоялся не ранее 1795 г., ибо при раздаче 15 сентября 1794 г. до этих кварталов еще не добрались. Согласно раскладке 1794-го, Феликс получил места №№ 32-33 в V квартале Военного форштата, а это часть будущего Ришельевского лицея со стороны Ланжероновской улицы, до Екатерининской. Другой брат Иосифа де Рибаса, премьер-майор Андрей де Рибас, получил №№ 29-30 в том же квартале, то есть смежные места со стороны Дерибасовской. Впрочем, из отдельных архивных документов видно, что все эти четыре места были застроены довольно значительной постройкой, принадлежавшей как раз Иосифу де Рибасу[45].

Как это можно растолковать? Вероятно, так, что его братья не имели возможности застроить означенные участки, а он, располагая определенными ресурсами, построился на принадлежавших им местах и сделался фактическим владельцем. А далее это сооружение — "дом главного военного начальника"[46] — было продано в казну, и там помещалась сперва коммерческая гимназия, а затем благородный институт, впоследствии преобразованный в лицей. К.Н. Смольянинов прямо говорит о том, что Иосиф де Рибас получил под застройку весь I и весь V квартал[47]: последний из них, надо полагать, в 1795-м. Опять-таки у Смольянинова встречается упоминание о саде адмирала де Рибаса в самом городе со ссылкой на архивное дело начала 1796 г.[48]. Но в каком квартале был этот сад, неясно: в V, или речь идет уже о LXIV?

Вероятно, коль скоро Феликс де Рибас на первых порах остался без собственной недвижимости, то ему, надо полагать, в ходе следующей раздачи мест и отвели весь этот соседний квартал. Подобную щедрость нельзя объяснить иначе, как близостью к первому административному лицу. Более того, Феликс более или менее активно строился лишь в бытность своего влиятельного брата в Одессе, похоже, заручившись поддержкой того же рода, о которой толкуют генерал-аншефу Прозоровскому, ссылаясь на князя Г.С. Волконского[49]. Но не успел Иосиф де Рибас оставить город, уже с конца 1790-х, как Феликс безостановочно вовлекается в разного рода судебные тяжбы: материальные претензии к нему предъявляют архитектор Фраполли[50], майор Поджио[51], подпоручик Шрейбер[52], бригадирша Качковская[53]. Сюжет завершается вынужденной продажей его домов в казну и, безусловно, неизбежным дарением разведенного при них сада городу[54].

В некоторых дореволюционных изданиях, впрочем, встречаются упоминания о том, что места в районе будущего Городского сада просто-на-

просто подарены Иосифом де Рибасом брату в конце 1796-го или в начале 1797 г., когда он оставлял Одессу[55], однако непосредственных архивных подтверждений пока не обнаружено.

В данном контексте важен вовсе не хорошо известный факт продажи домов и дарения сада. Тут небезынтересен, скажем так, характер хозяйственного освоения Феликсом де Рибасом чрезвычайно значимой территории в формирующемся элитарном центре Одессы. В самом деле, дом по Дерибасовской близ Преображенской и находящийся далеко в тылу флигель — единственные постройки, существовавшие на всем квартале в 1802-1803 гг. Из упоминавшихся выше архивных дел 1806-1809 гг. видно, что помимо оконченного и эксплуатируемого двухэтажного дома с подвалом на сводах Феликс лишь начал строительство другого двухэтажного здания, на углу Дерибасовской и Гаванной (этот второй дом он закончил уже постфактум, в соответствии с заключенным с Комитетом контрактом). Если не считать незначительных хозяйственных построек, все остальные места заняты садом. Тем не менее, владельца никто не притесняет, хотя официально места здесь отводятся исключительно под домостроительство, а не под садоводство. И это невозможно объяснить иначе, как особым положением отдельных одесситов.

А теперь обратимся к прямо противоположному и не менее показательному примеру. Помещик Тираспольского уезда статский советник Николай Егорович Карпов жалуется Комитету, что вообще оставлен без мест, отведенных ему под застройку. Он прослужил более шести лет в Одесском карантине, буквально со времени его основания, а затем был перемещен по службе в Дубоссары, в тамошний сухопутный карантин. В свое время Н. Карпов получил места на Греческом форштате, в XXXV квартале, №№ 519, 520, 521, 522, начал возводить каменные строения, но из-за его отсутствия в Одессе, ввиду создавшейся бесконтрольной ситуации, начатые строения разобрали, камень растащили, *да сказали, что не может один человек иметь столько мест*. Участки его застроили Городским госпиталем и богадельней, осталось лишь место под горой (то есть на склоне Херсонского спуска). Поэтому он просил хоть что-то за ним утвердить[56].

Разумеется, у Карпова, даже принимая во внимание уважительные причины, на формальных основаниях могли отобрать участки, поскольку они не были обзаведены в срок. Показательно другое — характер мотивации отбора, а именно ссылка на то, что один застройщик не может иметь столько мест, в данном случае всего четырех. А как же тогда Кобле, де Рибас или, скажем, тот же Ферстер (одно из самых значимых лиц ОСК), имевший го-

раздо больше мест в куда более выгодном XIX квартале[57], по Торговой улице, меж Садовой и Херсонской, да еще несколько в других?

Здесь уместно напомнить, что подполковник Карпов, первый начальник (директор) карантина[58], блистательно предотвратил эпидемию чумы в августе 1797 г. Если бы не его четкие решительные действия, Одесса вымерла бы еще на стадии своего младенчества[59]. Тот же Карпов принимал непосредственное участие в заготовке померанцев для поставки ко двору императора легендарной посылки в феврале 1800 г.[60]. Несмотря на все заслуги, с ним обошлись свирепо: челобитную нимало не уважили.

Между прочим, место Карпова под горой отвели родственнику и адъютанту герцога де Ришелье графу Рошешуару[61], который, однако, тоже не успел построиться. К слову, из мемуаров самого Рошешуара видно, что близкие к Ришелье чиновники подвергались в Одессе серьезному соблазну: "Я был очень молод, окруженный людьми, буквально обхаживающими меня в качестве племянника генерал-губернатора, ищущими мою протекцию, и пытаясь приобрести ее, делавшими мне предложения по оказанию любых услуг. Какое искушение этим воспользоваться, и даже злоупотребить! Если бы перед моими глазами постоянно не было образа самой строгой порядочности, соединенной с истинным бескорыстием!"[62]. О злоупотреблениях в ходе дальнейшего градостроительства, касающихся, в частности, и Строительного комитета, находим и другие прямые и косвенные свидетельства[63].

Можно, впрочем, привести отдельные примеры, когда и сам Ришелье в угоду своим фаворитам доходил до распоряжений, приводивших даже к изменению генерального плана Одессы. Те же претензии, кстати, могут быть предъявлены и М.С. Воронцову, например, в связи с отводом мест при обустройстве Приморского бульвара. Так, 5 сентября 1808 г. графиня Софья Потоцкая подала в ОСК прошение об отводе ей пустопорожнего места "на Греческом форштате, по улице между кварталами XLI и XLV". Последовала резолюция: "Его сиятельство (то есть де Ришелье. — **О. Г.**) повелел отдать места по улице" под застройку сроком на один год[64]. Что это означало? Это означало ликвидацию целого квартала по улице Конной, от будущей Софиевской (к слову, позднее поименованной как раз в честь означенной Потоцкой) до приморского обрыва. Таким образом два квартала слились в один, как и после соединения "сада де Рибаса" со смежным кварталом. Справедливости ради заметим, что в данном случае это не могло иметь негативных последствий, поскольку бульвар по обрыву и магистральные спуски к морю здесь не планировались.

В ту же обойму попадает прелюбопытная история отвода двух чрезвычайно выгодных мест во II квартале Военного форштата, на пересечении Дерибасовской и Польской улиц, графу Венансону. Полковник и кавалер граф Венансон подал прошение в ОСК 12 июля 1811 г. Комитет навел справки и установил, что в 1795 г. инженерная команда отвела их небезызвестному коллежскому советнику А.И. Алтести (фавориту Платона Зубова). Места эти позднее получила не менее известная в региональной истории фигура — графиня Браницкая. Оные участки были обнесены забором. На одно из этих мест выходила часть землянки с соседнего места, где находился купленный графиней у предыдущего владельца дом и сад. Она предполагала строить солидный плановый дом с соответствующими службами. Через живущего в упомянутой землянке смотрителя, отставного прапорщика, находящейся в неблизком поместье Браницкой объявили, чтоб она застраивала места, иначе их отнимут. И хотя можно привести массу примеров, когда лиц подобного калибра не слишком торопили с исполнением, в данном случае места поспешно отобрали. 11 января 1812 г. их отдали графу Венансону, заплатившему лишь 450 рублей за старые стройматериалы[65].

В чем же тут, как нынче говорят, фишка? А в том, что Венансон служил начальником штаба в дивизии герцога де Ришелье. Небезынтересно, что в том же году Венансон отправился на театр военных действий и, разумеется, так и не сумел застроить отведенные ему места. При освидетельствовании в конце 1814-го здесь нашли очередную "незавершенку": часть выведенных стен, забор и заготовленный штучный камень. На сей раз — ситуация поистине анекдотическая! — та же графиня Браницкая уплатила оценочные деньги за материал и вернула себе прежние места[66].

Особое отношение ОСК к отдельным влиятельным лицам (граф М.С. Воронцов, коммерции советник И.П. Рено и др.) замечается и в дальнейшем. Вместе с тем большинство корректировок в генеральный план вносилось, конечно, по объективным обстоятельствам, обусловленным эволюцией городской инфраструктуры (рост портового хозяйства, строительство общественных зданий, устройство черты порто-франко, мостов, транспортных магистралей, бульваров, садов и кладбищ, плотин, прудов, рынков, торговых рядов, закладка новых и перестройка существующих храмов и др.) и территориальным распространением Одессы (формирование новых кварталов, в частности, за Карантинной балкой, близ Приморского бульвара, продление улицы Софиевской, разрастание предместий, в том числе за счет увеличения числа садоводческих хуторов, мельниц, заводов и фабрик).

Дефицит места в 1840-е годы привел даже к частичной застройке Соборной площади со стороны Полицейской улицы ("дом Папудова": по существу — это целый квартал). Намерение частично застроить эту площадь, а равно ликвидировать первый квартал улицы Дворянской, соединяющий ее с Софиевской, прослеживается уже на плане Джорджио Торичелли конца 1820-х годов[67]. Некоторые изменения, вносимые в генеральный план города, будут рассмотрены в соответствующих тематических разделах, а пока — пример.

19 мая 1813 г. в ОСК поступает прошение от единоверческой Покровской церкви благочинного протоиерея, церковного старосты и прихожан. По дозволению начальства они начинают реконструкцию обветшавшего храма, предполагая его увеличить. Но поскольку места недостаточно, причт просит дополнительно отвести три сажени по будущему Покровскому переулку. 26 мая Комитет предписывает архитектору Франполли отвести просимое место и показать оное на плане[68]. 19 сентября Франполли докладывает, что отвел три сажени за счет "переулочной на восток дороги"[69]. То есть получается так, что ширина переулка сокращена на целых три сажени[70] против высочайше конфирмованного плана.

Интенсивная застройка кварталов и высокий спрос на места уже в эти годы приводили к бесконечным тяжбам как между прежними и новыми владельцами, так и соседями, вследствие чего ОСК буквально погряз во всевозможных разбирательствах.

В августе 1813 г. греческий дворянин негоциант Константин Милос жалуется на соседа, статского советника Новосильцова, который отхватил у него 3 сажени земли. Места находятся над морским обрывом, в LXXIV квартале Греческого форштата, № 779-780 (начало нынешней четной стороны улицы Гоголя), мерою 30 на 22,5 сажени. Комитет велит архитектору разобраться. 28 августа Франполли указывает границы обеим сторонам, причем полиции вменено в обязанность принудить приказчика землевладельца Новосильцова не занимать места Милоса[71]. 27 октября 1813 г. одесский мещанин Фортунато Валле жалуется на соседа Бендетто Россети, который направил скат крыши своего дома в его двор, и туда же прорубил окошки, через которые выбрасывает кухонный мусор. 24 декабря Франполли обследует эти объекты близ Карантинной балки, и подтверждает, что все так и есть. Комитет пишет в полицию, чтоб навели порядок и доложили[72].

18 декабря 1811 г. инженер-подполковник Николай Банов 3-й вошел в Комитет с прошением. Он пишет о том, что места №№ 19, 20, 21, 22 в III

квартале Северного форштата (улица Еврейская, от Авчинникова переулка до Преображенской) отведены покойному купцу Шебякину. Законная их наследница — Анна Афанасьева Банова, родная дочь Шебякина и одновременно покойная жена Банова, завещавшая ему свое имущество. Теперь Банов хочет застроить место № 21, но там находится незавершенное строение и лежат стройматериалы губернского секретаря Василия Остапенко, который получил это место от губернского секретаря Гаврилы Серединского. Неконченое строение имеет габариты 5 на 3 сажени, высоту 3 1/2 аршин, здесь же — 2.500 штук калиброванного камня. На месте № 22 — колодезь. После долгих разбирательств место в 1812-м все же оставляют за Остапенко[73]. В конец марта 1812 г. коллежский секретарь Самойлов жалуется на соседа, губернского секретаря Мариневского, который строит флигель по смежности его места, нанося ущерб: Греческий форштат, XIV квартал, место № 144 — на углу Тираспольской и Ямской улиц[74].

С 6 сентября 1815 по 20 апреля 1816 г. сразу несколько обывателей выясняют, кому принадлежит участок в Военном форштате, в XXI квартале, место № 302 — угол улицы Ришельевской четной и Большой Арнаутской нечетной. Никто из троих участников спора владельческих документов не имеет. 29 сентября 1803 г. место отведено мещанину Сотирию Крапову, хотя в документах есть упоминание, что по уступке 1807 г. и купчей 1814 г. его получила жена мещанина Великанова Феодосия. В разбирательстве фигурируют также сам Великанов, одесский купец Николай Манойлов, "сербин Савва Попович", уступивший свою долю некоему греку Панайоту. Вдоволь нахлебавшись противоречивой информации, ОСК в конце концов разделил это место с имеющимися строениями на три части[75].

26 июля 1817 г. помещик Александр Михайлович Чацкий, поручитель наследников покойного тайного советника и кавалера Фаддея Чацкого, по доверенности тайной советницы Варвары Чацкой подает прошение в ОСК. У Чацких был дом между дворами одесского 1-й гильдии купца Андрея Руджери и чиновницы Здоровой. Ныне оный оказался в чужом владении: некий г-н Милети приобрел его от лекаря Салюса (или Салюза, городского ветеринара, швейцарца, впоследствии принимавшего участие в привлечении своих соотечественников для обустройства их в селении Шабо), а тому отведен Комитетом. 2 августа 1817 г. ОСК выясняет, что этот объект находится на Военном форштате, в XXII квартале, под № 187 — это угол улиц Итальянской четной и Еврейской четной. Первоначально, еще до создания Комитета, место было отведено майору Ивану Халтурозио. 31 июля 1816 г. Салюс вошел в Комитет с прошением об отводе, так

как оное место не застроено. Архитектор Фраполли нашел там "неведомой старой флигель", то есть не плановый дом, да еще и не по красной линии улицы (действительно, на городском плане 1814 г. мы видим здесь дворовой флигель, выходящий торцом на Еврейскую). 28 августа полиция дознавалась о хозяине, оценила строение в 1.050 рублей, которые взыскали с Салюса и доставили в Комитет 4 декабря 1816 г. 15 февраля следующего года место отдали Салюсу под застройку на один год. ОСК определил выдать Чацкому справку по этому делу. Теперь ему следует получить в Комитете означенные 1.050 рублей оценочных денег в компенсацию[76].

Одесский 1-й гильдии купец Марк Андрич продолжительное время отстаивает свои права домовладельца, ущемляемые смежной католической церковью, по Екатерининской улице. Сперва беспокойные соседи запрещали ему прорубать окна во двор, а затем отхватили кусок принадлежащего ему места[77].

На протяжении ряда лет Комитет был настолько занят разрешением владельческих споров, безостановочно командировал по этому поводу своих немногочисленных сотрудников для выяснения обстоятельств, нагружал писаниной канцеляристов, что в конечном итоге решил освободиться от столь тягостной повинности. 27 мая 1818 г. бессменный правитель комитетской канцелярии Богдановский предложил передать все спорные вопросы (о захвате земли, утверждении мест, которые были отведены до создания Комитета, об отобранных участках и проч.) для решения Магистрату или Думе, с откомандированием архитектора (с выплатой ему жалованья уже от этих управленческих структур). А себе оставить исключительно выдачу открытых листов, то есть наблюдение собственно за частью архитектурной, поскольку Строительный комитет не есть судебное место, и в его функции не входит разбор имущественных тяжб. В таких спорах он может принимать лишь консультационное участие[78].

В этом контексте весьма курьезно выглядит тот факт, что ОСК, кроме всего прочего, должен был еще и разбираться во взаимоотношениях практикующих в городе зодчих, в частности комитетских. И такие разбирательства Комитет уж никак не мог переадресовать в Думу или Магистрат. В только что цитировавшемся деле из фонда 59, буквально на той же странице 202, находим любопытнейший эпизод на этот счет. 12 июля 1818 г. в ОСК поступает рапорт архитектора Колесова. Он пишет о том, что составил немало планов для солидных домостроений в Одессе, "с правилом и красотою гражданской архитектуры, по которым планам и строения производятся". 24 июня он выдал план "трем жителям, имеющим на но-

вом базаре с колоннадою лавки, чтоб строили с противоположной стороны, по другой улице, двухэтажное здание, заключающее в себе дворы". По этому плану начали производить строение. Но тут архитектор Фраполли (речь идет о Джованни, а Франческо к этому времени уже ушел из жизни), "потребовав от тех жителей план на месте строения, без всякого внимания и не представив к начальству на рассмотрение, разорвал план, хотя от Комитета и не утвержденный, но и тогда я не виноват, что хозяева сделали упущение", то есть не представили вовремя проект на утверждение. "Таковой его, господина Фраполли, неблагоразумный поступок и противозаконный ни в какой нации терпим быть не может, — продолжает обиженный. — И я почитаю сие к поношению чести моей, чувствую немалую обиду. Представить честь имею на благорассмотрение Комитету, покорнейше прошу обратить внимание и от порока, причиненного мне Фраполли, защитить". К сожалению, никаких документов, фиксирующих реакцию ОСК на эту жалобу, до нас не дошло.

4 июня 1818 г. Комитет обсуждал полученное в мае отношение графа А.Ф. Ланжерона: "Его императорское величество при посещении города Одессы, лично удостоив его сиятельство высочайшим поручением о разных предметах, относящихся к улучшению сего города и карантина здешнего, повелеть соизволил для приведения оных в действие составить нарочитый Комитет под председательством статского советника Гурьева из нескольких человек негоциантов, имеющих непременное жительство в Одессе и производящих заграничную торговлю, из начальника карантина и из главного врача".

Комитет к этому времени уже был сформирован, и на его учредительном собрании 26 мая приняли следующие положения. 1) Открыть действия с 1 июня. 2) Приискать и нанять приличный дом для заседаний, канцелярии, назначить секретаря, писцов и устроить чертежную камеру. 3) На все издержки, включая мебель, канцтовары, отопление, жалованье, определить 12.000 рублей, по 4.000 на каждую треть года. Означенные деньги брать из суммы, взимаемой с каждой четверти отправляемой за рубеж пшеницы[79]. Комитет этот не сделался структурой, дублирующей ОСК, а по существу стал специальной комитетской комиссией, каковые впоследствии неоднократно формировались по разным поводам (по устройству шоссе, садоводству, исследованию почвы и др.). Одним из значимых последствий его создания явилась планировка будущего Приморского бульвара и примыкающих кварталов.

8 августа 1818 г. в русле совместных действий ОСК и учрежденного Комитета "касательно улучшения строения здешнего города" было при-

нято беспрецедентное определение: "Все те планы, которые утверждены частным людям по нынешнее число, оставить без перемены, и потому позволить производить, согласно оным, строения. Впредь же должны быть составляемы планы по нынешнему распоряжению двухэтажные в назначенных улицах, о чем предписать архитектору г-ну титулярному советнику Дигбию"[80]. Другими словами, на главных улицах (Херсонской, Ришельевской, Итальянской и др.) отныне дозволялось строить здания лишь в два и более этажа.

19 августа того же года это определение уточнили: "Все те планы, которые утверждены частным лицам по нынешнее число, оставить без перемены, и потому позволить производить, согласно оным, строения, но при этом объявить домостроителям, чтобы они под домами делали прочные фундаменты и толстые стены, дабы впоследствии можно было построить на одноэтажном доме другой этаж. Впредь же должны быть составляемы планы по нынешнему расположению двухэтажные в назначенных улицах. О чем предписать архитектору г-ну Дигбию. О присмотре, чтобы толстые были стены, предписать архитекторам"[81].

Еще в бытность исправляющим должность одесского градоначальника военным комендантом генерал-майора Ф.А. Кобле Строительный комитет начинает производство ревизии отведенным под частную застройку местам. 9 августа 1815 г. ОСК "имел рассуждение, что в городе Одессе с давних времен состоит немалое число мест, не застроенных по плану, кроме ничего не значащих землянок и неоконченных магазинов, которые безобразят только город. А как все места отведены с обязательством о застроении в срок, то определили: один раз навсегда привести в известность все места не застроенные по плану и объявить хозяевам их, что ежели после сего места не будут ими застроены, то без всякого уважения отобраны будут. Вследствие чего предписать г-ну городовому архитектору Фраполли, чтобы он все таковые места сосчитал, сколько их имеется в городе, описав бы их, в каком они состоянии находятся и кто в них имеет жительство, донести Комитету"[82].

Эта директива не могла иметь серьезных последствий, поскольку ее реализация была явно не под силу одному городовому архитектору. Он, конечно, не мог разобраться со всеми многочисленными владельцами, к тому же постоянно оспаривавшими свои права на недвижимость. Поэтому проблема постепенно решалась в рабочем порядке, хотя постановка о ее глобальном разрешении появлялась на повестке дня и в дальнейшем. Более тщательное освидетельствование застройки кварталов стало осу-

ществляться в результате мероприятий, назначенных после визита в юную Одессу императора Александра I (1818 год), в том числе формирования специальной ревизующей комиссии, о чем говорилось выше.

О деятельности "Комиссии для освидетельствования города" в ОСК докладывалось 26 мая 1819 г. "Сия комиссия, исполнив часть порученности, отобрала от многих документы и планы на такие места, кои застроены не по плану или вовсе не застроены. Часть документов сих находится в Комитете, а часть в полиции. Люди, у которых отобраны документы, непрестанно ходят в Комитет и спрашивают документов: одни объясняются, что намерены строить, а другие для спокойного владения построенным, ибо в числе документов есть крепости (то есть купчие крепости. — **О. Г.**) и открытые листы". ОСК определил, как именно продолжать работу комиссии. Поскольку освидетельствованы лишь 1-я и 3-я части города, то завершить ревизию и во 2-й. Исполнение сего должно производиться в прежнем порядке при участии члена Комитета, инженера подполковника Круга, и авторитетных граждан — негоциантов Филиберта, Сомлева и Теодориди. Для ведения журнала откомандировывается также губернский секретарь Гладков. Отобранные у граждан владельческие документы возвращаются им с подпиской, что они обязуются застроить места плановыми сооружениями в течение полутора лет. В течение этого срока они не имеют права ни под каким видом передавать участки в другие руки под угрозой штрафа. Если постройка не будет окончена вовремя, место будет отобрано и передано другому лицу без всякого уважения[83].

В эти же дни, 29 мая 1819 г., ОСК обсуждал недоразумения, а точнее, злоупотребления, возникающие при оценке материалов на незастроенных местах либо в ходе оценки ветхих и противных планам построек. В этом нет ничего удивительного, поскольку прежний или будущий владелец места вполне могли войти в сговор с присяжными оценщиками, к обоюдной выгоде. Поэтому Комитет и определил, что после "диагноза" присяжных оценщиков назначается публичный торг, и место остается за тем, кто предлагает наивысшую цену. К формированию института оценки городской недвижимости мы обратимся в особом разделе. А пока прибавлю к сказанному, что помимо корректирования процедуры оценки ОСК обратил внимание застройщиков на то, что некоторые из них считают информационные записки архитекторов о тех или иных местах и постройках чуть ли не владельческими документами. Комитет подчеркнул: приступать к строительству можно только на основании официальных выданных квитков по отводу мест, утвержденных планов и фасадов[84].

Выше говорилось о предложении правителя канцелярии Богдановского от 27 мая 1818 г. об откомандировании в городскую полицию комитетского архитектора — для надзора за домостроительством и участия в разрешении спорных вопросов. Как видно из рапорта полицмейстера Достанича графу Ланжерону, поступившего в ОСК 27 августа 1819 г., архитектор в полицию до сих пор не откомандирован. Полицмейстер доносит о продолжающихся нарушениях в ходе сооружения фасадов приватных зданий, просит прислать архитектора для надзора. 4 сентября ОСК отвечает полиции, чтоб она имела сношения с архитектором Франполли, который надзирает за устройством фасадов по своим служебным обязанностям[85]. Из этого следует лишь то, что Франполли по горло занят комитетскими делами и не может быть всецело предоставлен в распоряжение полиции. Возникает странная ситуация: с одной стороны, полиции вменен в обязанность контроль над процессом приватного домостроительства, но с другой — она не в силах исполнять свои обязанности надлежащим образом.

Подводя некоторые итоги экскурса в историю отвода мест и застройки города в первую четверть века существования Одессы, обратим внимание на следующие моменты. Первое: сроки, отпускаемые частным лицам на застройку, в это время сильно варьировались. Сначала застройщикам предоставлялось три года, но этот срок оказался слишком велик, и значительное число мест осталось незастроенным. Далее, стимулируя застройщиков, термин сократили до одного года, однако и он себя не вполне оправдал, поскольку предполагал, что процесс сооружения уложится в один-единственный летний сезон. И в этом случае любое случайное, непредсказуемое обстоятельство (внезапное повышение цен, отток рабочей силы вследствие хорошего урожая, эпидемия и др.) могло сорвать все дело.

Следующий момент: несмотря на все бюрократические уловки, у застройщиков все равно оставалась возможность спекулировать отведенными местами. Владелец участка всегда мог договориться с конкретным лицом, желающим получить этот участок. Вдвоем они направлялись в Комитет, где одновременно писали прошения: один об отказе от места в связи с несостоятельностью, а другой — о собственной состоятельности и желании застроить данное место. Они даже могли заранее пригласить городского архитектора для освидетельствования участка, и буде тот обнаруживал незавершенное строение или стройматериалы, то владелец писал в прошении, что он уже удовлетворен за это лицом, которое желает застроиться. Но если это происходило и после подачи прошений, то ничего принципиально не менялось: согласно существующим правилам, места

отводились в порядке подачи прошений, и "договоренный" проситель заведомо оказывался первым в очереди. Подкопаться здесь формально было не к чему, да никто особо и не пытался глубоко копать.

Примечания

[1] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 42-43.

[2] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 281, 288.

[3] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 20 (1806 г.). — 173 л.

[4] Там же, л. 5.

[5] Там же, л. 163-173.

[6] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 211, 241-243, 277, 300 и др.

[7] Яковлев В.А. К истории голодных годов в Одессе // Южный сборник. Одесса, 1892. — Отдел II. С. 27.

[8] Смольянинов К.Н. Указ. соч. — С. 146.

[9] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 285.

[10] Там же, д. 257, л. 59.

[11] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 2824.

[12] Там же, л. 1.

[13] Там же, л. 3.

[14] Там же, л. 5-6.

[15] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 59. Более подробно о сооружении домов для колонистов вне Одессы см.: Письма герцога Армана Эммануила де Ришелье Самуилу Христиановичу Контениусу, 1803-1814 гг. / Под ред. О. Коноваловой. — Одесса, 1999. — С. 32-33, 38-39, 42, 47, 59, 67, 92.

[16] Там же, л. 58.

[17] Там же, д. 258, л. 58.

[18] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 17, л. 185.

[19] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 56-59.

[20] Там же.

[21] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 47.

[22] Там же.

[23] Там же, л. 4-5.

[24] Там же, л. 6.

[25] Там же, л. 7-8.

[26] Там же, л. 10.

[27] В качестве подспорья для заинтересованных упомяну монографию: Копанев А. И. Население Петербурга в первой половине XIX века. — М.-Л., 1957. — 156 с.

[28] ПСЗРИ. — Собр.1-е. — СПб., 1830. — Т. 31. — № 24.839.

[29] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 47, л. 12.

[30] Там же, л. 16.

[31] Там же, л. 17-18.

[32] Там же, л. 19-20.

[33] Там же, л. 21-23.

[34] ОГИКМ, инв. № К-602.

[35] ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 406.

[36] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 151.

[37] Там же, д. 75, л. 552.

[38] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 265, л. 183-184.

[39] Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1853. — Т. 3. — С. 590-594.

[40] Одесская старина. — Одесса, 1869. — С. 30.

[41] Путеводитель по городу Одессе. / Сост. К. Висковский. — Одесса, 1875. — С. 33.

[42] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 142.

[43] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 75, л. 433-434: ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 27.

[44] ОГИКМ, инв. №№ К-600 и К-609.

[45] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 88, л. 114.

[46] Смольянинов К. Н. Указ. соч. — С. 90.

[47] Там же, с. 38.

[48] Там же, с. 61.

[49] См. выше.

[50] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 134; дело не сохранилось.

[51] Там же, д.140 и 160; дела не сохранились.

[52] Там же, оп. 1, д. 37; дело не сохранилось.

[53] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 27-28.

[54] Там же, л. 253-253а, 279, 326; ф. 59, оп. 2, д. 18 и др.

[55] См., например: Коханский В. Одесса за 100 лет: Исторический очерк. — Одесса, 1894. — С. 113; Прошлое и настоящее Одессы. — Одесса, 1894. — С. 20.

[56] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 293, 297.

[57] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 180-181.

[58] ПСЗРИ. — Собр. 1-е. — СПб., 1830. — Т. 23. — № 17.233; Коханский В. Указ. соч. — С. 23.

[59] Смольянинов К.Н. Указ. соч. — С. 99,161.

[60] Там же. — С. 109-110.

[61] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 93.

[62] Rochechouart, comte de. Souvenirs sur la Revolution, l'Empire et la Restauration. — Paris, 1889. — P. 88.

[63] Архив князя Воронцова. — М., 1892. — Кн. 38. — С. 346.

[64] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 178-180.

[65] Там же, д. 65, л. 36-44; ф. 2, оп 5, д. 265, л. 228-229.

[66] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 96, л. 1-6.

[67] ОГИКМ, инв. № К-584.

[68] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 75, л. 190.

[69] Там же, л. 591.
[70] 1 сажень = 213,36 см.
[71] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 75, л. 510-515.
[72] Там же, л. 703-706.
[73] Там же, д. 65, л. 1-21, 169-172, 245-246а.
[74] Там же, л. 184-186.
[75] Там же, д. 96, л. 126-133.
[76] Там же, д. 114, л. 286-288.
[77] Там же, д. 127, л. 128.
[78] Там же, л. 202.
[79] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 12.
[80] Там же, л. 187.
[81] Там же, л. 232.
[82] Там же, д. 269, л. 143.
[83] Там же, д. 275, л. 418.
[84] Там же, л. 434-435.
[85] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 153б, л. 180.

Продолжение следует

Сергей РЕШЕТОВ, Лариса ИЖИК

Мария Фердинандовна Кич-Маразли и ее родственное окружение (Наркевичи, Кичи, Андреевские и Никитины)*

К 150-летию со дня рождения М.Ф. Кич-Маразли
и 200-летию со дня рождения Э.К. Андреевского

Курдимановы

Екатерина Петровна Курдиманова была дочерью ротмистра (при отставке полковника) Елисаветградского гусарского полка, впоследствии коллежского советника, товарища инспектора Одесского карантина Петра Ивановича Курдиманова (1771-1842). Многочисленная семья Курдимановых оставила заметный след в истории нашего края.** Этот род, вероятно, был малороссийского происхождения. Курдимановы были внесены в дворянскую родословную книгу Херсонской губернии.

Первым известным нам представителем рода является Иван Курдиманов, который жил примерно в середине XVIII в. в Слободской Украинской губернии. Согласно послужному списку его сына Ивана Ивановича — Иван Курдиманов-старший принадлежал к малороссийской старшине и владел имением в Константиноградском уезде Слободской Украинской губернии.

После себя он оставил 6 сыновей — Ивана, Константина, Петра, Дмитрия, Романа и Андрея. Как видно из приведенных ниже источников, все они связали свою жизнь со службой в армии.

В "Ведомости Херсонского уезда казенным и помещичьим селениям с показанием числящегось под каждым десятин земли", датированной 1804 г. (но в ряде случаев, как с Курдимановыми, фактически соответствующей сведениям конца 1780 — начала 1790-х годов), числится "деревня [название не указано] порутчика Константина и Ивана и кадетов Петра и Андрея Ивановых детей Курдимановых", владеющих 6000 десятинами удобной земли, а также 4 крепостными мужского и 4 женского пола.[1] Других упоминаний о Константине и Андрее Ивановичах Курдимановых пока не обнаружено. Капитан Константин Курдиманов упоминается в вы-

* Продолжение. Начало в кн. 36.

** Первым обширные материалы об этой семье собрал Михаил Юрьевич Линниченко (г. Москва), который является прямым потомком этого рода — его прапрапрапрабабушкой была Елизавета Петровна Курдиманова, супруга капитана и кавалера Петра Николаевича Ганского.

шеуказанном деле за 1804 г. как единственный, без братьев, владелец 6000 десятин и 13 подданных в Херсонском уезде.

Сыновья Ивана Курдиманова-старшего Иван, Петр, Дмитрий и Роман Ивановичи Курдимановы проходят по "Списку офицеров Елисаветградского гусарского Воропанского полка по состоянию на 1 июля 1798 г."[2] (всего в списке офицеров полка значатся 73 фамилии):

№ 1. Пиус Ксаверьевич Воропанский — шеф полка, генерал-майор, 40 лет, из польских дворян; № 10. Иван Иванович Курдиманов — майор, 31 год, из малороссийских старшинских детей Новороссийской губернии; № 23. Петр Иванович Курдиманов — ротмистр, 27 лет, из малороссийских старшинских детей; № 36. Дмитрий Иванович Курдиманов — поручик, 27 лет, из малороссийских старшинских детей; № 62. Роман Иванович Курдиманов — корнет, 20 лет, из малороссийских старшинских детей.

Немалый интерес представляют собой послужные списки офицеров — елисаветградцев братьев Курдимановых.

Старший из братьев, Иван Иванович Курдиманов (1767, Слободско-Украинская губерния, — после 1820, Херсонская губерния), происходил "из малороссийских старшинских детей Новороссийской губернии Константиноградского уезда, в коем имеется его недвижимое имение". Как записано в его формулярном списке, он поступил на воинскую службу в 1776 г. и вышел в 1809 г. отставку, будучи уже в чине полковника Елисаветградского гусарского полка. В августе 1789 — январе 1791 гг. он состоял адъютантом в штабе Иосифа Михайловича де Рибаса. Принимал участие в войнах с Турцией и Польшей:

— В Турции: с 24 мая 1788 г. — при осаде и взятии Очакова; 14 сентября 1789 г. — при взятии Гаджибея; 29 августа 1790 г. — в сражении Черноморского гребного флота с турецким флотом; 20 октября 1790 г. — при входе в Сулинские гирла Дуная, высадке на остров десанта и взятии с охотниками двух батарей по обеим сторонам реки; 7 ноября 1790 г. — при взятии городов Тульчи и Исакчи и сожжении там турецкого флота; 11 декабря 1790 г. — при взятии штурмом Измаила; 31 марта 1791 г. — при взятии укрепленной батареи на острове около города Браилова; 18 июня 1791 г. — при разбитии за р. Дунаем под местечком Бабазаем турецкого лагеря.

— В Польше в войну 1792 г.: 4 июня — при местечке Дервице; 7 июня — при Жилинцах и Городище; 26 июня — под Владимиром (Волынским); 7 июля — за местечком Дубенкою при дер. Уханке.

— В Польше в войну 1794 г. с польскими мятежниками: 5-6 мая — при блокаде неприятельского лагеря под местечком Поланцем; 21 мая — при

дер. Глевенчик; 26 мая — близ местечка Щикочина при дер. Дравке в разбитии совместно с прусской армией в присутствии его величества короля прусского войск главного начальника польского Т. Костюшки; 15 июня — при сел. Липовом при разбитии отряда полковника Добика; 28-29 июня — близ местечка Песочного при сел. Лешно и при Вильянове под Варшавою; 20 и 22 июля, 6 и 21 августа — при Вильянове же в разбитии отряда князя И.А. Понятовского; 29 сентября — в сражении при Мацейовицком замке, разбитии и пленении польского предводителя Т. Костюшко, "где, врезавшись в неприятеля, отнял белое знамя"; 24 октября — в штурме Варшавского предместья — местечка Праги; с 27 октября по 10 ноября — "в преследовании польских войск при начальнике Ваврженце (Т. Вавржецком), которые вместе с ним 9 ноября в местечке Радошице взяты в плен".

По высочайшему повелению, в январе 1799 г. был выключен из службы. Принят по прежнему на службу бригад-майором по кавалерии 18 апреля 1800 г. Произведен в подполковники 22 апреля 1800 г. Определен в Елисаветградский гусарский полк в мае 1801 г. По высочайшему приказу, отданному 9 января 1809 г., по прошению был уволен от службы полковником с мундиром.

Иван Иванович был кавалером ордена св. Иоанна Иерусалимского. Он был женат на вдове капитанше и помещице Елисаветградского уезда Домнике Ильяшевичевой.[3]

В одесском архиве хранится большое дело "По отношению министра внутренних дел о доставлении сведений о земле просимой полковником Курдимановым". В 1806 г. отставной полковник Иван Курдиманов обратился с прошением, в котором он "описывал 29-летнюю свою службу, и недостаточное состояние, ограничивающееся одним только инвалидным жалованьем, просит о вознаграждении службы его пожалованием в Херсонской губернии земли, числящейся за тамошним монастырем, от реки Ингульца и состоящей впусте".[4] 10 июня 1808 г. последовали два прошения — одно от полковника Курдиманова, а второе от сестры его, девицы Надежды. Переписка по этому делу продолжалась с 1806 по 1820 г., прошения получали и Ришелье, и Ланжерон.

Дмитрий Иванович Курдиманов (1771-?) в службу вступил кадетом в Елисаветградский конно-егерский (впоследствии Елисаветградский гусарский Воропанского) полк — 29 апреля 1790 г. Произведен в: корнеты — 1 января 1793 г.; поручики — 26 сентября 1794 г. В походах и делах был:

— В Турции: с 18 октября 1790 г. при осаде и взятии крепости Килии.

— В Польше: в 1792-1794 гг. В войну 1794 г. с польским мятежниками

был: 5-6 мая — при блокаде неприятельского лагеря под местечком Поланцем; 21 мая — при дер. Глевенчик; 26 мая — близ местечка Щикочина при дер. Дравке при разбитии совместно с прусской армией в присутствии его величества короля прусского войск главного начальника польского Т. Костюшки; 15 июня — при сел. Липовом при разбитии отряда полковника Добика; 28-29 июня — близ местечка Песочного при сел. Лешно и при Вильянове под Варшавой; 20 и 22 июля, 6 и 21 августа — при Вильянове же в разбитии отряда князя И.А. Понятовского.[5]

Роман Иванович Курдиманов (ок. 1778, Слободская губерния, — ?) в 1793 г. вступил в службу кадетом в Елисаветградский конно-егерский (впоследствии Елисаветградский гусарский Воропанского полк). Находился в домовом отпуске в Слободской Украинской губернии по 1 января 1795 г. В войну с польскими мятежниками 1794 г. за невозможностью прибытия к полку находился волонтером при генерал-майоре А.П. Тормасове и за отличия в делах награжден чином корнета — 29 сентября 1794 г.[6]

Теперь перейдем непосредственно к тестю Ф.Ф. Наркевича Петру Ивановичу Курдиманову.

Согласно послужному списку, в числе офицеров Елисаветградского гусарского Воропанского полка по состоянию на 1 июля 1798 г. Курдиманов Петр Иванович числится ротмистром. От роду 27 лет. Из малороссийских старшинских детей. Крестьян и недвижимого имения не имеет, жительствует в Слободской Украинской губернии. Российской грамоте умеет. Холост.

В службу вступил кадетом в Елисаветградский конно-егерский (впоследствии Елисаветградский гусарский Воропанского) полк — 29 апреля 1790 г. Произведен в корнеты — 1 января 1793 г. За отличие и храбрость в действиях против поляков в Варшаве 6-7 апреля 1794 г. произведен в поручики — 5 мая 1794 г. За отличие против поляков в сражении при Мацейовицах произведен в ротмистры — 29 сентября 1794 г.

В отпусках, штрафах и под судом не был. К повышению по службе достоин.

В походах и делах был:

— В Турции: с 18 октября 1790 г. при осаде и взятии крепости Килии.

— В Польше: в 1792-1794 гг. находился при генерал-майоре А.П. Тормасове и "употребляем им был в самоопаснейшие места с приказаниями; все исполнял с охотною ревностию и расторопностию и показал себя отличным в неустрашимости". В 1794 г. в войну с польским мятежниками был в боях и сражениях: 20 марта — при местечке Скельмирже; 24 марта —

при местечке Рацлавицах; 6-7 апреля — в Варшаве; 20 июня и в ночь с 6 на 7 августа — при отражении нападений поляков на наши батареи под Варшавой; 23 сентября — при переправе через р. Вислу; 29 сентября — при Мацейовицком замке во время разбития и пленения главного польского бунтовщика Т. Костюшки; 24 октября — в штурме ретраншемента Праги.[7]

В памятке Елисаветградского гусарского полка описаны бои по штурму Праги: "Начался штурм. Штурм вышел кровавым. Солдаты не давали полякам никакой пощады. Елисаветградцы проявили чудеса геройства. Ротмистр Курдиманов своеручно отнял неприятельский штандарт, а его эскадрон захватил 24 значка. <...> Кровавый штурм Праги навел страх на Варшаву: не прошло и суток, как в русский лагерь явились представители Варшавы для переговоров о сдаче русским. Варшава сдалась".[8] За этот подвиг П.И. Курдманов получил "золотой знак за штурм прагский".

По просьбе авторов историк С.В. Волков (Москва), составивший базу по чиновникам и военным Российской империи (включающую несколько сотен тысяч персон) сообщил, что у него имеются сведения о двух Курдимановых начала XIX в., служивших по легкой кавалерии: Иване Ивановиче и еще одном, чье имя не указано. Про этого последнего известно, что в 1800 г. он был произведен в майоры, в этом же чине фигурирует последний раз в списке на 1803 г. В списке гражданским чинам на 1809 г. в "изменениях" есть упоминание, что некий Курдиманов (имен тогда не писали), служащий по министерству внутренних дел, был произведен в 6-й класс[9]. Согласно "Табели о рангах" чином VI класса был чин коллежского советника, соответствующий военному чину полковника. Исходя из имеющейся у нас информации, можно с уверенностью утверждать, что сведения о кавалерийском майоре в 1800-1803 гг. и чиновнике министерства внутренних дел VI класса относятся именно к Петру Ивановичу Курдиманову.

После отставки (которую можно датировать 1803-1804 гг.) Петр Иванович переходит в гражданскую службу, и в первое десятилетие XIX века он уже проживал в Одессе. Так, в адрес-календарях Российской империи за 1805, 1812 и 1815 гг. он упоминается в должности товарища инспектора Одесского карантина (товарищ инспектора — фактически руководитель карантина, так как инспектором, по положению, являлся новороссийский генерал-губернатор). В 1816 г. Петр Иванов Курдиманов в чине коллежского советника являлся предводителем дворянства Тираспольского уезда.[10] В 1805 г., согласно указателю к адрес-календарям Российской империи, состоял в чине надворного советника (в метриках 1808 и 1809 гг. упомянут в том же чине), согласно тем же указателям, в 1812 и 1815 г. он уже упоми-

нается в чине коллежского советника, в метриках о крещении своих детей он фигурирует как подполковник (1806 г.), надворный советник (1808, 1809 гг.), отставной полковник (1810 г.), а в метриках о крещении внуков за вторую половину 1830-х гг. он фигурирует как статский советник.

В "Именном список лиц, жительствующим в Херсонской губернии, которые получили законную о своем дворянстве достоверность (по основаниям, изображенным в высочайше утвержденном в 12 день февраля 1828 года мнении Государственного Совета)", указано, что коллежский советник и кавалер Петр Иванович Курдиманов определением Херсонского дворянского депутатского собрания от 19 ноября 1814 г. был внесен в дворянскую родословную книгу[11].

В послужном списке за 1798 г. П.И. Курдиманов указан холостым, в 1806 г. родилась старшая из известных нам его дочерей. Можно предположить, что в брак он вступил между 1798 и 1806 гг., возможно, в Одессе (наиболее вероятно, что это произошло после его отставки в 1803-1804 гг.). По нашему предположению, венчание могло состояться в одесской Соборной Николаевской (впоследствии Преображенской) церкви, где начиная с 1806 г. были крещены их дети. Установить это в настоящее время не удалось, так как метрические книги данной церкви за 1803 и 1804 гг. утрачены, а за 1805 г. и 1806 г. сведения о бракосочетании не обнаружены (при этом книга за 1805 г. сохранилось лишь частично). О его супруге достоверных сведений пока мало. Согласно найденным метрическим записям, нам известно, что ее звали Елизавета. Автор повести "Любовь моя Россия" А.С. Василенко пишет, что согласно семейной легенде, она была урожденная баронесса фон Гейкинг[12], но документальных подтверждений этому факту нет. При этом в Елисаветградском уезде находилось имение генерал-поручика Христофора Ивановича Гейкинга (или Гейкина) (1731-?). Так, в метрических книгах церквей Елисаветградского уезда за 1783-1786 гг. фигурирует слобода Софиевка генерала Гейкина (церкви нет), слобода Софиевка генерала Гейкина (церковь не названа), походная церковь Св. мученицы Софии в слободе Софейской.[13] По свидетельству А.В. Пивовара, в Елисаветградском уезде генерал-поручице Софии Ивановне Гейкиной принадлежало село Софийское, деревня Христофоровка и пустошь безымянная, где было в общей сложности 16489 десятин удобной земли и 1975 неудобной, а также 387 крепостных мужского и 346 женского пола (по сведениям Херсонского архива, земля Гейкиным была отведена здесь в 1779 и 1780 гг.).[14]

В метрических книгах одесской Соборной Преображенской церкви (впоследствии — одесский Преображенский собор) были найдены записи о крещении детей Курдимановых:

Елизаветы, крещенной 3 декабря 1806 г. (в метрической книге не указано, какое из событий — рождение или крещение — фиксировалось в ней, но логичнее предположить, что именно крещение): "Крестил иерей Иоанн Воронич младеницу Елисавету, дочь подполковника Петра Курдиманова и жены его Елисаветы", [восприемники]: "Надежда, того же подполковника сестра"[15];

Льва, родившегося 10 и крещенного 15 января 1808 г., [у кого кто родился]: "родися младенеи Лев от родителей надворного советника Петра Курдиманова и жены его Елисаветы, молитвовал священник Иоанн Воронич, и крестил протоиерей Петр Куницкий", [кто были восприемники]: "надворный советник Осип Иванов [фамилия не указана]"[16] (наверняка это был сослуживец П.И. Курдиманова Осип Иванович Россет или Россети (ум. 1813) надворный, затем коллежский советник, комендант одесского порта, с 1802 г. инспектор портового карантина. Он был отцом знаменитой Александры Смирновой-Россет (1809-1882), возлюбленной А.С. Пушкина);

Софии, родившейся 14, и крещенной 16 апреля 1809 г., [у кого кто родился]: "родися младеница София от родителей г-на надворного советника Курдиманова и жены его Елисаветы, молитвовал и крестил священник Иоанн Воронич", [кто были восприемники]: "г-на генерал-майора Кобли (так!) дочь Клавдия"[17] (дочь коменданта Одессы Фомы Александровича Кобле (ум. 1833);

Варвары, родившейся и крещенной 18 декабря 1810 г., [у кого кто родился]: "родися младеница Варвара от родителей отставного полковника Курдиманова и жены его Елисаветы...", [кто были восприемники]: "Софира, жена иностранного купца ...".[18]

Также примечательно, что в одних случаях указывался гражданский чин отца, а в других — военный.

Метрика о крещении Екатерины (впоследствии супруги Наркевича) в настоящее время не найдена.

Также в метрической книге одесской Соборной Преображенской церкви за 1805-1806 гг. фигурируют другие Курдимановы, их подданные и крепостные:

5 февраля 1805 г. обвенчал протопоп Петр Куницкий подданного полковника Курдиманова Виктория (так!) Лоевского с девицею Ксениею. Поручительницей была полковница Катерина Курдиманова[19];

27 июля 1806 г. погреб иерей Иоанн Воронич младеницу Надежду, дочь полковника Курдиманова, лет ей 1[20] (вероятно, это дочь полковника Ивана Курдиманова);

23 сентября 1806 г. погреб протоиерей Евдоким Сергиев младенца Илью, сына Виктора Николаева крепостного Курдиманова[21].

Согласно формулярному списку Льва Петровича Курдиманова (1808-?), его отцу в 1832 г. принадлежало 10 тысяч десятин земли и 150 душ крестьян в Одесском уезде Херсонской губернии.[22] Также П.И. Курдиманов имел землевладения в Александрийском и Тираспольском уездах.

В справке из Херсонской духовной консистории при крещении в Троицкой церкви с. Николаевки Ананьевского уезда Херсонской губернии П.И. Курдиманов, будучи восприемником, при рождении своих внуков Николая и Варвары Ганских в 1831 г. записан как коллежский советник, не служащий, — помещик Одесского и Тираспольского уезда; при крещении в Николаевской церкви с. Николаевки Ананьевского уезда в 1838 г. дочь П.И. Курдиманова, будучи восприемницей при крещении своего племянника Павла Петровича Ганского, записана как дочь статского советника помещика Одесского и Тираспольского уезда.[23]

Скончался "сельца Елизаветовки помещик, коллежский советник Петр Иванов сын Курдиманов" 9 августа, а отпет 11 августа 1842 г. в Петропавловской церкви местечка Петроверовки Тираспольского уезда* и был погребен на "кладбище отведенному" (то есть, видимо, в Петроверовке)[24]. Согласно записи об отпевании, он скончался в возрасте 81 года, то есть он должен был родиться около 1761 г., тогда как согласно послужного списка, он родился на 10 лет позднее, в 1771 г.! Следует признать 1771 г. как более вероятную дату его рождения, так как в 1806 г. его брат полковник Иван в прошении о выделении земли фигурирует как Курдиманов 1-й. Это означает, что из всех четырех братьев-офицеров именно Иван был старшим, и при этом родился в 1764 г. Также в метрике об отпевании он указан как коллежский советник, а не статский. Почему же П.И. Курдиманов был отпет именно в церкви местечка Петроверовки? Как уже известно, он был помещиком сельца Елизаветовки (наверняка названного им в честь своей супруги). Ответ очевиден — именно в Петро-

* Местечко Петроверовка и село Елизаветовка территориально находились на тот момент в Тираспольском уезде, но при этом Петроверовский приход входил на 1842 г. в благочиние Одесского уезда (очевидно из-за подобной двойственности помещики писались одновременно Одесского и Тираспольского уездов). Ныне Петроверовка — это село Жовтень Ширяевского района Одесской области, хотя жители продолжают употреблять старое название.

веровке располагалась ближайшая к его имению церковь (если взглянуть на старинные карты, можно убедиться, что оба населенных пункта находились в непосредственной близи друг от друга). Через восемь лет, в 1850 г., за помещика села Петроверовки князя П.А. Абамелика вышла замуж дочь П.И. Курдиманова, Мария.

Сельцо Елизаветовка, впоследствии территориально расположенное уже в Тираспольском уезде, получила в приданое дочь П.И. Курдиманова Екатерина, вышедшая замуж за Наркевича. В настоящее время это село Старая Елизаветовка Ширяевского района Одесской области. Интересно, что и имение Наркевича, и его супруги располагались близ реки Большой Куяльник.

Херсонская губерния была молодым регионом империи, и те дворяне, которые поселились на этих землях сразу после присоединения их к России (а это были, в основном, екатерининские офицеры), к двадцатым годам XIX столетия стали считаться старым херсонским дворянством. К этому старому херсонскому дворянству относились Курдимановы и многие их соседи. Своих дочерей, а их у него было десять (потомок рода Курдимановых Татьяна Кашнева в книге "Земная коротка наша память...: невыдуманная повесть" утверждает, что у П.И. Курдиманова было 14 дочерей[25]), П.И. Курдиманов выдал замуж за соседей-помещиков, также принадлежавших к старому херсонскому дворянству, — П.Н. Ганского, А.С. Флоринского, П.С. Андреевского, Ф.Ф. Наркевича, князя П.А. Абамелика и некоторых других (бар. Штемпель, Корф, Пиварович, Стрибинский, Адеев).[26]

Все вышеперечисленные семьи вступали в родственные браки и крестили детей друг друга:

— Франц Станиславович Наркевич был дважды крестным отцом детей Любови Петровны (дочери Петра Ивановича Курдиманова) и Александра Степановича Флоринских;

— дочь Фердинанда Францевича Наркевича, Вера (сестра Марии Фердинандовны), была замужем за Константином Эрастовичем Андреевским;

— дядя Константина Эрастовича Андреевского, Павел Степанович Андреевский (1813-?), был женат на Вере Петровне Курдимановой (дочери Петра Ивановича); их дочь Генриетта Павловна Андреевская (1847-?) вышла замуж за своего двоюродного брата Сергея Петровича Ганского (1839-?), сына Петра Николаевича Ганского (1786-1854) и Елизаветы Петровны Курдимановой (1806-?);

— другая дочь Фердинанда Францевича Наркевича, Генриетта, была замужем за председателем Херсонской губернской земской управы Федо-

ром Платоновичем Никитиным, сыном Платона Филимоновича Никитина и Марии Васильевны Соколовой-Бородкиной (1819-?). Брат последней, Кирилл Васильевич (1816-?), был женат на Варваре Петровне Ганской (1831-?), дочери Петра Николаевича Ганского (1786-1854) и Елизаветы Петровной Курдимановой;

— дочь Марии Петровны Курдимановой и тираспольского уездного предводителя дворянства князя Павла Александровича Абамелика (1828-1895), княжна Елизавета Павловна Абамелик (1853-1925), вышла замуж за Николая Федоровича Иванова-Луцевина (1839-1929), впоследствии генерала от кавалерии. Их дети Павел Николаевич (1880-1956) и Елизавета Николаевна (1882-1963) Ивановы-Луцевины вступили в брак с Екатериной Павловной и Филиппом Павловичем Кич, детьми Марии Фердинандовны Наркевич от первого брака, своими троюродными сестрой и братом.

Список этот можно продолжать. Фактически речь идет об одном узкородственном клане. И еще факт: одного из семерых детей Сергея Петровича Ганского звали Фердинандом*. Вне всякого сомнения, он был назван в честь Фердинанда Францевича Наркевича.

Сын Петра Ивановича — Лев Петрович Курдиманов (род. 1808, Одесса), окончивший одесский Ришельевский лицей, в 1828 г. вступил в службу в штат канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора с правом на чин 12 класса. Переименован в губернские секретари — 4 сентября 1828 г., пожалован в коллежские секретари — 29 мая 1829 г. Назначен временно в помощь к управляющему Овидиопольской карантинной заставой — 6 августа 1829 г. Временно управлял сей заставой — с 6 августа по 23 октября 1829 г. За выслугу положенных лет представлен в следующий чин — 6 июля 1832 г.[27]

По случаю передачи Управления военною частью Новороссийского края и Бессарабской области в ведение командира 5 Пехотного корпуса генерала от инфантерии Рота, в бытность генерал-губернатором графа Воронцова в отпуску за границей, командирован 1 апреля 1831 г. к генералу Роту для управления письменными делами помянутой воинской части. По вступлении же генерала Рота с корпусом в Царство Польское во время бывшего там мятежа, отправлен вместе с письменной частью в г. Кишинев к начальнику 19-й Пехотной дивизии генерал-лейтенанту князю Горчакову, от коего по возвращении генерала Рота из Царства Польского обратно отправлен к нему с делами.

* Ганский Фердинанд Сергеевич (ок. 1880-1900, Одесса), сын губернского секретаря.

По возвращению в Одессу графа Воронцова прибыл обратно на службу в его канцелярию в ноябре 1832 г. Указом Правительствующего Сената от 31 мая 1833 г. произведен за выслугу лет в титулярные советники. Определен столоначальником Канцелярии генерал-губернатора — 2 января 1833 г. Произведен за выслугу лет в коллежские асессоры со старшинством в чине с 29 мая 1836 г. Уволен с должности столоначальника с оставлением в штате той же канцелярии для особых поручений — 1 октября 1837 г. Уволен согласно желанию вовсе от службы из упомянутой канцелярии — 7 апреля 1839 г. Находясь в отставке, во время бывших в сентябре 1847 г. губернских выборов избран предводителем дворянства Тираспольского уезда. В отправление этой должности вступил 19 ноября 1847 г. и утвержден высочайшим приказом, отданным по гражданскому ведомству, — 16 сентября 1848 г. В воздаяние верноподданнического усердия, с коим сопровождалась поставка пожертвованных дворянством Херсонской губернии в 1849 году строевых лошадей, получил высочайшее благоволение, объявленное начальником губернии 10 июля 1850 г. На дворянских выборах, в октябре 1850 г. происходивших, вновь избран предводителем дворянства Тираспольского уезда и утвержден в этой должности высочайшим приказом, отданным по гражданскому ведомству 21 июля 1850 г. Затем согласно уволен от этой должности высочайшим приказом — 1 мая 1853 г. Получил учрежденную в память войны 1853-1856 гг. темно-бронзовую медаль на Владимирской ленте — 26 августа 1856 г.

С разрешения министра финансов, согласно прошению, причислен к Департаменту таможенных сборов с откомандированием для занятий в С.-Петербургскую таможню — 4 мая 1868 г.

Лев Петрович был женат на Клавдии Корнильевне Ильяшевич. Супруги имели сына Евгения, родившегося 22 марта 1857 г., дочерей Леонилу, родившуюся 16 марта 1858 г., и Надежду, родившуюся 20 октября 1860 г. [28]

Впоследствии Л.П. Курдиманов был причислен к Департаменту таможенных сборов и был произведен за выслугу лет из коллежских асессоров в надворные советники со старшинством в чине с 4 мая 1868 года, согласно указу Правительствующего Сената на имя министра финансов от 11 февраля 1870 г.

В 1873 г. Лев Петрович с женой и детьми внесен во 2-ю часть родословной книги Херсонской губернии.[29]

Евгений Львович Курдиманов (1858-1911) служил в 7 Гусарском белорусском полку, дослужился до чина полковника (1910), был последовательно слонимским (1905-1906), феодосийским (1906-1910) и екатеринославским уездным воинским начальником, кавалером нескольких орде-

нов.[30] Евгений Львович был женат на дочери отставного гвардии поручика Юлии Александровне Леонтович и имел сыновей Льва и Александра.

Лев Евгеньевич Курдиманов на 1918 г. был штабс-капитаном, в сентябре 1919 года он вступил в Вооруженные силы Юга России. В 1920 г. был взят в плен красными в Одессе. До 1923 года служил в РККА. На тот момент он был не женат, и его дальнейшая судьба неизвестна. Александр Евгеньевич Курдиманов учился в Одесском кадетском корпусе, с 1915 г. — в Одесском военном училище. В 1918 г. состоял поручиком 3-го гусарского Елисаветградского полка, воевал в составе Добровольческой армии и в Вооруженных силах Юга России и был убит.[31]

Членами Одесского женского благотворительного общества являлись представительницы этого рода Анна Ивановна Курдиманова (в 1848-1859 гг.) и княжна Мария Петровна Абамелик (урожд. Курдиманова) (с 1860-х годов).

В Херсонской губернии с Курдимановыми связано несколько населенных пунктов: деревни Анно-Покровская (Малая Курдимановка) и Елисаветовка (Большая Курдимановка), хутор Курдиманов в Тираспольском уезде, деревня Михайловка (Ильяшевича, Курдиманова) в Александрийском и м. Казанка в Елисаветградском уездах.

Екатерина Петровна, урожд. Курдиманова, принесла в приданое земельные наделы при деревнях Катериновке и Новопетровке, сельце Елизаветовке, а также урочище Урытой Тираспольского уезда Херсонской губ.[32]

В октябре 1894 г. в церкви в честь иконы Божьей Матери "Всех скорбящих радость" при одесской Стурдзовской общине Екатерина Петровна выступила восприемницей при крещении своего внука Владимира Константиновича Андреевского.

Скончалась Екатерина Петровна Наркевич в преклонных годах 15 марта 1913 г. в Одессе в доме своего зятя Константина Эрастовича Андреевского на Лидерсовском бульваре, была отпета в соседней церкви при приюте Гладкова* и погребена на Втором (новом) христианском кладбище.[33] Попытки найти ее могилу не увенчались успехом. Ей суждено было пережить свою дочь Генриетту и трех зятьев (Кича, Маразли и Никитина).

От брака Ф.Ф. Наркевича и Е.П. Курдимановой родилось три дочери: Генриетта, Вера и Мария. Старшей дочерью была Генриетта Фердинандовна Наркевич (ум. 1898), не позднее 1871 г. вышедшая замуж за Федора Пла-

* Метрика о ее отпевании не сохранилась.

тоновича Никитина (1845-1911). Вера Фердинандовна Наркевич (ум. после 1913) не позднее 1877 г. вышла замуж за Константина Эрастовича Андреевского (1855/1856-1935). Мария Фердинандовна Наркевич (1859-1945) в возрасте девятнадцати лет в феврале 1879 г. вышла замуж за кандидата прав участкового мирового судью по г. Одессе Павла Николаевича Кича (1846-1905). Возможно, М.Ф. Наркевич была младшая из трех сестер.

Финансовое положение семьи Наркевич было довольно сложным.

К моменту крестьянской реформы 1861 г. Наркевичам принадлежало менее 100 душ крестьян, так как в "Извлечении из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше" по Ананьевскому уезду Херсонской губернии, они не упомянуты (в этом источнике указаны только несколько их ближайших соседей, например, те же Флоринские).[34]

Согласно исследованиям историка российской армии и Белого движения С.В. Волкова, "Оклад офицера в императорской армии складывался из жалования (в зависимости от чина), столовых (в зависимости от должности) и прибавочных (с 1872 г.) денег. Существовали еще квартирные, величина которых зависела, главным образом, от места дислокации части.

Для полковника жалование в 1860-1870-х гг. составляло: обычное — 750 р., усиленное — 1125 р., столовые для полковника до 1872 года составляли 980 р. С 1872 и до 1882 столовые для полковников (командиров полков) составляли 1500 р. и прибавочные 1200 р.[35]

Благодаря большой и длительной работе, проведенной А.В. Лебединской, стало возможным изучить уникальные материалы из "Сенатских объявлений по казенным, правительственным и судебным делам" о землевладениях семьи Наркевичей и их родственников (эти сведения тем более ценные, что в одесских библиотеках данные источники отсутствуют).

Так, в сенатских объявлениях о запрещениях и в сенатских объявлениях о казенных, полицейских, судебных делах майор (впоследствии — полковник) Фердинанд Францевич Наркевич, его супруга Екатерина Петровна и их дочери Генриетта, Вера и Мария Фердинандовны последовательно фигурируют на протяжении 1868-1913 гг. (а возможно, и за другие годы).

Так, в обеспечение занятых майором Фердинандом Францевичем Наркевичем у отставного корнета Степана Михайловича Ясьченко по крепостному заемному письму, совершенному в Ананьевском уездном суде 12 апреля 1868 г., шести тысяч рублей (без процентов), сроком на три года, по 11 апреля 1871 г., было наложено запрещение на 350 десятин принадлежащей ему земли, с экономическими устройствами и обзаведения-

ми, состоящей при деревне Чуйковке (она же Александровка) Ананьевского уезда Херсонской губ.[36]

По свидетельству, выданному 3 марта 1870 г., старший нотариус Одесского окружного суда наложил запрещение на 100 десятин земли при урочище Урытой Тираспольского уезда Херсонской губ., принадлежащей подполковнику Фердинанду Францевичу Наркевичу для залога в Земский банк Херсонской губ.[37] Одновременно, по свидетельству, выданному в тот же день, супруга Ф.Ф. Наркевича Екатерина Петровна заложила в Земской банк 440 десятин принадлежащей ей земли при деревне Новопетровке Тираспольского уезда.[38]

15 мая 1871 г. старшим нотариусом Одесского окружного суда была утверждена дарственная запись о даре жене кандидата [прав] Московского университета Генриетте Фердинандовне Никитиной матерью ее, женой подполковника Екатериной Петровной Наркевич, 500 десятин земли при селе Елизаветовке (она же Екатериновка), при балке Уритой и при дер. Новопетровке в Тираспольском уезде, со всеми строениями, обзаведениями и угодьями. Цена даримому имению была определена в 10 тысяч рублей.[39]

20 декабря 1871 г. старший нотариус Одесского окружного суда объявил жене подполковника Екатерине Петровне Наркевич о вводе ее во владение недвижимым имением в количестве 100 десятин земли и ценой в 500 рублей, состоящим при дер. Екатериновке Тираспольского уезда,. доставшимся ей от ее супруга подполковника Фердинанда Францевича Наркевича.[40]

6 августа 1872 г. полковник Ф.Ф. Наркевич приобрел у штабс-капитана Михаила Карловича Волосовича за 290 рублей 5 десятин земли при с. Чуйковой[41].

В 1873 г. было наложено запрещение на принадлежащие полковнику Ф.Ф. Наркевичу 350 десятин земли при деревне Чуйковой (она же Александровка) Ананьевского уезда. По выданному ему 10 февраля 1873 г. свидетельству, вышеуказанные земельные владения запрещаются для залога в Херсонский земский банк. Как указывалось в первоисточнике, по представлении же свидетельства к залогу, запрещение считается от Херсонского земского банка, за выдачу ссуды 7 тысяч рублей сроком с 1 сентября 1872 г. на 34 года 11 месяцев за 7 процентов в год.[42]

В 1876 г. были наложены запрещения:

— по выданному Екатерине Петровне Наркевич старшим нотариусом Одесского окружного суда от 24 января 1867 г. залоговому свидетельству, запрещается 990 десятин ее земли, состоящей при дер. Катериновке Тираспольского уезда Херсонской губ., для залога в Земский банк. По представлению же свидетельства к залогу запрещение на все означенное име-

ние считается от того банка на вышеозначенную землю госпожи Наркевич за выдачу дополнительной ссуды 5 тыс. 400 рублей серебром сроком с 1 сентября 1875 г. на 35 лет 11 месяцев по 7 процентов в год;[43]

— по выданному старшим нотариусом Одесского окружного суда от 10 февраля 1873 г. полковнику Ф.Ф. Наркевичу залоговому свидетельству, запрещается 350 десятин его земли, состоящей при деревне Чуйковке (она же Александровка) Ананьевского уезда Херсонской губ., для залога в Земский банк. По представлению же свидетельства к залогу запрещение на все означенное имение считается от того банка на вышеозначенную землю госпожи Наркевич за выдачу дополнительной ссуды 1 тыс. 100 рублей сроком с 1 сентября 1875 г. на 35 лет 11 месяцев по 7 процентов в год;[44]

— по выданному старшим нотариусом Одесского окружного суда от 10 января 1872 г. Е.П. Наркевич залоговому свидетельству, запрещается 100 десятин земли, состоящей при урочище Уритой Тираспольского уезда Херсонской губ. для залога в Земский банк. По представлению же свидетельства к залогу запрещение на все означенное имение считается от того банка на вышеозначенную землю госпожи Наркевич за выдачу дополнительной ссуды 5 тыс. 400 рублей серебром сроком с 1 сентября 1875 г. на 35 лет 11 месяцев по 7 процентов в год.[45]

23 мая 1884 г., по выданному вдове полковника Е.П. Наркевич старшим нотариусом Одесского окружного суда залоговому свидетельству, запрещалось 1090 десятин земли, состоящей при деревне Катериновке, сельце Елизаветовке и урочище Урытой Тираспольского уезда Херсонской губ. для залога в Земский банк Херсонской губ.[46] По выданному ей же 24 января 1867 г., 10 января 1872 г. и 23 мая 1884 г. старшим нотариусом Одесского окружного суда залоговому свидетельству, запрещались вышеуказанные земельные владения для залога в Земский банк Херсонской губернии за выдачу ссуды в сумме 4 тысяч рублей.[47]

14 апреля 1879 г. по 3-му участку Ананьевского судебного мирового округа вызывались наследники бригадного ремонтера полковника Фердинанда Францевича Наркевича, умершего 14 апреля 1879 г. в селе Чуйково (Александровка тож) Ананьевского уезда, заключающегося в 360 десятинах земли при селе Чуйково с находившимися на оной строениями.[48]

7 февраля 1885 г. жена коллежского советника Мария Фердинандовна Кич была введена в наследование землей при деревне Чуйково Ананьевского уезда, доставшейся ей по наследству от отца ее полковника Фердинанда Францевича Наркевича на основании исполнительного листа Одесского окружного суда от 2 августа 1884 г.[49] При этом в "Сенатских

объявлениях" за 1885 г. от Одесского окружного суда сообщалось, что по случаю ввода жены коллежского советника Марии Фердинандовны Кич, урожденной Наркевич, во владение на имение в 350 десятин земли, состоящее при деревне Чуйковке (она же Александровка) Ананьевского уезда Херсонской губ., на основании определения Одесского окружного суда, состоявшегося 24 июня 1884 г., запрещение, наложенное на это имение в 1876 г. (в связи с получением ее отцом ссуды в 1 тысячу 100 рублей сроком на 35 лет)[50] и 1868 г. (в обеспечение занятых им у отставного корнета С.М. Ясьченко по крепостного заемному письму 6 тысяч рублей без процентов сроком на 3 года)[51], ныне считается на нее, жену коллежского советника Кич Марию Фердинандовну, урожденную Наркевич.

Согласно формулярному списку ее супруга Павла Николаевича Кича, составленного в том же 1885 г., на этот период за ней состояло родовое имение в 375 десятин земли при деревне Чуйково (Александровка) Херсонской губернии Ананьевского уезда.[52] Справочник землевладельцев Ананьевского уезда на 1899 г. указывает, что на эту дату владельцами земли при деревне Чуйково было пять различных лиц[53], среди которых Мария Фердинандовна или ее близкие не значатся. Вероятно, в период с 1885 по 1899 гг. она продала родовое имения (возможно, для погашения долгов).

28 августа 1889 г. по выдельной (так в оригинале) записи, утвержденной 26 июля 1885 г., между женой статского советника Генриеттой Фердинандовной Никитиной, женой коллежского секретаря Верой Фердинандовной Андреевой (так в оригинале) и женой коллежского советника Марией Фердинандовной Кич за Г.Ф. Никитиной закреплялось имение в 1090 десятин земли при с. Елизаветовке, дер. Екатериновке и урочище Уритой в Тираспольском уезде, доставшееся ей от вдовы полковника Екатерины Петровны Наркевич, цена имению 56680 руб.[54] Иными словами, данное имение переходило в полную собственность Г.Ф. Никитиной, а ее сестры и их наследники не могли на него претендовать.

О дальнейшей судьбе вышеперечисленных персонажей будет подробно рассказано в продолжении статьи.

Примечания

[1] Ведомость Херсонского уезда казенным и помещичьим селениям с показанием числящагось под каждым десятин земли // "О роздаче в Новороссийских губерниях разным лицам земель под разные произрастания, под население крестьян, под овцеводство, скатоводство и проч. Часть 1-я"//ГАОО, ф. 1., оп. 220, д. 1, л. 471 об. (1804 г.). То же: информация из описи к генплану Херсонской губернии 1806 г. // Институт рукописи национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (г. Киев), ф. 1, д. 1665, л. 19 об. Сообщено А.В. Пивоваром.

[2] Список офицеров Елисаветградского гусарского Воропанского полка по состоянию на 1 июля 1798 г.//Российский государственный исторический архив, г. Москва (далее — РГВИА), ф. 489, оп. 1, д. 2268, л. 2-45об. Сообщено М.Ю. Линниченко.

[3] Послужной список И.И. Курдиманова // РГВИА, ф. 395, оп. 173, д. 5 св.5, л. 5-6 об. Здесь и далее послужные списки сообщены М.Ю. Линниченко.

[4] По отношению министра внутренних дел о доставлении сведений о земле просимой полковником Курдимановым // ГАОО, ф. 1, оп. 220 (Опись и алфавит делам канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора по Херсонской губернии с 1803 по 1824 год), д. 12 (1806 г.), л. 4.

[5] Послужной список Д.И. Курдиманова // РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 2268, л. 26 об.-27.

[6] Послужной список Р.И. Курдиманова // РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 2268, л. 38 об.-39.

[7] Послужной список П.И. Курдиманова // РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 2268, л. 20об.-21.

[8] Соколовский М. К. Памятка 3-го гусарского Елисаветградского... полка. (1764-1914). СПб., 1914. — С. 16.

[9] Письмо С.В. Волкова от 11 февраля 2009 г. (Архив С.Г. Решетова)

[10] Прибавление ко второй части Адрес-календаря на 1816 год. [СПб., 1816] — С. 122.

[11] Именной список лиц, жительствующим в Херсонской губ., которые получили законную о своем дворянстве достоверность (по основаниям, изображенным в высочайше утвержденном в 12 день февраля 1828 года мнении Государственного Совета). // РГИА, ф. 1343, оп. 51, д. 585, л. 34 об. Сообщено В.В. Морозаном и Н.В. Новиковой.

[12] Василенко А.С. Любовь моя Россия // Молодая Гвардия. — 1996. — № 12; 1997. — № 1.

[13] Метрическая книга церквей Елисаветградского уезда (1783 г.) // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 6; то же (1785 г.) ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 1; то же (1786 г.) ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 13. Сообщено А.В. Пивоваром.

[14] Сообщено А.В. Пивоваром.

[15] Запись о крещении Е.П. Курдимановой в метрической книге Одесской соборной Николаевской церкви за 1806 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 116, л. 9 об. Сообщено С.А. Желясковым.

[16] Запись о рождении и крещении Л.П. Курдиманова в метрической книге Одесской Соборной Преображенской церкви за 1809 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 4, д. 16 (Метрические книги церквей г. Одессы и Одесского уезда [за 1808 год]), л. 4.

[17] Запись о рождении и крещении С.П. Курдимановой в метрической книге одесской Соборной Преображенской церкви за 1809 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 136 (Метрические книги одесских церквей и уезда за 1809 и 1810 годы), л. 20.

[18] Запись о рождении и крещении В.П. Курдимановой в метрической книге одесской Соборной Преображенской церкви за 1810 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 136 (Метрические книги одесских церквей и уезда за 1809 и 1810 годы), л. 268.

[19] Запись о браке В. Лоевского в метрической книге одесской Соборной Николаевской церкви за 1805 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3., д. 121, л. 41 об. Сообщено С.А. Желясковым.

[20] Запись об отпевании Н. Курдимановой в метрической книге одесской Соборной Николаевской церкви за 1806 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3., д. 116, л. 15. Сообщено С.А. Желясковым.

[21] Запись об отпевании И. Николаева в метрической книге одесской Соборной Николаевской церкви за 1806 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3., д. 116, л. 16. Сообщено С.А. Желясковым.

[22] Формулярный список столоначальника канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора коллежского секретаря Л.П. Курдиманова от 19 декабря 1832 г.//РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 8472, л. 2-5.

[23] Запись о рождении и крещении П.П. Ганского в метрической книге Николаевской церкви села Николаевки Ананьевского уезда за 1838 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 4, д. 75 (метрическая книга церквей Ананьевского уезда за 1838 г.), л. 209.

[24] Запись об отпевании П.И. Курдиманова в метрической книге Петропавловской церкви местечка Петроверовки Тираспольского уезда за 1842 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 658 (согласно титула: "Метрические книги церквей в 1-й части благочиния Одесского уезда состоящих", а фактически — Тираспольского уезда), л. 183 об.-184.

[25] Кашнева Т. "Земная коротка наша память...": невыдуманная повесть. Таллинн, 1993. С. 54.

[26] Сведения М.Ю. Линниченко.

[27] Формулярный список столоначальника канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора коллежского секретаря Л.П. Курдиманова от 19 декабря 1832 г. // РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 8472, л. 2-5.

[28] Формулярный список о службе причисленного к Департаменту таможенных сборов коллежского асессора Льва Петровича Курдиманова // РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 10771.

[29] Дело о дворянстве рода Курдимановых (1873 г.) // РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 10771.

[30] Послужной список Е.Л. Курдиманова // РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 2334, л. 1-13; Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1911 г. СПб., 1911. — С. 1130.

[31] Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004. — С. 296.

[32] Сенатские объявления о запрещениях на имения. 1870-1884. Сообщено А.В. Лебединской.

[33] [Извещение о смерти Е.П. Наркевич] // Одесские новости. — 1913. — 16 марта.

[34] Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше [Ананьевский уезд. Херсонская губерния] // Приложение к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. VI. СПб., 1860. — С. 14. Сообщено А.В. Пивоваром.

[35] Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 256-258, 387-388. Сообщено С.С. Жебровским.

[36] Сенатские объявления о запрещениях на имения. 1868. №55. Ст. 19519. Здесь и далее сообщено А.В. Лебединской.

[37] Сенатские объявления о запрещениях на имения. 1870. №10658. Ст. 318.

[38] Сенатские объявления о запрещениях на имения. 1870. №10654. Ст. 318.

[39] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. — СПб., 1871. — № 1579. — Разряд XVI. — Ст. 543. Здесь и далее сообщено А.В. Лебединской.

[40] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. — СПб., 1871. — № 7757. — Разряд XIV. — Ст. 61.

[41] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. — СПб., 1873. — № 3410. — Разряд XIV — Ст. 120.

[42] Сенатские объявления о запрещениях на имения. 1873. № 22960. Ст. 699.

[43] Сенатские объявления о запрещениях на имения. 1876. № 14600. Ст. 443.

[44] Сенатские объявления о запрещениях на имения. 1876. № 14601. Ст. 443.

[45] Сенатские объявления о запрещениях на имения. 1876. № 14602. Ст. 443.

[46] Сенатские объявления о запрещениях на имения. 1884. № 45163. Ст. 1205.

[47] Сенатские объявления о запрещениях на имения. 1884. № 51067. Ст. 1371.

[48] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. — СПб., 1879. — № 8195. — Разряд III. — Ст. 363.

[49] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. — СПб., 1885. — № 761. — Разряд XVI. — Ст. 888.

[50] Сенатские объявления 1885 г. № 60275. Ст. 1552.

[51] Сенатские объявления 1885 г. № 60276. Ст. 1552.

[52] Формулярный список о службе председателя Одесского коммерческого суда коллежского советника Павла Николаевича Кича (составлен 8 июня 1885 года) // РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 3496.

[53] Список земельных владений, принадлежащих частным землевладельцам, товариществам, крестьянским обществам, разным учреждениям и церквям в Ананьевском уезде. — Ананьев, 1899. — С. 10, 17 ,18, 39, 59.

[54] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. — СПб., 1889. — № 4296. — Разряд XV. — Ст. 165.

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

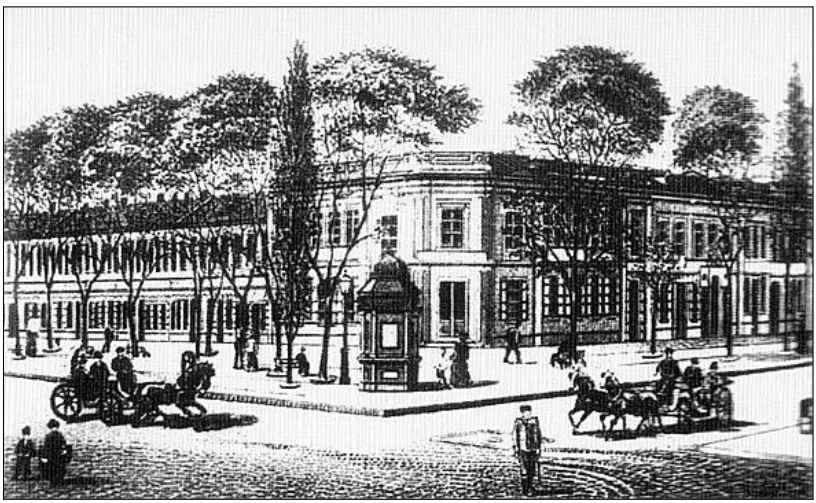
Угол Екатерининской

Остается лишь радоваться или печалиться, но не от нас зависит, что все вокруг меняется — климат, нравы, страны, моды, песни... Города меняются и людские суждения о них. В неторопливые давние времена, когда Одессе никто и ничего не мешало жить сообразно своей счастливой судьбе, ее частенько называли "маленьким Парижем". Кое-кто даже Париж предлагал именовать "большой Одессой". А наш земляк, известный скрипач Борис, или, как его называли, Буся Гольдштейн, впервые увидев французскую столицу, снисходительно заметил, что "Париж, как Одесса, тоже красивый город". Все это, конечно, милые одесские шутки, но в них, как всегда, только доля шутки. Можно вспомнить и перечислить немало черт и черточек, которые роднили эти два города, а одна из них в прямом смысле слова была яркой, и вдобавок благоухающей. Еще в 1875 году великий француз Мопассан, кстати сказать, вдохновитель нашего Бабеля, в полном вечных страстей романе "Милый друг" написал о том, как в Париже "был конец февраля. По утрам на улицах возле тележек с цветами уже чувствовался запах фиалок". То же самое, но о другом городе и через много лет написал в книге "Ни дня без строчки" Юрий Олеша: "В то время в Одессе февраль, особенно конец его, — это уже была весна! Во всяком случае, продавали фиалки...". Молодой художник из рассказа Ивана Бунина "Галя Ганская", встретив "в чудесный апрельский день" на Соборной площади юную героиню своего романа, "тотчас купил ей у оборванной девчонки букетик фиалок...". И Аминад Шполянский, известный когда-то всей читающей России под псевдонимом Дон Аминадо, в мемуарном очерке "Шарлота Клоде" не преминул отметить, что ранней весной в Одессе "уже появились на лотках первые фиалки, наполнявшие воздух усталым и нежным благоуханием". В других городах приметой весны считали гул ледохода, звон капели или шумную суету прилетевших с юга грачей. В Одессе приход весны связывали с появлением цветов, причем не на привольных приморских склонах или где-нибудь в степи за Большим Фонтаном, а на центральных улицах, вымощенных гранитными кубиками и синими плитками итальянской лавы.

У истоков этой радующей глаз и душу традиции стоял не кто иной как дюк де Ришелье, который по душевной привязанности ко всяким растениям усердно способствовал насаждению их в юном городе, а саженцы бе-

лой акации специально выписал из Италии. Ботаническое название этого дерева "*Robinia pseudacacia*", то есть "Робиния лжеакация", но для одесситов она самая настоящая и другой им не надо. По словам побывавшего во многих странах Владимира Жаботинского, "ничто так не характерно для Одессы, ничто так ее не напоминает вдали, как запах акации". И он был совершенно прав в этом своем утверждении, потому что акация давно уже стала символом Одессы, а пора ее майского цветения — такой же знаковой, как время белых ночей в Петербурге. "Ее белые висячие гроздья повсюду: на улицах, в парках, в домах и в ресторанах; они вплетены в гривы извозчичьих лошадей, воткнуты в петлицы мужчин, пришпилены к женским волосам и бедрам, украшают вагоны трамваев, привязаны к собачьим ошейникам, — написал в рассказе "Большой Фонтан" Александр Иванович Куприн, который все это видел своими глазами. Удивительным образом проявляется иногда связь времен! Весной 1881 года на Прохоровской, Елисаветской, Торговой улицах и в Успенском переулке высадили более трех тысяч саженцев белой акации, далеких потомков той, что выписал Ришелье. А в это самое время на Фоминой балке в почтенном столетнем возрасте еще жил Степан Чалый, служивший садовником у дюка де Ришелье на его ухоженной до последнего кустика даче, от которой теперь осталось одно лишь название "Дюковский сад".

Благое дело, начатое стараниями Ришелье, продолжили его соотечественники. Большинство их осталось за плотной завесой прошедших времен, но кое-кого еще можно разглядеть. В апреле 1820 года специально для того приглашенный "ученый французский натуралист" Десмет устроил в Одессе ботанический сад, располагавшийся примерно в границах нынешнего Французского бульвара, проспекта Шевченко, Семинарской и Ботанической улиц. Первое дерево там посадил Александр Ланжерон и, видать, легкой была рука графа, поскольку из этого сада, возведенного потом в ранг Императорского, в большом количестве "переселились" на улицы, городские усадьбы и окрестные дачи саженцы разных деревьев, а в оранжереи и цветочные магазины — семена и луковицы лилий, гиацинтов, нарциссов, тюльпанов, роз, гвоздик, астр, фиалок, георгинов и даже альпийских маков. В середине 1840-х годов в Одессе появились садовники парижской компании "Людвиг Леклер и К°", расположились в Пале-Рояле у своего земляка парикмахера Пеллетье и продавали там семена цветов. Ранней весной 1857 года господа Вейра и Мартин получили из Парижа "большой выбор цветочных растений и луковиц, служащих для украшения садов и оранжерей", для которых продавались и садовые вазы,

вырезанные из мальтийского камня теплого медового цвета. Тогда же в доме барона Кальма на Дерибасовской, 10, охочие до этого дела одесситы могли купить луковицы и семена редких цветов у только что прибывшего садовника Парижского общества цветоводства Дюпре. Его торговля, видать, сложилась так удачно, что через год он привез из Парижа и выставил на продажу в магазине на Екатерининской, 25, "коллекцию растений, каких еще не было в Одессе: камелии в полном цвете самых новых родов, розы, цветущие во всякое время года, луковицы и цветочные семена". А в декабре того же 1858 года, в начале капризной одесской зимы, садовники парижского цветочного заведения "Г.Г. Берт и К°" благополучно доставили и продавали в одном из магазинов Екатерининской площади азалии, камелии, рододендроны и розовые кусты "с высокими и низкими стеблями". Зимой даже в нашем южном краю цветы впечатляют куда больше и ценятся куда дороже, нежели летом. В январе 1860 года в начале Ришельевской улицы появились в продаже розы и камелии, выращенные в оранжереях парижского товарищества "Гарден и К°". Неподалеку располагалась известная швейцарская кондитерская Келя, и кавалер, сопровождая туда даму, в дополнение к пирожным изысканного вкуса и горячему шоколаду мог одарить ее цветами "из самого Парижа". В 1863 году на Ришельевской улице продавал цветы Пьер Вейра. И через десять лет сюда привозили цветы парижские садовники Бальм и Жиро, а у Маригота на Екатерининской имелись розы десятков сортов.

Помимо парижских садовников в цветочной торговле Одессы проявили усердие их коллеги из других стран. Еще в октябре 1827 года братья Рейбер из Голландии, этой классической страны цветов, привезли гиацинты и нарциссы, их луковицы и семена других растений. Десятью годами позже у прибывшего в Одессу голландского, как он себя именовал, художественного садовника Карла Крафта на Большой Арнаутской улице можно было приобрести цветочные семена "всех сортов и лучшей доброты". В 1856-1857 годах на Спиридоновской, 21, луковицы и уже выращенные из них гиацинты, нарциссы, тюльпаны, лилии, туберозы и гладиолусы продавал А. Кемлер, садовник из германского города Штутгарт, знаменитого помимо красного вюртембергского вина "Троллингер" своими цветами. На Дворянской, 26, покупателям предлагали только что привезенную голубую гортензию, а в несохранившемся ныне доме Портнова под № 9 на Дерибасовской улице — цветы, доставленные морем из Константинополя вместе с клубникой, баклажанами и помидорами.

Торговля иноземными цветами имела резон, особенно после того как в 1896 году новыми правилами "для привоза из-за границы в Россию живых растений, плодов и овощей" было оговорено, что "ветви с листьями, листья и цветы, а также луковицы и клубни без земли не признаются живыми растениями". Только теперь их не привозили, как встарь, заезжие "садовники-гастролеры", а заказывали владельцы цветочных магазинов. Летом 1893 года на Екатерининской, там, где в 1956 году построили дом китобойной флотилии "Слава", под № 17, открылся магазин А. Шейдекера, который заверял покупателей, что все их заказы "исполняются быстро, со вкусом и по доступным ценам", а цветы, особенно в преддверии рождественских и пасхальных праздников, большими партиями закупал во Франции. Оттуда же их доставляли во "Французский магазин семян и цветов" Ф. Дюфрена на Ришельевской, 7. В начале 1900-х годов этот магазин, уже под названием "На память", принадлежал Л. Генрикету, и продавались там цветы, выращенные в его собственных садах в Италии. Круглогодично получало из Ниццы розы, нарциссы, лилии и гвоздики садоводство Я.Ф. Кноделя на Французском бульваре, 38, чей магазин был на Садовой, 15. Но привезенные из-за границы цветы при всем их разнообразии и экзотичности лишь частично удовлетворяли все возрастающий спрос на этот нежный товар, а остальные в большом количестве успешно выращивали местные цветоводы.

В любом деле, не только в цветочной торговле, спрос определяет предложение, важно только своевременно уловить его малейшее дуновение.

Одним из примеров того остались в истории старой Одессы так называемые "красные шапки". Кто-то уразумел, что всегда находятся люди, которые по разным причинам не хотят или не могут собственноручно вручить кому-нибудь пакет, деловое письмо, интимного содержания записку, букет или корзину цветов, и с удовольствием заплатят тому, кто это сделает за них. И появились посыльные, которые, кстати, не сами по себе промышляли этим занятием, но были объединены в артели, коих в начале XX века имелось уже целых три — одна на Раскидайловской и две на Внешней, нынешней улице Мечникова. И разглядеть их даже на многолюдной Дерибасовской не составляло труда, так как носили они фуражку с красным верхом и черным околышем, на котором красовалась медная бляха с надписью "Посыльный". Такая же бляха, но с надписью "Артельщик коммерческой артели" и личным номером, была прикреплена к наплечному ремню вместительной прямоугольной сумки, которая являла собой непременную принадлежность посыльного. А на услуги его была установлена артельная такса. За выполнение поручения в пределах города посыльному следовало 20 копеек, если же ему нужно было добираться куда-нибудь дальше — на Фонтаны, скажем, или в Аркадию, то платили по соглашению, но не более стоимости его проезда туда и обратно на конке или трамвае и сорока копеек за труды.

Удачное предложение при толково составленной рекламе иногда само формирует спрос. Еще в мае 1860 года одесский итальянец Сантини открыл на Ришельевской улице цветочный магазин, где продавали цветы и принимали подписку на абонементы, по которым за 2 рубля в месяц можно было каждое утро получать свежий букет. И желающих неожиданно оказалось так много, что репортер "Одесского вестника" даже написал, что "иметь букет цветов в комнате войдет, может быть, в наши нравы". А в цветоводстве Оскара Скокана, принимали комнатные цветы для пересадки их в новые, большего размера горшки. Если же кто из любителей желал сие проделать собственноручно, то могли там за 25 копеек купить целое ведро просеянной и хорошо удобренной земли. Это заведение было открыто в начале 1880-х годов на Дерибасовской, несколько раз меняло свой адрес, потом обосновалось во дворе дома № 44 на Херсонской, нынешней улице Пастера. Там во всякое время года продавали цветочные семена, корзины цветов, букеты, в том числе специально собранные свадебные, осенью устраивали выставки хризантем, а для украшения пасхального стола заготавливали тысячи цветущих растений. Бывает, что люди, собираясь в деловую поездку, на курорт, в гости к иногородним родственни-

кам или еще куда-нибудь, не имеют на кого оставить домашние растения, которые нужно регулярно поливать. На этот случай в 1910-х годах, когда заведением Скокана уже владел его сын Михаил Оскарович, там придумали своего рода гостиницу для цветов — туда можно было сдать вазоны с растениями для правильного ухода за ними в собственной оранжерее.

В 1894 году на Коблевской, № 45, открылся цветочный магазин Ивана Леонидовича Смирского, у которого имелись, как он их рекламировал, "корзины новейших заграничных фасонов" и всевозможные букеты в изящных портбукетах, то есть специальных футлярах из шелка или плотной бумаги. Через десять лет, за которые магазин обрел широкую известность, а его хозяин "за труды по садоводству" был удостоен медалей Императорского Российского общества садоводства и министерства земледелия и государственных имуществ, Смирский открыл еще один магазин и через все газеты поспешил известить о том настоящих и будущих покупателей: "В виду назревшей необходимости расширить рамки моего цветочного дела, чтобы отныне иметь приятную возможность отвечать самым взыскательным вкусам и требованиям многоуважаемой публики, я открыл с 12 октября с. г. 2-е отделение магазина в собственном доме под фирмою "*Maison de fleurs*" ("Дом цветов". — **Р. А.)** на Ланжероновской, 16".

Без цветов, конечно, можно было обойтись, на худой конец довольствуясь ароматом популярных одеколонов "Дивный ландыш" или "Дивная сирень" производства Московского товарищества "Брокар и К°". Но с цветами жизнь как-то радостней, веселей и приятней. И понимали это не только городские жители, но городские власти. В 1843 году, когда в Пале-Рояле разбили сквер с диагональными, по предложению княгини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, аллеями, его сразу же засеяли резедой и другими цветами. Возле Городского театра с той его стороны, что обращена к Пушкинской улице, был большущий газон, цветы на котором высаживали таким образом, что на фоне зеленой травы они образовывали герб Одессы. Ярким кольцом окружали цветы фонтан в Городском саду, и с весны до самых холодов цвели они в Александровском парке на огромной клумбе перед аркадной стеной, откуда открывается вид на Карантинную гавань одесского порта. И, если кто решался сорвать там цветочек, то заметивший это полицейский чин обязан был доставить нарушителя к мировому судье, поскольку еще в 1885 году было принято "обязательное постановление о мерах к ограждению от повреждения насаждений по улицам, бульварам и другим общественным местам". Но эти цветы служили украшением города и предназначены были для всеобщего наслаждения.

В 1867 году во дворе Новороссийского университета на Дворянской, 2, построили небольшую, на два отделения, оранжерею. И пять лет спустя редкий бразильский кактус выбросил там огромный, величиной с блюдо, желтый цветок, который наполнил всю оранжерею запахом ванили. Но все, что усердно высаживалось и успешно росло в той оранжерее, предназначалось для научных занятий.

Богатые же любители редких цветов и теплолюбивых деревьев устраивали собственные оранжереи. Прекрасная оранжерея была на даче основателя крупнейшего на Юге страны Одесского общества торговли аптекарскими товарами Ю. Лемме, который великодушно пожертвовал выращенные им цветы для украшения памятника А.С. Пушкину в день его открытия 16 апреля старого стиля 1889 года. Осенью этого же года городской голова и председатель Одесского отделения Императорского общества садоводства Григорий Григорьевич Маразли построил оранжерею в саду своей дачи на Мало-Фонтанской дороге — будущем Французском бульваре, там, где потом был санаторий им. В.П. Чкалова. "Грандиозная и образцовая", как ее тотчас назвали, оранжерея длиною в сорок метров была увенчана остекленным куполом, собранным из американских металлических переплетов, и снабжена паровым отоплением. Она обошлась Маразли в огромную по тем временам сумму в тридцать тысяч рублей, но, как говорится, охота пуще неволи. К тому же, он столько денег отдавал на всякие благотворительные нужды, что с чистой совестью мог позволить себе что-нибудь потратить в свое удовольствие. Да и не в одиночку он любовался там редкостными растениями, но с законной гордостью и всегдашней приятностью показывал их многочисленным гостям. А в июне 1893 года, когда общество садоводства устроило на даче Маразли праздник роз, почетных гостей его водили в оранжерею.

Коммерческие же оранжереи, где цветы выращивали на продажу, не могли сравниться с той, которую воздвиг Маразли, но тепло держали, солнечный свет пропускали и доход своим хозяевам приносили. Одну из них, на полторы тысячи вазонов с цветами, в середине XIX века городской садовник Ганс Герман для собственной коммерции держал по соседству с Институтом благородных девиц, на месте которого теперь Национальный морской университет. А в 1860-х годах в оранжерее на Садовой улице можно было не только купить букет, но заказать цветочные композиции для украшения праздничного стола и декорирования комнат. И на каждый такой заказ там выдавали сертификат, свидетельствующий о том, что эти цветы выращены в "Оранжерейном заведении Викентия Майтне-

ра". Тогда же была оранжерея в Пале-Рояле, куда в антрактах выходили зрители из Городского театра — степенно прогуливались, церемонно раскланивались, многозначительно переглядывались, игриво перемигивались, мужчины курили сигары, что в театре категорично запрещалось, и подносили дамам цветы. Букет стоил там от рубля и выше, что было дороговато по тем временам, когда не в самом, правда, шикарном ресторане обед из четырех блюд и кофе подавали за пятьдесят копеек. Ежели кто по причине дурной погоды или какой-либо другой не желал выходить за цветами в Пале-Рояль, то в самом театре мог купить их в киоске Богдана Штамма. В те годы сразу за Куликовым полем начинались дачи, или, как их называли, хутора. На хуторе одесского жителя Штапельберга, там, где сейчас дом № 29 на Пироговской улице, которой тогда и в помине не было, Штамм имел оранжерею, где в числе других цветов зимой даже ландыши цвели. После пожара театра Штамм открыл цветочный магазин на Ришельевской, который потом отошел к его сыну Владимиру, а тот устроил новые оранжереи на 16-й станции Большого Фонтана.

Цветочная торговля стала семейным занятием и для купца 2-й гильдии Александра Бруна и Почетного гражданина Николя Бруна. На Французском бульваре против дачи Маразли братья держали садоводство "Царство цветов" и под этим же названием — роскошный магазин на Екатерининской, 17, где раньше торговал цветами А. Шейдекер. По дороге же к Люстдорфу с конца XIX века на сорока пяти гектарах раскинулся питомник семейства Роте — "Громадный выбор фруктовых и декоративных деревьев и кустарников, хвойные деревья, саженцы и пр. Богатейшая коллекция роз". Заказы на все это принимали в конторе питомника в собственном доме его владельцев на Дерибасовской, 23, а неподалеку, в Пассаже, в цветочном магазине Юлиуса Карловича Роте с начала 1900-х годов продавали розы.

На вкус и на цвет, как известно, товарищей нет. И на цветы, наверное, тоже. Одних сводит с ума майский аромат сирени, другие часами могут любоваться грациозной лилией, о которой А.С. Пушкин написал: "И в зал, как лилия крылатая...". Но королевой цветов испокон веку считается роза, и одесские цветоводы это хорошо знали. Если бы кто прошел тогда от "розового" магазина Роте по Дерибасовской улице до Гаванной, то с королевой этой мог повстречаться еще один раз.

В ялтинском доме А.П. Чехова на тумбочке рядом с его рабочим столом лежали каталоги тех садовых заведений, которые в его время поставляли лучшие, как сегодня сказали бы, элитные семена. И среди этих, те-

перь уже раритетных изданий, есть каталог с длинным, зато обстоятельным названием "Э.Г. Веркмейстер. В Одессе. Садовое заведение и склад семян. Пироговская улица. Собственная дача № 11 по дороге к военному госпиталю. Семена: огородные, цветочные и сельскохозяйственные исключительно высшего качества и испытанной всхожести". Потом на этом месте много лет был стадион СКА. А в последние десятилетия XIX и первые десятилетия XX века тут располагалось хозяйство Эмиля Георгиевича Веркмейстера, поставленное настолько серьезно, что местное отделение Императорского Российского общества садоводства регулярно устраивало туда экскурсии, которые, по словам специалистов, представляли "большой интерес для садоводов, так как у него имеется превосходнейший ассортимент роз и вообще редкие образцы цветов". Действительно, у Веркмейстера имелось множество саженцев, луковиц и семян самых разных растений. Но больше всего он любил розы, понимал в них толк, и возможно, поэтому они были "специальностью его заведения" в количестве более пятисот сортов. И вся эта красота продавалась в магазине Веркмейстера на Гаванной, 10, рядом с Городским садом. Желающие же могли заглянуть к нему на Пироговскую, как о том в книге "Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона" написал Валентин Катаев, который в юности жил в доме № 3 на той же улице: "...Раздобыв гривенник, я отправлялся в садоводство Веркмейстера... Семена продавались в глубине участка в маленьком домике... Веркмейстер с головой Иоганна Себастьяна Баха, не торопясь, выдвигал узкие ящички, выкладывая на прилавок перед покупателем конвертики с цветной картинкой, изображающей цветок...". Несколько таких конвертиков можно увидеть в чеховском доме, в одном из них даже осталось несколько семян, которые если не всхожесть сохранили, то память о былом сберегли.

Память своенравна, и никогда не предугадать, что сохранит она, а что проигнорирует. Цветочные магазины старой Одессы являли собой великолепное зрелище. Яркий свет электрических ламп дробился в струях фонтанов, окруженных букетами, корзинами и вазонами с цветами. Сияли зеркала. Блестела позолота лепных украшений. В подсвеченных аквариумах кокетливо помахивали хвостами вуалехвостки. Канарейки в клетках пели о чем-то своем. И воздух казался густым и ароматным, как варенье из роз, которое одесские хозяйки подавали к чаю в самых торжественных случаях. При новой власти, когда все пошло прахом, старые цветочные магазины, кто-то, может быть, еще вспоминал, но с годами они бесследно канули в прошлое, потому как никто из современников ничего

о них не написал. Другое дело — уличные цветочницы.

Еще в 1869 году к товарам, которые "могут быть продаваемы без взятия свидетельств лицами всех состояний в разнос, на столах, ларях, лотках, по рынкам, улицам, в городах и пригородных местах", были причислены "цветы натуральные и растения". И в Одессе на каждом шагу встречались цветочницы, весь магазин которых состоял из ивовой корзинки с букетиками цветов, стоившими всего ничего. Они прохаживались аллеями Городского сада и по Дерибасовской возле "Пассажа", где вечерами их сменяли нестрогие девы. В Александровском парке к уединившимся парочкам подходили разного возраста мужички, коих иронично называли "мальчики с цветами", протягивали букетик, и если кавалер отказывался его купить, разражались такими словами, которых, наверное, не имел в своем лексиконе бабелевский персонаж папаша Крик, "старый биндюжник, слывший между биндюжниками грубияном". И в круглом сквере против вокзала можно было увидеть цветочниц, которые не оставили своего занятия даже весной 1918 года, когда немецкие солдаты в увенчанных шишаками касках несли там караул возле пушки, нацеленной на Пушкинскую улицу.

Но не все цветочницы продавали букетики в разнос. В романе Ильи Ильфа и Евгения Петрова "Золотой теленок" можно прочитать о том, как "цветочницы с красными матросскими лицами купали свой нежный товар в эмалированных мисках", а осенью "холодные хризантемы тонули в мисках цветочниц". Они сидели обычно на улицах возле своих мисок и ведер, где лежали цветы, которые желающие сами выбирали, как та девушка из неоконченной поэмы "Февраль" Эдуарда Багрицкого:

Она останавливалась у цветочниц,
Ее пальцы выбирали розу,
Плававшую в эмалированной миске,
Как маленькая махровая рыбка.

Багрицкий множество лет, сначала в Одессе, потом в Москве, держал, разводил и изучал аквариумных рыбок, чем и объясняется, наверное, появление этого поэтического образа. Но если бы авторы, будь то поэты или прозаики, видели мир и жизнь одинаково, то могла случиться большая беда, поскольку кончилась бы литература. И для того же цветка Юрий Олеша нашел совсем другое сравнение. "На углу... цветочницы продавали розы... Большие розы, как лебеди, медленно плавали в мисках, полных горьковатой воды и листьев", — написал он в романе "Три толстяка". Это сказка, но "настоянная" на одесских реалиях, памятных Олеше с детства. А потому "большие розы, как лебеди", скорее всего, плавали в мисках тех, известных всей Одессе цветочниц, которые с начала 1900-х годов, если не раньше, сидели на Екатерининской улице против дома № 14, что на углу Дерибасовской, где располагался огромный универсальный магазин Вильяма Вагнера, а до этого был Ришельевский лицей.

За десять лет до выхода романа Юрия Олеши, еще на заре своей прозы, Исаак Бабель напечатал "Листки об Одессе", в одном из которых "сияет наше солнце, пахнущее морем из Карантинной гавани и цветами с Екатерининской...". Но это лишь намек, понятный одним только одесситам. А в киноповести "Беня Крик" уже появляется конкретная адресная привязка: "Группа цветочниц на углу Дербасовской и Екатерининской. Игривые бабы с цветами на фоне витрин лучшего магазина в Одессе — магазина Вагнера".

Дом Вагнера, тремя своими фасадами и воротами выходящий на Ланжероновскую, Дерибасовскую и Екатерининскую, когда-то и городской достопримечательностью считался, и ориентиром служил. "Возле большого углового дома Вагнера испокон веков шла уличная торговля цветами, — первым делом сообщает читателю Валентин Катаев, а уже потом описывает ее со всеми яркими подробностями. — Это был один из красивейших уголков города, где прямо на тротуаре под платанами стояли зеленые рундуки и табуретки, заваленные цветами. В синих эмалированных мисках плавали розы. Из ведер торчали снопы гладиолусов, белых и красных лилий, флоксов, желтофиолей, тубероз. В плоских тростниковых корзинах густо синели тесно наставленные букетики пармских фиалок, нежно и влажно пахнувших на всю улицу. Пахло сыростью резеды, левкоями, гелиотропом". Поначалу этот кусочек текста вошел в роман "Катакомбы". Позже, когда сложилась тетралогия Катаева "Волны Черного моря", автор, дабы избежать повторов, переместил его в роман "Зимний ветер" и, привязывая ко времени действия, привнес в него осенние мотивы:

"Но сейчас уже был октябрь. Время цветов миновало. Зеленые столы и табуретки наполовину опустели. Но зато был в полном разгаре сезон хризантем. Зеленовато-белые, желто-коричневые, лиловые, кремовые, лимонные, канареечные, с туго закрученными к центру цветка узкими, как лапша, жирными лепестками, они лежали прямо на тротуарах целыми грудами, распространяя в холодном октябрьском воздухе свой особый, ни на что не похожий, не цветочный, а какой-то другой, острый, раздражающий аромат японских духов".

Осенью, летом и даже зимой цветов там бывало столько, что они своим многообразием и ароматами порой "выплескивались" на Дерибасовскую, сообщая ей дополнительное очарование. "На дореволюционной Дерибасовской было немало живописного, — вспоминал на склоне лет Лев Исаевич Славин в очерке "Итак, я жил тогда в Одессе". — Продавщицы цветов на углу Дерибасовской и Екатерининской, такие же нарядные и красочные, как их тюльпаны и розы, качавшиеся в ведрах с водой". Так было даже в кошмарном 1919-м, когда все вокруг полыхало, но Одесса еще оставалась островком спасения, и "на Дерибасовской улице каждый вечер можно было встретить около цветочниц многих знаменитых людей", как написал свидетель всего этого Константин Паустовский в автобиографической повести "Начало неведомого века". Когда близкий человек выздоравливает после тяжелой болезни, к нему начинают относиться с особой любовью и нежностью. Это и с городом может случиться, но не с каждым, конечно, а с таким, как Одесса. Вскоре после того, как в апреле 1944 года ее освободили от оккупантов, К. Паустовский написал "Южную Пальмиру". По жанру это был очерк, а по сути — объяснение в давней любви к городу, где неутомимые рыболовы удили бычков с портовых волнорезов, повсюду наливали зельцерскую воду с разноцветными сиропами, гомонили щедрые базары, шелестели листвой сады Французского бульвара, звенели цикады по всему морскому обрыву, и на центральной улице продавали цветы: "Вот угол Екатерининской и Дерибасовской. Здесь всегда по вечерам стояли цветочницы. В тазах с холодной водой лежали груды роз, пионов, сирени. На ветвях деревьев, над цветами висели горящие фонари. Рядом сверкало электричество, но старая традиция сохранилась, — цветочницы приносили с собой фонари, зажигали их, и мягкий свет смешивался с запахом цветов".

Строки Паустовского навеяны его романтичным восприятием Одессы, но цветочницы там и впрямь были особенные. Они не сварились друг с другом, не переманивали покупателей призывными возгласами: "Муж-

чина, идите до меня!", а если у кого не хватало каких-то копеек, всегда делали уступку, понимая, что не при обычном товаре состоят, а при радости человеческой и красоте. По словам Федора Михайловича Достоевского, красота спасет мир, и эту сентенцию частенько повторяют, ничем, кстати, не рискуя, поскольку она всегда обращена к будущим временам. Правда, никто почему-то не вспоминает, что красота не только всесильна, но беззащитна. И где-то в начале 1970-х годов цветочниц прогнали с насиженного места те, которые, что одесское имеют, то не ценят, потеряют — и не плачут.

В этой печальной связи можно вспомнить нашего земляка писателя Виктора Григорьевича Финка, автора многих произведений, в том числе написанного по личным впечатлениям, нашумевшего когда-то романа "Иностранный легион". В конце 1919 года он на время вернулся в Одессу, жил на Пушкинской, 64, и остался потом в повести К. Паустовского "Время больших ожиданий" под именем Виктора Хвата. В годы же первой мировой войны судьба привела Финка в город Реймс, известный своим шампанским и старинным собором, где короновали многих французских королей. "Я видел разбитый собор, который в течение семи столетий был исторической святыней французского народа, — писал он в мемуарном очерке "Ромен Роллан в Париже". — На паперти, в уголке, очищенном от руин, сидели цветочницы. Весь город был разрушен и безлюден. Но несколько женщин сидели на низеньких стульях на паперти, и перед ними стояли корзины пышных шампанских роз... Я потом часто вспоминал реймских цветочниц. Зачем они сидели со своими цветами под собором, который подвергался обстрелу? Простые крестьянки, они по привычке приходили на это место, где всю жизнь торговали цветами. Покупателей не было, а цветочницы все же приходили. Это было сохранение дорогой традиции". А у нас ее без зазрения совести разрушили...

Много лет с той поры пролетело и цветов расцвело и завяло, когда январским вечером 2008 года на этом углу появилась некая бабушка-старушка и развела нехитрую торговлю. Можно было спокойно пройти мимо ее мешочков с орешками, фисташками и семечками, если бы рядом с ними в эмалированном бидончике не стояли белые розы числом с десятка полтора. Как говорили когда-то в Одессе, даю голову на разрез, что она ни сном ни духом не ведала, на каком памятном месте устроилась. Но, как заметил Сомерсет Моэм, "ничто так не пробуждает воспоминания, как запах". И тем прохожим, которые еще не все забыли, едва уловимый в холодном воздухе аромат роз напомнил многое. Угол Екатерининской...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Город, в котором было все! или Коллекция-свидетель

Есть свидетельства литературные.

Валентин Катаев с его острым зрением и цепкой памятью на склоне лет вспоминает: "Мы даже не обратили внимания на все выставочные чудеса, мимо которых плелись к выходу: на знаменитый деревянный самовар известной чайной фирмы "Караван", высотой с четырехэтажный дом и чайником на конфорке, откуда посетители выставки могли обозревать выставочную территорию, не менее знаменитую громадную бутылку шампанского "редерер"; паровую карусель с парусными лодками вместо колясок и медным пароходным свистком; павильон "Русского общества пароходства и торговли" (РОПиТ) в виде черного пароходного носа почти в натуральную величину, с бушпритом, мачтой и колоколом". И не только знаменитую почти столетней давности (1910 года!) Торгово-промышленную выставку в Одессе, но и полеты биплана "Фарман-16", его виражи в одесском небе, игру "бильбоке", спички Лапшина и керосин Нобеля, и папин "шапокляк", и свадебные перчатки, и атласные венчальные туфельки мамы. Извозчиков, тачечников, трубочистов — о чем только не прочтешь в повести "Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона"...

Какой город! Не только южная столица Российской империи, но и один из ярких неповторимых европейских городов. Если еще о юной Одессе Пушкин писал: "там все Европой дышит, веет", то к ее столетию деятельность сменявших друг друга Ришелье, Ланжерона, Воронцова, Новосельского, Маразли и нескольких поколений одесситов сделали город подлинной европейской жемчужиной.

Как увидеть, как представить в реальности эту легендарную Одессу, особенно после всех смерчей двадцатого века, пронесшихся над городом?!

"Бог сохраняет все". Наверное, наделяя избранных даром памяти и талантом собирательства. Среди этих избранников — одессит Анатолий Александрович Дроздовский, один из наиболее известных коллекционеров Одессы. Более 30 лет он собирает все, что связано с историей Одессы, бытом, торговлей, предпринимательством родного города. Что подтолкнуло к коллекционированию одессики? Может, то, что он коренной одессит, что его дед до революции служил в иностранном отделе одесского почтамта, а бабушка была известной в городе акушеркой? А может, то, что часть жизни Дроздовского прошла в том доме на Пироговской, где жил когда-то в начале XX века Валентин Катаев и описал этот дом? Любовь к родному городу, помноженная на любознательность и внимание к мелочам, мимо которых многие пройдут равнодушно?

Анатолий Дроздовский рассказывает: "Кто может сохранить консервные банки от бычков в маринаде одесского завода Кюри, находившегося на Запорожской улице, или от консервной фабрики Страшникова со Среднефонтанской — "Скумбрия в маринаде"? Эти вещи не сохраняются. Ну, кто будет хранить у себя консервную банку?! Я сумел найти такие вещи, и они стали перлами коллекции"...

Кроме участия в многочисленных выставках, посвященных разным страницам одесской истории, многочисленных публикаций в газетах, журналах, альманахах, им в 2006 году был издан фолиант "Старая Одесса в открытках", ставший подлинным подарком не только для одесситов, но и для многих поклонников нашего города далеко за его пределами.

Венец творческого труда коллекционера — издание каталога своего собрания. Нужно ли напоминать, сколько замечательных коллекций спустя годы рассыпались, распродавались по частям, исчезали, оставив о себе лишь смутные воспоминания? И поэтому выход нового монументального альбома, представляющего коллекцию Анатолия Дроздовского, — "Старая Одесса. Торговля и промышленность" — представляется событием и в жизни Одессы, и в жизни собирателей во многих странах мира, для которых имя Одессы — не пустой звук.

Этот новый том — безупречный с полиграфической точки зрения, бесценный по количеству изобразительного ряда и вдумчивых комментариев к нему, над которыми работала жена Анатолия Дроздовского Ева Краснова. И конечно же, спасибо дизайнеру книги Леониду Бруку и издательству "ВМВ".

Уже суперобложка и форзац с помещенными на них изображениями знаменитых одесских торговых и промышленных брендов, с многочисленными рекламными объявлениями сулит вам фантастическое путешест-

вие в славное прошлое Одессы, где "хлопотливо торг обильный свои подъемлет паруса", и не только это...

Восемнадцать разделов альбома, расположенных в алфавитном порядке, скрупулезно и красочно представляют торговую и предпринимательскую Одессу — от авиации и автомобилей, выпивки и гардероба, "золотых вещей", парфюмерии, табака, фарфора, сладостей до аптек и "Магазинов, в которых было все!".

Три страницы этого фолианта занимает "Именной указатель", где читаешь имена — легендарные братья Уточкины и братья Альшванг, Анатра — целое семейство, Исаковичи, Петрококино, Баржанский, Пуриц, Санценбахер и многие другие, давно известные по книгам Юрия Олеши, Валентина Катаева, Владимира Жаботинского и других замечательных писателей одесской литературной школы, а сколько имен, не попавших в литературные произведения, но и поныне известные в Одессе, как, например, ювелиры Кохрихты, предки известного одесского журналиста Феликса Кохрихта!

Левантийский авантюризм и европейская утонченность

и добротность. Итальянцы, греки, французы, турки, евреи, караимы, немцы, русские, украинцы, поляки — какой невероятный котел, в котором выплавился характер одесского негоцианта, того, о котором было сказано А. Пушкиным: "дитя расчета и отваги"!

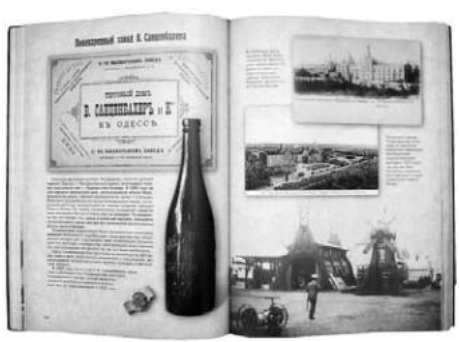
В коллекции Анатолия Дроздовского можно прочесть фамилии одесситов и узнать личные подробности их жизни. Вот хотя бы глава, посвященная одесским аптекам. К счастью, некоторые из них сохранились до сих пор. Но самое удивительное, что в собрании, о котором идет речь, сохранились аптечные сигнатуры с фамилиями пациентов (даже сигнатуры, выписанные одесским детям известными детскими врачами). Можно догадаться, чем болели одесситы, какие микстуры по чайной ложке принимали, а вот и совсем интимные подробности:

"*Химико-бактериологический и аналитический кабинет Д-ра М.В. Донича и Д-ра М.Н. Заевлошина. Кузнечная 25. уг. Спиридоновской, тел. 29-84*

Анализ мочи

доставленной 17. VII.1918"

Далее идет подробное по всем пунктам описание до-

ставленного материала. Но на анализе фамилия пациента — господин Бабаджан. И думаешь, кто же из знаменитой караимской семьи сдавал ("по предложению г. д-ра Аганина") этот анализ? Молодой ли Сема (Семен Аронович) Бабаджан, которого помнят все одесские коллекционеры старшего поколения, потому что Семен Аронович собирал все. А может, это его родственник, знаменитый одесский художник, поэт и искусствовед Вениамин Бабаджан, автор книг о Сезанне и Врубеле, расстрелянный в 1920 году красными в Крыму...

А вот уже сигнатуры 1927 и 1930 годов: "*Державна аптека. Народній Комісаріят Охорони Здоров'я*". (сверху по сигнатуре идет надпись "*Перев'язочні і патентовані спромоги*").

В Одессе не только лечились, но и веселились, может, потому и лечились. Александр Куприн обессмертил "Гамбринус" и его скрипача Сашку (Александра Певзнера), знаменитые кафе Фанкони и Робина, пивной ресторан "Квисисана" вошли в литературу и в одесский фольклор. Вот же эти пивные, винные, ликерные, водочные бутылки, этикетки, даже от кошерной "Пейсаховки", фарфоровые пробки, бокалы, фужеры, рюмки...

А сколько домов, в которых сохранились еще прабабушкины ложки, вилки, подстаканники варшавской фирмы Иосифа Фраже, имевшей свой склад на Дерибасовской, 13! Как популярны были эти изделия среди одесситов среднего достатка! Попробуйте найти сегодня фирменные одесские изделия. Трудно? Конечно, трудно, после девяноста лет тотального уничтожения бытовой культуры. Но Анатолий Дроздовский нашел и бережно сохранил в своей коллекции.

Если шляпки и шляпные коробки прабабушек иногда можно встретить, то увидеть в прекрасном состоянии на фирменной вешалке мужские брюки, "сшитые в заведении купца 1-й гильдии Леона Моисеевича Плессера", кажется невероятным. Даже сам собиратель признается, что это одно из самых неожиданных приобретений 2007 года...

Расписные жестяные коробки от Дуварджоглу, Мееровича, Дурьяна, из магазина "Поставщика Двора Его Императорского Величества Московского товарищества А.И. Абрикосова сыновей" на углу Дерибасовской и Екатерининской, кажется, до сих пор хранят аромат этих разнообразных сладостей.

И в этой же коллекции кроме бесконечных дамских, детских и мужских соблазнов, знаменитых "Воронцовских" и других тарелок с одесской символикой, вечной машинки "Зингер" (кстати, принадлежащей семье Дроздовского чуть ли не век!), самоваров и граммофонов, "Железная тор-

говля" Постовского и тот же товар у Якова Гликберга, дедушки поэта Саши Черного, скобяные изделия, медные наддверные таблички, весы...

Не только то, что увидел на выставке 1910 года гимназист Валя Катаев, но гораздо шире — во времени и пространстве одесской истории — собралось и материализовалось в коллекции Анатолия Дроздовского.

"...Из какого сора растут стихи", но, оказывается и коллекции, если Всевышний наградил тебя даром видеть, поднимать, хранить, узнавать, бегать, ездить, спрашивать и расспрашивать, не транжирить и не скупиться, а главное, помнить, откуда ты родом, своих предков, и любить этот благословенный город по имени Одесса.

P. S. Может, подрастает в Одессе мальчик, который прочитал или еще прочтет Катаева и Бабеля, Жаботинского и Олешу, Паустовского и Ильфа с Петровым. Может, он начнет оглядываться вокруг, замечать красоту одесских эркеров и кариатид с атлантами, кружево одесских решеток и уют одесских двориков. Пусть не теряет времени даром, начинает хранить сегодняшние и завтрашние билеты в кино, в театр, в цирк, трамвайные билетики, мамины перчатки, готовые отправиться в мусор, свои школьные дневники, рекламы-флаеры бесконечно меняющихся кафе, баров, ресторанов, магазинов, которые сегодня бесплатно раздают на каждом углу, а завтра они исчезнут, выброшенные в мусорные контейнеры... А вдруг через полвека он станет известным коллекционером, хранителем истории Одессы? На мальчика — надежда.

Игорь ЧОПП

Талисман

Поздно вечером раздался телефонный звонок. Я взял трубку. Старческий мужской голос осведомился:

— Это квартира?.. — он назвал мою фамилию, имя и отчество. После утвердительного ответа незнакомец покашлял, извинился и пожелал подтверждения того, что именно я пишу о караимах и публикуюсь в одесских газетах. Получив такое заверение, он сказал: — У меня есть вещь, которая будет вам интересна. Она вообще интересна для любого культурного человека, но для вас особенно, потому что это караимская реликвия, реликвия моего рода, ибо я — караим. Больше ничего сейчас говорить не буду. Если вас мое сообщение заинтересовало, приходите. Мой адрес...

Боже мой! Как знаком мне этот переулок, исхоженный со своими сверстниками от Французского бульвара до Морской — Юнкерский, Лейтенантский, после войны — улица Вице-адмирала Азарова! И вот судьба возвращает меня спустя полвека в Отраду — страну моего детства...

Старый двухэтажный дом, который я отыскал на следующий день, выглядел неприветливо и жалко — один из тех домов, которые в наши дни неожиданно разваливаются. Такой же была и квартира, типичная "коммуналка" с длинным коридором, завешенным и заставленным старыми вещами. А вот комната старика составляла разительный контраст со всей мрачной окружающей обстановкой этого дома. Здесь царила идеальная чистота. Старинные резные шкаф, стол, кресло и стулья говорили о том, что это — малая часть некогда большого мебельного гарнитура. Хозяин усадил меня в кресло.

— Мое непременное условие, — начал он беседу, — ни мои имя и фамилию, ни адрес в ваших публикациях не упоминать. Я не люблю непрошенных гостей, да и "гости" могут быть нынче всякие.

Старик положил на стол правую руку.

— Посмотрите внимательно на мой перстень.

Это был массивный золотой перстень с восьмигранным плоским розовато-коричневым камнем. На блестящей поверхности камня я рассмотрел не то остатки замысловатого узора, не то надпись, буквы не русские, не латинские, скорее арабские или еврейские. И вдруг меня осенила мысль: я этот перстень где-то видел! Смотрю на старика и лихорадочно вспоминаю...

Он загадочно улыбается, молчит.

— Я где-то видел этот или такой же перстень, — неуверенно говорю ему. — Не помню, где.

Старик дает мне большую лупу. Вот теперь все прекрасно видно: камень — самоцвет, несомненно, сердолик — камень любви и счастья! Четырехгранная пластина с отсеченными углами, ее можно назвать и восьмигранником. Надпись, видимо, на древнееврейском. Под ней две маленькие перекрещивающиеся веточки. Но что таит надпись? Поднимаю глаза на хозяина, жду разъяснений, а мозг назойливо сверлит мысль: где я видел этот перстень?

Старик проницателен, все понял. Уверенно говорит:

— Нет, этот перстень вы нигде видеть не могли. Возможно, такой же, но где?

Продолжаю рассматривать сердолик, а хозяин что-то говорит... но я уже не слушаю, мучительно вспоминаю. И вдруг меня как током ударило — я вспомнил, где видел перстень! Неужели это тот самый? Я ни в коей мере не причисляю себя к пушкинистам, даже — любителям, но с некоторыми подробностями биографии поэта знаком, немало читал о нем. Мне известно, что перстень, подаренный ему графиней Воронцовой, Пушкин носил, не снимая, до конца жизни. Он был на руке поэта в минуту рокового выстрела на дуэли. Талисман, каковым считал Александр Сергеевич свой перстень, не сохранил жизнь великому стихотворцу, а "таинственные письмена", "слова святые" на сердолике оказались надписью, удостоверяющей личность некоего сына праведника, о чем Пушкин так до конца жизни и не узнал. Мне также было известно, что перстень был подарен поэтом на смертном одре Жуковскому, тот передал его своему сыну, а затем перстень оказался у И. Тургенева После смерти последнего Полина Виардо передала перстень музею Александровского лицея, откуда он был... украден. Украден!

Я метнул взгляд на старика. Он иронически улыбался и испытующе смотрел на меня.

— А-а... Вы уже вспомнили и обвинили меня? Напрасно, это другой перстень. А история его такова. Мне передал его отец, ему — его отец, мой дед, а деду — его отец. Я — шестое поколение, которое хранит эту фамильную реликвию. Мой пращур, живший в Чуфут-Кале, был богатым скотоводом. Он заказал местному ювелиру перстень, который использовал как печать для писем. Перстень передавался из поколения в поколение старшему сыну, который должен был постоянно носить его, как ношу теперь я.

— А что означает надпись на вашем перстне — молитву, заклинание, тайну?

— О нет! Лет тридцать назад мне перевел ее Саул Боровой, вы, может быть, знали его. Я думаю, что он был единственным в Одессе, кто знал древнееврейский язык — язык Ветхого Завета, который исповедуют караимы-тюрки.

Хозяин встал, взял из шкафа книгу, вынул оттуда блокнотный листок и прочитал: "Иуда, сын почтенного учителя Ноя. Память праведника будет благословенна".

— Надпись на пушкинском перстне такая же?

— Нет, — старик подвинул ко мне книгу, — прочитайте сами на 114-й странице.

Передо мной лежал альманах "Прометей" за 1975 год, десятый том, знакомое мне издание. Я прочитал: "Симха, сын почтенного рабби Иосифа, да будет благословенна его память".

— А теперь откройте сорок пятую страницу, — мой собеседник откинулся на спинку стула, он, видимо, желал насладиться впечатлением, которое должно было произвести на меня увиденное там.

Я увидел рисунок и оттиск перстня Пушкина Напряжение спало, мы улыбнулись друг другу и продолжили беседу.

Дома я отыскал в своем архиве выписки из журнала "Наука и религия" № 8 за 1993 год, в котором автор Л. Звягинцев опубликовал очень интересные исследования о сердоликах, и о "сердолике Пушкина" в частности. Там было о нем сказано, что "...стиль надписи, по мнению специалистов, указывает на крымско-караимское происхождение перстня", и даже обозначено место, где перстень был сделан ювелиром-караимом, — Чуфут-Кале. Несколько последних строк, хотя и знакомых мне, огорчили меня и на этот раз, они сбрасывали поэтическую пелену с печального и трогательного события в одесской жизни поэта: подобные перстни можно было купить у ювелиров или на базаре в Бахчисарае еще в 30-е годы нашего столетия.

Вот и вся история.

Мы подружились со стариком. Я бывал у него, и всякий раз он мне рассказывал что-нибудь новое и интересное о караимах, о своих предках, и показывал занимательные вещи. Но это уже другой рассказ.

В память об увиденном перстне у меня остались его оттиски на пластилине и на бумаге.

Елена ГОЛЕНИЩЕВА

Однажды в Риме...

Николай Васильевич Гоголь любил путешествовать. Это было для него не отдыхом, а настоятельной необходимостью. Для творческого разбега ему необходима была дистанционная удаленность от объекта изображения. В этом не раз признавался сам писатель: "...уже в самой природе моей заключена способность только тогда представлять себе живо мир, когда я удалился от него. Вот почему о России я могу писать только в Риме. Только там она предстает мне вся, во всей своей громаде. А здесь я погиб и смешался в ряду с другими. Открытого горизонта нет предо мною" (Письмо П.А. Плетневу 17 марта 1842, Москва).

И конечно же, побуждало к постоянным переездам рано проявившее себя нездоровье. Мятущаяся душа прославленного при жизни Николая Васильевича Гоголя постоянно гнала его в дорогу. Только в дороге наступало относительное душевное равновесие. И все же были города, дома, люди, где великий писатель обретал относительный покой. Таким домом была вилла княгини Зинаиды Волконской в Риме.

Гоголь трепетно любил Италию, считал ее своей прародиной. В апреле 1838 года он писал М.П. Балабиной (своей ученице в Санкт-Петербурге): "Мне казалось, что будто я увидел свою родину, в которой несколько лет не бывал я, а в которой жили только мои мысли. Но нет, это все не то, не свою родину, но родину души своей я увидел, где душа моя жила еще прежде меня, прежде чем я родился на свет".

Семнадцатилетняя Мария Балабина получала от Гоголя очаровательные письма на итальянском языке. На вилле Волконской его привечали, любили и создавали условия для плодотворной работы. Судите сами: в Риме были написаны I-й том "Мертвых душ" и "Шинель". Подверглись значительной переработке "Тарас Бульба" и "Портрет". И наконец, получили окончательную редакцию пьесы "Женитьба" и "Ревизор".

По сей день сохранились любимые уголки Гоголя на вилле Волконской. На стене акведука, построенного еще при императоре Клавдии (годы правления — 41-54 гг. н. э.) писатель лежал часами, устремив взгляд в бездонное итальянское небо. Знойные полуденные часы писатель проводил в прохладном гроте, который так и назвали — грот Гоголя.

В общей сложности в Риме прожил писатель около трех с половиной лет. Почти 10 месяцев прожил в Неаполе, посетил также Геную, Пизу, Флоренцию, Венецию. В Неаполе добрым ангелом-хранителем для Гого-

ля была Софья Петровна Апраксина-Толстая. Она приютила писателя в своем "Палаццо Фернандини". Отсюда Н. В. писал Жуковскому в ноябре 1846 г: "Как только приехал я в Неаполь, все тело мое почувствовало желанную теплоту, утихнули нервы...". Здесь писатель прожил около полугода, работал над II-м томом "Мертвых душ". Еще в 1838 году некоторое время Гоголь прожил в Кастелламаре близ Неаполя у гостеприимного семейства Репниных. Княжна Варвара Николаевна Репнина была уроженкой Полтавы, где отец ее Н.Г. Репнин-Волконский занимал пост генерал-губернатора Малороссии. Гоголь гостил у Репниных в 1848 году в Яготине, а также часто видался с ними в Одессе в 1850-1851 гг. Княжна Репнина была племянницей княгини Волконской.

О Зинаиде Волконской читатель, возможно, читал ранее (см. "Дерибасовская — Ришельевская", кн. 22, 2005 г., с. 19-23), поэтому автор позволит себе не повторяться. Следует лишь упомянуть, что вилла Волконской была островком доброты и милосердия для всех нуждающихся в поддержке: моральной и финансовой.

На вилле Волконской собралась вся русская диаспора. Н.В. Гоголь организовал в пользу художника Ивана Шаповаленко публичное чтение "Ревизора", хотя сам в это время страдал от нездоровья. Было собрано 500 рублей. Эта значительная сумма позволила продержаться Шаповаленко некоторое время, пока не был восстановлен пенсион. А в 1845 году произошло событие, счастливо изменившее жизнь художника. Рим посетил Николай I. Его восхитили прекрасные мозаики на стенах собора Святого Петра. В Санкт-Петербурге в это время возводился главный собор столицы — Исаакиевский. Ему суждено было стать на четвертое место после соборов Святого Петра в Риме, Святого Павла в Лондоне и Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции по грандиозности, величию и красоте внутреннего убранства.

По высочайшему повелению в 1846 году в Риме был открыт класс для изучения секретов мозаики под руководством известного римского мозаичиста Барбери. В классе было трое учеников: Шаповаленко, Раев и Федоров.

Опять же неизвестно, почему в июле 1851 года римская студия была закрыта, а Шаповаленко, Раев и Федоров были отозваны в Россию вместе с начатыми и оконченными работами. Художников-мозаичистов ожидал большой и ответственный труд. Высочайше было утверждено положение Императорского мозаичного заведения. Основателем мозаичной мастерской был Иван Савельевич Шаповаленко. Началась кропотливая ра-

бота по переводу росписей Исаакиевского собора в мозаики. В короткий срок было налажено производство смальты — сплава стекла с металлическими красителями, в том числе канторели — золотой смальты, из которой набирались фоны мозаичных картин.

В мастерской было произведено 12 тысяч (!) оттенков смальты. Работы над мозаиками начались в 1851 году и продолжались вплоть до 1914 г. уже учениками Шаповаленко.

Мозаики Исаакиевского собора были особо отмечены на Всемирной выставке 1862 года в Лондоне. Было сказано, что изготовление смальт в России "доведено до такого совершенства, как нигде в Европе". А на Всемирной выставке 1867 года в Париже русскому мозаичному отделению была присуждена главная награда — золотая медаль.

Жаль, что не смогли порадоваться успехам Шаповаленко ни его учитель — Александр Андреевич Иванов, ни Николай Васильевич Гоголь. Их к тому времени уже не было на этом свете.

А сам Шаповаленко скончался в 1890 году в с. Дувани Златоустовского уезда Уфимской губернии, вдали от Исаакиевского собора, вдали от Украины. Его фамилия окончательно стала Шаповалов. "Всемирная иллюстрация" (см. 1890 год, № 1139) поместила некролог, посвященный художнику-мозаичисту Шаповалову.

* * *

Последними словами Гоголя были: "Читай больше, друг мой", — обращенные к ухаживавшему за ним фельдшеру Зайцеву. Николай Васильевич оказывал постоянную поддержку "недостаточным" студентам, причем делал это анонимно. Выделенные писателем суммы отправлялись через профессоров С.П. Шевырева и П.А. Плетнева. По смерти Гоголя в его личных вещах оказалось всего 58 рублей, а для студентов предназначалось 5 тысяч рублей. Гоголь почитал для себя святым долгом поддержать человека, стремящегося к знаниям, но испытывающего материальные трудности на долгом пути "умственного развития".

Студенты зачитывались произведениями Гоголя. Выпускник Ришельевского лицея А.Л. Деминитру рассказывал, что его однокашники буквально толпами ходили за гуляющим по одесским улицам писателем. А сам Гоголь "с любопытством допрашивал о житье-бытье одесских лицеистов, между которыми у меня было много знакомых", — вспоминал молодой в ту пору А.П. Толченов, режиссер Одесского драматического театра.

Зиму 1850-1851 годов Гоголь прожил у своего дальнего родственника А.А. Трощинского. Ежедневно писатель бывал у княгини Варвары Алексеевны Репниной, жившей с дочерью княжной Варварой Николаевной, либо у княгини Елисаветы Петровны Репниной. Подробнее об этом см. Вл. Шенрок. Гоголь в Одессе, 1903 год.

Великий писатель готовил свою душу к переходу в мир иной. В салонах он читал "Одиссею" Гомера, "Бориса Годунова" Пушкина, но обязательным стало обращение к духовной литературе. Гоголь читает ежедневно главу из Библии на славянском, латинском, греческом и английском языках.

Глядя в небо, Гоголь не забывал о живущих на земле. Он творил с мыслями о "потомстве" — так называл он своих будущих читателей.

В 1836 году Гоголь писал В.А. Жуковскому из Парижа: "Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ; но что ж мне делать! Уже судьба моя враждовать с моими земляками. Терпение! Кто-то незримый пишет передо мною могущественным жезлом. Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня, и потомки тех же земляков моих, может быть, с глазами, влажными от слез, произнесут примирение моей тени".

Владимир КАТКЕВИЧ

Санаторий на Воробьева

Рассказ

1.

— Откройте, шакалы! — злобствует среди ночи. Атакует крайний подъезд задом, даже не дергает дверь на пробу, а сразу остервенело лягает каблуками. Общественная дверь сварена экономно из остатков листовой жести и копит вмятины. Последние он, жилец-нежилец, оставил полгода назад, с такими размашистыми паузами наведывается в отчую пятиэтажку.

— Леня, то ж не твой подъезд, — корректирует в форточку с первого этажа старик Жмых, экс-майор, начальник секретной части.

— Рекламная пауза! — объявляет Ленька.

Скрип снега, сосулечный хруст. Расплющил полиэтиленовую тару, шум массированный, как будто устало дерется компания пьяных. Когда собирали на жестяную дверь, он в складчине не участвовал, и потому не владеет ключом. Пинки адресуются следующей двери. Дом на восемь парадных бесконечен, его седьмая. От отчаяния футболит водосточные трубы, обрушивая нутряной лед, потом, чтоб успокоить нервы, будку-наливайку.

— Мнацакановна, если не откроешь, — икает, — я обижусь и вечером не приглашу тебя в капе-е-ллу!.. А я желаю "Хиласи", коньяк для миллионеров... Сма-атри, Мнацакановна, и на старуху бывает порнуха!

— Талант, открой "Десну"! — командует Мнацакановна. Талант — ее муж.

Когда Ленька выдыхается, Жмых через форточку майнает на парашютном стропе ключ, похожий на крепостной. Ленька роняет ключ, обильно мочится и объявляет:

— А сегодня я вас, подлюг, взорву!

Жмыху жалко ключа. А вдруг Ленька затопчет и опять забурится к дворничихе Людке? У Жмыха самого случился лет десять назад с ней гаражный блуд. Людка украла заначку, спрятанную под крышей гаража. "Я из гаражной ямы видел, как она становилась на цыпочки!" — жаловался Жмых однополчанам. А Людка даже куражилась, преувеличивая размеры "помытой" заначки. Взяла, продала корову на цыганском поселке Большевик и купила колье. Чтоб завидовали.

Сочувствие пострадавшему было умеренным, потому что пенсионеры считали Жмыха хитрым. Экс-майор прописался у дочки под Вязьмой, оформил гражданство и получал российскую военную пенсию, которая, по слухам, регулярно повышается. Хоть Жмых и завязан на России, но не разделяет политических симпатий большинства, считает, что надо присоединяться к Китаю, он там служил.

Жмых отпирает парадное изнутри, выходит, опираясь на зонтик, и высвечивает упавший ключ с помощью большого китайского фонаря, который рассеивает в ночь матовый обманный свет, но не фокусирует луч. Ленька ему мешает.

Потом в языке света мелькают в последний раз Ленькины джинсы, треснувшие не по сезону на коленях, и дальше тихо.

— Вот мудак! — в кооперативном доме напротив зевают с воем.

А в военведовском Леньку воспринимают хоть и горем, но личным, родным. Он офицер во втором поколении, дослужился, кажется, до подполковника. В седьмой парадной помер его батюшка, матерый стройбатовец. Получается, что Ленька единственный из всех жильцов имеет отношение к вооруженным силам, преемственность вселяет ветеранам уважение и зыбкую надежду. Толком так никто и не знает, служит Ленька еще или выгнали, стройбаты вроде расформировали, но хотели бы, чтоб служил.

Во времена дачного ажиотажа Ленькины бойцы варганили из бросовой ольхи сборно-щитовые домики. Производство дислоцировалось не на лесистом севере, а на бесхозном полигоне под Днепропетровском. На вырученные деньги Ленька купил квартиру в Киеве с видом на Лавру, а в пустующий отчий дом наведывается по делам. Или когда пригоняет вагон с лесом, или когда ссорится с женой.

Снова молотит в дверь, но теперь изнутри.

— Товарищ штурмбанфюрер, мы так не договаривались. А мешок? Отпирай!

— Какой еще мешок? Может, ты в Мирном потерял?

Кочуя по ракетным гарнизонам, Жмых обитал в городках с одним и тем же выразительно фальшивым названием Мирный. "Помню, в Мирном боец ложку проглотил..." — вспоминал, и неясно было, то ли этот Мирный в Даурии, то ли тезка-городок на Зоопарковой при 28-й дивизии. Язык Черемушек, куда неравномерно, но обещающе вклинились дома стройбатовской постройки, Жмых тоже традиционно обзывал Мирным, поправлять было некому, жену схоронил.

— Утром знайдешь, — Жмых зевает пустым ртом.

— Ни хера себе утром! У меня там полтонны баксов. Играйте общую зарю!

2.

Людка насаживает метлу ударом о пол своей площадки на пятом этаже. Четыре часа утра. Не ленится вставать, в зыбких потемках перед рассветом все мусорные баки ее. И гвоздики после офицерских похорон. Гвоздики она собирает, прыскает на них изо рта, приободряет в банке с анальгином и демпингует на углу у кафе "Сели-Съели". Или посылает торговать Илонку, дочь. Под боком бюро ритуальных услуг "Перспектива", где и куплены гвоздики, — получается, рыночный оборот замкнулся на Людке. Вспоминает, что забыла надеть трусы, возвращается в однокомнатную берлогу, чиркает спичкой. То ли счетчик ей опечатали за долги, то ли просто таится, не включает свет, чтоб отвадить кредиторов. Потемочное существование удобно, к ней постоянно кто-то ломится с денежными претензиями, не один Жмых пострадал. Людка недолго торговала на тротуаре мелочевкой: гнутыми гвоздями, шнурками, гуталином. Потом реализовывала вермишель "Мивина", просыпавшуюся из прохудившихся кулечков, выручку, конечно, зажилила. Пострадавший коробейник вежливо справлялся у соседей-стариков, но те лежали и толком не знали, жива ли еще Людка. Трусы натягивает на выпуклый зад прямо на площадке, корячится. Открывается дверь, сосед-гора в тельняшке некстати надумал перекурить.

— Я думала, ты в рейсе, — удивляется Людка, давая натяг необъятным трусам и центруя вату.

Светка, жена скитальца морей, на всякий случай скрывает отъезды-приезды плавающего мужа, чтобы не обокрали. Сосед в отпуске, живет в мучительном режиме — два дня пьет, неделю лечится "кока-колой". С метлой Людка похожа на Бабу Ягу, очки-линзы ее не облагораживают. Для Светкиного мужа Людка персонаж из алкогольных кошмаров, что-то вроде близоруких чертиков.

— Дай мяса, у меня морковка, борщ зварю, — Людка закуривает на дармовщинку и вспоминает, что забыла отраву для собаки дворничихи Коняки. С Конякой она остро конкурирует по вопросу стеклотары.

Отрава спрятана за портретом Илонки. Всего она народила троих девиц. Первую, взрослую, никто толком не видел, она жила на Большевике.

На похороны второй, умершей в дошкольном возрасте от эпилепсии, собирали по три рубля.

С третьей, Илонкой, стали рано заговаривать взрослые мужчины, за что Людка обзывала на весь двор дочь шалавой. Илонка стала надолго исчезать, потом приходила отсыпаться. Если спрашивали дочь, Людка говорила, что та отдыхает после соревнований.

Потом участковый объявил, что на Илону Ивановну открыто уголовное дело. Это привело Людку в ярость. Илонка тоже переселилась на цыганскую окраину к бабушке, рано родила ребенка, и Людку стало реже слышно.

Людка выходит из подъезда, замечает издали крышку от мусорного бака, сорванную детьми для катания с ледяной горки.

— Проститутка!— кричит адресно в окно первого этажа, где обитает предрасположенная к походам, гитаре и романтике студентка Флора. — Я тебе, гнида, голову оторву! — Флора вечером каталась с малышней на альтфатерной крышке. Людка чаще обрушивается на подростков, впадая в истерику, не может остановиться, в руладах что-то генное от кликушества.

Она наклоняется, чтоб водворить крышку на место, и замечает Леньку, прилегшего на инвентарь от огорчения.

— Теперь кранты! — причитает Ленька. — На счетчик поставят, а там зарплата двух пилорам за восемь месяцев. На хера мне такой уик-энд?

Самые вредные и завистливые ждут, когда она распотрошит Леньку. Людка непьющая, но почему-то неприязни к разботвившемуся Леньке не испытывает.

— Не поставят, — подбадривает она мимоходом Леньку и отправляется в рейд по сопредельным мусорным бакам.

Когда Коняка выговорила ей, Людка ее обложила, замахнулась метлой, но ту защитила овчарка. Вскоре овчарка билась в конвульсиях. Но Коняка ее выходила. Еще Людку подозревают в отравлении домашних котов. Помимо баков она прочесывает подвалы, где у бомжей тарные заначки. Потом наблюдает с балкона, как бездомные дерутся.

Когда возвращается, в клетчатых баулах брякают бутылки. Людка подкладывает под зад замызганную наволочку от подушки, и зад ее растекается по бетонному пеньку, остатку скамейки.

— Чего мне дался тот юг? — причитает Ленька, трезвея. — Ехал бы себе в Киев...

Людка вспоминает, что пропустила схрон бомжей, и снимается.

Ленька чиркает зажигалкой, от отчаяния поджигает сплющенный за-

дом Людки мешок и при свете пламени обнаруживает, что запалил доллары в заветной наволочке.

— Что ж ты не сказала, что деньги под жопой? — Ленька смачно целует ее в полные губы. — Мы так не договаривались...

Поцелуй и прозрение, что она села на денежную торбу, думала, мусор, не проверила, ослабили ее.

— Десять процентов твои, — объявляет Ленька. — Нет, пятнадцать.

3.

Несмотря на январь, на пятом этаже окна настежь. Музыка ветеранов не раздражает, во-первых, это не аудиодолбеж, во-вторых, они соскучились по впечатлениям, еще с новоселий были разобщены друг с другом. В семидесятом дом заселили ушлыми интендантами, начпродами или заместителями по вещевому снабжению. Жмых соседа Рыбина приветствует однообразно колко:

— Начфинам здражла! Я что говорю? В полку есть три дуба: начфин, начхим и завклуба.

У Рыбина булькает в баночке, к ней прямиком из мочевого пузыря протянут катетер. Начфин почти не слышит гадостей Жмыха, но музыкальные фразы доходят и до него.

— Нынче выборы? — Рыбин задирает голову, все-таки музыкальные фразы доходят и до него.

Ленька приглушает музыку и вещает в окно:

— Голосуйте за нерушимый блок коммунистов и беспартийных!

Ветераны перед отставкой съехались из разных дыр и даже континентов, есть из Анголы, так что общих воспоминаний не находится, общаются на уровне аптек или когда собирают на похороны. В доме напротив активно негодуют музыкальной паузе, бросают снежки с балкона. Людка их обложила. Людка два раза отправлялась за водкой, в очках и трезвая. Двор быстро стал похож на помойку, а Ленькина квартира преобразилась, сияет вымытыми окнами, на балконе деревенеют половые тряпки.

На третий день у дома тормозит маршрутка, Ленька, как Лаокоон, выбирается из клубка локтей. Снес чью-то шапку, его дверью распяло, а он еще извиняется:

— Экскьюз ми, мэм! — перед мужиком.

На Леньке клубный пиджак и мешковатые брюки. Все еще нарядный, ломится к Мнацакановне:

— Мы не будем составлять меморандум о взаимном непонимании. Спросите почему, и я отвечу.

Нарядность Леньки почему-то огорчает Таланта, и он захлопывает окошко.

— Откройте шнифт, мэм! — изголяется Ленька. — Я хату продал, но у меня локаут! Понимэ? Жена об операции с недвижимостью не знает. Следите за лавинообразным развитием событий.

Сутки во дворе тихо, но о том, что Ленька не съехал, догадываются по запустению двора.

Глубокой полночью ветеранов будит острое шипение с гулом, как будто самолет на вираже пронзает слой низких облаков. Ленькины окна обволакивают клубы пара, пахнет баней и ржавчиной. Ветераны щелкают выключателями, но свет не зажигается. Потом панельную пятиэтажку, которой много не надо, сотрясают удары, молотят тяжелым по трубам.

— Всех взорву-у-у! — высунувшийся в окно голый до пояса, а может, и целиком, Ленька с розовой лысиной похож на кочегара, который держит пар на марке.

Когда подъезжает милиция, Ленька ныряет в парное пространство и появляется уже с батареей парового отопления, поднятой над головой. Батарея свежесорвана, из дырки на Леньку течет ржавый кипяток, и он истошно орет, извиваясь, как бык, которого осаждают слепни.

— Я чернобылец! — орет Ленька, ворочая батарею. Отопительный агрегат на двенадцать секций выглядит устрашающе, и при метком попадании может уложить наповал наряд из трех человек, включая шофера. Ленька действительно со своим стройбатом участвовал в ликвидации аварии. В горячечный бред уже вплетается канвой политический протест, и потому наряд на всякий случай штурма пока не предпринимает. Из-под козырька подъезда доносится с эфирным треском служебный разговор.

— Обеспечьте подъезды для пожарной машины и скорой помощи! — говорит дежурный.

— Как я могу забеспечить, — кипятится прапорщик, старший экипажа, — если гаражей нагородили? Нужен автокран.

Ленька, видимо, не сразу ущучивает милицию, а когда обнаруживает, метает батарею, но чугунина почему-то не летит, а обрушивается за его спиной. Истошно орет Людка, возможно, батарея придавила ее. Людка с риском для собственной жизни придержала сзади батарею. Из дома напротив любопытные светят фонариками в окно на пятом этаже. В луче из

подмышки Леньки высовывается Людка в парадном офицерском мундире, протирает очки, запотевшие от пара.

Жмых открывает дверь милиции тем же ключом на стропе.

— За измену Родине и присяге, товарищ штурмбанфюрер, я сломаю над вашей головой зонтик, — обещает с пятого этажа Ленька.

Наряд не спешит идти наверх, а спускается в подвал со слесарем из ДЭЗа.

— Какой код? — спрашивает слесарь.

— Двести пятьдесят, — подсказывает в форточку Жмых.

— Шкалик, — обобщает слесарь и нажимает кнопки.

Жильцы слушают, как неуверенно лязгает газовый ключ, перекрывая задвижку, и догадываются, что слесарь выпивши. Задвижка, как обычно, не держит. Из Ленькиной разоренной квартиры продолжает сочиться, мороз не отпускает, ржавые сосульки сковали ствол винограда.

Жильцам прохладно, лапают батареи, которые быстро остыли. Газ, правда, не отключили, но когда зажгли все конфорки, упало давление. Жаловаться некому, милиция исчезла. Островком света будка-наливайка Мнацакановны, где тарахтит японский движок. Горбатясь под Мнацакановым козырьком, ищут способ обезвреживания Леньки. Квартира выходит на две стороны, и потому разгона для фантазий хватает.

— Был бы лифт, — говорят, — дверь можно было бы дернуть кабиной.

— Проще домкратом...

Успокоившись за соткой, расходятся уже не с такой ожесточенной душой.

— В темноте, но не в обиде, — говорят и шлепают в квартиры спасаться термоведерным отоплением. На плитах ведра со снегом, возле них греются.

Милиция не спешит. Жильцы решили, что специально уклоняются от штурма, ждут, когда соседи сами поднимут Леньку на вилы. Вторым возможным вариантом капитуляции укрепрайона остается надежда, что появится Людка. Скажем, с целевой вылазкой в чепок за порцией водки. Но водкой явно запаслись впрок. Ленька вещает с балкона:

— Мы начнем с тех, от кого пахнет одеколоном!

Размахивает огрызком трубы с чугунным вентилем, как гетман булавой.

— Скоро тебя, паскуда, отвезут в санаторий на Воробьева, — обещают нетерпеливые.

Детей невозможно загнать по домам, они бесятся, уроки делать не надо.

— Рули-и-ик! Немедленно домой! — певуче зовут из темноты.

— Я весь дом взорву! — копирует Леньку Рулик, поднимая над головой железяку.

4.

Штурм начинается только через сутки. Колонна машин пробирается к тыльной стороне дома. Автокран с телескопической стрелой поднимает шутя мешающий проезду рифленый гараж. Открывается изнанка гаражной жизни: "рено-карго", похожий на желтый лакированный туфель, банки-закрутки, украденные на разных широтах пароходные железки, распятые на фанере шкурки зайцев. Пожарные толкают "рено", но из машины спрашивают:

— Куда котишь?

Оказывается, в иномарке пригрелся хозяин, Людкин сосед-подфлажник. С незнакомкой.

Крановщик тактично приспускает гараж, чтобы дама оделась.

Пока дети разглядывают свалившиеся со стеллажей порножурналы, морской человек спешно маскирует самогонный аппарат. Аппарат успела заметить Светка, жена, с балкона.

— Зачем было гараж поднимать? — недоумевают. — Глупо, как в анекдотах о милиционерах.

Провода мешают пожарным выдвинуть лестницу к пятому этажу, "наружку" обрезают, после чего тухнет последний свет перед гаражами. Для психического воздействия открытое окно на пятом этаже освещают мощным прожектором.

— Дом оцеплен, сопротивление бесполезно! — раскатисто картавя, вещает в мегафон фельдшер в белом халате, надетом поверх куртки. Усы у него в инее. — Вы находитесь в состоянии алкогольного психоза. Откройте дверь, и вам будет оказана медицинская помощь.

— Сейчас тебе самому понадобится помощь, жидовская морда! — реагирует Ленька. Когда Ленька жестикулирует, водка из гранчака плещется на фельдшера.

В темных очках, чтоб не щуриться от прожектора, по-прежнему голый до пояса Ленька похож на пляжника. Прелюдно выпив перед штурмом наркомовскую, Ленька провоцирует: — Ну, кто первый, подходи, — и целится в санитара из дюбельного пистолета, которым забивают негнущиеся титановые гвозди в бетон.

— Вставай, страна огромная! — хохочут в толпе.

— Встаем на смертный бой! — Ленька предупредительно стреляет в воздух, как и положено по уставу караульной службы, и перезаряжает строительный инструмент.

По-цирковому блестящая лестница неумолимо ползет вверх, ломая ветки акации. В толпе мелькают Людкины очки, но к появлению дворничихи относятся неоправданно рассеянно — слишком острый момент. Потом хватились было, милиции доложили, что сообщница среди пострадавших жильцов, Людка исчезла.

— Да, вот она сигналы с технического этажа Леньке подает, — подсказывают из толпы.

В бойницах семнадцатого, технического этажа, мигает огонек. Милиция стремится туда и приводит бомжа, он на костерке техэтажа безобидно варил чефир.

По пожарной лестнице карабкается усатый санитар, за ним капитан милиции.

В это время где-то с фасадной стороны дома доносится:

— Убивают, помогите! Фашисты!

Людка кричит истошно, со всхлипываниями. Расчет милиции на этот раз четок, заманить пожарной машиной Леньку к окну спальни в глубине квартиры, оглушить звуком громкоговорителя, чтобы он не слышал, как из подъезда взламывают входную дверь. Вчерашняя попытка распиловки бронированной двери пилой-"болгаркой" не удалась, Ленька изнутри размозжил булавой диск, абразивные осколки ранили милиционера в лоб. Вроде бы органы рассчитали все хитро, но не учли истеричной активности Людки, которая специально прорывалась к Ленькиной двери с проклятьями, чтоб предупредить об опасности.

— Прошу вызвать адвоката-а-а! — требует Ленька.

Чтоб заглушить дворничиху, включают пожарную сирену-тифон.

Ленька не оставляет позиции, возможно, в горячке, осадной и белой, не слышит сожительницу. Между тем глупый штурм с тыльной стороны дома развивается. Пожарные расчеты стоят с размотанными рукавами, возможно, чтоб окатить Леньку, когда он начнет бомбить народ отопительными элементами. Жмых раскрывает зонтик, то ли от слепящего света прожектора, то ли приготовился к водяной атаке. Ленька метает отколотую кафельную плитку, она рикошетит от кроличьей шапки труженика психиатрии и сколом попадает милиционеру в ухо, хотя тот в каске.

Штурм захлебнулся, фельдшер прижигает йодом ссадину офицеру.

— Ну, Леня, теперь тебе мотать срок! — злобствуют в толпе.

— Я чернобылец! — гордо вещает Ленька, будто чернобыльцы не освобождаются от уголовной ответственности.

Ждут, что милиция применит против Леньки газ, как в "Норд-Осте". Когда Людку ведут к "бобику", она замечает в толпе романтическую студентку Флору и орет:

— Проститутка!

Симулируя обморок, Людка падает на снег и заваливает сержанта, который прикован к ней наручником. Внимание толпы фокусируется на Людке, потому не замечают, как из проема исчезает Ленька. Санитар берет обычную пеньковую веревку и шлепает к подъезду паковать больного. Группа захвата уже взломала дверь, а толпа поносит милицию за трусость и нерешительность.

5.

Происшедшее запечатлелось в коре мозга только начальной фазой, и то фрагментарно. О финале гала-ужина, который закончился штурмом при техническом содействии пожарной команды, Ленька вообще не помнил.

Квартиру, где была прописана жена и дочь, Ленька продал с помощью маклера, бывшего начальника артвооружения полка, дальней родственнице Мнацакановны, раскрепощенной барышне Лейбе, муж которой сидел в тюрьме за разбой. Сидел он экзотично в Бейруте, причем пожизненно, что давало Леньке повод шутить:

— Ну, мы с тобой, Лайба, покатаемся!

Лейба тоже постоянно проживала в Бейруте и готовила тылы на случай, если совсем прищучит ХАМАС.

Она осталась должна Леньке четыре тысячи долларов, показывала кредитную карту, обещала получить не сегодня-завтра перевод. Ленька пригласил Лейбу в дорогой, но бестолковый ресторан "Южная Пальмира". Под столами ползали цыганчата. Когда Ленька кинулся покупать польские гвоздики, то чуть не упал, цыганчата связали ему шнурки.

В постели Ленька поскандалил.

— Я — чернобылец! — неубедительно настаивал на снисхождении, как будто ликвидаторам положена сексуальная передышка.

Помнит, как она нашаривала на тумбочке трусики, уходила украдкой из бывшей его, а теперь уже своей квартиры, а он Лейбу не удерживал. Леньку перепахало, почему и произошло разрушение коммуникаций.

Потом помнит, как фотографировал Людку на дорогой сотовый телефон, который забыла под кроватью армянка.

Ленька толком еще не осознал, сон это или призрачное пробуждение, слишком непривычной была обстановка. Он не хотел возвращаться в трезвый мир, его угнетала догадка, что за кадром осталось самое важное, он так и не вспомнил, что именно, никак не удавалось сосредоточиться на этом главном и страшном. Так бывает во сне, но он понимал, что неотложное ускользает наяву, и мучился.

— Апч-хуй! — Ленька по армейской привычке с вызовом чихает. Откуда-то доносится приятная струнная музыка. Ленька чихает еще раз. Болит горло и голова, простудился. Чешется нос, но руки плотно спеленаты в идиотский кокон.

— Слушай, братан, шнобель чешется, — просит помощи Ленька, — не могу-у, — он уже понял, что надежно привязан к койке.

— Это джазовый стандарт Дюка Эллингтона, развитый моей импровизацией, — в секторе обзора появляется человек в пижаме и с гитарой. Ленька догадывается, что лысый наигрывает джазовый стандарт по сотовому телефону. Гитарист масштабно лыс, остаток волос на затылке завершается пучком. Лысый чешет Леньке нос медиатором и спрашивает в телефон:

— А как тебе минорная композиция?

Леньке кажется, что он откуда-то лысого знает, и причем очень давно. У Леньки композиция тоже минорная, зашибает мочой, причем не противно, и он понимает, что сам источник запаха. Зудит в паху, затекли руки и ноги.

— Распакуй же, — настаивает Ленька.

— Здесь санитар командует, — замечает гитарист.

Похоже, лысый старожил. Ленька догадывается, что он не в 411-м госпитале. Где же?

В любом случае нужны финансовые ресурсы. Деньги всегда у него водились. Деньги! Мысль эта прожигает сознание раскаленной спицей. Он вспоминает, как кувыркался с наволочкой, набитой валютой, как пробовал прикурить от доллара, когда вытащил мешок из-под зада Людки. По опыту пьющего Ленька знает, что деньги в таких случаях пропадают. Большие деньги.

— Где я? — стонет он.

— В дурдоме, — гитарист продолжает теребить струны. — Десять минут отвязки — петушок. Не мне, санитару. Я понимаю, что это грабеж,

но в санатории Воробьева такие расценки, ротный. В институте Сербского дороже — европейский стандарт.

Краем глаза он видит доктора в изумрудных хирургических одеждах, похожего на захлопотанного гуманоида, потом слышит бульканье.

Лысый назвал его ротным. Они определенно встречались на службе.

— Развяжите, я башляю, — просит Ленька.

— Вот мы и проснулись! — дружелюбно говорит гуманоид. — Больной Муравейник, вы прокапались гемодезом?

— Так точно, полный курс, Владимир Ульянович, — докладывает, как в армии, лысый гитарист.

Фамилия тоже знакомая, нетипичная, но еврейская фамилия — Муравейник. Если б он не мучился физически, то наверняка б вспомнил.

— А Шлиферу внутривенное пока рано, — продолжает назначения Ульянович.

Кто-то пристает с больничным листом, продлить просит, канючит:

— Владимир Ульянович, а где же душевность?

— Нового уровня душевности мы достигли только на этикетке водки "Мягков", которая вам противопоказана, — Владимир Ульянович макает палец в аквариум, рыбок любит.

Рукава смирительной рубашки Леньке развязывает санитар, морщинистый мужик, от него пахнет луком и деревней.

— Доктор наш не любит пьяниц, — говорит санитар.

— Кто? — переспрашивает Ленька. Мысли у него еще путаются.

— Владимир Ульянович.

— Кто же не знает товарища Крупского? — входит в раж Ленька. — А как же он лечит людей, если не любит?

— Только договор, командир, трубы в палате не обрывать, — мужик улыбается. — Я когда по пожарной лестнице к тебе подбирался, ты батареей замахнулся. "Я — чернобылец!" — кричал. Я — тоже чернобылец. Думал, командир, сметешь нас с милиционером. Тогда бы точно сидел не с беляшами, а в шестом.

Ленька уже знает, что алкашей называют в дурдоме беляшами.

— А что такое шестое?

— Психоэкспертиза, где путевки выдают. Она рядом, ее краснопогонники стерегут. "Пишу из мест, где нет невест, и небо не достать руками". Вот так-то, командир.

Ленька переворачивается на бок, чуть было не опрокинул капельницу, к которой подсоединен, стонет и замечает доктора, который кормил ры-

бок в аквариуме. Рыбки подпрыгивают, и от этого булькает. Одна капля достигает его щеки. Он вытирает лицо, покрытое щетиной, нащупывает запекшуюся кровь на подбородке. Армянка в экстазе укусила его за подбородок, после чего Ленька ударил ее в предглазье. Ленька не допускает, чтоб партнерша из-за побоев покинула ложе любви. Ему кажется, из-за распущенности.

В двери продевается голова.

— К новенькому следователь, — предупреждает дебил и влажно пукает.

Молодой коротко стриженный следователь похож на дисциплинированного солдата. Солдат мимо Леньки прошло за четверть века тысяч двадцать, он считал.

— Я следователь прокуратуры Малиновского района Секретарюк, — представляется следователь. — Вы в состоянии говорить?

— Как, как фамилия? — цепляется Ленька.

— Восемнадцатого февраля вы покушались на жизнь командира роты патрульно-постовой службы и сотрудника медучреждения, — злобно и умышленно тихо, как в суде, цедит следователь. — Капитан милиции получил ранения.

— Я, между нами, девочками, чернобылец! — взвивается Ленька. — Требую средства радиационной защиты.

Ленька сжимает кулаки, представляет, как он приварил бы этому "солдатику". Он регулярно воспитывал нерадивых бойцов, обычно в канцелярии роты, избиение провинившихся военнослужащих срочной службы было для строительных подразделений общей темой.

— Больной находится в пограничном состоянии, — прерывает допрос изумрудный доктор, — извините.

6.

Ночью переполох.

— Вторая палата, нужно переселять больного в общежитие, — слышен голос лысого из коридора.

— В какое еще общежитие? — переспрашивают недовольно.

— Где мы все будем. Шлифер ласты отбросил.

Ленька понимает, что лежит рядом с покойником. Для переноски подняли выздоравливающих.

— Не вышел Фима из литургического сна, — говорит Муравейник.

Теперь в палате их двое.

— Да, человек, сбившийся с пути разума, водворяется в собрании мертвецов, — философствует Муравейник.

— Что ты гонишь?

— Притча, — сосед развязывает Леньку. — До утра, товарищ ночной майор, можешь отдохнуть, а перед обходом завяжу.

Он знает гитариста, и давно. Ленька действительно был "ночным майором" одну меленькую звездочку носил на погонах. Ленька ведь из солдат, "двухгадюшник" — так тогда называли временных скороспелых офицеров. После срочной послали на офицерские курсы, в училище поступать не хотел принципиально, и работать на гражданке не собирался.

Он и в жизни так поступал, критерием была не цель, а принципиальное отвержение. Не принял Ленька разочарование армянки и разорил собственную квартиру. Лысый ведь знает его, причем еще с начала офицерской карьеры, не ошибается, а он не может вспомнить.

— Кололи Фимку, да видно перекололи, — причитает Муравейник. — Ты не бойся, тебя психотропками колоть не будут, они дорогие. Ты начитался, наверное, "Полета над гнездом кукушки". Заколоть могут в "шестерке", а у нас электрошоком усмирят. Или по морде получишь. Здесь есть такие бойцы на подхвате. Тебя запрут к нему в палату, а дурик ни за что не отвечает, они тем более.

— Дяденька, дай сосочку, — мужик в тельняшке приоткрывает дверь.

Музыкант щедро высыпает ему из пачки сигареты.

— Между прочим, бывший командир атомной подлодки. Не вышел из белочки, — говорит Муравейник. — Тебя, младший лейтенант, тоже двое суток, считай, не было. Это критический срок. Фартуха у тебя.

— Так что, я мог дуриком остаться?

— А откуда же шьмоки берутся? Ты, я вижу, товарищ младший лейтенант, салага. А я третью ходку делаю.

— Ты у них беляш в законе?

— Творческая интеллигенция самая психически незащищенная категория, — лысый булькает чем-то. — На, младший лейтенант, освежись, помогает. Отец Гека Финна говорил: "Одной бутылки виски хватит на две попойки и одну белую горячку".

Ленька причащается, лысый режет дежурную луковицу, дает корочку загрызть. Потом открывает тумбочку, где буженина ломтиками, маслины.

— У тебя муган, — замечает Ленька. — Что же ты его заныкал?

— Буряковый первак. Маркелыч гонит здесь на Кривой Балке, сани-

тар, что тебя брал. Помнишь, "стою на полустаночке, пью самогон из баночки, а мимо пролетают поезда"?

Перед глазами Леньки раскаленный перрон станции Навои в зеленых плевках насвая, шелуха семечек "конский зуб", культи-ветки узловатого каракала. Слепец монотонно играет на рубабе. Лопоухий румяный Муравейник под два метра ростом с пол-литровой банкой на перроне, возвышается над толпой азиатов — чем не Гулливер в стране лилипутов? Вместо пилотки на голове Муравейника панама со звездочкой и пером петуха, подобранным здесь же. На месте оторванных сержантских лычек остались невыгоревшие полоски. Рядом с ним ефрейтор Джуманьязов, досрочно демобилизованный, у него в кишлаке второй ребенок родился. Джуманьязов в парадке "пэша", то есть полушерстяной, не поддающейся глажке. Дембельский мундир украшен кембриками и проводами.

— Нюмчик, ты?

— Вспомнил. На, запей. Первые пять стаканов не пьют, а пробуют. Да, сопровождал ты разжалованного сержанта Муравейника в Кушку. Говорил, что нас переводят на новое место службы, темнил. А я не подавал вида, хотя догадывался.

Получал он пополнение в Херсонской области, где две зоны, всего восемьдесят человек. Половина была с судимостями, но провожали с буйным патриотизмом, как на фронт. "До встречи в Вашингтоне!" — кричали. Угощали по дороге. Он молодых привез в клуб части. Муравейник сел за пианино и сыграл чардаш Монти. Его все три года службы кормил камертон и ключ для натягивания струн. Местечковый Муравейник как-то сразу вписался в коллектив, со всеми жрал вареное сало в коричневом соусе, рубероид продавал. Он Нюме даже одалживал свою офицерскую полевую форму для самоволок.

А разжаловали Муравейника глупо. Служили в отряде четверо чукчей. Росточек у них метр сорок с пилоткой, к бетономешалке не поставишь, слабосильные. Вот и послали на хлебозавод, зарабатывать хлеб для части, а старшим Муравейника. Муравейнику хорошо было — девки в ассортименте, сметана. Все, казалось бы, путем, да по конвейеру из печи приехала буханка, на которой запеклось в корочке известное всем слово из трех букв. Оказалось, чукча выковырял пальцем в тесте. Лычки с Муравейника сдирал сам начальник штаба майор Камышный.

— А ты что, музыку пишешь? — интересуется Ленька.

— Импровизирую. А вообще, реставрирую пианино "Беккер".

— Кому они сейчас нужны?

— Продаю в Израиль.

Свербящую мыслишку о пропавших тысячах Ленька загоняет в угол, чтоб не сойти с ума на самом деле. Все равно теперь ничем не поможешь.

7.

Снова приходит следователь, уже более решительно, и не один, а с приставом. Спрашивает у врача, когда выпишут Леньку. Леньке остается худо-бедно дня три кантоваться, больше с острым психическим расстройством не держат. Берет подписку о невыезде. Предъявляет ордер на арест. Кранты!

— Ты попал на деньги? — догадывается Муравейник.

— Двести тысяч баксов пропало, пятая часть лимона.

— Сегодня что, день свободных ушей? Ты серьезно?

Ленька только стонет.

— Если бы была валюта, можно было бы помочь. Я прокурору устроил пианино с "Леонида Собинова", когда лайнер отправляли на разделку.

Утром говорит:

— Есть две новости — одна плохая, другая еще лучше, как в анекдоте. У двери поставили милиционера тебя охранять.

"Может, повеситься?" — думает Ленька.

— Не вздумай вешаться, — предупреждает Муравейник, как будто догадался. — У тебя угнетенное сознание.

В палату приносят кого-то в тельняшке. Ленька узнает Светкиного мужа. За супружескую измену Светка выгнала его, и он налег на самогонку, огурцов в гараже хватало.

Моряк приходит в себя часов через пять. Ленька открывает глаза, а тот пялится.

— Спящих рассматривать нехорошо, сосед, — укоряет Ленька.

— Мне показалось, ты помер.

— Не дождетесь! А вот ты, между прочим, на месте жмура лежишь. Есть над чем подумать.

— Тебя хотел видеть Жмых, — говорит морской.

8.

.....

9.

— Чернобылец, к тебе отец прорывается, — шепчет фельдшер Маркелыч, щекоча колючим усом Ленькино ухо. — Попробую провести.

— А он мне как раз снился, — говорит Ленька. — Это интересно, тем более что батя двенадцать лет в земле отдыхает.

— Как отдыхает?

— Как все, — Ленька выглядывает в окошко и замечает Жмыха. — Зови штурмбанфюрера. У тебя левый ус отклеился.

— А, это я заспал в "скорой помощи", — фельдшер слюнявит и плющит ус.

Приходит Жмых. Из сочувствия вспоминает:

— У нас в Даурии один офицер с дивизионным доктором допились до того, что собирались кошку пропустить через мясорубку...

Ленька вздыхает, не реагирует. Жмых глядит выцветшими глазами через решетку, во дворе больная старуха извивается вокруг костыля, как стриптизерша на шесте.

— Рыбин помер, — выкладывает похоронные новости Жмых, — упал коло бойлерной. И баночка катетерная разбилась.

— Кто-кто? — рассеянно переспрашивает Ленька.

— Замкомполка был в Мирном. Потом его заменили на племянника генерала Генералова.

— Сменили шило на рыло.

— Ты его знал, он на уши приседал?

— Кто приседал?

— Что?

— Не с кем говорить, — заключает Ленька для Муравейника, — все приседают. За пенсией в Россию давно ездил? — уже громче для поддержания разговора орет Ленька.

— Куда?

— В свое Задрочье. Откуда мне знать, куда ты ездишь? Небось нелегалом там обитаешь.

— Не, я не лягал... Месяц назад приехал, — спохватывается Жмых. Как будто прорвало.

— Вопрос на засыпку: когда будут хоронить?

— Кого?

— Рыбинтрупа! — острит Ленька. — Кранты!

— Уже поховалы. Я вот что хотел тебе сказать. Людка, конечно, афе-

ристка, негде пробу ставить. Сначала меня в гараже помыла, потом тебя. Я засек.

— Что ты засек?

— Я накануне в ночь перед пожарной командой собаку выводил и видел, как Людка перелезала с Ленькиного балкона, то есть с твоего, на свой, они же вплотную. И торбу с деньгами уволокла. Так что можешь на меня ссылаться. Если ее прижать, она расколется.

— С пристрастием? Горячим утюгом по голой жопе? Можно в твоем гараже, штурмбанфюрер? А как мешок выглядел?

— Как торба, грязная...

— Эта? — Ленька приподнимает матрас, не свой, Муравейника, достает из грязной наволочки пять долларов, протягивает опешившему Жмыху и говорит: — На эти башли можно всю твою депрессивную деревню скупить. Это тебе, штурмбанфюрер, бонус за службу. Она здесь была час назад.

10.

На выписку Людка приходит с букетом освеженных рыбинтруповских гвоздик. Владимира Ульяновича в кабинете не было, и букет вручают нянечке Мире из тихопомешанных.

Мира как раз с кем-то скадалит:

— Поставь одеяло на место, где взяли.

Будто одеяло швабра или ружье.

Мира прерывает выговор и несет букет в чулан, где обитает. На чуланной двери кто-то из беляшей написал: "Мире-мир!".

Муравейник напоследок обнимает ротного и шепчет на ухо:

— Ты "зелень" поменяй на эвро, доллар падает.

Солнышко припекает, с крыш барабанит спелая капель. У церкви кучкуются загорелые нищие. Дворник в халате и марлевой повязке на лице подметает двор жесткой метлой.

— Ты, батя, как врач, — Ленька ему подмигивает.

— А я и есть врач, — подметающий снимает повязку, и Ленька узнает Владимира Ульяновича. — Решил, знаете, немного поработать физически.

— Трудотерапия, конечно, на пользу, — замечает Ленька, — только метла у вас отвалилась, вы древком вхолостую метелите.

— Какой конфуз! Задумался...

Ленька галантно насаживает доктору метлу.

— Буду вас вспоминать, — обещает.

— Не стоит. Все быстро течет и быстро забывается. Нас это, по сути дела, и спасает. Если будете отмечать выздоровление, не увлекайтесь.

Водитель в маршрутке без умолку тараторит по телефону:

— Я вирусов всех повбывав, набил новый пароль. Слайды порубал, но они сами больше почему-то не отправляются.

— Поздравляю, — встревает Ленька. — На твой сервер пришло срочное сообщение: тормозни за Привозом.

У амбразуры обмена валюты мини-очередь из трех персон.

— Лучше в банк, — говорит Людка.

— Здесь курс выше, — возражает Ленька.

Евро в дефиците, Ленька покупает пятьсот, долго изучает банкноту и возвращает в амбразуру.

— Тут какая-то гнида по-арабски накалякала, а я должен покупать? — возмущается.

Ленька представляет, как на базаре в Латакии лавочник тоненько помечает прямо на купюре, сколько колготок наторговал. В Сирии это проходит, но почему он должен покупать меченые еврики? Ленька был в Латакии с ограниченной партией военнослужащих, достраивал военный аэродром. Леньку охватывает приступ бешенства, он сует в щель деньги и приказывает валютной девице:

— А ну, поменяй!

— Меняй, кому сказала! — встревает Людка.

Девица изучает сомнительную купюру и говорит:

— Больше нет!

— Как нет?

Дезинформированная меняльщица тоже не в курсе, и потому возвращает национальную валюту.

— И мои евро, пожалуйста, возьмите, — заявляет человек, похожий на динозавра, он рядом все слушал, не отходил. — У меня тоже кто-то надписал.

— Вы же здесь не стояло! — ополчается Людка.

— Я, мадам, стоял перед вами.

— Прими капюру!

Пока препираются, сопляк засовывает в щель клешню. Ленька вырывает у него из ушей провода, тот даже жалких денег не успевает выскрести из щели, оттаскивает за шкирку и... получает ослепляющий удар в лицо. Ногой.

— Убивают! — вопит Людка. — Бандеровцы!

Пока Ленька распластался на асфальте, девица возвращает парню деньги.

— Идиоты! — резюмирует парень. — Это же подпись директора банка Евросоюза.

— Кажный прошибиться може! — рассуждает чебуречница. — Так что, надо лягаться?

Людка догоняет парня и отважно дает ему поджопник, чебуречная общественность на ее стороне. Наволочка при Людке. Получается, она спасла пятую часть миллиона в третий раз. Заходят в буфет "Сектор Газа", где палестинцы лепят самсу.

— Он работал во внутренних органах, — рассказывает дамские байки буфетчице подруга.

— Чьих, ваших? — уточняет Ленька. — Работаем?

— Да, — отвечает буфетчица.

— Наливаем?

— Да.

— Качество?

— Как своим.

— И все живы-здоровы?

— Я тебя не узнала. Кто приварил?

— Плесни лучше бодяги.

— Шая, бодяга не поможет. Нужен крэм "Балэт". Стоит два сорок.

В магазине "Сцена" Ленька получает заветную баночку, откручивает и вскипает.

— Тут же след пальца, — показывает продавцу.

— Потому с вас и взяли только два рубля.

— Поменяй! — наступает Людка.

— Это последний.

— Курва!

11.

Через полгода Жмых увидел Леньку в прямом эфире. Ленька был в чистом, при галстуке и трезвым. Заметили, что он растолстел. Ленька сказал:

— Позвольте всех приветствующих поприсутствовать... тю, звыняйте, присутствующих поприветствовать от имени депутатского корпуса... Нам нужна национальная идея без лжепатриотизма и шароварщины... железная воля и сосредоточенные деньги...

Дом приободрился, особенно Жмых. Заставили внука Рыбинтрупа набрать жалобу на компьютере. Он поленился редактировать и сохранил обороты:

"...отсутствие регулярной подачи воды на этажи подрывают нормальные условия спокойной жизни... Бюрократические ответы ДЭЗа совершенно необоснованные и вызывающие удивления...".

Копию послали премьер-министру.

— А премьеру-то зачем? — удивился Рыбинтруп-наимладший. — Это без толку.

— Другого-то нет.

— В дурдоме врача не выбирают, — согласился внук.

— И еще министру окружающей среды и ядерной безопасности, — напомнил Жмых.

Озадачивало отопление. Вертикальному продвижению теплоносителя мешала воздушная пробка, которая образовалась на пятом этаже. Пожилой слесарь для вида капризничал, сказал, что без вентиля не может ликвидировать пробку. На самом деле он смущался хозяйки, раскрепощенная бейрутская армянка фланировала по квартире нагишом. Вентилек отломил Ленька, когда собирался низвергнуть батарею на толпу. То есть получается, жильцы жаловались Леньке на самого же Леньку.

Жалобу вызвалась отнести в ДЭЗ Людка. На двери начальника висел призыв: "Пры входи в кабинэт посмихнысь!". Людка его оторвала.

Начальник быстро пробежал жалобу и сказал:

— Только он не депутат.

— Как не депутат? — взвилась Людка.

— Он помощник депутата першого склыкання Полезного.

— Сам ты Бесполезный, — набычилась Людка. — Он депутат.

Начальник улыбнулся, поставил на письмо печать и расписался.

Ответа ждали с нетерпением.

12.

Ночь или поздний вечер. Кто-то молотит в дверь ногой. Жмых с помощью дистанционной веревки открывает форточку. Людка трепетно спускается по лестнице с пятого этажа. В потемках догоняет. Пьяный оборачивается. Людка от отчаяния плюется, колотит его в спину. Жмых слышит, как она рыдает. На пятом этаже с балкона переливчато мяукают на чужом языке. Армянка Ленькину квартиру продала китайцам.

Елена НЕКРАСОВА

Прекрасная Маргарита

Маргарита Левановна была бакинской журналисткой. Она считала себя красавицей и утонченной натурой, разумеется, не без оснований. Профессия предполагала тесное знакомство с городской элитой, Маргарита обожала богему, а функционеров не жаловала, в своей постели уж точно. Мужчины ее жизни были как на подбор — режиссеры, артисты оперы и балета, художники, поэты, композиторы...

Даже достигнув пенсионного возраста, прекрасная Маргарита не растеряла свое обаяние и сексуальность. Мало того, с возрастом она выбирала все более молодых любовников, да и себя считала девушкой хоть куда и наряжалась весьма игриво — мини-юбки, открытые маечки, прозрачные кофточки, гетры с ярким орнаментом... издали ее принимали за девчонку-школьницу. И прическу, длинное каре (теперь уже крашеное, куда деваться?), с юности не меняла. А зубы меняла уже в третий раз, и они становились все ослепительнее, все совершеннее. Нет, не женщина в стиле "вамп", просто прекрасная Маргарита Левановна, соблазнительная, волнующая, загадочная... и интересная как человек.

Она окружала себя молодежью, но никто не называл ее на "вы". Кто еще мог пить-танцевать всю ночь напролет, а под утро поднять компанию встречать рассвет? И отбивать чечетку на гулких мостовых сонного города? По субботам Маргарита устраивала поэтический салон, по воскресеньям у нее собирались музыканты, в четверг — художники. Она не считала себя поэтом, так, баловство... но все хвалили ее стихи. Также Маргарита исполняла романсы, подыгрывая себе на семиструнной гитаре. Ее страстно-томительный голос с прокуренной хрипотцой влюблял в себя многих... а ее бурные романы — это отдельная тема, тут одним рассказом не обойтись, материала хватит на полнокровный роман... так вот. В пятьдесят восемь Маргарита случайно забеременела, такой вдруг вышел казус.

Понятно, не в первый раз с ней это приключилось, имелось уже две дочки — Анна и Елизавета, и даже внучка Ирочка. Эта двадцатилетняя Ирочка, дочь сорокалетней Анны, уже и сама собиралась рожать, так что Анна готовилась в бабушки, а Маргарита волей-неволей — в прабабушки. Зато младшая Лиза в свои тридцать шесть замуж пока не собиралась. Обе Маргаритины дочки жили в Москве, они прекрасно устроились. Лиза пела в шикарных ресторанах, а у Анны муж был телепродюсером. Послед-

ний раз Маргарита встречалась с девочками три года назад, когда те неожиданно нагрянули в Баку на ее юбилей. Пятьдесят пять! Решили сделать маме сюрприз. Притащили с собой заказной торт-безе и торжественно водрузили на стол, надо же такое придумать! С датой из мерзких сахарных розочек. А у нее в гостях сидело одно юное дарование, и только они приглушили свет, и рука потянулась к руке... и тут ввалились ее девчонки, как снег на голову! Она не скрывала свой возраст, это глупо, но ведь есть элементарный такт, позвонили бы сначала... Маргарита не подала виду, она же мать.

Вот именно, что мать. Дочки не были свеженькими, как раньше. Постарели немного. Морщинки-складочки. Вот что ее расстроило. С того дня Маргарита стала окунать лицо в таз с ледяной водой на пять минут вместо прежних двух. А девочек совсем не хотелось видеть, ну просто не хотелось ей, и все. Они и раньше-то не были особенно близки, у нее свой мир, у девочек свои интересы... И внуков-правнуков еще не сватало, чтоб на лето к бабушке... нет, увольте. Маргарита пока не сходит с дистанции, и откуда в ней столько сил? Тайна природы, но факт. А теперь эта новая любовь! Совершенно особенная, пронзительная, неземная, раньше она такого не испытывала, теперь и смерть не страшна... а у нее всегда так, уж если любить, то как в последний раз...

Он — тридцатилетний страстно-безудержный жгучий брюнет, экспрессивный абстракционист... Она его пьянит, как выдержанное вино, она его абстрактная Саския, за месяц — двадцать портретов-всплесков, он пишет каждый не больше четверти часа, искрометно. Потому что творческий акт должен длиться меньше полового и заканчиваться полнейшим удовлетворением, нельзя подходить к одному холсту дважды... у него своя философия творчества, своя неповторимая манера письма... И вот теперь ребеночек, их будущий малыш. Мальчик, она сделала УЗИ. Роальд, в честь его прадеда-передвижника, рано ушедшего из жизни.

Ей смешны сомнения врачей, их удел — стандартное мышление, что ж, каждому свое... но в ее жизни обыденности нет места. Гарику нужно в Москву. А у Лизы трехкомнатная квартира, и она там одна. Лиза ее поймет, она ведь певица, тоже человек искусства. А Гарик с его талантом и напором обязательно покорит Москву! А она устроится в какой-нибудь журнал, и через год-другой они купят свою квартирку... А если Лиза не захочет жить вместе, можно разменять ее трехкомнатную, или пусть даст им денег в долг, они с Гариком заработают и все отдадут. Да, девочки должны ей помочь, она их растила, одна, без мужа... пусть и Аня добавит.

Кстати сказать, девочки так не думали — в том смысле, что их растила Маргарита. Они считали, что выросли, как трава под забором... и, в общем-то, были правы. Летние каникулы длились с апреля по ноябрь, как только их в школе еще держали... лето они проводили у бабушки в Сураханах, а зимой путались под ногами у мамы, путались в именах ее многочисленных приятелей, а также в искусствах, которыми те занимались. О своих собственных отцах сестры ничего не знали ни тогда, ни сейчас. Ясно было, что они разные, потому что Маргарита часто попрекала Аню вредным отцовским характером, а Лизиного отца не трогала. Лиза не сомневалась, что был он певцом, не исключено, что столичной знаменитостью... намеки такого рода случались, но не более. Потому что у Маргариты есть женская гордость, она не из тех, кто будет унижаться... А вдруг девочки захотят их разыскать? Захотят помощи? Боже упаси. Особенно Лиза могла устроить такое позорище как начинающая певица... Аня хоть и не блистала талантами, зато какая получилась красавица, уютная кошечка, хозяюшка...

Так они и росли. Маму видели редко. Питались всухомятку, пока восьмилетнюю Аню один из маминых любовников не научил варить суп. С тех пор стало полегче. А Маргарита, увидев такую трогательную картину, прослезилась и поняла, что ее дочки совсем уже взрослые, и стала все чаще оставлять их одних...

Из престижного Башмертабе* им пришлось переехать во время карабахских событий, этой омерзительной резни... Маргариту многие считали русской, да и у дочек русские имена. На самом деле Маргарита Левановна была смешанных кровей — дед азербайджанец, отец наполовину армянин, мать украинка. После того как им прикрепили на дверь записку: "Уезжайте отсюда, иначе убьем", она решила быстро поменяться квартирами с азербайджанским скрипачом. Тем более что некоторые русские и армянские соседи уже погибли, их выбросили из окон без особого предупреждения. Но Маргарита и не думала убегать из Баку, просто поменяла престижный район на обычный. А вскоре все утряслось и кое-как наладилось.

Баку — ее любовь на веки вечные. Баку — жемчужина, обитель всех искусств, где зреют под южным солнцем таланты... таланты радостные и буйные, окрашенные в яркие цвета! Они утверждают страстное и любовное! А что северяне? Сплошной пессимизм. Маргарита терпеть не

* Башмертабе — Дом пяти углов, известный в Баку жилой дом.

может брюзжание, да... все продвинутые советские люди знали, что после промозглого Питера и суматошно-безвкусной Москвы Баку был третьей культурной столицей. Блистательного Баку уже не вернуть, кончен бал... но привычка — вторая натура. Другое дело — девочки. Маргарита уважала их стремление перебраться в Москву, хотя помочь ничем не могла. Но как дружили девчонки! Всегда вместе, все сообща... Так и вышло. Аню полюбил и забрал с собой молодой режиссер-документалист, а через год к ней уехала Лиза. Красивый голос и деловая хватка, и общительность, и посильная помощь Аниного мужа... Так сестры обосновались в Москве.

И вот настал час расплаты. Беременная мать, почти прабабушка, с молодым женихом собралась к ним... Первый звонок из Баку был подготовительным — мать сообщала, что полюбила, что ждет ребенка и что избранник немного моложе... Второй звонок насторожил — мать поинтересовалась квартирными ценами в Москве, а затем передала трубку своему Гарольду, чтобы Лиза познакомилась с будущим родственником... Третий звонок убил. Мать заявила, что продала свою квартиру, но цены в Баку, сами понимаете, не чета московским... поэтому первое время они с Гариком поживут у Лизы, им понадобится прописка... но если Лиза не хочет жить вместе с ними, пусть разменяет свою квартиру на две. Им нужна маленькая квартирка, но в центре столицы, поближе к культурной жизни...

Такого напора от Маргариты не ожидал никто. Даже сама Маргарита, даже Гарик, который мечтал, конечно, о чем-то подобном, но чтобы вот так, прямо в лоб... в общем, она всех удивила. Видя, как подавлены и растеряны сестры, Анин муж предложил обратиться к "серьезным ребятам". Ясно, что мать уже ничего не соображает, а этот абрек, эта шустрая сволочь, давит на нее и шантажирует... Лиза нервно посмеивалась — ни за что не пропишу у себя альфонса... Ане было ужасно стыдно за мать... Муж упорно развивал тему насильственного выдворения нежданных гостей, ему, уроженцу подмосковных Люберец, невдомек были все эти восточные тонкости...

Да и сами сестры, честно говоря, удивились — восточная традиция неожиданно взяла их за горло. Как же так... выгнать беременную маму? Пусть она спятила, попала под влияние наглого альфонса, но ведь это их мать... неважно, какая она мать, важно то... что важно?! Этого они и сами не понимали, но чувствовали, что не могут выгнать собственную родительницу, что это грех, так сказать... И постановили — раз уж не удается отговорить мать от поездки, пусть поживут немного у Лизы, сама Лиза

побудет у сестры. Они должны объяснить Маргарите, что этот тип ее просто использует... а если она не пожелает с ним расстаться и вернуться в Баку? Что ж, придется купить однокомнатную квартиру в дальнем Подмосковье, используя и мамины деньги, конечно... Там пусть и живут. Поразительно! Мама нацелилась на центр Москвы, хотя Лизина трехкомнатная квартира в Бутово стоит меньше, чем однокомнатная в этом самом центре...

И вот страшный день настал. Они привезли с собой рулон холстов, четыре чемодана, в одном были вещи, в другом краски и кисти, в двух оставшихся — журналистский архив Маргариты. Гарик никому не понравился, он на это и не рассчитывал, поэтому не особо старался. Лиза отказалась прописывать его у себя даже временно, мама заламывала руки, хваталась за живот... все напрасно. В отместку Гарик стал вести себя в Лизиной квартире неаккуратно. Попросту сказать, он намеренно гадил. Диванные чехлы покрылись жирными пятнами, мебель царапинами, а потекший в кухне кран залил нижних соседей, Лизе пришлось им заплатить. Гарик писал картины, разбрызгивая краску по стенам и потолку, а Маргарита убеждала себя, что все равно эту квартиру придется разменивать, вот новые жильцы и сделают ремонт. Конечно, она переживала, что дочки с первой же минуты приняли ее любимого в штыки, этим они унизили и Маргариту... общались с ними так, как будто она душевнобольная, а Гарик злодей и ничтожество...

Когда девочки объяснили, что на центр она может не рассчитывать, а только на дальнее Подмосковье, Гарик расстроился и запил. К тому же у него началась полоса неудач — ни одна из столичных галерей не оценила его самобытный дар. Он пинал и топтал по ночам скопившиеся в доме работы. Стало попадать и Маргарите, она вызывала в нем эстетический протест. Ее грушевидный живот, поддерживаемый при ходьбе руками... седые волосы, собранные в так называемую "мальвинку" — высокий хвост... а что было делать? От краски для волос у Маргариты начиналась аллергия, из носа текло, веки покрывались сыпью. А когда она подкрасилась натуральной хной, эффект получился совсем омерзительный, седорыжий, выцветший вид. К тому же у них кончались квартирные деньги. Их приходилось тратить, ведь девочки ничего не давали. А у Гарика появились приятели, он познакомился на Арбате с художниками и стал регулярно посещать их мастерские... Приближались роды, а Гарик мог пропасть на несколько дней, Лиза и Аня только злорадствовали... не думала она, что вырастила таких злых девочек.

Вообще-то, Маргарите хотелось умереть, устала она жить, это точно. Глядя на себя в зеркало, она даже не могла винить Гарика... в ее возрасте беременность не украшает женщину, этот фактор она не учла... Квартира выглядела кошмарно. Со вкусом обставленная недавно купленная квартирка превратилась в тошнотворный засаленный гадюшник. Лиза почти не появлялась, но вела с матерью обстоятельные телефонные разговоры. Все это было так предсказуемо... хорошо, что хоть не растянулось на год. Однажды ночью Гарик проснулся и захотел выпить. От пяти тысяч оставалось двести долларов, сотенными бумажками. Маргарита попыталась убедить его подождать до утра, но Гарик забрал все сбережения и ушел, покинул ее... Его не было уже неделю. Наверное, это к лучшему, решила Маргарита. Ей захотелось в свой теплый Баку, по окну стекал мокрый снег... Она поняла, что не хочет этого ребенка, она не сможет вырастить его, нет больше сил... Все девять месяцев Маргарита беседовала со своим малышом, называла его Роальдом, Родиком, Родичкой... она оставит его в роддоме, так лучше... пусть называют его потом, как хотят, Роальдом не обязательно... и тут Гарик вернулся.

Он правильно рассудил, что дочь не оставит беременную мать без копейки, но сто рублей?! Нет, наверняка она где-то прячет деньги... Он хотел припугнуть Маргариту, схватил кухонный нож, но та продолжала утверждать, что это последние деньги. Гарик разозлился, припугнул сильнее, а потом потерял контроль... До чего же он ненавидит этих самодовольных снобов! Всю эту зажравшуюся московскую сволочь!

Он прирезал Маргариту, воткнул ей нож в шею и в ужасе убежал прочь... Но Маргарита не погибла. Она так душераздирающе кричала, что соседи вызвали милицию... Маргариту удалось спасти, хотя ребенка она потеряла. Нож задел то ли нерв, то ли какие-то важные связки, и у нее отнялись руки. Врачи сказали, что если она будет стараться и регулярно разрабатывать руки, их функции частично восстановятся. Вязать, конечно, не сможет, но взять чашку или открыть кран — вполне... Но Маргарита рассудила иначе. Раз девочки разрушили ее любовь, то и она теперь немного подпортит их жизни. В чем виноваты девочки? Она не хотела об этом... не проявили чуткость, не одобрили ее выбор, при нормальном отношении все могло быть иначе. Из больницы ее привезли в отремонтированную квартиру Лизы, и целые дни Маргарита проводила на кушетке с книгой, перелистывая страницы языком, или смотрела телевизор. Она не умывалась, ходила под себя, почти не ела. Для сигареты у нее всегда горела большая свеча — взяв ртом сигарету со специально приспособленной

подставки, она прикуривала ее от свечи и снова клала на подставку, курила без помощи рук. Много было различных приспособлений... но переодевать и мыть Маргариту, и кормить с ложечки, и причесывать приходилось Лизе. А также, когда дочь была дома, Маргарита просила ее перелистывать страницы книг и вставлять и вынимать у нее изо рта сигарету...

Но даже несмотря на упорное нежелание Маргариты жить по-человечески, природа брала свое — руки потихоньку приходили в движение, и не всегда удавалось это скрывать. Однажды неожиданно вернувшаяся Лиза застала маму с чашечкой кофе в руке, которую она тут же уронила, но все же... В другой раз мама копалась в шкафу... но унитазом по-прежнему не пользовалась. Она упорно не желала выздоравливать.

Теперь о Гарике. Его нашли и посадили в тюрьму. Кроме покушения на убийство ему было предъявлено убийство собственного младенца. Гарик раскаялся в содеянном и написал письмо Маргарите, она плакала, читая его... и попросила Лизу написать ответ. Получив отказ, Маргарита обратилась с просьбой к соседскому мальчику, он же и отправил письмо. С этого дня произошел перелом — Маргарита перестала скрывать, что ее здоровье пошло на поправку, она подолгу лежала в теплой ванной, мечтательно пуская дым, глядя на трепетное пламя свечей... сидя перед телевизором, тренировала руки — сжимала и разжимала резиновые кольца... а как-то даже подкрасила глаза. А потом стала писать крупным, дрожащим, но вполне разборчивым почерком. Она не надеялась, что осужденный на восемь лет Гарик вернется к ней после тюрьмы, да и не нужно ей этого... Просто стало теплей на душе, в чужом городе получать эти письма, полные раскаяния и воспоминаний о счастливых мгновеньях их жизни, да... все мы совершаем ошибки, но не все, далеко не все способны так возвышенно страдать...

Настала весна, а весной Маргарита обычно сочиняла стихи. Хотя разве это весна? Одно название... Редкие проблески солнца, замерзающая под утро капель, грязные нетающие сугробы... но музы нашли Маргариту даже на восемнадцатом этаже, в опостылевшей блочной квартире унылого московского Бутово... А в мае она сказала девочкам, что хочет вернуться в Баку.

Москва

Анатолий КОНТУШ

Чаще, чем никогда

Ире

Я закрыл глаза, вдохнул и прыгнул в тебя, оттолкнувшись от старых мостков.

Я на мгновение завис в темноте, потом стремительно полетел вниз и наконец вошел в тебя, ощутив это всем телом; мостки с грохотом сложились у меня за спиной, но я этого не услышал. Я был в тебе, и ничего из того, что происходило раньше, не могло сюда проникнуть.

Вокруг меня кружились розовые сгустки, взлетали прозрачные шары, мелькали белые тени; густая, теплая, ровно светящаяся жидкость несла меня вперед, и я быстро перестал грести и просто поплыл по течению. Движение было медленным, и я мог всматриваться в незнакомый мир, окружавший меня; красноватые стены поднимались по сторонам, и когда меня проносило рядом с ними, можно было увидеть, как они ритмично колышутся в такт с ударами твоего сердца. Здесь было узко, и я отчетливо различал мелькающие вокруг фигуры, движения, лица; я хорошо запомнил молодую женщину с задумчивой девочкой на руках, рядом мальчика постарше, чуть поодаль одинокий мольберт с неоконченным пейзажем — теплое летнее море с высокого степного берега, а еще дальше нескольких мальчишек лет пятнадцати, ожесточенно бегущих наперегонки, и юную русоволосую красавицу, внимательно наблюдающую за ними. Течение понемногу ускорялось, усложнялось, превращалось в вихри; фиолетовые струи вспенивали воду передо мной, разлетаясь в брызги у оранжевых изгибов стен, и я уже с трудом понимал, что именно проносится мимо меня в прозрачной сиреневой дымке; стройная девушка в белом летнем платье помахала мне рукой с каких-то ступенек, и неожиданно возникший откуда-то строгий юноша погрозил ей пальцем, а потом подошел вплотную и поцеловал в губы; где-то совсем близко закричал ребенок, и высокий мужчина вошел в комнату, осторожно неся тебя на руках; твои глаза были закрыты, руки опущены, и я видел, что ты едва сдерживаешь слезы от счастья, потому что ребенок, который кричал, был твоей только что родившейся дочерью; здесь течение внезапно сложилось в водоворот, закружилось и начало затягивать меня вглубь; я попробовал выплыть, но стремительный напор воды перевернул меня и потащил за собой; я рванулся вверх, но не смог подняться даже на миллиметр; я шел ко дну и видел, как

ты тонешь рядом со мной, захлебываясь тяжелой вязкой жидкостью; ты стояла на пустой сцене, раздетая донага, и темный треугольник твоей судьбы дрожал между твоими ногами; я протягивал к тебе руки, не понимая, как далеко ты от меня на самом деле, ты опускалась все ниже и ниже, бросившая всех и одна на целом свете, и я все протягивал к тебе руки, протягивал и не мог ничего сделать.

В этот момент стены неожиданно разошлись, и я оказался посередине широкого пространства; берега едва виднелись сквозь желтый туман, поднимающийся из глубины. Течение остановилось, и я сделал несколько гребков, развернулся и поплыл к розовеющему вдалеке мысу. Далеко подо мной промелькнули руины каких-то строений, похожих на античный театр, — галереи, колонны, ступени, — и я взял немного глубже и заскользил над самым дном, вглядываясь в открывающуюся панораму. Я плыл над грудами изорванных костюмов, потрепанных декораций, разбитых прожекторов; тут и там валялись обрывки афиш, наброски пьес, клочья программ; среди развалин сверкнул маленький ободок, похожий на обручальное кольцо, сверкнул и тут же погас; мраморные статуи напрягали остатки рук, каменные маски хохотали открытыми ртами, но нигде не было видно ничего живого, только не заметное глазу течение бесшумно переворачивало листки на песке; холодные, голые, неродящие пустоши тянулись до самого горизонта, и я вздохнул, тряхнул головой и поплыл дальше, оставляя в прошлом эти безжизненные места. Теперь мыс уже возвышался надо мной, подрагивая гладкими склонами, из которых выскальзывали струи пузырьков; я поднялся выше, следя за тем, как пузырьки отрываются от поверхности, увеличиваются в размерах и наконец лопаются, превращаясь в волны, которые становились все больше; одна из них подбросила меня так, что я потерял равновесие, полетел вверх и оказался прямо над мысом. Широкое плато уходило вдаль, пахло серой, и над ноздреватой почвой повсюду висели нити фумарол; я едва успел заметить вулканический конус на горизонте и несколько многоэтажных зданий у его подножия, как пространство над конусом стало багровым, здания исчезли, превратившись в груду обломков, меня швырнуло в сторону мощным толчком, потащило куда-то сквозь мглу, и следующим, что я увидел, был узкий проход в стене, похожий на коридор; меня затащило внутрь быстрым потоком, который изогнулся у поворота, превратившись в воронку, потянул вниз, и я оказался прямо напротив прямоугольного отверстия, напоминающего дверной проем, — за ним была комната, уставленная старомодной мебелью, ты стояла возле фортепиано

с листком в руке, твои глаза светились, и ровное золотое сияние поднималось над твоей головой. Вся комната была заполнена бесплотными легкими тенями, и когда исходящее от тебя сияние достигало одной из них, тень вздрагивала, наполнялась и оживала, превращаясь в человека. Я не мог отвести глаз от этой картины, но внезапно налетевшая волна подхватила меня и понесла; я обернулся, но увидел только льющийся из проема свет, который освещал то место, где только что был я; там что-то темнело, я присмотрелся и узнал дверь в свою парижскую квартиру, у которой кто-то стоял; вода бурлила, течение стремительно уносило меня в сторону, и я не смог рассмотреть, кто это был.

Ты нырнула в меня одновременно со мной и поплыла мне навстречу. Какое-то время ты не могла ничего разобрать в темноте, но твои глаза быстро привыкли, и ты поняла, что здесь не совсем темнота, и что все пространство освещено тусклым светом, падающим откуда-то сбоку. В этом причудливом свете ты увидела перед собой странное переплетение существ, предметов, понятий: силуэты детей чередовались с бутылками вина, столбики уравнений переходили в дорожные карты, неразрешимые проблемы громоздились над коллекциями наград, красивые женщины сидели рядом со спивающимися мужчинами. Ты скользила вдоль этого рифа, сложенного из прошлого и существующего в настоящем, ты скользила в полутьме, пытаясь найти щель, достаточно большую для того, чтобы в нее проскочить, пока наконец не заметила маленький зазор между двумя обнаженными телами и не повернула туда; тела качнулись от поднятой тобой волны, но так и не коснулись друг друга. Тут оказалось намного просторнее, чем могло показаться снаружи; все было аккуратно построено в ряды и колонны, и широкие пролеты уходили во все стороны, сужаясь вдали. Ты выбрала самый большой из них и оказалась среди сотен книг самых разных размеров, которые располагались в каком-то сложном порядке. Здесь были фолианты с немецкими надписями на корешках, беллетристика на французском, энциклопедии на английском, романы на русском; ты наугад открыла один из них, и на плоской белой странице перед тобой возник разноцветный трехмерный мир: трое подростков пили вино из темной бутылки, сидя на длинном спускающемся к морю склоне; рядом мужчина любил женщину, поставив ее на колени среди высокой травы; чуть поодаль молодой человек в строгом костюме что-то говорил с кафедры в полумраке огромного зала. Ты вернула книгу на место, проплыла немного вперед и только собралась взять другую, как вдруг почувствовала, что падаешь в пропасть; еще мгновение назад так надежно поддер-

живавшая тебя вода разошлась в стороны, и ты полетела во тьму, оставшись без опоры; нескончаемое падение все наполняло и наполняло тебя ужасом, как вдруг движение прекратилось так же внезапно, как и началось, и ты повисла в черной пустоте среди звезд. В этот момент откуда-то сбоку выплыло белое облачко, на мгновение замерло и медленно растворилось в тусклом сумеречном свете; ты почувствовала, как я напрягся всем телом, и вновь появившееся течение быстро понесло тебя вперед, а потом опять замедлилось и почти остановилось; вокруг посветлело, ты взглянула вверх и увидела над собой бесконечное синее небо.

Я заметил тебя вскоре после этого; ты все еще медленно кружилась во мне, глядя в небо. Я поплыл к тебе, и вода тут же стала прозрачной и чистой; поднимающиеся откуда-то теплые струи ласкали меня, темневшее внизу дно отодвигалось все дальше, пока не исчезло совсем. Я плыл по тебе, одновременно видя тебя перед собой; твое тело оказывалось все ближе и глубже; я видел тебя снаружи и чувствовал изнутри. По мере того как я приближался к тебе, вода становилась все более нежной, она гладила меня, покачивала и целовала, окружая счастьем, и мне показалось, что я постепенно растворяюсь в тебе. Я взглянул на руку и увидел, что ткани стали прозрачными; я видел четкие линии костей, темные пучки сосудов, зеленые прожилки нервов, желтые волокна сухожилий, а сквозь все это я видел алые берега твоего тела, рыжие волны, катящиеся по тебе изнутри, и твою светлую фигурку, раскачивающуюся на этих волнах. Я отвел глаза и посмотрел вперед — со всех сторон по-прежнему колыхалась легкая пелена счастья, — а когда снова взглянул на руку, то уже ничего не увидел. Я поднес ладонь к лицу, но заметил только, как что-то слегка дрогнуло перед моими глазами, дрогнуло и снова застыло. Тогда я перевел взгляд туда, где должно было находиться мое тело, но и там обнаружил только пространство, равномерно светящееся красным; я обернулся и увидел тебя, плывущую мне навстречу. Ты подплыла, взмахнула прозрачной рукой, обняла меня и исчезла; теперь я только чувствовал тебя, но больше не видел; ты была везде, сверху и снизу, впереди и сзади, снаружи меня и внутри. Пропали границы, исчезли пределы; я растворился в тебе без остатка, заполнил весь мир целиком, исчез и вынырнул на поверхность.

Я стоял у окна, и засыпанный снегом город уходил к горизонту в ледяных утренних сумерках. Над огнями многоэтажных зданий поднимались серые прямоугольники труб, и пустое шоссе пересекало белые поля черной лентой. Ты спала на широкой постели за моей спиной, разбросав по простыне тонкие руки. Я позвонил Игорю, оделся и спустился вниз; ма-

шина уже стояла у подъезда, на улицах было пусто, и мы быстро доехали до кольцевой и пошли дальше на юг.

Ты обнаружила записку на столе сразу, как только проснулась; ты знала, что она там, уже когда открывала глаза и тянулась вверх всем телом, вспоминая о том, что было ночью. Ты прочла ее дважды, кинулась в душ, наспех подвела глаза, вылетела на улицу, схватила первое попавшееся такси и назвала водителю адрес. Когда через час машина наконец остановилась у обочины, я уже ждал тебя на узкой тропинке, идущей в лес. Мы прошли под заледеневшими деревьями и свернули на укатанную санями дорогу; солнце сверкало на блистающем синевой небе, и белые кроны сосен сияли в его лучах. Ты никогда не видела такой церкви; там не было никакого убранства, только светлые стены по сторонам, свечи в проходах и темный алтарь в центре; свет заливал все пространство через высокий потолок из цветного стекла. Внутри не было никого, но когда мы встали напротив друг друга, голос сверху назвал нас по именам и спросил о чем-то важном; да, сказала ты, и еще раз — да; да, сказал я вслед за тобой, и мой голос взлетел к потолку над дрогнувшим пламенем свечей. Ты заплакала, когда я надевал кольцо тебе на руку, а потом взглянула на меня снизу вверх, улыбнулась сквозь слезы и решительно натянула другое кольцо на мой палец; я поцеловал тебя, подхватил на руки, вынес наружу через широко раскрытую дверь, сквозь которую било солнце, осторожно поставил на ноги, упал перед тобой в снег — и после только целовал твои холодные руки, и обнимал колени, и прижимался к ботикам, залепленным пушистым снегом, а ты все гладила меня по волосам, и плакала, и повторяла — ты мой единственный.

Хотя я никогда не могла представить, что так бывает, тихо сказала ты потом, когда мы лежали рядом на снегу и смотрели в небо, просто не могла, и все. Бывает, сказал я, только очень редко. Реже, чем однажды, но чаще, чем никогда.

Париж

Александр БИРШТЕЙН

Три рассказа

Дура

Она была дурой. Но молчаливой. На это ей ума хватало. Больше ни на что!

Я говорил... Отчаянно умные вещи говорил! А она молчала. И словно морщилась. И если отвечала, то невпопад. Ну, совсем невпопад!

— Дура! — кричал я. — Ну почему ты такая дура?

А она молчала. И занималась своим делом — готовила мне еду.

Я ел и уходил. А она оставалась. По-моему, ей никогда не было скучно.

Я приходил, пропахший вином и дымом. А иногда и женщинами. Я приходил и вызывающе глядел на нее. А она молчала. Или спрашивала, не хочу ли я есть. Я отказывался. Не от сытости. От презрения.

— Дура! — думал я. — Какая же она дура!

Ночь разбрасывала тоску по углам, и фрагменты тоски лежали там, не шевелясь, напоминая брошенные вещи.

Она ложилась рядом со мной и ждала, положив руки за голову. Если я начинал ласкать ее, не сопротивлялась. Но не более.

По-моему, страсть ушла от нас первой. Впрочем, не помню. Не заметил...

Однажды меня не было несколько дней. Так получилось. Не удержался, а потом закружило. Даже позвонить забыл.

Возвращаясь, я злился, думая, как обзову ее дурой, если она посмеет...

Но она ничего не сказала. Только отстранилась, когда я ночью полез к ней с нежностями. Ну и не надо! Можно больше поспать.

Когда я проснулся утром, ее рядом не было. Я не удивился. Она всегда вставала прежде меня. Я лежал и ждал, когда позовет завтракать. Не позвала.

Завтрака не было.

Ее тоже...

Я знал, где ее искать. Но не пошел. Еще чего не хватало!

А потом стало поздно...

А еще поздней я стал скучать. И еще мне стало казаться, что вижу ее идущей чуть впереди. И бросался вдогонку. Но это оказывалась не она.

Она ушла из моей жизни. Сама! Но не отпускала. Не отпускала!

Вот дура!

Я бродил по городу, расшибая душу о разговоры и сплетни.

Я пытался вышибить клин клином, но только калечил-увечил, увечил-калечил себя.

Знакомые встречали ее. И говорили, что она так же молчалива. И одинока.

Одинока? Значит, одна!

Ну правильно, правильно! Кому она нужна?

Кроме меня...

И мне тоже, раз так, не...

Нет, нужна! Нужна!

И она пришла. И остановилась среди комнаты, глядя на меня. Молча!

— Дура! — закричал я.

И стал целовать ее колени.

Тоже, вроде, жизнь...

Мадам Фрумкина всегда была безобразна и свежа.

Она специально приезжала с улицы Косвенной, с Молдаванки, где жила, к нам на Жуковского, чтоб воспитывать внука — тихого еврея Подкаминера.

Подкаминер жил молча. Ни с кем из соседей не дружил и ходил в баню по четвергам.

У него имелась жена Зоя, старше лет на пятнадцать, и полосатая кошка Сибирь. Почему Сибирь? Никто не знал.

Втянув голову в плечи, пробегал Подкаминер утром и вечером по двору. Был он мал и неприятен.

А Зоя, наоборот, была душа-женщина. А душа иногда поет. Пела и Зоя, когда развешивала белье.

От ее пения дребезжали стекла, а у мадам Берсон начинал болеть живот. Тогда мадам Берсон выходила во двор и ругала Зою обидными словами.

Зоя прекращала петь и начинала говорить. Тоже обидные слова. И только для мадам Берсон.

Так что, мадам Берсон свирепо уважала Зою. А Зоя мадам Берсон.

Раз в два-три месяца Подкаминер напивался. Тогда он, шатаясь, приходил во двор и плакал тихо и мучительно. Потом переставал и шел бить Зою. Бил он ее слабо, но нудно. Зоя терпела. Она могла бы свалить его одной рукой, но терпела.

Побив, как ему сдавалось, Зою, Подкаминер засыпал.

Дождавшись его пробуждения, Зоя начинала собираться, чтоб уйти насовсем.

Подкаминер снова плакал, просил остаться и называл Заенькой. Когда и это не помогало, он шел звонить старому доктору Лившицу, жившему над мадам Фрумкиной.

Обзывая Подкаминера шлимазлом, Лившиц спускался на второй этаж.

— Мадам Фрумкина, — говорил он, — ох, мадам Фрумкина, зачем ваша Блюма тогда не сделала у меня аборт? Я бы по-соседски взял недорого, а вы бы не имели этот *исицер хойшер*.

Мадам Фрумкина не отвечала. Она хватала ридикюль и палку и начинала спешить. Как она добиралась аж с Молдаванки, не знал никто, но вскоре уже стояла посреди двора и ждала, говоря плохие слова Подкаминеру, за то, что он, женившись на *шиксе*, не может с ней справиться.

Ровно тогда выходила Зоя с чемоданом в одной руке и узлом в другой. Она молча садилась на чемодан и смотрела. За все время, что Зоя была замужем за Подкаминером, они с мадам Фрумкиной не сказали друг другу ни слова.

Потом мадам Фрумкина небольно била Подкаминера своей палкой. Когда, по ее мнению, было достаточно, она, опираясь на ту же палку, тяжело уходила со двора.

А Подкаминер брал у Зои узел, она сама хватала чемодан, и они шли домой.

— Что за жизнь? — ужасались соседи. — Как так можно жить?

В декабре 1941 года девятнадцатилетняя Блюма, успевшая овдоветь в августе, выбросила сына в толпу, глядящую, как евреев под конвоем ведут на погибель в Доманёвку. Так делали многие матери, положив в пеленки все ценное, что у них было, и документы. Иногда, обшарив пеленки, детей выбрасывали обратно.

Наверное, Подкаминеру повезло. Его в тот день поймала Зоя.

Впрочем, кто знает?..

Он и она

Он проснулся от едва слышного звяканья посуды. Стало быть, она уже завтракает. Можно бы встать, поздороваться, тем более и мочевой пузырь уже на пределе. Но он, как обычно, стал дожидаться ее ухода. Страдая, между прочим.

Ждать недолго, минут пятнадцать. Проверено не раз и не два. Вот

хлопнула входная дверь. Полежав еще минуту-другую, он, наконец, встает и мчится навестить удобства. Занятием типа чистки зубов или ежедневного бритья он уже себя не утруждает. Зачем? Для кого? Никуда идти не надо. То, что нужно это делать для себя, давно выброшено из головы.

В кухне идеальный порядок. Он на всякий случай заглядывает в холодильник. Продукты имеются, но никакой специально для него приготовленной еды нет. Он лениво и привычно вспоминает, что когда-то она перед уходом готовила ему бутерброды и любовно укладывала на плоскую тарелку. Оставалось поставить их на пару минут в микроволновку и завтракать горяченьким. И когда, интересно, это в последний раз было? Он на мгновение застывает, пытаясь вспомнить. Не вспоминается. Да и к чему?

Есть не хочется. Курить тоже. Он возвращается в свою комнату и снова ложится. Впереди длинный день, и надо его как-то убить.

Часам к двенадцати он просыпается снова. Лежит, закинув руки за голову, и лениво размышляет. Потом идет к холодильнику, выуживает масло и колбасу. Ест он машинально. Потом небрежно стряхивает крошки на пол.

До того момента, когда она вернется с работы, времени еще уйма. Чем бы заняться? На улицу он практически не выходит. Что там делать? Ни друзей, ни интересов. Вышли все... Пойти в магазин за продуктами? Но он и забыл, как это делается. Она этим занимается. Даже сигареты она ему покупает. Его дело выложить пустой блок в прихожей. А после работы она приносит полный. И кладет там же. Молча. Ну и пусть. Пойти просто погулять? Но зима, снег, холодно, наверное. Да и пустое это занятие.

— И денег нет! — вдруг приходит в голову. Хотя... Он открывает шкаф, шарит под бельем на верхней полке. Есть, есть какие-то бумажки. Ну и что? Сам он денег в дом давно не приносит. К чему? И откуда их взять? Тем более, она зарабатывает прилично. Им хватает. Им... Он давно уже числил ее отдельно и себя отдельно. Любовь? Наверное, она когда-то была. Наверное... Вспомнилось, что это именно она настояла на том, чтоб бросить постылую работу.

— Она меня до сих пор любит! — мелькает неуверенная мысль. И пропадает. Потому как он знает, что это не так. Любят все-таки хоть за что-то. А его-то за что? За то, что трахает ее, когда ему — не ей! — приспичит? Трахает... Когда последний раз это было? И опять не вспоминается...

Встречаются они редко, умудряясь как-то не пересекаться в сравнительно небольшой квартирке.

Что же их держит вместе?

Ну, во-первых, ему некуда идти. Своего жилья нет и не было. А во-вторых, на что он будет жить? Попробуй, устройся на работу, пробездельничав лет пять... Нет, пожалуй, все шесть! Да и неохота. Так лучше.

Он добывает из пачки сигарету, закуривает. Считается, что курение его успокаивает. От чего? Неважно. Успокаивает и все! Так что, курение в данном конкретном случае даже полезно.

Перебравшись в гостиную, он включает телевизор и лениво листает программы. Ничего интересного. Хотя... Надо же, судят шайку, травившую людей клофелином. Это лекарство такое от давления. Он видел, как она его принимает. Надо же, стоит высыпать несколько таблеток в водку, как человек тут же вырубается. Бывает, что и навсегда... Жаль, застал самый конец передачи. Он выключает телевизор и скучно смотрит перед собой.

Вдруг приходит что-то, похожее на одиночество.

Новости! Этого еще не хватало! Все хорошо, все хорошо... Что хорошего? Живет с женщиной, которую когда-то, наверное, любил. А сейчас? И он горько усмехается.

И опять, опять. Любит ли она его? Когда-то любила... Точно! Прощала все. Терпела. И — вот! — спрашивала всегда, что приготовить, купить повкусней. А он капризничал... Как-то постепенно все изменилось. Какая разница? Его устраивает!

— А ее? — подумал он впервые и испугался. Вот возьмет и выгонит на мороз да снег.

— Нет, не сможет! — улыбнулся он. — Посовестится. Знает, что мне некуда идти... И еще она меня любит! Любит? — ох, он знал, что это не так. — Любила... — поправил он себя. Почему-то стало обидно. А потом даже больно.

— И ничего не вернуть!

Что вернуть, что вообще надо возвращать, он еще не понимал.

Потом он пошел к себе в комнату и снова лег. В комнате было неубрано. Сам он давно не убирал, а она сюда даже не заглядывала. Прежде тут был его кабинет, а жили они вместе в другой, той, где она спит сейчас. Потом как-то разбежались...

Вдруг, именно вдруг, потому что это бывало крайне-крайне редко, раздался звонок в дверь. Вспомнив, что не одет, он накинул халат и, завязывая пояс, направился в прихожую. Прежде чем открыть, конечно, глянул в глазок. На площадке топтался ее брат.

Он удивленно открыл дверь. Ее брат не приходил к ним давным-давно, и вообще его не одобрял. Брат прошел в комнату, сел за стол и достал из сумки, которую всегда носил через плечо, какие-то бумаги. Помолчали...

— У меня полгода назад теща умерла! — вдруг сказал ее брат.

— Ну и что? — удивился он. Не хватало еще вникать в семейные дела чужого человека.

— После нее комната осталась. Далековато, но самостоятельная. В общем, жить вполне можно!

— Ну и что? — опять спросил он.

— А то, — разозлился ее брат, — что, вступив в наследство, мы решили отдать ее тебе! Живи!

— Мне и тут неплохо! — хотел сказать он, но осекся и вместо этого спросил: — Она знает?

— Она сама об этом просила! Да-да! Просила! — торжествующе сказал ее брат. — Вот адрес, — брат показал на какую-то бумажку, — вот ключи, а вот все остальные документы.

Потом ее брат ушел.

А он стал метаться из угла в угол, что-то проговаривая. Сперва это были ругательства, потом жалобы, потом...

Придя с работы, она сразу прошла к себе в комнату.

Чуть помешкав, он ринулся за ней. Она оказалась в трусиках и лифчике. Наверное, переодевалась в домашнее. Увидев его, она даже не сделала попытки прикрыться, а так и стояла, словно среди мебели.

— Твой брат был! — сказал он.

— Я знаю!

— И ты одобряешь все это?

— Конечно! Иначе бы ты никогда отсюда не ушел!

— А как же...

— Хочешь, я дам тебе денег? Только уходи! Уходи! — глаза ее наполнились слезами.

И вдруг...

Сам не понимая, что делает, он набросился на нее. Сорвал трусики, повалил на постель.

— Ты! Моя! Жена! — задыхался он, входя все глубже и глубже...

Она лежала спокойно и отстраненно. Словно терпела что-то необходимое, но неприятное, после которого должно стать легче.

— Я люблю тебя! — выдохнул он, окончательно освобождаясь.

На ее лице появилась ненависть. Она даже хотела ударить его, но не смогла.

— Прочь! — прошептала она спекшимися губами.

Он не помнил, как выскочил из ее комнаты, как оделся. Уже в коридоре он пошарил по карманам и с удивлением обнаружил там какие-то деньги.

— На бутылку хватит! — подумал он и понял, что будет дальше.

Он вернулся в кухню, открыл аптечку, нашарил облатку клофелина.

Потом вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

На улице слегка темнело и сильно мело. Ему сразу стало холодно и неуютно. Ближайший магазин был в двух шагах. И на бутылку водки действительно хватило.

До парка было недалеко. Он вошел в распахнутые ворота и пошел вглубь. Потом повернул с центральной аллеи на тропинку, которая только угадывалась под слоем снега. Тропинка привела его к скамейке под кустом, нынче голым, а летом всегда зараставшим листьями сирени.

— Тут мы впервые... — подумал он и сел на скамейку, слегка стряхнув с нее снег.

Пробирало.

— Сейчас согреюсь! — усмехнулся он. Потом, выковыряв таблетки из облатки, закинул все десять штук в рот. И начал запивать водкой. Загустевшая на морозе водка шла неохотно, но он заставил себя допить до конца. Потом закусил снежком.

Скамейку, на которой он сидел, стало плавно покачивать.

— А меня ведь нескоро найдут! — пришла идиотская мысль. А потом еще одна: — Неужели она не пожалеет? — но эта мысль уже была последней. Совсем последней.

Сергей ОСТАШКО

Восьмая нота, или Кларнет в России больше, чем кларнет

Восьмая нота приснилась Пенделееву под утро. Он даже вначале не понял, что именно подняло его с постели. И только когда чистил зубы, вдруг осознал — вот же оно, открытие! И как все просто! Даже удивительно, что никто раньше не додумался. Нота звучала в мозгу, не похожая ни на что слышанное ранее.

К музыке Пенделеев имел весьма отдаленное отношение. Просто любил хорошую и старался не замечать плохую. У него даже слух был, несмотря на регулярные подначки жены. Ну не любила она, когда муж по утрам напевал в душе. "Моему Дмитрию Ивановичу медведь на ухо наступил", — с очаровательной улыбкой клеветала она подругам.

Сама жена считала себя в музыке специалистом. Она работала гримером в оперном театре, и ей приходилось часто общаться с вокальными знаменитостями, а один раз даже гримировать известного тенора. Правда, тенор к тому времени уже перешел рубеж преклонного возраста, стал хуже слышать, и поэтому никак не реагировал на ее попытки завести светскую беседу. Тем более что говорила мастер макияжа по-русски, а тенор понимал только по-итальянски.

К домашнему эксперту и прибежал Пенделеев со своим открытием. Супруга внимательно выслушала своего Димасю, покрутила пальцем у виска и прокомментировала в том духе, что его "медвежья болезнь" прогрессирует. Хорошо хоть не заразна. Дмитрий Иванович обиделся. Он решил доказать супруге, насколько прекрасен найденный им звук.

Продемонстрировать восьмую ноту оказалось затруднительно. Нота попрежнему звучала в мозгу, но напеть ее почему-то не получалось. Пенделеев несколько раз попробовал, и голос из кухни попросил, чтобы он прекратил дразнить кошку. Да и сам изобретатель чувствовал, что голосовые связки издают что-то не то. Может быть, жена была не так уж и неправа?

Дмитрий Иванович залез на антресоль и снял пылившийся там кларнет. Инструмент остался от уехавшего на ПМЖ дяди-лауреата вместе с кошкой и нотами. В отличие от кошки и нот, мышей он не ловил, в макулатуру его не принимали, а просто выкинуть — не поворачивалась рука, как-никак национальное достояние. Во всяком случае, именно так объяснили дяде на границе, отбирая у музыканта средство существования.

Пенделеев дунул в кларнет, пробежался по клапанам и убедился, что нужного звука не происходит.

По образованию Дмитрий Иванович был инженер, а по призванию — мастер золотые руки. После их прикосновения любой прибор вновь начинал работать, упавшая полка как бы сама собой становилась на место, и даже маявшаяся животом кошка вдруг выздоравливала. Пенделеев взял дрель и начал колдовать. Почему нужно сверлить дырочку именно в этом месте, он объяснить не мог. Просто ему так подсказывала интуиция, а ей он привык верить. Интуиция и на этот раз не подвела. Изобретатель аккуратно сдул опилки, поднес мундштук ко рту, и из раструба полилась его нота.

— Соня, Соня, послушай, какая прелесть! — крикнул он на кухню, но оказалось, что жена уже ушла. Разделить радость не с кем.

На работе открытия тоже не оценили. Начальство сказало, что исследование колебаний звуковой частоты не входит в тематику лаборатории, и посоветовало заниматься своим делом. А коллегам Дмитрий Иванович даже говорить не стал. Они и так подтрунивали над ним из-за почти полного — с точностью до одной буквы — совпадению его имени, отчества и фамилии и ФИО знаменитого химика. Наверное, завидовали, что у Пенделеева больше изобретений, чем у них у всех вместе взятых. "Вот где меня должны оценить", — обрадовался первооткрыватель и направился в патентное бюро.

Радость с наскока не удалась. В бюро Дмитрия Ивановича долго пасовали по кабинетам, не зная, к какой области науки отнести его открытие, а в конце заявили, что искусством они вообще не занимаются, а культура их волнует только с точки зрения обслуживания населения. Причем волнуется по этому поводу даже не бюро, а собственно население.

Дирижер оперного театра слушать начинающего гения тоже не стал. Он давно подбивал клинья под симпатичную гримершу, и знакомство с мужем в планы не входило.

Дмитрий Иванович решил зайти с другой стороны и двинулся к приятелю — заслуженному деятелю искусств. Приятель давно зарился на кларнет, но был не настолько близким, чтобы просто подарить ему инструмент, и не настолько далеким, чтобы взять с него деньги. Теперь же Пенделеев в обмен на раритет предложил другу сыграть его ноту во время одного из концертов. Приятель мысленно покрутил пальцем у виска и... согласился — очень уж хотелось заполучить национальное достояние. Он даже сдержал свое обещание при исполнении одной мощной увертюры, в надежде, что в общем крещендо это пройдет незамеченным.

Результат превзошел все ожидания. Деятеля уволили из искусства без всяких объяснений. Правда, не исключено, что это было совпадением. На место приятеля давно претендовал молодой и наглый племянник дирижера. Музыкант в ярости разломал несчастливый кларнет на мелкие части, и даже золотые руки не смогли его отреставрировать. Скорее всего потому, что фрагмент раструба со злополучной дырочкой деятель сжег, а пепел развеял по ветру. А потом долгими зимними вечерами с тоской прислушивался, не завоет ли вьюга Ту Самую Ноту, которую ему удалось сыграть только один раз в жизни.

Демонстрировать открытие Пенделееву стало нечем. К духовым инструментам его больше не подпускали, а дырочки, просверленные в тихой старенькой гитаре, на звучание не влияли. "Надо ехать в столицу, там разберутся", — решил Дмитрий Иванович.

Столица встретила изобретателя мокрым снегом и липким навязчивым сервисом таксистов. Оказалось, что здесь заслуженного изобретателя и рационализатора никто не знает. Он долго обивал пороги, унижался перед вахтерами, заигрывал с секретаршами и, наконец, добился своего. Важный чин всемилостивейше разрешить соизволил заполнить заявку на изобретение и провести патентный поиск. Это восьмой-то ноты! Поиск, как и следовало ожидать, прошел успешно, аналогов не нашлось, и Пенделеев вернулся домой окрыленный.

Ожидание славы было долгим и изматывающим. Дмитрий Иванович худел, бледнел и в конце концов извелся настолько, что жена прекратила подначивать и даже попросила спеть в ванной. Впрочем, выйдя предварительно на балкон.

На работе тоже все валилось из золотых рук. И после того как Пенделеев разбил очередную колбу с дорогущим и очень редкоземельным элементом, его незаметно сократили. На освободившуюся вакансию пришел племянник дирижера, которого к тому времени из театра уволили и взяли обратно заслуженного деятеля.

Приятель в пароксизме счастья посоветовал Дмитрию Ивановичу обратиться в Национальную академию музыкальных наук. Пенделеев даже не знал о ее существовании. И не знал, как выяснилось, не зря. Организации с таким названием в стране не существовало. То ли музыкантов было маловато, то ли их национальность не соответствовала. По слухам, что-то подобное имелось в Швеции, и изобретатель уже начал искать переводчика, но тут пришел ответ, в том числе и на только готовящееся письмо.

Пенделеев углядел официальный конверт в прорезь почтового ящика. Дрожащими руками он распечатал его и...

Ответ прогремел своей лаконичностью и безысходностью.

"Извещаем вас, что Национальная академия наук, так же, как и шведская (*sic!)*, не принимает к рассмотрению проекты вечных двигателей и дополнительных нот музыкальной грамоты". Подпись. Печать.

Все было кончено. Пенделеев, натужно преодолевая каждую ступеньку, поднялся к себе, сел в кресло и машинально взял в руки пульт от телевизора. Кнопка нажалась как бы сама собой.

Шла передача "Очередное невероятное". В кадре с эмблемой CNN бодрый голос рассказывал об очередной победе зарубежного разума над отечественным. "Американские музыковеды-теоретики, — синхроном Левитана вещал "ящик", — вычислили, что между "до" и "соль-диез" должна существовать еще, по крайней мере, одна ранее неизвестная нота. Музыканты-экспериментаторы уже приступили к ее поиску. На исследования выделены огромные средства, так что великое открытие не за горами". В картинке возник увенчанный сединами и собственной значимостью ведущий передачи. Он пожевал губами и коротко резюмировал: "Вот видите, какими "утками" кормят нас зарубежные СМИ. Нам такая лжемузыка не нужна".

Пенделеев задумчиво выключил телевизор, намного посидел, уставившись в одну точку, а затем полез на антресоль и достал пылившийся там вот уже несколько лет вызов на ПМЖ от дяди-лауреата.

Музей поэта

Московское посвящение

Александр Михайлович Ревич —
переводчик и старый пиит,
выставляя на стол бутылевич,
говорит, говорит, говорит.

И, входя потихоньку под градус,
переводчик и старый пиит,
с ним Анисим Максимыч Кронгауз
говорит, говорит, говорит.

Допоздна не пустеют стаканы,
день рабочий летит кувырком, —
это лечатся старые раны
говорком, говорком, говорком.

И дымит фронтовая траншея,
и ракета, как в песне, горит, —
пьют без умолку, пьют, не хмелея,
переводчик и старый пиит.

Их в застолье поди, объегорь-ка, —
до краев наполняют стакан!
И становится стыдно и горько
оттого, что я молод и пьян...

О московское гостеприимство!
Я в долгу у него, я готов
помянуть его ныне и присно,
а случись — и вовеки веков.

И когда я разлукой ведомый
под медлительный говор колес

возвращаюсь в мой город, знакомый —
ведь иначе не скажешь! — до слез,

все мне слышится, словно в тумане,
этот мирный московский содом,
исцеляющий рану на ране
говорком, говорком, говорком...

1980

* * *

Я в ночь распахиваю окна,
гляжу, отбросив карандаш:
там электрическая охра
легла на черную гуашь,
там жирных сумерек громада,
как холст неконченый, полна
намеком, ожиданьем сада
и светом, бьющим из окна.

Спугнув минутную печаль, я
в сад заоконный, сад живой
сбегаю, словно в зазеркалье, —
в захолстье, пахнущее мглой.
Как пересказ, все быстро, вкратце:
кусты, тропинки, огоньки,
и листья на руки садятся,
и бьются в губы мотыльки.

Вот пруд, потом кусты сухие,
и сразу — море и прибой,
и эти водных две стихии
одной повязаны судьбой.
И горечь всполошенной ряски,
и нашатырь волны морской —
все запах первородной краски
в открытой ветру мастерской!

1982

* * *

Уже скребут лопаты по снегу,
готовя место для подъезда,
и я навстречу утру позднему
спешу из теплого подъезда.

Карнизы льдинами окованы,
пороша каблуками сбита,
уже машины припаркованы
под окнами "Трехглавзмейсбыта".

И вот, гремя дверьми обманными,
спешат на лестничные марши,
дыша духами и туманами,
отчаянные секретарши.

Я вижу, как они за стеклами
по этажам своим расходятся,
их блузки строгие застегнуты,
но сзади вырезы расходятся.

А я блуждаю в одиночестве
по улицам, в тумане тонущим,
и мне туда, за стекла, хочется
хотя бы маленьким змеенышем.

Но муза в полумраке тающем
уже свои диктует песни...
Я, как назло, рожден летающим,
и ползать не могу — хоть тресни!

1983

* * *

Ржавая сыпь на замшелом листе,
изморозь рвет паутинные нити.
Где же вы, братья мои во гнезде?
Что же вы песни свои не свистите?

Память пригреет — да горько в плену:
мертвой листвой осыпается слово.
Выйду — и зиму, как схиму, приму
за незабвенные муки птенцовы.

1985

* * *

И совсем не для них мастерили кормушку,
но красивые птицы ее обошли стороною — поди, вороти!
И слетелись, давя и пиная друг дружку,
мелкота, шантрапа, воробьи.

И вот уже весь деревянный квадратик заполнен их тельцами ярыми,
и вот не осталось от крошек уже ни следа...
А красивые птицы — одиночками или парами —
вымирают в долгие холода.

Что-то и впрямь со средой происходит, и в зимних краях огородных,
где ни крупинки съедобной на ветке нагой,
и этих, ничтожных, жаль — и тех, благородных,
и те не даются — и эти всегда под рукой.

И глядя на крохи тепла, что слетают с ладоней отчих,
так и не знаешь в конечном счете, что выбирать, —
то ли всем скопом бросаться на них, урывая заветный кусочек,
то ль в одиночестве вымирать?

1986

* * *

"Мой дядя самых честных правил —
смотрел в окно и бритву правил!" —
воскликнул некий одессит.
А стих по свету колесит.

Его пример — другим наука.
Всё так. Однако вот в чем штука:
в словах, в сознании, в душе —
повсюду царствует клише.

Чтоб на слогах не запинаться,
стихи должны запоминаться.
Но вот запомнятся они —
и сразу станут всем сродни.

Представь, что ты всегда уместный,
как-тень-зевесова-орла,
мороз-и-солнце-день-чудесный,
февраль-достать-чернил-и-пла...

Уж небо осенью дышало,
но делу это не мешало,
поскольку всех-то дел твоих —
вот этот лист и этот стих.

1987

* * *

Времена не слишком им потрафили —
то пробел откроешь, то провал.
"У меня тоска по биографии", —
Эйхенбаум Шкловскому писал.

Годы не сломили их, но выжали,
до упора закрутив тиски.
Оттого-то, может быть, и выжили,
что хватило силы для тоски.

Так порою дернешься: рискни-ка мы —
все пойдет на слом и кувырком...
Стол. Окно. Бумага. Полка с книгами.
Дотоскуем, что не доживем.

1988

* * *

Танечка из Витебска песенки поет —
нежно и язвительно сутки напролет.
Вид лихой у Танечки, голосок и стать —
встанет рано-ранечко, станет распевать.

Солнечно и перисто. Рай, а не житье.
Сам добрейший Берестов слушает ее —
сколько же чертовского в пенье аонид! —
а потом Чуковского ей изобразит.

И профессор Сухарев, бардов брат и друг,
циников и ухарей не пропустит в круг:
ручка по бумажечке катит, как на льду, —
все твои промашечки схватит на лету.

Недомолвки выкинем, кучкой постоим,
вторя Вероникиным рифмам составным.
Тучки регулярные, сходки допоздна,
штучки — элитарные, а судьба — одна.

В чем же дело, собственно? И откуда свет?
Горько пахнет соснами из забытых лет.
Вроде, пой и радуйся, слушай и молчи.
Огонечек бардовский светит из ночи.

Как в беспечной юности вся-то благодать
в той сердечной смутности, что не передать,
в призрачном спасении брать высокий тон
и в перечислении дорогих имен.

1989

Из дневника переводчика

Какая дурная история
случилась с моим ремеслом:
прощай, дорогая Эстония, —
полжизни отправим на слом!
И как там душа не лелеяла
твой говор, и гонор, и стать,
но Арви, и Рейна, и Леэло
я так и не смог досказать.

Не думал о призрачной славе я,
копая прозрачный родник:
прощай, дорогая Молдавия, —
к чему тебе русский язык?
Цветов бесшабашная оргия,
и сладость, и зной, и ленца,
но Петру, Иона, Георге я
не смог досказать до конца.

Не будем большими провидцами,
и что там в душе не таи,
но мы заглушили границами
не тяжбы, а дружбы свои,
влечения сердца и разума
отправив под спуд и в запас.
И все, что у нас не досказано,
никто не доскажет за нас.

1992

Зимняя песенка

Лишь ты, воробей, не подвластен печали,
покуда собратья твои одичали:
тот дружбу с котами заводит,
тот песню военну заводит.

А ты все трепещешь, а ты все ершишься,
над каждою крошкой своей веселишься, —
хотя и ничтожная малость,
а все-таки честно досталась.

Ты скромное детище нашей системы,
и чувствую я, что с тобою в родстве мы:
нашли подходящие ниши —
не выше других и не ниже.

Ты не был халдеем, а я — лиходеем,
и все же, надеюсь, что мы уцелеем:
за горстку удачи с везеньем
заплатим терпеньем и пеньем.

1993

* * *

Два месяца висел над нами зной,
дыханьем небо бледное прочистив,
и редкий дождь, как ножик разрезной,
шуршал вдоль желтых выгоревших листьев.

С залива наползал под вечер смрад,
отпускников сдувая из-под тентов,
и рос на горизонте Пустоград
огромной кучей белых экскрементов.

Над просекой столбом стояла сушь,
зудел комар, упрямый, как мятежник.
Метафорой древесных мертвых душ
похрустывал в черничнике валежник.

А воздух плыл, а жизнь текла, спеша,
так бегло, наугад и так некстати,
что превращалась в перечень душа,
внезапно обрываясь на цитате.

И дождь шуршал, как ножик разрезной,
небрежно обрезая междометья,
и желтый лист опять дышал весной,
очнувшейся на миг в чужом столетье.

1994

Сорок лет спустя

Какие
Хорошие
Выросли дети!
У них удивительно ясные лица!
Леонид Мартынов, 1957

И нам любви и света доставалось
под сенью возрожденческих страниц.
Как много негодяев, оказалось,
произросло из этих ясных лиц!

Какое же несчастье приключится,
когда взойдут из нынешних затей
вот эти вырожденческие лица
тупых,
пропитых,
брошенных детей?

1997

Попытка эпитафии

Мне поздно просыпаться знаменитым.
Речь выбрана, как почва, до корней.
Специалисты по могильным плитам
пренебрегут неведомой моей.

К желаемой любви не приневолишь,
лежи себе хоть навзничь, хоть ничком.
И прочерк между датами — всего лишь
соринка между веком и зрачком.

1999

Золотой ключик

Прожив эпоху Гимностроя,
я заглянул, как прежде, в ночь.
Такую жизнь назвать сестрою
опять становится невмочь.

Летит невольничья галера
за оперенный небосвод,
где Пушкин выпьет за Глиэра
и Михалковым зажует.

2001

* * *

В тех дружеских домах, в тех родственных, куда ты
заглядывать привык,
все роли сыграны, все шутки бородаты, —
все кончено, старик!

И в той большой любви, давно ушедшей в нежность
среди картин и книг,
ты видишь лишь одну слепую неизбежность —
все кончено, старик!

И в бане, где братва гогочет в рыжей пене,
под этот рев и рык
с печалью ты глядишь на наше по колени —
все кончено, старик!

И дома, с рюмочкой, под шамканье газеты,
вообразишь на миг
себя творцом судеб, хозяином планеты...
Все кончено, старик!

А там, на улице, — там все переиначит
один случайный крик:

"Дед, сколько времени?.." И это вот что значит:
все начато, старик!

Он начат, этот путь, он весь еще в начале
за книгой, за вином,
в предсердье колющем, в пугающей печали
перед последним сном.

2004

* * *

Репетиция старости ходит по дому.
Поседела. Вздыхает. И лает подолгу
на приснившихся недругов. Тихо скулит
на полу, не рискуя запрыгнуть на кресло.
Острых запахов нет, а с привычными — пресно.
Разве новое что-то томит и свербит
под хвостом, где немытая шерстка свалялась,
но не выкусишь — целых зубов не осталось.
Все знакомо. Выходишь на двор без опаски.
И балдеешь от первой попавшейся ласки.

2005

Воспоминание о школе. Некрасов

Однажды я вышел на площадь.
И что же? Был сильный мороз.
Гляжу, появляется лошадь,
везущая хворосту воз.
Такое ну разве приснится:
вся площадь — как белый каток,
лошадка была в рукавицах,
но, впрочем, сама с ноготок.
И, словно средь шумного бала,
хвостом зацепивши вожжу,
"Отец! — мне лошадка сказала. —
Бог рубит, а я отвожу..."
Гляжу, коченея от стужи,
как льдинку, ломая слезу:

не хворост, а детские души
вповалку лежат на возу.
Печальные жертвы поэта —
ни стона из детской груди...
А снег все скрипел до рассвета,
и музе сказал я: "Уйди!.."

2006

* * *

Снова пахнет разором и кровью,
и у нынешних бед на краю,
как высокое Средневековье,
я культурой себя сознаю.

Это значит: готовься к недоле,
репетируй, как варваров ждать.
Да они уже, собственно, в доме:
стулья сдвинуты, смята кровать...

2006

Музей поэта

Я прожил неделю в музее поэта,
и я никогда не забуду про это.
Я спал на кровати, в которой поэт
проспал в общей сложности несколько лет.

Писал, за столом его письменным сидя,
оставшимся в прежнем, прижизненном виде,
на стульях поэта сидел и не раз,
пардон, приседал на его унитаз.

В музее меня окружали с рассвета
портреты поэта, портреты поэта,
и этим они намекали на то,
что образ его не забудет никто.

Я в книгах поэта усердно копался,
там след его ногтя бессмертно остался —
он часто подчеркивал строки в стихах
и рядом писал иронически: "Ах!.."

А может быть, "Ах!.." восклицал он серьезно?
Я вновь перечитывал — заполночь, поздно,
и утром вставал в несусветную рань —
нет, все-таки "Ах!.." это значило "Дрянь!".

В музей приходили какие-то тети.
Одна мне сказала: "Когда вы умрете,
вам тоже, наверно, откроют музей
и станут водить к вам ученых детей".

Она от меня ожидала ответа,
но вышел я в сад при музее поэта,
и в этом саду, необычно пустом,
я сел на траву под высоким кустом.

Гудели шмели в полумраке зеленом,
и ясень листвою соперничал с кленом,
приезжий народец толпился в дверях, —
и я с наслаждением выдохнул: "Ах!.."

2006

* * *

Ночь была беззвучна и слепа,
а с утра — нежданная отрада:
палый пятипалый Петипа
закружил по сцене листопада.

Старый театрал и пилигрим,
я от этих танцев ошалею
и с охапкой пышных балерин
забреду в укромную аллею.

А когда погаснет в зале свет,
тихо сяду с краешку, в партере,
досмотреть невиданный балет
на такой неслыханной премьере.

2007

* * *

Причуды иноземного стиха:
как пробираться тропами лесными,
где ива, и береза, и ольха —
мужского рода? Что мне делать с ними?

Я мог бы это все перевести
совсем в иную плоскость, но природа
подсказывает мне, что нет пути
печальней, чем искусство перевода.

И вправду, как березу мне обнять
и как же иву мне назвать плакучей,
когда у них особенная стать,
в чужом — иная, как себя ни мучай?

Так оставайся лесом, старый лес,
грешно переводить тебя на рощу,
и всей листвой, покуда не исчез,
дыши на слух и облетай на ощупь!

2008

* * *

Пока Монтекки с Капулетти
творят неправые дела,
на бреющем щеку полете
влетела в комнату пчела.

Что ей до этих стародавних
страстей, царящих на земле?
Увы, не сыщешь и следа в них
нектара, нужного пчеле.

Отгоревала, отбранила
пустые эти образцы
и на страницу обронила
не ставший медом
прах пыльцы.

2008

Диалог

— Прощай, свободная стихия!
— Прощай, немытая Россия!

Надолго хватит этих строк,
чтобы продолжить диалог.

2008

Константин ИЛЬНИЦКИЙ

"Мы ходим по толстому гулкому льду житейского смысла..."

* * *

"Выдубецкий монастырь
спит у Киева в горсти"
Ольга Ильницкая

Выдубецкий монастырь
спит у Киева в горсти.
На четыре стороны —
горы, снег да вороны.
Стороною пятою —
река с перекатами
да скворечник хилый.
Господи, помилуй!

Выдубецкий монастырь
кому — пастырь, кому — стынь.
Путнику — постелька.
Пустельга̀ — пуст̀ельга.
Крёстный ход у проруби
протоптали голуби.
Вразнобой стрекочет
выводок сорочий.

Выдубецкий монастырь —
это постриг и посты,
клиросное пение,
сретенье, успение.
Колокольный благовест
окропил капелью крест.
Эхо перелеском,
воробьиным всплеском.

Эхо глуше, глуше.
Разлетелись души.
Вспоминаем снова,
что вначале Слово.

Цып-цып-цып — основа
слова птицелова.

Выдубецкий монастырь.
Оттепель сегодня.
Спит у Киева в горсти.
Только длань — Господня.
В щепоть пальцы те свести, —
вот и преисподня.

21 февраля 2009 г.
Киев — Севилья

* * *

"Смысл от слов отлетает,
и стелется комнатой дым"
Ольга Ильницкая

Мы ходим по толстому гулкому льду
житейского смысла.
А кто ненароком пропал на ходу —
вовеки и присно.

Но ходики тикали-тикали и
ходить перестали.
Споткнулся — глядят на меня, как мои,
глаза из проталин.

А может, рыбина, почуяв беду,
в меня поглядела.
Бессмысленный взгляд заморожен во льду.
Какое ей дело?!

Мы ходим по тонкому звонкому льду,
а бездна таится.
Словарный запас — как последний редут,
но слово слоится.

Но слово слезится, лишь только тепла
почует отраду.
И вот уже жизнь не туда потекла,
куда бы ей надо.

Еще подсыпает под ноги народ
резоны. Но мысли
словами слоятся, и вновь — ледоход.
И мир обессмыслен.

23 февраля 2009
Севилья

Вслед за Колумбом

Отправляемся вслед за Колумбом. Севильский швартов
уже знал о безумной, абсурдной округлости мира.
Вверх ногами Вест-Индия? К этому я не готов:
комментировать ересь, омытую водами Гвадалквивира.

Только что мои страхи, здесь правил Колумбов задор,
его ярость бессильная — вдруг и действительно будет.
И свершилося чудо, а следом донос, приговор.
Словом, все как обычно, на то они грешные люди.

Отправляемся вслед. Растопырил ключицы собор.
Короли-великаны несут под абсидами мощи.
Он лишь прах. Он безумец, несущий мечтательный вздор.
С ним — круглее земля, без него она проще и площе.

Отправляемся вслед. Над Севильей зарделся закат.
Мы плывем по теченью, безумной округлости не замечая.
Закругляется жизнь, изгибается время. Назад?
И мы кормим Колумбовых, нет, доколумбовых чаек.

24 февраля 2009 г.
Севилья

Гранада

Оле Ильницкой

Если не знали любви, в сердце Гранады не суйтесь.
Злое молчанье земли сторожит под оливами супесь.
Страсти зеленый побег обращается черной маслиной.
Едкая горечь измен присыпана красною глиной.

Если не знали любви, бедное сердце прогоркло.
Злое молчанье земли сторожит под оливами Лорка.
Как уберечь от судьбы? Даже поэты не в силах.
Горьки оливы твои. Эй, Федерико Гарсия.

Злое молчанье земли сторожу вот и я под гранатом.
Красные зерна зари расщепляю за атомом атом.
Красные зерна зари падают в вешние струи.
Кровотеченье земли пальчиком я нарисую.

Если не знали любви, тихо заплачет гитара.
Звонкие воды струит под Аль-Касабою Дарро.
Мерный гитарный прибой — горькое кардиосредство.
Это как к Богу домой,
это как мама и детство.

24-25 февраля 2009
Севилья — Гранада

Критерий

Это критерий:
из сонных артерий
петлями вяжем жилет.
Прошвою строчки.
Кровь — это точки.
Каждая строчка — сюжет.

Кроем и режем
только по свежим
ранам. И жалости нет.
Строф оболочка.
Букв оторочка.
Каждая строчка — сюжет.

Боль до оскала.
Судьба под лекало
вычертит чудный манжет.
Мысли — налётом.
Рукавчик — намётан.
Каждая строчка — сюжет.

Этот критерий
как пальцы под дверью.
Враз защемят, и не лги.
Душу обрушу.
Сердце наружу.
Если поверил —
беги!

А как примерка,
солнце померкло.
Вот и расчет настает.
Вырваны жилы.
Мы еще живы.
Каждая строчка — поет.

26 февраля 2009 г.
Мадрид

Передумал

Намедни я должен был помереть,
но передумал.
Представил: вино и поминки, родня
— такая тоска.
Уж лучше пожить...
пока все не помрут до меня.

28 февраля 2009 г.
Мадрид

Донна Лусия

Не сулила пощады
простым ротозеям
инсталляция ада
в севильском музее.

Потому что весь день,
исключая сиесту,
стерегла его донна
Лусия Селеста.

Изъяснялась Лусия
несколько странно:
"Из России? Россия
и прочие страны —
это вещи пустые,
в аду им не место,
а вот души простые
или даже Селеста
очень могут попасть,
хоть и в праздник пасхальный.
Ведь у Бога есть власть,
а грехи персональны.

Измерять, правда, сложно,
насколько вы грешны.
Шум и гам, неотложка,
родня безутешна..."

И прищуривши веки,
вдруг вздохнула Лусия:
"Бог всегда в человеке?
Очень больно в России?
Рай — безгрешным отрада.
Но страшней в этом мире
инсталляции ада
в каждой квартире".

И тогда потрясенно
мы у донны спросили:
"Вы, наверно, не донна,
вы Санта Лусия?".

И в аду, на ходу
услыхали ответ:
"Not yet!"*

27 февраля — 1 марта 2009 г.
Толедо — Мадрид

* "Not yet" — еще нет (англ.).

Галя МАРКЕЛОВА

"Свела меня судьба на все края земные..."

Дано мне тело. Что мне делать с ним?
О. Мандельштам

Как старый гардероб донашиваю тело,
в нем время жизни должно доходить —
вот что-то прохудилось, что-то полетело,
рука некстати надломилась, но на то она и жизнь.

Душе свыкаться тяжко с кроем плоти
в том бытие, где всякой тайны пропасть:
здесь — велико, тут — узко, тут вот тянет
опять в разгул до одури, что разжижает память...

В ее плену себя ты видишь в облике ином —
и ловком, и могучем, не недужном,
и в месте обитаешь как бы нужном,
ну, прямо Золушка, прикинутая волшебством.

Вот только час, ах, как бы не прогавить
миг поворота в пыль и возвращенья в пепел,
когда души улет вес тела угнести не вправе,
когда реалии иной призывный льется лепет,

Да обнадеживает —
по сценарию хрустальный башмачок
должен быть обронен для безутешных принцев —
пытливости их детективным призом.

Б. А. А.

Круг замыкается. Камлание волной исходит,
то шепотом шаманит, то мычаньем выводит
в тот тонкий ток,
где напряжение приводит души в толк...
И вот гортань обручена
свечи расплавленной,

той верной стеариновой товарки вдохновений,
что неотвратно тает
пред непорочностью листа.
И мысль на пылкий плен обречена...

Наследницей трехперстного письма,
ее наклона каллиграфии гусиной,
из-под копыт ордынских
выпроставшей спину,
ты круг доводишь жаждой искупления,
что в коде трепета гортанного живет.
Строкой бегущей загорается подтекст:
накал разъединения не в слове,
а в умысле, упрятанном
за
колдовским заслоном,
есть...

* * *

Свела меня судьба на все края земные —
на север и на юг, на запад и восток, —
являя ночи звездные, шальные...
За краем тем был космос и восторг,
где челн луны как лепесточек тыквенного цвета,
то слева выплывал, то справа,
и зарок,
что в сонме спелых звезд на сходе лета,
сияя сочно, норовит упасть одна.
Нет, не паденье было то,
влеченье
ее к тебе, манящая тоска
по черноморским запахам вечерним,
у детского колдующим виска.
Как звезды пахнут в детстве!
Йодом, бризом, полынным духом выцветших степей,
где предстоящих странствий пыльный вызов
смешался с упоением разных степеней!
Учую ли заветный аромат созвездий

на том краю, где дальше — несть числа,
где дня и ночи сходится черта,
где у тебя себя звезда отнимет,
там, где рукой подать —
у края бездны?..
Тем часом недомолвок над судьбой моей всходило
багряное российское светило.

* * *

Не самая глухая из провинций
досталась мне для коротанья века,
где время —
всех болей сердечных лекарь —
подернуто, как ряскою, зевотой,
где суета сует прикинулась заботой
о самой мизерной, насущной
корзине пресловутой, где нескучно
отслеживать картавые кораллы
с сопревшей нитки русской речи,
укладываемые в строф то чет, то нечет —
приданым для внебрачной дочки —
в глухонемой литературы почерк.

Ангел зимы

Заснеженным крылом весомым
зимний ангел покрыл земные формы
меж сном и явью бессонницы,
ее обетование, укутав накрест, туго...
И обломился, рухнул
под милосердным убеленным покрывалом
слой пленки ломкой —
терзающего дух экрана —
и канул
в чарующий провал дремоты —
до звука слога "до",
до содроганья губ,
когда любви врачующей касанье

не узнано еще
уже волнует глубь!...

Трель утренней капели полно, нежно
наполнит время,
место обозначит,
настой слагая мартовский бодрящий,
дань соберет
с открывшихся прогалин,
отмоет первозданный цвет порталов,
озвучит созидательную суть любви...
Ангел зимы,
не улети с рассветом
миг продлевая белизны безгрешной,
спаси от круговерти, *храни от перемен,*
от искушения словами,
что алкали запорошить их смысл,
поймав в лукавства плен,
дай пригубить дыхание первоцветов,
подснежников благоуханием утоли стремленье
к ясности,
к прорыву,
к свету,
к признанию душой спасительной любви.

* * *

Ускользнуть в ущелье рыкающих пружин коечного Памира,
примеривая чужых истин стихиры...
Камланить, кумарить,
улетать по звуку собственной плоти
в лабиринты трансцендентного мира,
попирая упертого девства страхи,
жонглируя условностей гирями,
дев ли юдоль, слагающих стихи?

Умение чародейным течением сочетать звуки,
ловя хрустальную хрупкость абсурдов...
Складывать обветренными губами,

обкусанными перстами
в каверзные мудры
страдание вулкана с рассудка затмением,
с обмороком любви
не кажется ли нам
более естественной задачей,
чем просто-напросто рождение дитя?

Сколько воды утекло
от наших дней до...
хотя бы юродства Ирода,
а что изменилось в сценарии,
в хитроумной инструкции по отлову душ?
Хваленые гуру —
Укротители диких йони,
взмыленных мустангов вожделений,
оказываются всего лишь заезжими жохами
заплеванных полустанков,
а их не раз реставрированный лингам,
умаяно провисает меж
надежд инфантильных
и распиаренного похабства.

Кружевные устрицы вежд
Смежи лучше, сестрица,
вслушиваясь в рапсодию роста
неведомой еще маргариты
совершенной сферы выверенной духом —
пространства простоты, теплоты, чистоты...

Строфы, сорвавшейся, как капелька воска
с поминальной свечи
на литии
по непорочности нашей
пошли по милости твоей, Господи,
и мне, и сестрам, особенно грядущим,
а ребеночка-то — лучше!

А. С. П.

Все мы вдовы твои...
Меди южной бульварная зелень
и твоя чернота тверская —
только меты, тавра земные,
дабы нам и суметь,
и посметь
по небесным ступеням взлетая,
колокольный кличь обгоняя,
отозваться на тремоло доли,
чтоб стихией стиха взорваться.

* * *

Рука поставлена —
ей не сыграть иначе,
все кончено...

Вот четко обозначен свод
над всплеском звуков, судеб, вод,
вернее, всем, что льется, что течет
и обладает свойством длиться
до утлых уголков,
где Эхо девочка таится.

А вздох ее откатит вспять
туда, откуда звук родится,
где возбужденью суждено продлиться,
замерев,
как своду рук, что стали костенеть.

Наш театр

Виславе Шимборской

Русалочий дух легендарной реки укрылся в крови,
В бездонном колодце страстей,
В могучем потоке сознания той,
Что дерзнула родиться
К премьере спектакля под именем "Апокалипсис"

Массовок участницей,
летописцем,
Свидетелем со стороны пострадавших:
Кота осиротевшего со дня вчерашнего,
Щебетуний, что сквозь прутья клетки
Твой целуют
им родственный профиль,
Не подозревая про фильм,
Снимаемый маэстро Геральтовским...
Ленту — иконографию будней той,
Рискнувшей стать словом, щемящим душу.
Но не причастницей дел чертовских.

Вот и отыгран акт предпоследний:
Киты выбрасываются на сушу
И взрываются ором, который
Мы оставим в наследство скоро
Нисходящему серафимскому хору...

В гулком финале
мартовским воскресеньем,
На твое открытое, радостное —
"Пан Езус с мартвых встал!" —
Кто ответит: "Правдиво!"?..
Разве что только
едва-едва проклевывающаяся листва
На иве, опрокинутой над Вислой,
Над ее седой,
над ее королевской славой,
Да над вздохом русалок: "Вислава, Вислава!"

Всего лишь частица

Луна, звезды, солнце, снова луна, космические бури.
Ощущаю всем естеством, каждой клеточкой...
Чем дольше живу, тем явственнее чувствую единство свое
С бесконечностью, с явленным миром (и с не проявленным тоже).

Мельчайшей, но сущей в Божьем, великолепном многообразии
Частицей, участницей прекрасного действа под именем жизнь
Осознаю себя все чаще и чаще.
Неужели лишь гипертония, ревмокардит и многие мудреные,
С птичьего языка полуграмотных эскулапов
Убийственные слова диагноза роднят с Космосом?

Но я-то помню первые ощущения, золотые солнечные лучи,
Что проникали сквозь щели грузинского дома
И растворялись в ароматах цветущих мандарин,
Душных трав, чеснока, мамалыги, женского копошения
Вокруг керогаза с привычным чадным духом,
Дабы обустроить, украсить, продлить эту жизнь,
Скользящие золотые нити, мирящие всех со всеми,
и даже далеким рокотом Риони, и горбатым миражом Казбека
На гофрированном горизонте,
и невнятным пребывающим.
Казалось, будущее бережно обнимает, покачивает, укачивает,
Успокаивает обещаниями неведомого,
Но непременно будущего времени.

Почему же сейчас где-то глубоко возникает тревога,
Когда бессонной ночью луна заглядывает в окошко,
А ты стараешься разглядеть на циферблате хоть какую стрелку?
Относительность восприятия времени?
Или?..

В Круглом доме — квадратный двор...

Жене Лапейко

Был на Греческой Круглый дом,
Круглый год жили люди в нем,
Каждый пятый там выпивал
И бутылки сдавал в подвал.

В Круглый дом приходила страна
Позвонить и сказать, что она
"К морю прибыла. Как там детки?
Ой, кончаются тут монетки!.."

В Круглом доме — квадратный двор,
Шел по кругу в нем разговор,
Вел к девчонке тот двор к одной —
Круглосуточно проходной.

И троллейбус вертелся вокруг
Дома Круглого. Ехал друг
В том троллейбусе № 5,
Мчал в Аркадию, загорать.

Дома Круглого пацанва —
Просто кругом идет голова —
Так и кружит на шаре Земном:
Кругосветным стал Круглый дом.

Но всегда, пусть и в доме другом,
Окружал нас наш Круглый дом.
...Только нам объяснили вдруг,
Что порочным был этот круг.

Дома Круглого нет нигде,
Даже нет кругов на воде,
Но от всех бурь, штормов, вихрей, вьюг
Круглый дом — наш спасательный круг.

Виталий АБРАМОВ

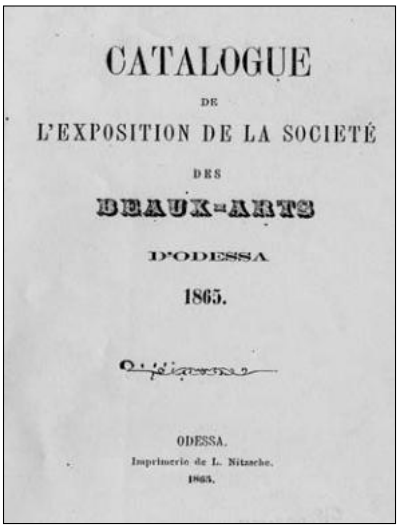
Первая выставка Одесского общества изящных искусств в 1865 году

В октябре 2009 года исполняется 110 лет со времени открытия Одесского художественного музея — крупнейшего в Украине собрания отечественного изобразительного искусства. Формирование коллекций музея началось за 35 лет до его официального основания и было связано с многообразной деятельностью Одесского общества изящных искусств. Его начальная история прослеживается по публиковавшимся отчетам и вкратце выглядела следующим образом.[1]

Мысль о создании Общества зародилась в 1863 году среди небольшого кружка художников и ревнителей просвещения. Через год, в сентябре 1864 года, проект устава Общества, подписанный 58 лицами, был отдан на утверждение, и после опубликования устава, 6 февраля 1865 г., Общество открыло свои действия.

В числе зачинателей Общества были наряду с меценатами художники и коллекционеры: художник Н. Анискевич, художник Р. Болдрини, лепщик Ц. Бони, художник П. Бони, архитектор Ф. Боффо, консул Л. Ганзен, коллекционеры И. Курис и М. Кефала, художник И. Коллович, рисовальщик И. Крушинский, художник Кулибин, учитель рисования Х. Ланге, архитектор академик Ф. Моранди, учитель рисования и черчения Ф. Мальман, художники А. Нейман и М. Паламаренко, портретист А. Плис, живописец В. Рентель, художник И. Серебряков, художник-архитектор М. Сурмиевич, портретист П. Треска, портретист Р. Хойнацкий. Некоторые из перечисленных фигурантов сыграли значительную роль в истории культуры и искусства Одессы, имена других — полузабыты.

Цель Общества, как было отмечено в учредительных документах, "состоит в том, чтобы развить вкус и понятие о живописи во всех сословиях граждан, а также основать в Одессе общественную картинную галерею и при ней рисовальную школу". Президентом Общества с момента основания был светлейший князь Семен Михайлович Воронцов. Вице-президентом — архитектор академик Ф. Моранди. Отдельные аспекты деятельности Общества включены в поле зрения исследователей.[2] Однако конкретика организованных им многочисленных выставок произведений, как одесских художников, так и принадлежащих коллекционерам, тре-

CATALOGUE

DE

L'EXPOSITION DE LA SOCIETÉ

DES

BEAUX-ARTS

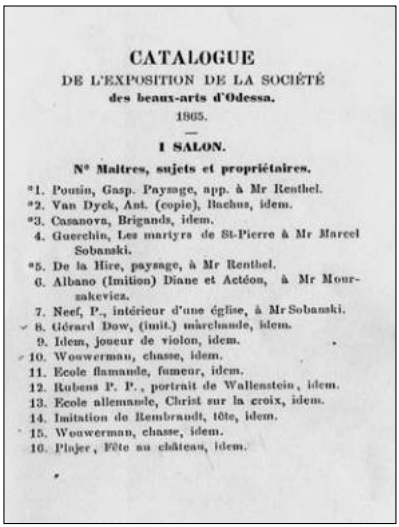
D'ODESSA

1865.

ODESSA.

Imprimerie de L. Nitzsche.

1865.

CATALOGUE

DE L'EXPOSITION DE LA SOCIÉTÉ

des beaux-arts d'Odessa.

1865.

I SALON.

N° Maitres, sujets et propriétaires.

*1. Pousin, Gasp. Paysage, app. à Mr Renthel.
*2. Van Dyck, Ant. (copie), Bachus, idem.
*3. Casanova, Brigands, idem.
4. Guerchin, Les martyrs de St-Pierre à Mr Marcel Sobanski.
*5. De la Hire, paysage, à Mr Renthel.
6. Albano (Imition) Diane et Actéon, à Mr Mourmakeviez.
7. Neef, P., intérieur d'une église, à Mr Sobanski.
8. Gérard Dow, (imit.) marchande, idem.
9. Idem, joueur de violon, idem.
10. Wouwerman, chasse, idem.
11. Ecole flamande, fumeur, idem.
12. Rubens P. P., portrait de Wallenstein, idem.
13. Ecole allemande, Christ sur la croix, idem.
14. Imitation de Rembrandt, tête, idem.
15. Wouwerman, chasse, idem.
16. Ploier, Fête au château, idem.

бует по возможности детальной исторической реконструкции. Одесская периодика 1865 года позволяет судить об огромной энергии учредителей Общества в достижении поставленных целей. Уже в марте начался сбор средств для открытия школы рисования и черчения, а также начата организация выставки картин.[3] В одном из объявлений читаем: "Общество изящных искусств имеет честь просить лиц, имеющих картины, поместить их на выставке, которая будет открыта в доме Райха (бывшем Граве) на Коблевской улице, а господ художников сообщить размеры картин, чтобы приготовить для них места".[4] В мае же Обществом на русском и французском языках была опубликована брошюра "Состав, программа и выставка школы рисования, черчения, живописи и лепления, учреждаемой Обществом изящных искусств". Экземпляры этой программы сохранились в фондах библиотеки университета. (Кстати, Новороссийский университет был открыт 1 мая этого же года.) В отдельном разделе этой брошюры, озаглавленном "Первая выставка Общества изящных искусств в Одессе", подробно перечислены правила приема произведений на выставку и отмечено: "Описание содержания или изображения представленных на выставку картин... обязательно для всех. Все произведения, представленные на выставку, подвергаются предварительному осмотру и обсуждению комиссии, которая решает вопрос о принятии или не принятии на выставку представленных предметов".

Кроме комиссии был учрежден и Третейский суд (некий прообраз будущих жюри), в который входили кроме художников коллекционеры: М.Д. Толстой, владевший к тому времени большой коллекцией западноевропейского искусства,[5] Марсель Собанский, представивший на выставку около сорока произведений из своей коллекции. Первоначально выставку предполагалось открыть 30 мая. "Одесский вестник" отмечал, касаясь дома, нанятого для школы рисования и выставки: "Удобство помещения, вмещающего в себя несколько просторных зал и отдаленного от шума многолюдных улиц, что весьма важно для тишины и спокойствия во время классных занятий; сверх того дом этот находится на улице, где менее пыли, которая могла бы причинить много вреда картинам... Он расположен в центре города, вблизи университета, гимназий, института благородных девиц, главнейших пансионатов и ремесленной управы".[6]

Выставка была торжественно открыта и освящена преосвященным Димитрием, архиепископом Херсонским и Таврическим. В репортаже об открытии выставки отмечалось с сожалением, что печатный каталог не поспел к открытию[7] (в день открытия каталог был только разрешен цензурой. — **В. А.**). Экземпляр этого уникального для нас издания (на французском. языке) сохранился в научной библиотеке университета. Согласно каталогу, на выставке экспонировалось 261 произведение живописи, графики и фотографии. Часть экспозиции составляли работы русских и, в основном, старых зарубежных мастеров из частных коллекций. Список одесских коллекционеров того времени внушителен: В.Ф. фон-Рентель, М.И. Собанский (Марсель Собанский), Н.Н. Мурзакевич, Н.Д. Саржинский, С. Бурксер, арх. Гонсиоровский, Гирс, Ф. Моранди, консул Г. Кельнер, А.Г. Вучина, А.И. Монтовани, консул А.П. Корси, В. Падлевский, Ивашкевич, С. Андреевский. Вторую часть выставки составляли произведения одесских художников, как профессиональных, так и любителей, а также фотографов. Их имена перечислены в начале нашей статьи. Заслуживает внимания и тот факт, что Общество еще до открытия выставки постановило составить и напечатать именные списки художников Одессы с указанием места жительства.[8] Однако в материалах Общества эти сведения не обнаружены.

Составители каталога, фиксируя названия произведений и владельцев, не указывали размеров вещей, зато в ряде случаев фиксировали копии и имитации, а также знаками против порядковых номеров указывали на произведения, предназначенные к продаже. Выставка, таким образом, имела и коммерческие цели.

Итак, 261 произведение, среди них имена и работы выдающихся европейских художников, которые и сейчас бы вызвали множество дискуссий специалистов, если бы дошли до нашего времени хотя бы в фотоснимках.

Попытка разобраться в достоинствах экспонатов выставки была предпринята в двух больших статьях, появившихся уже после ее закрытия. Их автор — некто Н. Раевский[9]. Внимательный просмотр списков членов Общества изящных искусств позволяет отметить, что он не входил в Общество. В контексте первой из статей автор упоминает, что он "в старые времена копировал с картин, признанных всеми за несомненные произведения. В том числе копировал и произведения Рубенса". Это указывает на то, что автор статей был художником, возможно, копиистом. Профессионал? любитель? — неизвестно. По крайней мере, в выводах он осторожен, так как, резюмируя статью, пишет: "Я далек от мысли, что касается подлинности произведений. Я уверен, что найдутся люди более сведущие в изобразительных искусствах". Отметим также, что Н. Раевский знал и как аргументы приводил выдержки из биографий художников, использовал методы сравнительного анализа стилистики работ.

Приведем отдельные выдержки. Статья начинается с утверждения автора, что каталог выставки "по поверке оказался составлен чрезвычайно спешно и требует многих исправлений". И далее: "Начнем наш обзор с первой комнаты, в которой находятся 52 картины, большей частью украшенные именами великих мастеров, как то: Гверчино, Рубенса, Пуссена, Альбано, Корреджо, Ван-Дейка, Геррада Доу, Воувермана. Я назову ее залом классической живописи...

Под № 1 значится "Пейзаж", принадлежащий г. Рентелю. Каталог приписывает его кисти Пуссена. Неужели это тот Пуссен, которого французы называют своим Рафаэлем? К счастью, в каталоге поставлено имя Гаспара Пуссена. Такого живописца я не знаю, и я позволю усомниться в его подлинности. (Гаспар Пуссен (1613-1675) изучал искусство у своего шурина Н. Пуссена. Его произведения широко известны в Италии, Испании и Англии. — **В. А.**) Минуем довольно хорошую копию с Ван-Дейка "Пьяный Бахус". Также картину Казановы "Разбойники", которую при беглом осмотре можно принять за произведение Воувермана; и остановимся на перле всей выставки — картине, изображающей мучение Св. Петра кисти Гверчино, чародея Ломбардской школы (в каталоге — № 5, принадлежала Марселю Собанскому. — **В. А.**). Картина этого художника большого размера. Она, по моему мнению, принадлежит тому периоду, когда Гверчино следовал методу Караваджо. (Далее следует подробное

описание произведения. Отметим, что картина Гверчино "Мученичество Св. Петра" (1618-1619) — большой алтарный образ, находится в Модене, галерея Эстенсе. — **В. А.)**

Картина № 6 — подражание Ф. Альбани, представляет Диану и Актеона в то мгновение, когда сын Аристея... вздумал подсмотреть скромную богиню... (Принадлежала Мазуркевичу. — **В. А.)**

Но вот опять великое имя Рубенса (№ 12). Это портрет весьма замечательного человека своего времени, в котором соединялись громадные способности полководца с гнусными свойствами изменника — портрет Валленштейна... По моему мнению, упомянутая картина, без сомнения, принадлежит кисти Рубенса... (По каталогу эта работа — собственность Собанского. — **В. А.)** Она не окончена, в таком виде часто попадаются картины Рубенса. Сохраняет все качества его кисти и колорита; в ней видны эти красно-коричневые тени, проделанные тер-де-сиеном... (Портрет Альбрехта Валленштейна (1583-1634), полководца времен тридцатилетней войны, созданный П. Рубенсом около 1609 г., дерево, масло, 105х74, находится ныне в Венском художественно-историческом музее. — **В. А.)**

Мне пришлось упомянуть в самом начале статьи работы фламандского живописца Воувермана (№№ 10 и 15), представляющие охоту и приписанные в каталоге его кисти. Я скорее готов приписать их кисти подражателя Воувермана — Карлу Фаленсу. Впрочем, Воуверманов было три — Филипп, Иоанн и Петр. Все учились у своего отца Паулуса Воувермана. Самый знаменитый — Филипп, картины которого ценятся знатоками очень дорого. Поэтому остается спросить, которому из трех принадлежит эта работа. (Отметим попутно, что в Одесском музее западного и восточного искусства ныне находится работа Ф. Воувермана "Соколиная охота", отмеченная в каталоге музея без указания провенанса. — **В. А.)**[10] Теперь остановимся на четырех картинах славянского художника Яннека, как легко удостовериться по подписи на одной из этих картин (№№ 42-45)...

1-я выставка стоит долгого и внимательного рассматривания. Я далек от мысли, что все мои суждения правильны, в особенности что касается их подлинности. Я уверен, что найдутся люди, более сведущие в изобразительных искусствах".

Статья Н. Раевского была написана 154 года назад, и сейчас, по прошествии времени, у исследователей остается множество вопросов. Были ли выставленные на 1-й выставке работы знаменитых мастеров подлинниками? Как они попали в собрания одесситов? Какова их дальнейшая

судьба? Приходится адресовать эти вопросы специалистам в области западноевропейской живописи.

Упомянутый каталог выставки позволяет определить вкусы одесских коллекционеров в отношении отечественной живописи. Коллекционер Падлевский, к примеру, имел ряд работ знаменитого в то время художника Станислава Хлебовского (1835-1884), окончившего петербургскую Академию художеств и писавшего исторические картины. Зрители видели на выставке эскизы к его произведениям "Пленение Жанны д'Арк", "Польская делегация перед Екатериной II", "Ателье художника", академический рисунок "Каин и Авель", удостоенный медали академии. Собанский предоставил на выставку работу академика живописи Леонарда Страшинского (1827-1878) "Типы поляков" (№ 151)[11]. В частных коллекциях были и работы Айвазовского, предоставленные княгиней Манук-Бей и Корси. Были и две копии с популярной работы Айвазовского "Везувий", выполненные В. Вахреновым и П. Бони.

Н. Раевский в цитируемых статьях не касался представленных на выставке многочисленных произведений одесских художников и фотографов. Но по сути, выставка может считаться их первой коллективной публичной акцией. Скупые каталожные данные позволяют определить жанровые приоритеты местных мастеров. К примеру, поляк по происхождению Ромуальд (Иосиф) Петрович Хойнацкий, выставивший впервые свои произведения еще в 1840 г. в Варшаве, проведший два года в Риме, последователь итальянской школы живописи, представил две исторические картины: "Эпизод войны за греческую независимость" и "Ян Гус защищает свое учение". Но наиболее распространенным, а значит, и востребованным, был на выставке жанр портрета. Тот же Хойнацкий выставил до десятка портретов. Несколько из них имели названия — "Портрет ребенка", "Испанская танцовщица" (№№ 116, 117), иные названы в каталоге "Портрет". Работы этого мастера украшали многие музейные коллекции, к примеру, Строганова ("Тайная вечеря"), К. Паскевича ("Мадонна")[12].

Художник Александр Нейман, рекомендовавшийся в газетах того времени как художник Дрезденской, Дюссельдорфской и Антверпенской академий, член политехнического института в Париже[13], экспонировал на выставке три пейзажа и картину под названием "Скрипач" (№№ 65, 71, 72, 261).

Фридрих Мальман, ставший первым директором Одесской рисовальной школы в 1865 году и позже учившийся в Мюнхене, выставил одну работу "Сирота" (№ 122).

Живописец Иван Васильевич Серебряков был представлен на выставке несколькими копиями, в том числе копией с работы К. Брюллова (№ 148). В целом, как видно из каталога, копирование с оригиналов было весьма распространено. В этом плане отметим до десятка копий, выполненных итальянцем по происхождению Пьетро Бони. Согласно отрывочным данным, он учился с 1869 г. в Миланской академии художеств[14], а в период с 1865 по 1869 преподавал в Одесской рисовальной школе и был консерватором (хранителем) Общества изящных искусств.

Значительную часть первой выставки занимали произведения одесских фотографов. Известно, что стремительное развитие фотографии началось в Одессе с 1843 года[15]. К 1865 году здесь работало множество фотографов-художников, и на выставке только один Иосиф-Карл Мигурский представил 55 фотографий, выполненных в различных техниках. Не менее известный фотограф Ф. Гааз экспонировал шесть портретов, 13 видов Одессы и 16 визитных карточек.

Вернемся к вопросу, какие же первые работы приобрело Общество изящных искусств для будущего музея. В октябре 1865 года Обществом был объявлен конкурс на получение премии за картины, заказанные Обществом для картинной галереи. Была опубликована программа конкурса: "Мадонна", размером один на половину аршина; "Вид Одесской гавани и Карантинного бульвара с моря", размером один аршин на 12 вершков; "Сапожник" и "Натюрморт". Конкурс должен был состояться 20 января следующего года[16]. 28 февраля 1866 года, в годовщину основания Общества, художникам были выданы премии: Р. Хойнацкому — за картину "Мадонна", В. Вахренову (ученику Мальмана) — за картину "Одесский сапожник", Цезарю Бони — за "Натюрморт", и Н. Крушинскому — за "Мадонну с младенцем"[17]. Из этих произведений только работа Хойнацкого благополучно дошла до наших дней и хранится в Одесском художественном музее. Она имеет размер 106х71,5 см, что в точности соответствует условиям конкурса[18].

Впоследствии Обществом приобретались произведения с других выставок, но это тема отдельного сообщения.

Примечания

[1] См.: Отчет Одесского общества изящных искусств за первое десятилетие. 1865-1875: Историческая записка. — Одесса, 1875. — С. 6.

[2] См.: Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Золотой век художественных объединений в России и СССР. 1820-1932: Справочник. — СПб., 1992; Михайличенко Т.П. Из истории худо

жественной жизни Одессы XIX века: 125-летие Общества изящных искусств и 100-летие Товарищества южнорусских художников // Сборник Калужского художественного музея. — Вып. I. — Калуга, 1993. — С. 215-225; Дерибас А.М. Моранди — Общество изящных искусств. — Нилус // Старая Одесса. Забытые страницы. — К., 2004. — С. 300-305.

[3] От Общества изящных искусств и художеств в Одессе // Одес. вестник. — 1865. — 31 марта.

[4] Одес. вестник. — 1865. — 1 мая. — С. 2.

[5] О коллекции графа М.Д. Толстого (1800-1891) см.: Абрамов В. К вопросу об исторической реконструкции художественного собрания Толстых в Одессе // Материалы конференции. — Одесса, 2000. — С. 86-98.

[6] Общество изящных искусств в Одессе // Одес. вестник. — 1865. — 29 мая.

[7] Одес. вестник. — 1865. — 19 июня, № 132. — С. 2.

[8] Извлечения из протоколов Одесского общества изящных искусств от 3 мая 1865 г. — Одес. вестник — 1865. — 25 июня, № 137. — С. 1.

[9] См.: Раевский Н. Выставка Общества изящных искусств в Одессе // Одес. вестник. — 1865. — 8 и 10 авг., №№ 172, 173.

[10] Одесский музей западного и восточного искусства: Каталог. — К., 1973. — С. 26.

[11] О С. Хлебовском и Л. Страшинском см.: Кондаков С.Н. Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. — СПб., 1914. — С. 190, 210.

[12] См.: Хойнацкий: Некролог // Худож. новости: Прил. к журн. "Вестник изящ. искусств". — 1885. — Т. 3, № 14. — С. 390.

[13] Одес. вестник. — 1876. — № 6.

[14] Одес. вестник. — 1869. — 18 окт., № 230.

[15] Губарь О.И. Всматриваясь в лица. — Одесса, 1998. — С. 14 и др.

[16] Одес. вестник. — 1865. — 20 окт., № 229.

[17] Одес. вестник. — 1866. — 5 марта, № 49.

[18] Калмановская Л., Гурова Л. Одесский художественный музей: Каталог. — О., 1997. — С. 143.

Ольга ТАНГЯН

"Одесский парижанин" А. Нюренберг

В декабре 1919 года на корабле "Руслан" одесский меценат и коллекционер Яков Перемен вывез в Палестину более 200 полотен "одесских модернистов". Ему не удалось создать для этих работ музей, и коллекция, разобранная наследниками после его смерти в 1960 году, долгие годы считалась утерянной. Однако в 2006 году благодаря усилиям куратора музея Рамат-Ган в Тель-Авиве Л. Войскун она была собрана и, сопровождаемая великолепным каталогом, представлена публике на выставке "Одесские парижане".

Выставка вызвала сенсацию и поставила Одессу в ряд художественных столиц начала 20-го века. Раньше стиль многих живописцев, перебравшихся из России во Францию или проработавших там какое-то время, объяснялся влиянием Парижской школы. Выставка же продемонстрировала, что почерк этих художников сформировался уже в Одессе, так что влияние на них Парижской школы перестало выглядеть односторонним. Более того, одесские художники сами во многом определили лицо Парижской школы.

Среди "одесских парижан" оказался и мой дед, Амшей Нюренберг (1887-1979). Он родился в Елисаветграде (ныне Кировоград), учился живописи в Одессе. Судьба Нюренберга, как и многих его друзей-художников, тоже оказалась связанной с Парижем, где он побывал дважды — в 1911-1913 и 1927-1928 гг. Хотя впоследствии Нюренберг переехал в Москву, близость с Одессой, где прошла его юность, и где он стал художником, сохранилась на всю жизнь.

Впервые Нюренберг приехал в Одессу в 1904 году после окончания школы для поступления в Одесское художественное училище. Город произвел на провинциального юношу неизгладимое впечатление. Даже в Париже спустя 10 лет он рассказывал о своем потрясении Марку Шагалу, с которым год делил ателье в фаланстере "*la Ruche*" (фр. — *улей*)[1]:

Были неуютные зимние вечера, когда не хотелось выходить на улицу, когда не тянуло в кафе, и тогда, затопив печку, мы с Шагалом варили чай... Потом я ему рассказывал

[1] В 1900 г. парижский меценат и скульптор-любитель Альфред Буше купил на распродаже Всемирной выставки ротонду по проекту Эйфеля — конструктора знаменитой башни — и другие легкие павильоны. Он установил их на участке в полгектара в проезде Данциг на юго-западной окраине Парижа и в 1902 г. предоставил за символическую плату около 140 ателье начинающим художникам, среди которых были Шагал, Леже, Цадкин, Сутин, Архипенко.

об Одессе. О сказочном порте, поразившем мое юношеское воображение, о громадных иностранных пароходах, о грузчиках-силачах, и особенно много рассказывал о море, о его непередаваемой героической романтике в часы шторма, когда берега и я, писавший его, покрывались злой бело-желтоватой пеной. И о закатах.

А. Нюренберг. Шагал. Рукопись "Одесса – Париж – Москва"

Нюренбергу повезло: он попал в класс великолепного мастера Кириака Костанди[1]. Он часто с благодарностью вспоминал своего учителя, всегда подчеркивая, что учился у Костанди не только художественному ремеслу, но анализу характеров, пониманию природы. На всю жизнь Нюренберг сохранил восхищение работой Костанди "Сирень", которую увидел еще в студенческие годы. Об этой картине он написал в очерке "Костанди":

Прошли годы. Многое в моих взглядах на живопись, на искусство изменилось, но те первые чувства (то, что художники называют "первое ах!"), которые поселила "Сирень" в моей душе, продолжают жить и волновать и по сей день. Сколько раз я ловил себя на том, что на цветущие весенние сады я глядел глазами Костанди! Но в юности мы не склонны были глубоко анализировать. Прежде в "Сирени" я видел только чудесные фосфорящиеся краски, нежные отношения, музыкальный колорит, очарование цветущего сада и грусть одинокого молодого монаха. Теперь "Сирень" для меня яркий символ борьбы маленького слабого человека с величественной цветущей, хмельной природой. Произведение как бы с возрастающей силой развертывает и показывает неизвестные раньше новые грани.

А. Нюренберг. Воспоминания, встречи, мысли об искусстве. М., Советский художник, 1969, с. 63-64

По окончании Одесского художественного училища Нюренберг вместе с группой молодых художников отправился в Париж, где сама атмосфера города была пропитана искусством. Нюренберг вспоминал, что учился не в академиях, а у своих друзей, на улицах Парижа, в кафе. В кафе "Ротонда" на бульваре Монпарнас он встречался со своими друзьями по одесскому училищу Федером и Маликом. Тогда же он близко подружился со скульпторами Мещаниновым и Инденбаумом. И познакомился с такими впоследствии прославившимися художниками из России, как Шагал и Кремень.

В Париже Нюренберг впервые проявил свое литературное дарование. Он начал подрабатывать художественными репортажами в русскоязычной газете "Парижский вестник". На вопрос редактора газеты, мог бы он

[1] Через десять лет класс К. Костанди также окончил младший брат Нюренберга – Давид Девинов-Нюренберг (1896-1964).

Мидлер, Ламден, Нюренберг
1915 г.

написать рецензию о первой выставке кубистов и футуристов в Париже, молодой человек самоуверенно ответил: "Литература — мой отхожий промысел". На самом деле его статья о кубистах 1911 г. была первой пробой пера.

Нюренберг сразу показал себя талантливым литератором и тонким художественным критиком. В дальнейшем он часто писал художественные рецензии, а позже обратился к мемуарной прозе. Он явился также автором книг "Сезанн" (1924), "Воспоминания, встречи, мысли об искусстве" (1969) и рукописи "Одесса — Париж — Москва" (составленной мной в 2006 г. из отдельных статей. — **О. Т.**).

В 1913 году Нюренберг вернулся в Елисаветград. Он приехал уже как зрелый живописец, обогащенный европейским опытом, как специалист по западной культуре. Он хорошо владел французским языком, читал в оригинале Мопассана, Флобера и Бодлера. Этим Нюренберг заработал себе репутацию "франкофона", что вначале звучало лестно, но в советское время в период борьбы с формализмом и космополитизмом часто оборачивалось для него серьезными неприятностями.

Вскоре Нюренберг переехал в Одессу, где позже основал студию "Свободная мастерская". Ее посещали не только "независимые" художники (имелось в виду, независимые от академической школы) — Малик, Мидлер, Константиновский, Фраерман, Фазини, но и поэты Багрицкий, Финк. Стихотворение Э. Багрицкого 1918 г., написанное им по случаю новогодней вечеринки, передавало приподнятую атмосферу, царящую в студии "независимых", с наивным воодушевлением и честолюбивыми планами:

Нет ничего прекрасней в мире,
Когда вдыхая трубок дым,
Под номером 24
На пятом этаже сидим.

В волне табачного тумана
Кружится жизни колесо,
Но мы поем хвалу Сезанну,
Хороним дружно Пикассо.

И, убивая красок литры,
Все непреклонней, все смелей,
Не бросим мы своей палитры
И не покинем мы кистей.

Здесь Нюренберг рисует быстро,
Надеждой сладкой окрылен,
Что должность важную министра
Получит на Украйне он.

Приходит ночь, покрылись мраком
Ряды недвижные столов.
Смешалось все: Ван Гог с Синьяком
И с Семирадским — Калмаков.

Взяв за образец парижские Весенние и Осенние салоны, "независимые" регулярно устраивали в Одессе сезонные выставки своих работ. Они широко использовали французский опыт и часто, не стесняясь, включали в свои картины целые цитаты из Сезанна, Матисса, Гогена. Влияние "купальщиков" Матисса и его декоративных панно особенно сильно ощущалось в работах раннего Нюренберга. Экзотические пейзажи и образы таитянок у Малика напоминали восточную палитру Гогена. Несмотря на яростную критику и упреки в плагиате, заслуги "независимых" в модернизации художественных традиций Одессы ни у кого не вызывали сомнений.

Успешным учеником Амшея Нюренберга был талантливый художник Виктор Мидлер, который впоследствии заведовал отделом в Третьяковской галерее. Их дружба продолжалась всю жизнь. И последние годы они регулярно встречались, разговаривали друг с другом по телефону. Они даже умерли в один и тот же год и в одном месте — в 1979 году в Москве.

Именно Мидлер познакомил Нюренберга с его будущей супругой Полиной Мамичевой. Он представил его как многообещающего художника, только что вернувшегося из Парижа. Такая рекомендация произвела впечатление на начинающую балерину, дочь московского купца. В 1915 году они поженились, и их брак продлился 63 года. Полина тоже стала посещать студию своего мужа и писать натюрморты в стиле модных тогда кубистов. Четыре таких натюрморта были обнаружены

**"Свободная мастерская"
Малик, Нюренберг, Юхневич, Мидлер
Одесса, 1916 г.**

в коллекции Перемена, который систематически приобретал работы "независимых".

Параллельно при Свободной мастерской Нюренберг открыл школу изобразительного искусства для детей — Детскую академию. В этом была своя логика — после окончания детской академии ученики могли продолжить учебу в студии для взрослых. С 28 апреля по 12 мая 1918 г. Нюренберг организовал первую выставку детского творчества, что явилось новаторством не только для Одессы. Выставка проходила в здании Художественного училища, на ней было представлено более 500 рисунков, акварелей и скульптур. Учредителями выставки значились Мамичева и Нюрэн, иными словами, супруги Полина и Амшей Нюренберги.

К выставке детского творчества Нюренберг отнесся чрезвычайно серьезно. Подготовил доклады, а главное, написал проспект выставки "О детском творчестве" с рядом теоретических положений. Нюренберг утверждал, что дети в рисовании руководствуются инстинктом, а само детское творчество разделил на три периода. Первый, от 6 до 7-8 лет, когда формируется художественное восприятие. Второй период, названный им "Ренессанс", от 7-8 до 9-12 лет, когда дети начинают сознательно использовать краски и композицию. И наконец, третий период, названный "Барокко" (упадочный), от 9-12 до 15 лет, когда дети, отчасти теряя свою индивидуальность, попадают под влияние книжных иллюстраций и фотографий.

Выставку посетили друзья-художники Фазини, Олесевич, Лысенков, Глускин, оставив восторженные записи в Книге отзывов. Сохранились некоторые из них:

Приходится сожалеть о том, что выставки взрослых художников, за редким исключением, не оставляют столь прекрасного впечатления (С. Олесевич).

Дети — художники, художники-виртуозы. Я надеюсь, что дети будущего будут рождаться с техническими возможностями Леонардо и постепенно их утрачивать; есть надежда, что художники станут художниками (С. Фазини).

Октябрьская революция 1917 года пробудила у многих, в том числе у Нюренберга, надежды на свободу творчества. Художник и его товарищи стали активными соратниками большевиков. Писали то, что было особенно востребовано, — агитационные плакаты. Нюренбергу удалось организовать целое предприятие по изготовлению пропагандистской продукции, которое располагалось во дворе Одесского художественного училища. Приезжали красноармейцы и забирали эти нужные для фронта наглядные материалы. Бригада активистов состояла из тех же левых художников, известных как "независимые", или "одесские парижане": Олесевича, Фазини, Экстер, Фраермана, Мидлера, Константиновского, скульптора Гельмана и поэта Волошина.

Главным достижением революционных художников явилось украшение Одессы к 1 Мая 1919 года. Работали не за страх, а за совесть. Нюренберг как руководитель бригады и художница Экстер как его правая рука были отмечены Одесским исполкомом благодарственной грамотой за "удачное оформление города Одессы". Нюренберг вспоминал:

Для руководства работой мы выбрали художественный совет, председателем которого назначили меня. Работали мы в художественном училище на Преображенской улице.

Приближался первомайский праздник. Все свои творческие силы мы решили отдать этому первому большому революционному празднику. Были организованы две бригады художников. Олесевич, Фазини, Экстер и я делали эскизы, по которым мастерские выполняли плакаты и панно для советских и партийных организаций. Три недели мы работали не покладая рук, часто забывая о еде.

К Первому Мая работы были окончены. Стояли солнечные дни. Цвела и благоухала сирень. Море сияло нежно-голубыми переливами. Берега Ланжерона и Малого Фонтана звали к себе, но мы ни на минуту не оставляли работы. Весь двор художественного училища был завален готовыми панно и плакатами.

А. Нюренберг. Воспоминания, встречи, мысли об искусстве. М., Советский художник, 1969, с. 7-8

В начале июня 1919 г. Нюренберг был назначен Первым народным комиссаром искусств Одессы и возглавил Комитет по охране памятников искусства. В его задачи входила защита памятников старины, сохранение музейного фонда города, атрибуция художественных произведений. Сохранился документ, свидетельствующий о чрезвычайных полномочиях, данных Нюренбергу для выполнения его миссии. Из текста следовало, что задание было нешуточным, связанным с рисками. Не исключено, что комиссар искусств должен был иметь при себе и оружие:

Полина Мамичева-Нюренберг
Одесса, 1918 г.

От Губ. Подотдела Искусств
г. Киев

Довожу до сведения всех советских гражданских и военных учреждений, что согласно инструкции из Киева и постановлению одесского исполкома от 6-го июня за № 2841, учреждается в Одессе Губернский Комитет охраны памятников искусств и старины (Губкопис). Председателем комитета назначаю тов. Нюренберга. Все права на охрану и защиту памятников искусств и старины, а равно зданий и предметов, имеющих художественную или историческую ценность, с сего числа принадлежат исключительно Комитету. Всем учреждениям и лицам вменяется в обязанность оказывать содействие членам Комитета при исполнении своих обязанностей. *Противодействие членам Комитета при исполнении их обязанностей будет караться революционном судом.*

(Курсив мой. — **О. Т.**)

Зав. Губ. Подотдела Искусств — А. Верхотурский
Одесса, 1919 г.

Из архива А. Нюренберга. Известия одесского Исполкома

Наряду с комиссарством Нюренберг продолжал заниматься художественной и организаторской работой. Он вспоминал:

В июне 1919 года в Одессе была организована 1-ая народная выставка. Она привлекала рабочих, красноармейцев и матросов. Я как председатель Комитета по охране памятников искусства и старины принимал живейшее участие в ее устройстве. Помню, мне пришла в голову идея мобилизовать художников, чтобы они обходили выставку вместе с посетителями и объясняли им смысл и значение картин. Это было осуществлено.

А. Нюренберг. Воспоминания, встречи, мысли об искусстве.
М., Советский художник, 1969, с. 8

На 1-й народной выставке 1919 года в Одессе под новыми знаменами участвовали опять же бывшие "левые", или "независимые" художники, Малик, Мидлер, Мамичева, Нюренберг, Олесевич, Перуцкий, Фазини, Фраерман. Постепенно самостоятельность их мышления перестала отвечать пропагандистским задачам новой власти. Деятельность группы "не-

зависимых" стала терять официальную поддержку. Участники группы разбрелись в разных направлениях, и судьба каждого из них сложилась по-своему драматично.

Несмотря на недолгое функционирование, группа "независимых" под руководством Нюренберга оставила заметный след в жизни Одессы. В частности, об общественной стороне деятельности Нюренберга 20-х годов одесситы вспоминали и спустя многие годы:

Говоря о Нюренберге-художнике, нельзя умолчать о нем и как общественном деятеле. Имя его хорошо известно одесситам, особенно тем, кто представляет старшее поколение. Оно связано с годами формирования советской культуры и искусства в Одессе. В напряженное и трудное время советской власти на Юге Нюренберг много работал в изоотделе Одесского наробраза, принимал участие в реорганизации художественной школы, открытии первых народных художественных выставок. С 1920 года[1] он возглавлял Комитет по охране памятников искусства и старины. Именно патриотизму и большой любви к искусству группы художников, входивших в Комитет, наш город обязан замечательными коллекциями русского, украинского и западного искусства.

Годы и события, Н. Луцкевич, Знамя коммунизма, Одесса, 8 мая 1963 г.

С осени 1919 г. Одесса перешла в руки иностранных интервентов и деникинцев. Начались повальные аресты и расстрелы большевиков и евреев. Нюренберг был вынужден бежать и прятаться на тайной квартире. Отвлекая внимание полицейских, Полина приняла удар на себя. Она была арестована, провела три месяца в тюрьме. На допросе у нее пытались узнать, где скрывался ее муж — красный комиссар. Полина отвечала: "Я — балерина. Кочую из города в город. У меня таких мужей много. Он бежал на ваших глазах". После длительных хлопот друзей: профессора Лысенкова, сына писателя Глеба Успенского — Бориса Глебовича, и директрисы балетной школы, ее отпустили на поруки. Сохранилась справка, выданная Т. Фраерманом, следующего содержания:

СПРАВКА

Настоящим удостоверяю, что в 1919 году гражданка Полина Николаевна Нюренберг была при белогвардейцах заключена в Одесскую тюрьму в качестве заложницы ее мужа — художника А.М. Нюренберга, являющегося в то время зав. Отделом Нарообраза гор. Одессы.

Профессор Т. Фраерман (подпись)

Одесса 27-9-20 г.

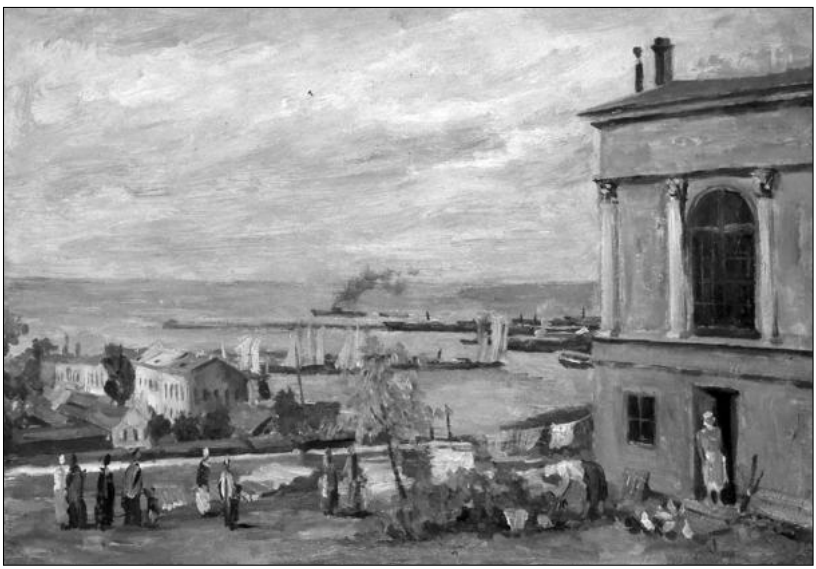
[1] На самом деле, с 6-го июня 1919 г., см. вышеприведенный мандат, по 23 августа (высадка войск Антанты в Одессе).

В Одессе остались все работы Нюренберга и парижские дневники. Знал ли Нюренберг, что Перемен, звавший его в Палестину еще до интервенции, вывез его ранние картины? Это более чем вероятно, но в советское время было безопаснее об этом не вспоминать. Во всеуслышание же Нюренберг заявлял, что одни его работы модернистского периода пропали, а другие он собственноручно уничтожил. В известном смысле, так оно и было. Выставка "Одесские парижане" расставила все по своим местам.

Весной 1920 года семья Нюренбергов перебралась в Москву. У Полины, урожденной москвички, там жили мать, сестры, братья. Нюренберг с головой ушел в бурную общественную жизнь столицы. Он работал с Маяковским в "Окнах РОСТА", читал лекции о западной живописи во ВХУТЕМАСе, писал картины и публиковал художественные рецензии в центральных газетах. Он тесно сотрудничал с группой "Бубновый валет", главные деятели которой — Кончаловский, Осмеркин, Фальк, Машков — пропагандировали композиционные принципы Сезанна, высоко ценимые Нюренбергом. В 1922 году Нюренберг вместе с художниками Ад-

А. Нюренберг. Одесский порт. Одесса, 1941 г.

А. Нюренберг. Одесская набережная. 1961 г.

ливанкиным и Глускиным организовали группу "НОЖ", для которой он написал программный манифест.

В Одессу художник приезжал на каникулы или в гости к друзьям. Так совпало, что Нюренберг с женой Полиной и дочкой Неллей оказались в Одессе 22 июня 1941, в день начала Отечественной войны. С первого же дня войны художник начал делать зарисовки, став хроникером военных будней.

Основу антифашистской серии, представленную им на персональной выставке в Центральном Доме писателей в 1945 году, Нюренберг заложил в Одессе. Первые работы серии запечатлели шоковое состояние людей — панику и недоумение. Одни собирались на одесской набережной, вели горячие диспуты, жадно читали газеты, ждали последних сообщений по радио. Другие с багажом, детьми и стариками спешно покидали город. Вокзалы, ожидание, неизвестность. Неожиданное сиротство, беззащитность безоружного населения. Все эти темы нашли свое отражение в антивоенных работах Нюренберга.

Одесские ностальгические впечатления сохранились и в послевоенных работах художника: "Большой Фонтан" (1950), "Продавщицы цветов в Одессе" (1958), "На одесском бульваре" (1959), "Одесская набережная"

(1961). После войны художник часто рисовал сирень — дань памяти своему учителю и наставнику Костанди. У себя дома Нюренберг любил развешивать морские пейзажи. По его утверждению, они действовали на него умиротворяющим образом. Ему даже казалось, что он дышал морским воздухом.

В конце 60-х годов в жизни Нюренберга произошло несколько радостных событий. В 1961 году прошла персональная выставка Нюренберга в московском Доме художников на Беговой улице. В 1963 году друзья помогли ему организовать персональную выставку в Одессе. Было много посетителей, имелась хвалебная пресса. А в 1965 году Нюренберг принял участие в 100-летнем юбилее Одесского художественного училища, где на фотографиях он запечатлен со старыми друзьями с совершенно счастливым лицом.

О том, как Нюренберг был связан с Одессой, а через него — и его зять, писатель Трифонов, оставил интересное свидетельство Е. Голубовский. В 1971 году в Одессе во время советско-финского симпозиума он брал у писателя интервью:

Возникла пауза. Я, было, хотел извиниться и отойти, но Трифонов вдруг, мягко улыбнувшись, сказал, что Одессу он хорошо представляет, что у него есть свой образ этого города, даже этого великолепного Дома ученых, где мы сейчас как раз заседаем. И не по Бабелю, в любви к которому клянутся финны... У него действительно было от кого услышать об Одессе. Юрий Валентинович был женат на дочери известного советского художника, соратника Маяковского по "Окнам РОСТА", а в годы революции комиссара искусств в Одессе Амшея Нюренберга... Кстати, и этот дворец графа Михаила Толстого — нынешний Дом ученых — под Народный художественный музей реквизировал комиссар искусств.

Е. Голубовский. Юрий Трифонов в Одессе. Вечерняя Одесса, 1-10 февраля 1986 г.

* * *

В литературном наследстве Нюренберга есть очерк о Бабеле. Художнику принадлежит также графическая композиция "Бабель и его герои" (1966), репродукцию которой он включил в свою книгу.

"У Бабеля был свой Париж, как была и своя Одесса", — написал Нюренберг. Эти слова можно было бы с полным основанием отнести и к нему самому. Нюренберг вспоминал, как он встречался с Бабелем в Париже:

Возвращаясь часто поздно ночью из кафе, мы, "чтобы на Монпарнасе пахло Одессой", как говорил Бабель, распевали незабываемые песенки: "Сухой бы я корочкой питалась // Сырую бы воду я пила...", "Не пиши ты мне, варвар, писем, // Не волнуй ты мою кровь..." и "Маруся отравилась, в больницу повезли". Парижские полицейские, видавшие

виды и ко всему привыкшие, не обращали на нас внимания.

А. Нюренберг. Бабель. Воспоминания, встречи, мысли об искусстве. М., Советский художник, 1969, с. 91.

А. Нюренберг. Доктор Илья Циклис 1960 г.

Нюренберг прожил долгую и сложную жизнь. В молодости был "левым", отошел от реализма своего учителя Костанди. В 1919 г. он не уехал в Палестину, куда его звал Я. Перемен, и куда перебрался друг его детства И. Константиновский. После прихода к власти большевиков он стал одесским комиссаром искусств. Не остался он и в Париже, в котором был дважды, и называл "городом моей светлой мечты", и где его звали остаться его друзья-художники Федер, Мещанинов и Инденбаум. При этом он всегда сохранял любовь к французским кафе и одесской набережной, к Сене и Черному морю, парижским улочкам и еврейским местечкам. И продолжал оставаться верным своим друзьям.

Одесса, как и Париж, явилась для Нюренберга местом, где в начале 20-го века зарождалось новое искусство. Это был не просто город его юности и студенческих лет. Одесса в его представлении была демократичным городом-портом, открытым к французскому влиянию и смелым идеям, свободным и независимым. Именно это и продемонстрировала выставка "Одесские парижане".

Письма, которые должны жить
Из архива А. Нюренберга

В архиве А. Нюренберга имеется пакет под названием "Письма, которые должны жить". В нем хранятся письма друзей-одесситов. Среди адресатов Нюренберга были профессор медицины В. Снежков и известный врач И. Циклис, врач и художник Н. Юхневич, инженеры О. Мишкиблит и М. Ламден, журналист Е. Голубовский, вдова И. Бабеля А. Пирожкова, работники Одесского художественного музея.

В отличие от средств современной переписки — сообщений по электронной почте — каждое рукописное письмо выражало характер автора, который можно было определить даже по почерку. Каждое письмо — рассказ, отдельная судьба. Пока трудно с уверенностью сказать, как долго будут жить письма, посланные электронной почтой. Вряд ли они уцелеют через 50, а то и 100 лет, как те, что приводятся ниже.

Самым старым письмом является послание Н. Юхневича 1918 года с фронта гражданской войны Нюренбергу, Мидлеру и Малику. Во время боев с австрийскими интервентами он выполнял функции военного врача, но мечтал о кистях и красках, о выставках и подружках. В статье "Профессора медицины — художники" Нюренберг писал о своем друге:

К этой плеяде медиков-художников надо отнести и профессора-кожника Николая Юхневича, бывшего члена общества "Независимых". Юхневич большой и тонкий поэт. Пишет портреты, пейзажи и натюрморты. Его пастели свидетельствуют о высокой живописной культуре и большом вкусе.

Он много рисовал. Его рисунки выразительны и полны жизни. Он также успешно работал в области карикатуры.

А. Нюренберг. Профессора медицины — художники. Дерибасовская — Ришельевская, 2007, кн. 30, с. 218

Врачом и художником являлся также другой корреспондент Нюренберга — профессор В. Снежков. Он был педиатром, читал в университете лекции о своем предмете — медицине. Но все свободное время отдавал живописи. Вместе с Нюренбергом участвовал в художественных выставках общества "Независимых". Занимался подвижнической деятельностью, организуя выставки членов Общества К. Костанди, которое существовало с 1922 по 1929 г. Служил своей идее вопреки поддержке официальных властей. В 1952 году Снежков явился автором "Краткой истории Художественного общества им. К.К. Костанди" (Дерибасовская — Ришельевская, 2008, кн. 33). Вот что писал о нем Нюренберг:

Профессор Снежков читал лекции в университете о болезнях уха, горла, носа. Постоянный участник южнорусских выставок. Писал осенние цветы в ярких кувшинах. Краски у него были нежные, лирические.

А. Нюренберг. Профессора медицины — художники. Дерибасовская — Ришельевская, 2007, кн. 30, с. 218

Близкие отношения связывали Нюренберга с Циклисом, врачом-меценатом, философом и меломаном. Они обменивались с ним письмами, полными шуток, взаимной симпатии и желания помочь. Помочь не толь-

ко словом, но и действием, что особенно ценно. Многие ведь ограничиваются дежурным вопросом: "Чем могу быть вам полезным?". Доктора Циклиса знала и любила "вся Одесса", что засвидетельствовал Нюренберг:

Заболевая, мы обращались к известному доктору Илье Циклису – неизменному другу музыкантов и художников, которых он бесплатно лечил, согревал морально, а иногда и поддерживал материально. Это он выпестовал и воспитал наших известных музыкантов: Ойстраха, Гилельса и Марию Гринберг...

Молдаванская беднота, которой Циклис отдавал свое сердце и очень часто свои сбережения, приехала на улицу Розы Люксембург, где жил и работал Циклис, чтобы попрощаться с ним. Он умер, как и жил, – просто и философски. В предсмертные минуты он душевно попрощался с лечащими его врачами и друзьями, повернулся к стене и сказал: "Все кончено".

А. Нюренберг. Доктор Циклис.
Дерибасовская – Ришельевская, 2007, кн. 30, с. 218-219

Многие письма выглядят теперь старомодно, но в этом и состоит их обаяние. В том, как профессор Снежков, заканчивая письмо, "целует ручки супруге". Или в том, как доктор Циклис, обучавшийся до революции в Париже, вставляет в свои письма французские слова. Друзья дополняли письма литературными цитатами, многочисленными анекдотами, иностранными словами, что придавало большую характерность их эпистолярному стилю.

Письма одесситов полны юмора, но много в них и печали, тоски по несбывшимся надеждам, скрытой за попыткой шутить. Иногда это плохо получалось скрыть. Может, в этом и состоит секрет известного одесского юмора? Стараться за шуткой спрятать свою боль. Эту одесскую особенность – "смех сквозь слезы" – подметил у Нюренберга его друг, художник Ш. Бронштейн. В статье, посвященной 90-летию Нюренберга, он отмечал, как тот:

...старался показать красоту человека в радостную пору юности и в философском примирении со старостью, которая умеет прятать мысль в иронической улыбке, в мягком юморе и шутке.

Ш. Бронштейн. Вся жизнь – в искусстве.
Московский художник, 24 февраля 1977 г. (статья к 90-летию Нюренберга)

Со временем заметно менялся стиль адресатов. Если в молодости настроение писем было бодрым, то к старости в них все больше звучали разочарование, жалобы на болезни и просто на одиночество. Сколько драматизма в письме Циклиса о гибели в авиакатастрофе сына Рафаила!

Утешая своего друга, Нюренберг тогда не мог предположить, что скоро сам переживет похожую трагедию — смерть единственной дочери.

Некоторые друзья со временем так сильно изменились, что их стало просто невозможно узнать. О других не сохранилось никаких сведений. Где найти сведения о близком друге Нюренберга, с которым он вместе учился в Одессе, Моисее (Менаше) Ламдене? На старой фотографии, где они сняты вместе, рукой Нюренберга подписано — "два братца". Тогда Менаша выглядел ослепительным красавцем с тонким, аристократическим лицом и огромными глазами.

Почему не сохранилось никаких свидетельств о судьбе инженера и мецената Оскара Мишкиблита? В архиве Нюренберга остались два письма от него и его жены Берты позднего времени. А ведь Оскар Мишкиблит играл важную роль в судьбе "Независимых" в 1918-1919 гг. Нюренберг вспоминал:

> Раз в неделю вечером к нам приезжал наш меценат и друг художников — инженер Оскар Мишкиблит. Он покупал у нас этюды и давал деньги на краски и холсты. Он брал двух извозчиков, усаживал на них всю компанию (Юхневича, Фраермана, Бориса Успенского, Малика, меня и мою жену) и отвозил нас в известный в то время ресторан "Зимний садок". Там играл воспетый Куприным знаменитый Саша... Меценат Оскар заказывал для нас богатый ужин с пивом Санценбакера и свободной музыкой.
>
> А. Нюренберг. Саша из "Гамбринуса".
> Дерибасовская — Ришельевская, 2007, кн. 30, с. 214-215

Почему Исаак (Жак) Малик последние сорок лет жизни не брал в руки кисть, и никто не знал о его судьбе, поскольку тот скрылся в подмосковном поселке Малаховке, где служил скромным учителем рисования в школе? Кем был Исаак, друг юности Нюренберга, писавший о своей больной жене?

Много неразгаданных тайн хранит Одесса. Видимо, должно пройти еще немало времени, прежде чем она раскроет все свои секреты. Пусть эта публикация прольет свет на некоторые из них.

Избранные письма

Письмо Н. Юхневича от 24 августа 1918 г. Амшею Нюренбергу, Виктору Мидлеру, Исааку (Жаку) Малику

Н. Юхневич — врач и художник, участник выставок "Независимых". В 1918 г. во время войны с интервентами (в письме упоминались австрийские войска) был призван на фронт в качестве врача.

Дорогие мои!

Получил от вас открытку. От всей души вам позавидовал. Так ярко, так живо представил, как вы сидите в трактире, кушаете бублики, пьете и беседуете. Полетел бы к вам, пошатался бы с вами, пописал бы... Кажется, так и не удастся посидеть с вами, милые мои...

Закрыл глаза — вижу: идут по пыльной мостовой Жак, ты, Виктор. Ты, Амшей, заложил руки в карманы, слегка сгорбился. Жак в старом элегантном, лучшего парижского портного, костюме... Виктор английский дэнди. Вслед им елисаветградские б... оглядываются. Особенно девочки засматриваются на Жака.

Ой, Жак, смотри не увлекай елисаветградских девочек, довольно испортил одесских. Опять молодежь увлекаешь... Прошу только не порть мадам Шабадаш... Если только... При встрече с тобой — задушу...

Рад, очень рад, что ты, Жак, наконец, вырвался из этой милой, но проклятой Одессы. Ты там совсем покрылся плесенью. Здесь хоть немного поработаешь, не спеши уезжать. Постарайся пробыть подольше. Я тебе в первых числах сентября вышлю на жизнь.

Ну, как ты поживаешь, Виктор? Что нового в твоей жизни? Я слышал, что ты был в Москве? Как жилось? Работалось ли? Пиши.

Амшей, ты должен удержать Жака и Виктора от гнусных поступков. А то они опозорят твои седины. Принесут девочки, жертвы увлечения Жаком и Виктором, к твоему порогу младенцев — потом отчитывайся. Затем ты должен беречь до моего приезда от их посягательств прелести мадам Шабадаш. Это твоя святая обязанность.

Я лично живу скучно, однообразно. Сейчас сижу на передовом перевязочном пункте. Слушаю свист, разрывы снарядов, хлопанье винтовок — давно знакомая для меня музыка. А небо серое, моросит надоедливый осенний дождик. Все мокро, грязно, тоскливо. Кажется, это будет продолжаться целую вечность.

Несколько дней тому назад мы шли дни и ночи. Проходили через брошенные, сгоревшие деревни. В особенности жутко было ночью. На горизонте всюду маячит зарево. Проходишь деревню — горит. Пламя ревет, балки трещат, рушатся стены — ад. Вышли из деревни — пламя все удаляется, удаляется. Опять новое пламя приближается и так без конца. Наконец, пришли. Наша дивизия вступила в бой и сильно наложила австрийцам. Ну и дрались наши — молодцы и герои.

Пишите, дорогие, почаще и побольше. Буду рад бесконечно каждому вашему слову.

Обнимаю вас и крепко, крепко целую.

Юх...

P. S. *Привет всем вашим и Давиду[1]. От брата моего я давно не получал писем, беспокоюсь.*

Письмо Н. Юхневича, Одесса, 5 июня 1961 г.

Ответ на письмо с каталогом персональной выставки А. Нюренберга, проходившей в 1961 году в Москве в Доме художников на Беговой ул.

Надпись на конверте:

Куда: г. Москва, Верхняя Масловка, Д. 15. кв. 59. Художнику А.М.Нюренбергу. Откуда: Одесса, Подбельского № 57, кв. 8, Н.З. Юхневич

5 июня 1961 г.

Дорогой Амшей!

Получил каталог твоей персональной выставки. Очень благодарен за внимание. Смотрел на снимки твоих работ: вспоминал нашу молодость, выставки независимых художников. Эх, ушло все это навсегда и не вернется.

Желаю тебе успеха, такой же творческой энергии на долгие, долгие годы.

Слушали твое выступление по радио о Маяковском: интересное выступление.

Живу скучно, почти не рисую. Никуда не хожу, так как Мария Васильевна больна около года: серьезное сердечное заболевание, осложнение после вирусного гриппа. Она не выходит, ей запрещено, так как мы живем на 4м этаже. Дома она ходит, понемногу занимается хозяйством, хотя и это запретили врачи. Стелле приходится вести домашнее хозяйство и у себя, и у нас, ходить на базар, затем на службу. Таким образом, она занята от 6 ч. утра до 12 ч. ночи.

Участвовал в украинской выставке в Киеве в августе прошлого года: на выставке моих вещей было 4. Выбрали на декаду в Москву 2 работы, послали ли их, не знаю. Что поделывают Ваши?

Привет Полине,

Нелли, супругу Нелли.

Крепко целуем. Привет от Маруси и Стеллы.

5 июня 61 г. Юхневич

P. S. *С письмом запоздал. Болезнь Маруси убила всю мою энергию.*

ЮХ.

[1] Имелся в виду брат А. Нюренберга — Давид Девинов-Нюренберг.

Письмо профессора медицины В. Снежкова, Одесса, 27 декабря 1952 г. Щепкина, 9, кв. 2.

Профессор В. Снежков (1882-1959) — врач-педиатр и художник, член общества "Независимых". Играл важную роль в деятельности Общества К. Костанди (1922-1929). К письму приложен текст статьи "Краткая история Художественного общества имени Кириака Константиновича Костанди" В. Снежкова (см. Дерибасовская — Ришельевская, 2008, кн. 33)

Дорогой Алексей Маркович!

Подошли дни, когда все торжественно поздравляют своих друзей с днем Нового года. Шлю самые искренние и от всего сердца пожелания в Новом году жить лучше и веселее, чем в прошлом. Всякий раз, как только я встречаю этот день, на душе моей остается легкая тень чего-то неминуемого, а подчас делается даже тяжело. Ведь подумать только! 72 и следующий 73ый год жизни. Страшно. Я вспоминаю слова Мамина-Сибиряка:

"Стенные часы, висевшие в коридоре, пробили 12 часов. Благодаря приспособлению в механизме, они били так осторожно и тихо, точно боялись. Да, время имело свое страшное значение, как будто какая-то невидимая рука отмеряла его по каплям, как самую драгоценную эссенцию. Там, за этой стеной, на которой висели часы, жизнь катилась широкой волной, там летели дни, недели, месяцы и годы, не вызывали мысли о том, что каждый день — день итога, день очищения, день последнего ответа и что с каждым закатывающимся солнцем открывался лучший лист из книги жизни. Здесь каждый удар маятника точно подталкивал кого-нибудь к страшной пропасти уничтожения, а стенные часы были неумолимы, как верховный Судья, обязанностью которого было подписывать смертные приговоры".

Я не из таковых людей, чтобы впадать в тяжелые думы. Нет! Я просто всегда в этот день 31 декабря делаюсь не тем, чем я в сущности есть. Такая уж у меня натура. Все это я говорю, чтобы пояснить Вам, зачем я написал вот эти строки, которые я посылаю Вам на память о днях далекого прошлого, действительно унесенных и уничтоженных мановением проклятого "верховного Судьи". Прочитайте, исправьте и напишите мне свое мнение. Писал я это только Вам. Кое-кому прочел, так как читать это произведение даже в кругу художников я не считаю удобным. Посылаю Вам не исправленный текст, так как уже больше нет времени, а я хотел послать Вам именно к Новому году.

Ваше "В венок Костанди" произвело на всех чрезвычайное впечатление. Говорили, что это лучшее, что было сказано и написано о К.К. Костанди. Я

мысленно обнял Вас, расцеловал Вас. Ведь эти слова — слова глубокого переживания, в искренности которых нет сомнения. Правдивость и в то же время глубокое почитание памяти дорогого нам К.К. Костанди. Выставка продолжается. На заключительном заседании будет прочитано Ваше произведение. Хотя сейчас уже цитируются отдельные абзацы Вашей работы. Я позволил себе в конце моих воспоминаний поместить или закончить их Вашими словами. Я глубоко чувствовал эти слова, я переживал их, как самое дорогое моему сердцу. Спасибо Вам за внимание — я сохраню их, а все что у меня есть о Костанди — все это будет передано в фонд Музея, но когда — я еще об этом не думаю. Думаю, что так называемый "верховный Судья" пусть подождет. У меня еще есть время.

Целую ручку у супруги и желаю в Новом году быть здоровой и думать о визите в Одессу для повторения лечения. Будем рады снова видеть вас. Только не приезжайте "инкогнито", как в прошлый раз.

Сейчас я страдаю от своего радикулита. В этом году он обострился больше, чем в прошлом. Среди художников Вы стали популярным товарищем и стали "своим".

Крепко целую Вас, ручку у супруги. Поклон от Екатерины Антоновны. Желаю самого драгоценного — здоровья.

Всегда Ваш Вячесл. Снежков.

Письмо профессора медицины В. Снежкова, связанное с памятью К. Костанди, Одесса, Щепкина, 9, кв. 2, 3 ноября 1953 г.

Дорогие Полина Николаевна и Алексей Маркович!

Кажется, вчера только получил письмо и, как всегда, я запаздываю с ответом. Спасибо большое за труд, затраченный на чтение моей болтовни. Ведь это так написано, не для широкой публики, а для некоторых "вздыхателей" и особенно любивших дорогого Александра Абрамовича Кипена. Я не рассчитывал ее где-либо читать, а думал только о сохранении в памяти действительных фактов из жизни "Общества имени Костанди". Согласен, что сентиментален. Сейчас я встречаюсь с Алешей Смирновым, старичком и быстро уходящим в потусторонний мир. Когда я прочел ему свою болтовню, он вроде как помолодел. Жалко мне его стало. Смирнов большой любитель живописи, но у него в жизни ничего не вышло. Вещей у него нет, но он прекрасно образованный человек, знает три иностранных языка и бегло цитирует западноевропейских художников. Я изредка с ним встречаюсь. Он хорошо помнит тебя. Когда я прочел ему твою вещь "В венок Костанди", он пришел в восторг. Амшей, этот наш художественный

критик, доцент Университета, выразился о твоей вещи так: "Это лучшее, что было сказано и написано ко дню открытия посмертной выставки К.К. Костанди".

Недавно у меня был старший научный сотрудник Картинной галереи Я.А. Гиллер, который тоже с восторгом отзывался о твоей вещи. Он передал мне, что им послан тебе недавно вышедший каталог выставки, в котором помещен портрет Кириака Константиновича на фоне гусей. Напиши мне, если ты не получил каталог, то я имею личный экземпляр и его тотчас же вышлю.

У меня к тебе очень большая просьба, если тебе не трудно, то внеси свои ценные мысли в мой лепет. Я с исключительной благодарностью поцелую тебя в сахарные уста и сохраню это на память.

Недавно я был приглашен на заседание Союза художников в Художественном училище, в котором отчитывался о своем творчестве директор Художественного училища художник Крижевский. Летом он был на Рижском взморье. Написал много больших этюдов, которые по характеру своему носили заказную форму к картинам. Прекрасные вещи, во многом напоминали Ивана Колесникова. Большинство вещей написано в серых, характерных для Риги тонах. Серые тона, но какие это серые тона! Я с исключительным интересом и глубоким чувством душевной радости смотрел на эти этюды. Я люблю Север с его серыми пейзажами и вечно облачным небом. Детство мое — это Средняя полоса России. Конечно, это еще не тот Север, который оставляет в душе художника особое чувство грусти. Крижевский родом из далекого Севера, и он смог в своих этюдах передать действительно прекрасно свои переживания и любовь к нему. Отчетная выставка Крижевского среди художников вызвала большой интерес. Как всегда, была серьезная, благородная критика вещей, но общее впечатление выставка произвела на всех хорошее. Это лучшее, что было до сего времени.

Сейчас я продолжаю болеть. Вот уже более 4х месяцев, как я не могу избавиться от тянущих болей в левой части таза и левом бедре. Иногда ночи провожу в бессонице. Стрелка барометра меня пугает. Падает давление, и я начинаю себя чувствовать плохо. Поднимается, и на моей душе делается легче. Не могу понять, что это такое. Пью пирамидон, читаю и жалуюсь! Вот все, что делаю. Это делают все врачи, у которых черепок переполнен жизненными фактами, историями болезней, сравнениями и т.п. Все это делает нас, врачей, "неверующими" в медицину и не стремящимися обращаться к товарищам. Ты, мол, столько же знаешь, как и я. Что я от тебя получу для исцеления? Природа — лучший врач.

Встречаешься ли с Ковальским Виктором Владиславовичем? Читал о выставке в Москве, очень хвалили в нашей одесской газете.

Как здоровье Полины Николаевны? Думаю, что летом она снова приедет в Одессу на целебные лимоны или ванны. Жена Екатерина Анат. шлет привет. Сегодня ели блины, и я за столом вспомнил тебя. Вспомнил, что пора написать милому другу, хорошему исключительному человеку. Крепко, крепко целую тебя, целую ручку Полине Николаевне и желаю здоровья.

Жду. Любящий В. Снежков.

Письмо доктора И. Циклиса, Одесса, ул. Р. Люксембург, д. 40, 22 августа 1954 г.

Письмо, написанное в шутливом тоне, содержит, видимо, реакцию И. Циклиса на жалобы А. Нюренберга по поводу вспышек антисемитизма и борьбы с "безродными космополитами" в Москве.

Надпись на конверте:

Куда: Москва, Верхняя Масловка, д. 15, кв. 39, Нюренбергу А.М. Откуда: Одесса, ул. Р. Люксембург, д. 40, кв. 5, И.Е. Циклис

22/8/54 г.

Дорогой Амшей!

Получил пар лэнтермедьеер де мон ами (фр. — *между тем от моего друга*) *Ривин твое энси кэ* (фр. — *а также*) *и Юрино послание. Все твои поручения он скрупулезно и даже благоговейно выполнил. В разговоре о тебе он умиляется и просит меня тепло тебя поблагодарить за ласку, тепло и действенную помощь, которую ты ему оказал. Охотно выполняю его просьбу.*

Твой вопль души читал и перечитывал моим близким и друзьям несколько раз. Мы тебя понимаем и переживаем то, о чем ты пишешь не менее остро, чем ты. Все горе в том, что, как говорят французы, столь же грешные, как и цитируемые тобою "гуманисты", иль нья рьен а фэр (фр. — *ничего не поделаешь*).

Я неправ, есть что делать: презирать, ненавидеть, совершенствоваться, занимать первые места и, по мере сил, стремиться к тому, что мы называем а "некомы".

Я вспоминаю такой эпизод: на каком-то международном съезде получилось так, что двое ученых с мировыми именами очутились в одном номере отеля. Один был белый, а другой негр. Последний терпел от первого тяжкие муки и испытания. Пользуясь отсутствием соседа, белый мочился и га-

дил в его постель, в туфли, в чемодан... Негр терпеливо, по-христиански все так терпел, что сосед его даже умилился и при расставании попросил прощения и извинился за не совсем культурное свое поведение. Он даже готов был искупить свою вину и бескультурье любой ценой. Объяснялось это тем, что этот варвар и вандал в форме джентльмена был верующим христианином. Ответил ему негр следующее: "Я прекрасно знал и понимал, кто меня мучает и пытается унизить, оскорбить. Я ничем не мог открыто себя защитить. Я знал, что вы ведь, как христианин, не ведаете, что творите. Все же я кое-чем реваншировался". — "Чем, например? Я не чувствовал ни в чем вашей реакции на мои, признаюсь, дикие эксцессы" — "Я каждое утро чуть-чуть мочился в ваше кофе..."

Вот так надо мстить, так надо парировать на нанесенную тебе кровную обиду. Я не исключаю и других методов, имеющих право хождения в подходящих случаях. Я предлагаю изменить библейский завет: "Око за око, зуб за зуб" на "За око два ока, за зуб всю челюсть". И еще. Почему бы кому-нибудь из наших современных писателей не заняться анализом и выявлением расизма у многих русских писателей с мировыми именами? Ведь копаются сейчас с рвением, достойным лучшего применения, в художниках, грешащих натурализмом, декадентством, импрессионизмом, имажинизмом и целым рядом других уклонов, менее смертельных, чем антисемитизм?

Я знаю такой случай. Это было еще до войны, когда еще существовала еврейская пресса. Один писатель проштудировал всего Тараса Шевченко — этого великого бунтаря, бывшего крепостного, незаурядного художника, автора "Кобзаря", "Дум сна" и т. д. И выбрал оттуда обильное количество антисемитских перлов. И это было на Украине, и имя этому герою-писателю Квитко Борух. Он жив и поныне. Предложу-ка я ему заняться еще аналогичными литературными изысканиями. Я уверен, что издательство и бумага найдутся.

Мне нравится твоя идея создания общества неисправимых оптимистов под девизом: "Дер ребе от гезогт Эс зол фрейлех зайн" или "Фрейлыхе капцоним". Но вербовку в эту организацию надо производить с большой осторожностью, с разбором, с дифференциацией: язвенники, страдающие геморроем и трещиной в заднем проходе, катаром желудка и мочевого пузыря, запором и поносом, в действительные члены этой секты не принимаются; холостые нам тоже не требуются. Необходима строжайшая фильтрация.

По этому поводу я вспоминаю следующий рассказ. Как тебе известно,

в Англии существуют всевозможные клубы. Среди них и клуб вонючек, т. е. грязнуль, запущенных, неаккуратных людей. Так вот одному такому чудаку захотелось попасть в такой клуб. Предварительный осмотр оказался в пользу алчущего. Немытое лицо, взлохмаченная голова, нечищеные зубы, вонь изо рта, грязные ногти, грязная, ни разу не стиранная верхняя рубашка, помятый костюм, правда, из добротной английской шерсти, с расстегнутой ширинкой, в грязных, ни разу не видавших ваксы ботинках и т. д. Общее впечатление оказалось вполне ободряющим. "Подайте заявление". В тот же день заявление было подано, как говорят, в надлежащей форме. Но оказалось, что в не надлежащей. Прошение было написано на чистом листе бумаги. Само собой, что в таком ненадлежащем (чистом) виде прошения в клубе вонючек не принимаются. Мой бедолага не смутился и тотчас же побежал в уборную, оправился, подтерся своим заявлением и с победоносным видом передал его директору клуба, но последний повел бровями, покрутил носом и сказал: "Подтираетесь, сэр?" В приеме бедняге, конечно, было отказано.

Еще до войны в квартире Лисанских был основан клуб "Цымысфасольников" — члены: Мишкиблиты, Недзельские, хозяева, Крейзманы и я. Заседания нашего клуба происходили при наличии на столе большой величины чугунного горшка, начиненного до верха цымысом из рябой фасоли, в которой тонули крупные, жирные марых бейнер. Ко всему этому полагалось — рюмка водки, сто грамм сухого вина (Рислинг, Алигате). Разве подобное оформление не подойдет к клубу "Фрейлыхе капционим"? Виньетку сделай ты по твоему разумению и вкусу на тему "Оцмах ыз а клезмер".

На этом кончаю свою эпистолию. При сем мое маленькое послание Юре[1] — в ответ на его милое и лестное письмецо. (Пишу его отдельно.)

Нежный привет всему твоему гнезду. Дамам и девушкам горячий поцелуй (на что ты, надеюсь, еще апт?)

Моя семья и семья брата приветствуют восторженно.

Твой до гроба, Илья.

Письмо доктора И.Е. Циклиса от 15 января 1963 г.

По всей видимости, И. Циклис отвечал на вопрос А. Нюренберга, как идет подготовка к организации его персональной выставки в Одессе. Выставка А. Нюренберга была запланирована на апрель 1963 года.

[1] Юра — здесь и далее И. Циклис упоминает зятя А. Нюренберга, писателя Ю. Трифонова (1925-1981).

15/1/1963 г.

Шер ами!

Же вьен де ресевуар та летр, ком тужур сан дат. Пасон ла десю. Э бьен, же ме сви адресе имедиатеман пар телефон а президент Тодоров е апре сон консультасион авек сон коллаборатэр он ма перми те пер савуар кэ тон экспозисион ора лье ан аврил.

Пер. с фр.: Дорогой друг! Я только что получил твое письмо, как всегда без даты. Перейдем к следующему. Ну, я немедленно обратился по телефону к председателю Тодорову. После консультации со своим помощником он позволил мне тебе сообщить, что твоя выставка состоится в апреле.

Итак, все, как видишь, у нас делается по щучьему велению. Будь любезен, сейчас же напиши Тодорову, что ты ему очень благодарен за его любезность.

Я обещаю тебе еще натереть морду всем, всем тем, которые тебе не пишут в темпе presto (муз. термин, пер. с ит. — *очень быстро*). *Ты, между прочим, пишешь, что они немы, как рыбы. Учти же, что рыба сейчас прозябает подо льдом. Компрант?* (фр. — понятно?) *Обещаюсь заняться этим делом. Постараюсь всех нагальванизировать током высокого напряжения. Многие оправдываются тем, что они постоянно и аккуратно шлют тебе поклоны и приветы через...*

Из-за лютых морозов, а порой даже метелей с гололедицей, вызывающих снегопад, я целыми днями не выхожу из дому. Со времени моего приезда я был у моих французов только один раз. Так что твое письмо к ним я еще не успел передать.

Я тебе писал, что через неделю Эддочка[1] *выезжает на каникулы в Москву. Жить она будет у моего племянника. Я прошу тебя познакомить ее с Юрой и с его друзьями — писателями и поэтами. Ей будет о чем докладывать у себя в Институте после приезда. А тебя я прошу познакомить ее с французами художниками. Повтори сеанс, посвященной ее деду в его приезд в Москву.*

Кончаю приветом дорогой Полине, Нелли, Олечке[2] *и Юре. Не серчай!*

Твой Илья.

[1] Эддочка — упоминается здесь и далее внучка И. Циклиса.

[2] Олечка — упоминается здесь и далее автор статьи О. Тангян, внучка А. Нюренберга.

Письмо Одесского художественного музея, 25 декабря 1970 г.

Сотрудница музея Л. Ковальская сообщает Нюренбергу о решении закупочной комиссии музея о приобретению его работ. В письме упоминается скульптор М. Гельман, который участвовал на организованной Нюренбергом в 1919 г. в Одессе 1-й народной выставке.

Уважаемый Амшей Маркович!

Из письма, которое было отправлено недели три назад, Вам, очевидно, стало известно, что в нашем музее теперь уже новый директор — Владимир Федосеевич Яценко.

Работы, подаренные Вами, были встречены с большим интересом. Они уже внесены в музейные инвентари. Закупочная комиссия их рассматривала. О результате Вам сообщат.

Макс Исаевич Гельман очень интересовался моей встречей с Вами. Интересовался Вашими работами, Вашим здоровьем. Очень подробно расспрашивал, над чем Вы работаете сейчас, как выглядите. Он рассказывал мне о Вашей работе в Одессе, о том, что у него хранится журнал 1913 года с Вашей статьей. Макс Исаевич просил передать Вам и Полине Николаевне большой привет от себя и своей супруги.

Я же, пользуясь случаем, поздравляю Вас и Полину Николаевну с наступающим Новым годом и желаю Вам в Новом году всего самого доброго.

С искренним уважением,

Людмила Ковальская.

Письмо вдовы Бабеля А.Н. Пирожковой, Москва, 17 декабря 1971 г.

Вдова И. Бабеля сообщала Нюренбергу об издании в ближайшее время книги воспоминаний о Бабеле, куда должна была войти также и статья Нюренберга.

Куда: Москва, ул. Георгиу-Деж, 6, кв. 187, Нюренбергу Амшею Марковичу

От кого: Москва М-452, Азовская, 15, корп. 1, кв. 25, А.Н. Пирожкова

17 декабря 1971 г.

Дорогой Амшей Маркович,

Книга воспоминаний о Бабеле, наконец, пошла в производство, и я посылаю Вам верстку. Прошу просмотреть и прислать мне обратно с Вашей подписью.

Я давно не общалась с Вами и не писала Вам не потому, что забыла о Вас, просто сама была или очень занята, или очень подавлена.

Желаю Вам здоровья и благополучия,

Антонина Николаевна.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Энергия любви

К каждому настоящему художнику со временем приходит успех. Печально, если это случается в конце жизни, а то и после нее. Радостно, когда вовремя — в зрелые годы. Именно так счастливо складывается творческая жизнь одесского художника, замечательного акварелиста Андрея Герасимюка.

Можно было бы сказать, что успех задел его своим крылом еще два года назад, когда в Одесском музее западного и восточного искусства прошла его совместная (!) выставка с мэтром одесской живописной школы Орестом Слешинским. Но все-таки это было еще преддверие настоящего успеха. Именно за последний год Андрей Герасимюк "взял планку", выражаясь спортивной терминологией, о которой мечтают многие акварелисты мира. Его работы, преодолев конкурсы, в которых участвовали тысячи художников, попали на три престижнейшие выставки мирового класса — Королевского общества акварелистов в Лондоне, юбилейную выставку американского журнала "Артист мэгэзин" и петербургскую выставку, устроенную к 120-летию Общества русских акварелистов.

Чем же привлек жюри этих престижных вернисажей 39-летний одесский художник? Об этом чуть позже, а сейчас о другом, быть может, не менее важном. Нередко бывает, что признание к мастеру — художнику, писателю, режиссеру — приходит со стороны. В который раз повторяют: нет пророка в своем отечестве. К счастью, в случае Герасимюка все происходило не так.

В Одессе, окончив художественное училище имени М. Грекова в 1992 году, Герасимюк буквально с того же года включился в выставочный процесс. Через год-два его заметили и собиратели, и художественные критики. Помню, как радостью открытия Андрея Герасимюка делился с друзьями, с читателями газеты "Вестник региона", журнала "Одесса", альманаха "Дерибасовская — Ришельевская" Олег Губарь. У молодого художника уже около десяти персональных выставок. Так что успех к Андрею Герасимюку пришел не только из-за рубежа, но и укреплялся в Одессе.

Именно Одесса долгое время была главной "натурщицей" художника. Своей влюбленностью в непарадное, будничное, трогательно морщинистое лицо города Герасимюк делился со своими зрителями. "Захолустье", "Пятница", "Улица Дальницкая, 29" — вроде бы незамысловато называл художник свои акварели. Но в каждой была радость встречи — с солнеч-

ным городом, с дыханием моря, с игрой теней на штукатурке, была живая жизнь города, а не подарочный, выхолощенный набор "видов".

Для себя я сформулировал, что привлекает меня в этих листах. И назвал стиль художника "магическим реализмом".

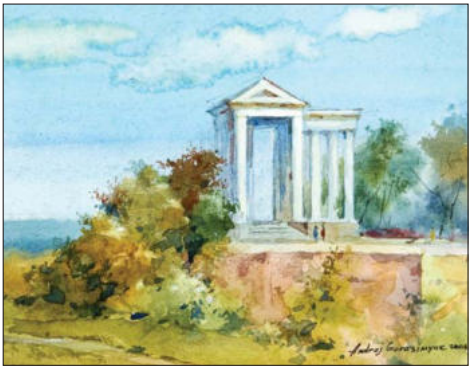
Как-то в последние десятилетия, после отрицания так называемого "социалистического реализма", который не был ни социалистическим, ни реализмом, а был помпезным пропагандистским плакатом, растиражированным в виде живописи, графики и многих других искусств, мы долгое время пугались понятия — реализм. Думаю, это уже в прошлом. Мы осознали, что у Рембрандта был свой реализм, у импрессионистов — свой...

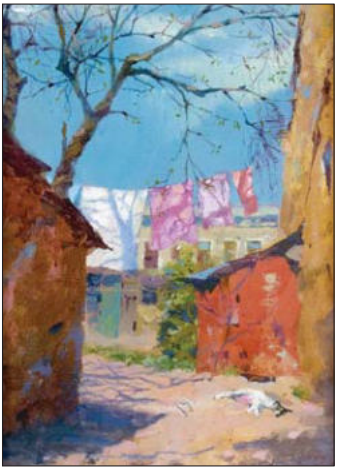
И вот эта радостная любовь к городу, к Черному морю, к неказистым крышам, к деревянным балконам во дворах, любовь, которая превращает город, в котором мы живем, в мифологизированный город, в поэму о городе, в лирические стихи, — и есть магия художнического взгляда, магический реализм Андрея Герасимюка.

Я мог бы назвать его акварели изысканными. И это было бы правдой. Я мог бы сказать, что в них декларируется отсутствие всякой демонстративности, они радостны и печальны, как сам город. И все же главное — они гипнотически привлекательны. И уже непонятно, то ли Одесса столь гипнотически завораживает зрителя, то ли Андрей Герасимюк погружает своего зрителя в одесскую медитацию, в одесскую нирвану.

Недавно ушедший от нас Сергей Князев писал, что "Одессу портретировали с рождения, но при этом как объект для творчества она не утратила своей актуальности. Одесский глаз воспринимает красивое как должное...". Полностью соглашаясь с этим тезисом, на примере Андрея Герасимюка хочу подчеркнуть, что и будничное, не яркое, обыденное в Одессе, если художник вложил в свое произведение энергию любви, мы воспринимаем как должное. Не надо "делать нам красиво", любовь, радость, естественность прекрасны сами по себе.

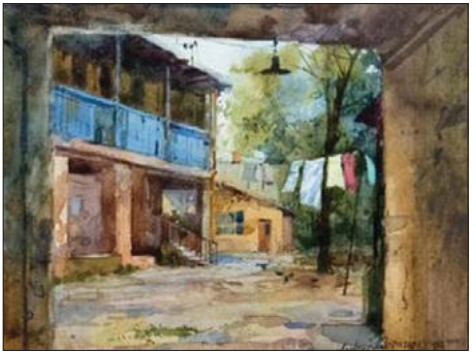
Параллельно основной теме — городскому пейзажу — в 2007 году у Андрея возникает серия иронических, фантазийных бытовых сцен. Красноречивы сами названия листов: "Гороховый суп", "Пиво", "Водка", "Молоко". Это жизнь взрослых, словно увиденная глазами ребенка, доведенная до абсурда. Но ничего карикатурного, сатирического, избави Боже, здесь нет. Это не в природе Андрея Герасимюка. Все та же добрая мягкая улыбка. Даже не ирония над миром, человечеством. Отнюдь. Это еще одна сторона жизни города, которую именно так, в шутливо-фантазийном круговороте, увидел художник.

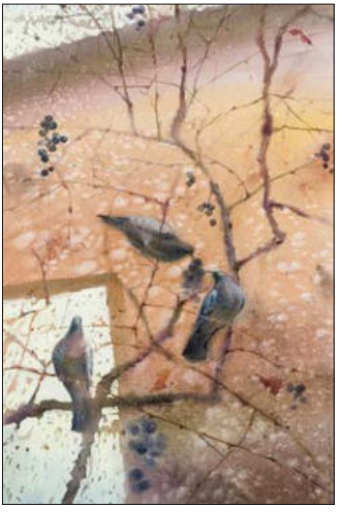

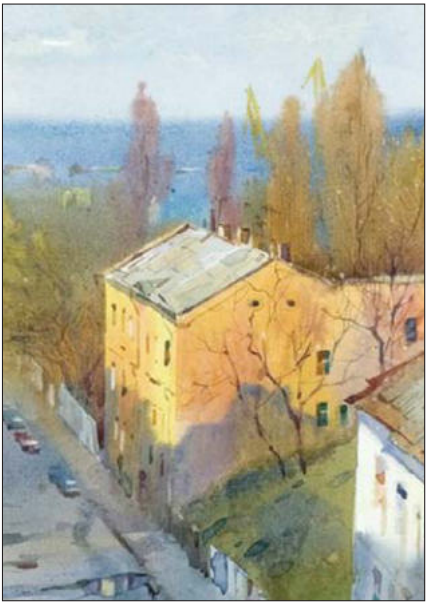

И наконец, акварели последнего года. В них острая неожиданная композиция. Все больше жизнь людей волнует мастера, жизнь людей в окружении домашних животных, в окружении предметов быта. Нет уже в живых отца Андрея, но он живет в его акварели, работает в яблоневом саду, и столько в нем незащищенной нежности, любви...

Энергия любви. Движущая сила, определившая смысл разговора художника со своим зрителем, с теми, кто легко отыщет акварели Андрея Герасимюка на любой, самой многолюдной выставке.

Несколько слов о технике письма. Акварель — трудная техника. В картине маслом художник много раз может писать и переписывать, менять композицию, детали, уточнять колорит. В акварели — виртуозном искусстве мгновенного действия — нужно сразу созидать уверенно и навсегда.

И вот тут Андрей Герасимюк, вопреки сложившейся традиции, внес изменения в привычный метод создания акварели. Он пишет ее в несколько сеансов. Возвращается. Накладывает еще один цвет, уточняет рисунок. Недавно он написал парный портрет двух сестер. Восемь сеансов работы. А ощущение, что все сделано на одном дыхании.

Верите или нет, но магический реализм существует. И подтверждают это акварели Андрея Герасимюка.

Феликс КОХРИХТ

Братяширман и рыжий мальчик

Так уж сложилось, что вернувшись осенью 1944 года из эвакуации, наша семья была вынуждена поселиться не в родной квартире на Софиевской, откуда мы в 1941 ушли из Одессы пешком по Николаевской дороге, а в коммуналке на Садовой, № 6. Вспоминаю, что тогда я вовсе не был этим огорчен и не разделял разочарования и обид взрослых. Мне наш новый дом нравился. И вот почему.

По соседству слева находилась грандиозная развалка Главпочтамта (так в послевоенной Одессе называли здания, разрушенные во время войны), и все окрестные пацаны, в том числе и я, играли здесь в казаков-разбойников.

Справа же, на Садовой, 2, находился цирк! Вернее, его тыльная часть, откуда вел путь на балкон и галерку. Билеты сюда были самыми дешевыми, но зато зрители сидели, а "галерочники" — стояли под самым куполом. Сюда-то и я ходил с родителями, но чаще "проканывал" в шумной толпе, грохочущей ботинками и сапогами по ступеням железной лестницы.

Теперь, спустя много лет, я понимаю, что билетеры не очень-то охотились на безбилетных — послевоенная Одесса была милосердной и снисходительной к инвалидам и детям, среди которых было немало сирот...

Но вернемся в Цирк моего детства. где уже ярко вспыхнули фонари и прожектора, прогремел вступительный марш, и Николай Львович — импозантный, во фраке и с черной бабочкой (потом я узнал, что он — шпрехшталмейстер), уже объявил первый номер большого представления с двумя антрактами. Как правило, его открывали жонглеры, акробаты, а затем действие перемещалось с арены к куполу — на радость тем, кто прошел в цирк с Садовой, № 2. Мы оказывались буквально лицом к лицу с тремя дамами крепкого телосложения, затянутыми в смущающие меня костюмы (я полагал их купальниками). Вот Сестры Кох под тихое "Ап!" старшенькой внезапно и синхронно кувырнулись на трапеции и повисли головой вниз, и начались их гляделки со смущенным пацаном, не знающим, куда деваться от их пытливого тройного взгляда из-под насурмленных ресниц...

Затем к нам, на галерку, не спеша и помахивая веером, чтобы сохранить равновесие, поднялся лидер канатоходцев (тоже — семейное дело), а за ним, переводя на ходу дух, — жена и две дочки, что вызвало оживление среди молодых инвалидов в солдатских шинелях и матросских бушлатах...

Но я в те годы (да и сейчас — тоже) из всех цирковых был более привязан к клоунам. Может быть, тому способствовал мой непоседливый нрав и склонность к эскападам, но, вероятнее всего, причина содержится в цвете моих волос — огненно-рыжем в детстве, да еще во вздыбленной в ту пору шевелюре.

Так или иначе — именно клоуны олицетворяют для меня Цирк, а с годами я нашел подобное признание в дневнике Федерико Феллини.

Первым клоуном, который произвел на меня сильное впечатление, был Карандаш со своей собачкой Кляксой. Он был уморителен, я хохотал над его проделками, но аплодировал ему хотя и щедро, но все же, скорее, как гостю — яркому, мастеровитому, но гастролеру, который укатит в столицу и забудет обо мне.

Но вот однажды Николай Львович объявил своим зычным голосом: "Весь вечер на манеже БРАТЯШИРМАН!" (так уж мне послышалось). И на ковер выбежали, спотыкаясь и толкаясь, три небольших человечка, из которых лишь один внешним видом напоминал клоуна — он был в смешной маленькой шляпе и пестром пиджачке, но по ходу действия преображался в циркового пожарного Чижикова. Второй из "братей" был типичным резонером в визитке с бабочкой и напускал на себя важность, полагая себя вторым, а то и первым, Николаем Львовичем. Третий же, в фуражечке-мичманке и тельняшечке, мало чем отличался от тех зрителей, которые толпились, как и я, у барьера галерки.

Разные характеры, разные костюмы, разные роли в искрометных миниатюрах, но во всем этом было главное — родное, одесское. И дело даже

не в нашем общем выговоре шипящих и тех еще интонациях. Сюжеты интермедий были построены, как говорится, на местном материале. При этом не только реалии, но и второй, третий план разыгрывавшихся сценок из нашей жизни были близки и понятны одесситам, хотя, как известно, братья Ширман имели большой успех по всему СССР.

Тогда, в начале 50-х годов ушедшего века, я вовсе не воспринимал их как родственников вроде сестер Кох, скорее — как смешное и трогательное трехголовое существо БРАТЯШИРМАН... И все же, признаюсь, что особо выделял ОДНОГО и следил за ним с далекой галерки, и мечтал, чтобы он поднялся к нам с арены по натянутой проволоке в своей шапочке...

Удивительно, но сегодня я уже не помню, был ли у него рыжий парик, но он был мне сродни...

...Братья Ширман вошли в золотой фонд Советского цирка. Как я позднее узнал, они родились в Одессе, здесь же стали артистами. Старший Александр (тот, что с бабочкой) и двое близнецов — Михаил в мичманке и Роман. Рыжий клоун моего детства.

Валентин МАКСИМЕНКО

Давид Макаревский: инженер и артист

Его знали многие, даже не знакомые с ним люди. По КВН (легендарное антре "Я ваша Мотя", например), по "Парнасу-2", по ТВ (цикл "Объективный объектив", сценки "На экзамене", "Братья Макакац"), по участию в "Комедиуме", в самодеятельных театрах города... Он был настоящим одесситом — неравнодушным, влюбленным в искусство, человеком с редким чувством самоиронии. У него было тонкое чувство юмора, которое, думается, никогда не позволило бы ему говорить "за Одессу", Давид чтил настоящую, а не "анекдотическую" Одессу.

Он ушел из жизни полтора года тому в Германии, где жил в последние годы (его пенсии вместе с зарплатой жены Люси в Одессе не хватало на еду и лекарства). Вскоре в Вюрцбурге собрались друзья Давида из разных стран, чтобы почтить его память. В сентябре минувшего года эта акция была продолжена в нашем городе Союзом театральных деятелей, а в октябре — на собрании Театрального общества, которым я руковожу уже треть века.

Он оставил нам три книги — "Про нас" (его уговорил написать о "Парнасе-2" М.М. Жванецкий), "Про мое", "Про этот нелегкий легкий жанр" (на написание последней книги Давида вдохновил В.И. Хаит). Выступая на одесском вечере памяти Макаревского, я предложил его друзьям написать коллективную книгу воспоминаний о нем. Надеюсь, что она состоится. Пользуюсь случаем обратиться за помощью в этом деле к потенциальным авторам — читателям.

Я не был особо близким с ним. После выхода первой книги, которая мне очень понравилась, откликнулся на нее теплой рецензией. Она тронула Давида (наверное, ее переслали ему друзья). Приехав в Одессу, он и Люся разыскали меня, подарили книгу с очень лестным автографом, который неловко воспроизвести: скорее всего, он в большей степени продиктован благодарным характером автора книги, чем особыми достоинствами рецензии. Давид сказал, что с выходом моего отклика его "поздравил сам Жванецкий", заметивший, что у него "нет недостатка в рецензиях, но такой не было".

На участие в вечере, состоявшемся в Одессе, на Нежинской, 77, меня пригласили... его друзья из Америки. Программа называлась: "Встреча друзей Давида Макаревского". Я благодарен им за такую честь.

Хочу рассказать о жизни и увлечениях Давида, пользуясь помощью его самого и тех, кто хорошо знал его.

"Я родился в еврейской семье (теперь об этом принято говорить с гордостью...) самых обыкновенных советских служащих. Родные мои любили театр, часто его посещали... Я полюбил театр с детства и играл в него с трех лет... Перед самой войной меня впервые повели в театр, на "Кремлевские куранты". Я себя хорошо вел. А в цирке я плакал из-за клоунов, у которых дыбом вставали волосы, из глаз и ушей текла вода. Папа обычно на это время выводил меня в фойе, чтобы я успокоился".

Музыку полюбил, слушая пластинки. Она осталась с ним на всю жизнь, как и... любовь к езде в городском транспорте. "Не было в Одессе такого маршрута, который бы я не освоил". Благодаря этому и отличной памяти Давид Макаревский описал исчезнувшие маршруты, остановки, даже некоторых кондукторов... Материал этот, мне думается, небезынтересен для истории города.

В годы войны в Горьком Додика, по его признанию, "сразу ошеломила оперетта". Вернувшись в Одессу, он становится заядлым театралом. В памяти Давида сохранились и оживают перед нами в его книгах герои той, старой оперетты, которая была в Одессе до приезда львовской, ставшей одесской, — Быховская, Высоцкий, Теплицкая, Соколинский, почти забытые деятели музыкальной комедии.

Драматические театры, оперный театр, эстрадные концерты входят в его жизнь навсегда. Он рассказывает о печальной судьбе отличного одесского театра Советской Армии. О Я. Заславском, с таким блеском игравшем Фильку-анархиста, что "бдящие идеологи" закрыли замечательный спектакль этого театра "Интервенция". Замечу, что через десятилетия подобная история случится в Москве: грандиозный успех Фаины Раневской в роли Маньки-спекулянтки (к счастью, сцена с Манькой снята на пленку!) приведет к изъятию этого персонажа из "Шторма", что станет роковым для постановки: зритель отвернется от нее, ведь на Раневскую специально приезжали, игнорируя "правильных" героев... Раневская страдала от потери любимой роли и писала мне об этом в одном из писем (наша переписка длилась около полутора десятилетий; приезжавшая в Одессу из Москвы аспирантка сказала мне, что по объему переданной Актрисой в ЦГАЛИ, ныне РГАЛИ, переписки моя с ней находится на втором месте, на первом — ее с Ахматовой, чем, не скрою, горжусь).

Давид вспоминает о молодом артисте театра Советской Армии Аркадии Каце, который вскоре станет замечательным режиссером, его талантливых постановках в Рижском русском (ныне загубленном) театре, в театре имени Вахтангова в Москве уже в наши дни.

Конечно, повзрослевший Дод, как называли его друзья, устремится в театр, захочет связать с ним свою профессиональную жизнь, но этому воспротивятся родные, которые потребуют, чтобы сын избрал "приличную" профессию. Он поступает в технический вуз, где основную часть времени проводит в... самодеятельности, а также в театре "Парнас-2", но все-таки завершит обучение "на инженера": "Думаю, в институте от меня просто хотели избавиться. Поэтому я получил квалификацию инженера-механика пищевых производств... И проработал тридцать лет на одном предприятии — на одесском заводе "Ветинструмент", который потом именовался по-разному... Начал я рядовым конструктором, потом был начальником отдела, был награжден почетным знаком "За заслуги в стандартизации СССР". Но рядом всегда шла театральная деятельность, и меня больше знали как Додика из "Парнаса", а позже — из КВН".

Давид вспоминает о первом послевоенном приезде в наш город Утесова и воспроизводит такую деталь: "Утесов не мог пройти в оперный — такое там творилось, публика подняла его на руки и внесла в здание театра... Почти все номера бисировались". Но более значима другая воистину поразительная деталь. Читатели, возможно, знают об этом: некоторые люди обвиняли Утесова, что в последние десятилетия жизни он много говорил о любви к нашему городу, но не приезжал сюда. Макаревский рассказывает об эпизоде, который известен сегодня немногим. "Последний приезд Леонида Осиповича в Одессу был вообще из ряда вон выходящим. Одесса праздновала 25-летие освобождения от фашистов. Был организован большой концерт в оперном театре. Но Утесова не пригласили. Тогда он вместе с Табачниковым, тоже одесситом, приехал в Одессу на собственный счет. И спел на концерте песню Модеста "У Черного моря" под аккомпанемент автора. Успех был ошеломляющий. После концерта городские власти устроили банкет (а это они умеют делать по сей день), но Утесова и Табачникова на него не позвали. Они тихо собрались и опять за свои деньги уехали и Москву. Больше Утесов в Одессу на гастроли не приезжал".

На страницах книг Макаревского возникают сотни интересных персонажей. Некоторые из них могли бы просто исчезнуть в Лете. Режиссер и супруг Лии Бутовой Лазарь Абелиов, артист эстрады Николай Креминский (с его знаменитым номером "А Вова все танцует...", оторвавшимся от автора), не ставшие формально профессионалами талантливые чтицы Маргарита Бутенко и Галина Ефимова, артисты оперетты Крыжановский и Либерро, Николай Удод (многие ли сегодня помнят, что он был в молодые годы "хорошим вокалистом, который дважды бисировал (то есть *три-*

*сировал. — **В. М.**)* арию Джима Кеннона "Цветок душистых прерий"?), Д. Шевцов, Н. Кочкин, актриса Русского театра Н. Динтан (может быть, театралы старшего поколения помнят ее Бабушку в "Обрыве", а многие наверняка знают ее княгиню Воляпюк в экранизации "Сильвы", осуществленной в 1944 году, хотя и не могут назвать имя исполнительницы), коверный Ж. Энгель, позднее перешедший в оперетту (к слову, он отец актрисы Розы Энгель-Балашовой, которая успешно работала в одесском Русском театре, а завершала карьеру в Ленинграде)...

На страницах книг Макаревского появляются имена шпрехшталмейстеров, администраторов, билетеров (например, "дядя Йося", отец Ефима Березина — "Штепселя"), контролеров... Вспоминаю двух героинь книг Макаревского — контролеров филармонии. "Мы ходили в Горсад (там был почему-то ныне не функционирующий Летний театр, где мне, например, довелось слушать Вертинского, Кондрашина, Мирошниченко и многих других музыкантов. — **В. М.**) каждый день. У нас был налажен проход: мы на контроле давали по 30 копеек, входили и стояли внутри, у забора весь вечер. Обычно с 9 до 12. На контроле в Горсаду, а зимой в концертном зале Филармонии работали две очень колоритные личности — Крылова и Грызоцкая. У Грызоцкой в то время уже руки тряслись. Она всегда просила: "Мальчики! Не давайте мне мелочь. Соберитесь и давайте мне бумажные деньги". И мы это делали. А Крылова, если мы попадали к ней, говорила: "Вы опять ходите через ту бандитку! Я больше не буду вас пускать". Однако пускала. Но мы всегда будем благодарны этим двум женщинам, которые давали нам возможность за небольшую мзду приобщиться к большому искусству".

Мне близко это чувство Давида. Работая над книгой о 200-летней истории Театра оперы и балета, я включил в число ее героев администраторов оперного М.С. Арановича, М.П. Линского, контролеров Нину и Веру, которым "фанаты" обязаны многими встречами с искусством певцов и танцовщиков Большого театра и, как теперь говорят, дальнего зарубежья. Нины и Веры уже нет на свете, а благодарное чувство живо...

Давид рассказывает о коллективах "Гамбринуса", "Балагана-78", "Ришелье" "Комедиума", становясь их летописцем. И если бы не он, многое в культурной жизни Одессы оказалось бы забытым.

Он рассказывает о знаменитом одесском конферансье Аркадии Астахове (кстати, в 2008-м году исполнилось сто лет со дня его рождения), о Елене Гловацкой, о Евгении Дембской ("Евгения Михайловна прекрасно танцует, поет, вообще блестящая женщина до сих пор"), о друге, режис-

сере, актере, завлите Зиновии Аврутине, ныне живущем в США, о пианисте-виртуозе Эрнесте Штейнберге, о драматурге Георгии Голубенко...

Очень интересен и информативен рассказ Макаревского о капустниках Дома актера (сам участник многих, он стал и здесь летописцем жанра), а также консерватории, в которых принимали участие даже ректоры и такая "гран-дама", как О.Н. Благовидова.

Книги Макаревского — это в значительной мере воспоминания. Он, как я уже заметил, человек благодарный, Еще несколько примеров.

Давид Макаревский с Михаилом Жванецким

"Лидия Всеволодовна Гладкая ведала в нашем городе культурой... Занималась этим делом вполне компетентно (это так редко бывает, ведь не случайно родилась фраза "посадили на культуру". — **В. М.**). Я часто сталкивался с нею и в мою бытность в КВН, и при подготовке капустников в Доме актера всегда она выказывала себя очень объективным зрителем и глубоко порядочным человеком. Ее суждения всегда были справедливы, а ее предложения и советы — полезны... Конечно, ее потом убрали из обкома и перевели преподавать в институт. Но она всегда оставалась желанной гостьей на наших выступлениях, капустниках. С нею было интересно беседовать, советоваться. Хороший человек!.." Согласен. Наверное, Л.В. Гладкая об этом не помнит, но однажды она помогла мне, не члену партии, восстановить справедливость. Здесь не место для рассказа об этом в деталях, но не могу не воспользоваться случаем поблагодарить ее за добро, сделанное 42 года назад. (А обком давил, успешно выдавливал из Одессы даже Жванецкого, Ильченко, Карцева... Хорошо это помню как член худсовета филармонии.)

Макаревский благодарно вспоминает не только партийных, но и советских деятелей, в частности, Т.А. Овчаренко, Т.А. Сазонову, комсомольских секретарей В. Бондарчука, Н. Бабина. "Именно этим людям мы обязаны нашей общей радостью, нашим братством".

С особой теплотой Макаревский вспоминает практически каждого, кто работал в театре "Парнас" (и не только актеров, авторов и режиссеров!).

...Он уехал в Германию, где продолжал работать над третьей книгой, уже будучи тяжело больным. Мужественно переносил мучительные боли. Спешил успеть. Ему не довелось вычитать набранную рукопись. Но он успел увидеть книгу. (Грустно, что Давид не успел прочесть рецензию на нее...) Макаревский так простился с нами: "Мне было интересно повспоминать многое увиденное в жизни, а кое в чем и иметь удовольствие участвовать. К сожалению, кончилась та Одесса, которая была легким жанром, — веселой, светлой, яркой... Но человек живет надеждой. И я надеюсь, что все еще может вернуться. Что Одесса станет первоклассным курортом, центром юмора и музыки, городом радостных людей, городом у Черного моря, "который я вижу во сне".

Спасибо Давиду за честно прожитую жизнь.

Софья ЛЕБЕНЗОН

О.Э. Мандельштам — читатель

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.
О.Э. Мандельштам, 1909

По сохранившимся воспоминаниям об О.Э. Мандельштаме трудно решить, чему он научился раньше — читать нотные или книжные страницы. Автобиографическая проза "Шум времени", "Египетская марка"... позволяет допустить, что он овладел той и другой грамотой примерно в пятилетнем возрасте. Хорошо помнил старые "Лейпцигско-тюбингенские издания Шиллера, Гете, Кернера, Шекспира "по-немецки".

На домашних полках выше других книг стоял Пушкин в издании Исакова 1876 года.

"Я до сих пор думаю, что это прекрасное издание, оно мне нравится больше академического... Цвет Пушкина? Всякий цвет случаен... У Лермонтова переплет был зелено-голубой и какой-то военный, недаром он был гусар. Никогда он не казался мне братом или родственником Пушкина. А вот Гете и Шиллера я считал близнецами...

А что такое Тургенев и Достоевский? ...На Достоевском лежал запрет... Тургенев был разрешенный и открытый с... "Вешними водами". В книге С.Я. Надсона видел конец эпохи, в которой жил Семен Яковлевич, считал "надсоновщину" загадкой русской культуры... непонятным ее звуком". Позднее понять поэта и его поколение Осипу Эмильевичу помогли письма и дневники Надсона.

Мать поэта Флора Осиповна Вербловская — великолепная пианистка и замечательная учительница музыки — много внимания уделяла интеллектуальному развитию детей, и особенно музыкальному. Очевидно, присущее Осипу Эмильевичу звуковое восприятие мира — ее особый дар первенцу.

В 1900 г. стал учеником Тенишевского училища, тогда одного из лучших в стране. В 1905 г. юный тенишевец прочел несколько работ А.И. Герцена. Потом писал, что политические мысли Александра Ивановича звучат как Бетховенская соната.

В 1914 г., словно продолжая раздумья, опубликовал благодарственную "Оду Бетховену":

С кем можно глубже и полнее
Всю чашу нежности испить?
Кто может ярче пламенея,
Уменье воли освятить?

В училище преподавал словесность талантливый учитель В.В. Гиппиус. На всю последующую жизнь Осип Эмильевич сохранил негаснущее восхищение им. Считал, что именно у Владимира Васильевича научился воспринимать литературу и музыку разных веков, как современник.

По окончании уехал в Париж, где записался на факультет словесности Сорбонского университета. Не пропустив ни одной, затаив дыхание, слушал блистательные лекции Анри Бергсона об интеллекте, памяти, интуиции, сознании. Одновременно читал Франсуа Вийона, Шарля Бодлера, Поля Верлена...

В письме Гиппиусу от 14 апреля 1908 рассказывал: "...Я прошел 15 лет через очистительный огонь Ибсена... Толстой и Гауптман — два величайших апостола любви к людям — воспринимались горячо, но отвлеченно...

Мое религиозное сознание никогда не поднималось выше Кнута Гамсуна... поклонение "Пану, то есть неосознанному Богу, и поныне является моей "религией"... В Париже я прочел Розанова и очень полюбил его... Я не имею определенных чувств к обществу, Богу, но тем не менее, люблю жизнь... Отсюда — понятно мое увлечение музыкой жизни, которую я нашел у некоторых французских поэтов и Брюсова... Не занимаюсь почти ничем, кроме поэзии и музыки". В том письме добавил, что написал о Верлене, Роденбахе и собирается писать о Гамсуне и Сологубе.

П. Верлен, о котором Осип Эмильевич упоминает также в статье "Франсуа Виллон", представлялся ему "Астрономическим чудом".

Что до Ж. Роденбаха, то О. Мандельштама привлекали лишь художественные особенности его стихотворений и романов, но не религиозные воззрения. В том же году появились строки:

В непринужденности творящего обмена
Суровость Тютчева — с ребячеством Верлена —
Скажите — кто бы мог искусно сочетать,
Соединению придав свою печать?

В 1915 году, перечитывая Г. Флобера и Э. Золя, писал:

О, спутник вечного романа,
Аббат Флобера и Золя —
От зноя рыжая сутана
И шляпы круглые поля.

В.Ф. Ходасевич в статье "О. Мандельштам. "Tristia" стихи 1922" отмечал "поэтический дар, ум и образованность" поэта. Сам Осип Эмильевич был убежден, что основа образованности человека в понимании музыки Глюка, Моцарта...

О трехтомнике Палласа "Путешествие по разным провинциям Российского государства" писал: "Кто не любит Генделя, Глюка, Моцарта, тот ни черта не понимает в Палласе. Вот уж книга не для длинных ушей". В книге "Музыка и ее тайное влияние в течение веков" (Лондон, 1951) Сирилл Скотт аналогично подчеркнул, сколь велико духовное воздействие ораторий, опер и секвенций Генделя, Глюка на человечество.

Читателем Мандельштам был уникальным. Поражает как количество, так и подборка прочитанного. При чтении у него неизменно возникало очень активное отношение к книге; всегда свое неожиданное мнение о ней. Был уверен: "Из всего материального... книга предмет, внушающий человеку наибольшее доверие".

Юноша-поэт привлекал собеседника искренностью чувств и обширностью знаний. А. Корин (2002 г.) приводит запись из дневника С.П. Каблукова от 18.08.1910 г.: "...я полюбил его (Мандельштама) за чуткость и тонкость переживаний и вполне соглашусь с его суждениями об Анненском и Малармэ как о великих поэтах, о Бальмонте... о значении Баратынского и Дельвига... Осип много читал мне стихов своих и Брюсова, и В. Иванова...".

Мандельштам считал, что "Происхождение видов" Ч. Дарвина не соната, не симфония, а скорее сюита. Ознакомившись с "Системой природы" К. Линнея и 30-ю (!) томами "Естественной истории" Ж. Бюффона, записал: "Линней, Бюффон и Паллас окрасили мою зрелость... Я заключил перемирие с Дарвином и поставил его на полку с Диккенсом. Нельзя не пленяться добродушием Дарвина. Он непреднамеренный юморист". И продолжал, словно речь о музыкальном произведении: "Ламарк слышит паузы и синкопы эволюционного ряда. Он выплакал глаза в лупу. Его слепота равна глухоте Бетховена". В истинной науке Осип Эмильевич

ощущал поэзию, а отделить ее от музыки был просто не в состоянии (Р. Пшибыльский, 1977).

Поэтические строки Мандельштама "Домби и сын" появились еще в 1913 г.:

У Чарльза Диккенса спросите,
Что было в Лондоне тогда:
Контора Домби в старом Сити
И Темзы желтая вода...

В 1912 г. К. Мочульский обучал Осипа греческому языку, потом вспоминал: "...он превращал грамматику в поэзию и утверждал, что Гомер — чем непонятнее, тем прекраснее. Мандельштам не выучил греческого, но отгадал его". А прочитав стихотворение "Нашедший подкову" (с подзаголовком "Пиндарический отрывок"), Мочульский отметил, что эти стихи Мандельштама (1923) "...вызывают изумление, слова звучат странной, непривычной музыкой. Кажется, что написаны они на чужом языке, древнем и торжественном, как язык Пиндара". (Пиндар — древнегреческий поэт, автор торжественных хоровых песнопений.)

В 1922 г. в статье "Заметки о поэзии" Осип Эмильевич подчеркнул несовпадение "поэтической грамотности... с грамотностью обычной... даже с литературной начитанностью", и считал, что критикам не следует произвольно разъяснять поэзию, они должны исходить из объективного исследования, определяемого наукой о поэзии.

В том же году в эссе "Конец романа" заметил, что "греческая повесть "Дафнис и Хлоя" считается первым европейским романом — его движущая сила в заинтересованности читателя. В последующем длительное время "форма романа совершенствовалась и крепла как искусство заинтересовывать судьбой отдельных лиц". При этом, как считал Мандельштам, крепла и фабула, и психологическая мотивировка событий. Флобер и Гонкуры называются в статье романистами-психологами, они "за счет фабулы уделяли все внимание психологическому обоснованию и блестяще справились с этой задачей". Если поначалу героями романа были незаурядные, одаренные люди, то "на склоне европейского романа" его заменило "общество, как, например, у Бальзака или Золя".

Примером последнего биографического европейского романа "его "лебединой песней" Осип Эмильевич называет "Жана Кристофа" Ромена Ролана. Заключая, считает, что современный ему роман (двадцатые годы XX столетия) лишился и фабулы, и психологии, которая "не обосновывает уже никаких действий".

Естественно, читал современных ему соотечественников. Незабываемые поэтические строки Осипа Эмильевича посвящены А.А. Ахматовой, Н. Гумилеву, М.И. Цветаевой, Лозинскому, другим.

К.И. Чуковский в 1928 г. о своем "Некрасове" записал отзыв Мандельштама: "...герой, подлинный, страдающий и любимый... которого не сужу, как судят героев романисты нашей эпохи".

Оказавшись в Армении (1930 г.) в Государственной библиотеке А. Фирдоуси, получил стопку синих томиков числом, "кажется, восемь" (это было французское издание Моля). На следующий день Осип Эмильевич записал: "В персидской поэзии дуют подарочные ветры из Китая", — и добавил, что эта поэзия еще тысячелетиями станет одаривать, кого пожелает, своей красотой.

Чтение предпочитал на языке оригинала. Перечитывал на французском "Творческую эволюцию" А. Бергсона, в 1927 г. порадовался тому, что автор был удостоен Нобелевской премии. В статье "О природе явлений" коснулся и взглядов Бергсона о системе явлений.

Многократно возвращался к Гете, нередко цитируя его. На полке любимых книг стоял томик "Гимны в ночи" Новалиса (псевдоним Фридриха Харденберга). Стихотворение, написанное восьмого августа 1932 г., назвал именем поэта Христиана Клейста с эпиграфом:

Freund! Versaume nicht zu leben
Den die Jahre fliehen

.....

Eward Christian Kleist

Есть между нами похвала без лести,
И дружба есть в упор без фарисейства,
Поучимся ж серьезности и чести
У стихотворца Христиана Клейста...

В статье "О природе слова" Мандельштам указал, что если Пушкин (и все его поколение) прочли и "преодолели Шенье", то поколение В.Ф. Одоевского знало Ф. Шеллинга, Э. Гофмана и Новалиса. Известно, что и сам Осип Эмильевич ценил тонкую иронию и причудливую фантазию Эрнста Гофмана, его роман "Житейские воззрения Кота Мурра".

В "Заметках о Шенье" — обратил внимание на принадлежность Шенье "к поколению французских поэтов, для которых синтаксис был золотой клеткой...". Ту клетку, как считал, построил Ж. Расин. "Синтаксическая свобода поэтов Средневековья: Виллона, Рабле... осталась позади, а романтическое буйство Шатобриана и Ламартина еще не начиналось".

Мандельштаму было за 40, когда он решил перечесть Данте и, в первую очередь, "Божественную комедию" в оригинале. Специально выучил итальянский язык, поразился при этом числу рифмующихся в нем слов. Осип Эмильевич всегда ощущал мелодичность и интонационную свободу стихов К.Н. Батюшкова; называл его "записной книжкой нерожденного Пушкина" ("Черновые наброски к "Разговору о Данте"). В июне 1932 г. писал:

Словно гуляка с волшебною тростью,
Батюшков нежный со мною живет.

И пояснил, что не только оттого, что

— Ни у кого — этих звуков изгибы...
— И никогда — этот говор валов...

а потому, что Константин Николаевич был еще и "оплакавшим" другого великого итальянского поэта — Тассо Торквато (1544-1595 гг.).

Возможно, учитывая отношение А.С. Пушкина к Ариосто (1474-1533), перечитал найденные его сочинения, в том числе поэму "Неистовый Орланд", а 4-5 мая 1933 г. выплеснулось стихотворение "Ариост".

Во всей Италии приятнейший, умнейший,
Любезный Ариост немножечко охрип
.....
На языке цикад пленительная смесь
Из грусти Пушкинской и средиземной спеси —
Он завирается, с Орландом куролеся...

В тех же "Черновых набросках..." Мандельштам отметил, что Пушкин был "втянут в гармоническую сферу Ариоста и Тасса" и, как и великие итальянские поэты (имея в виду Данте, Ариоста и Тассо), считал поэзию роскошью, "но роскошью насущно необходимой".

Увлекшись, перевел и три сонета Ф. Петрарки (1304-1374) о беге времени из "Книги песен".

"Разговор о Данте" Осип Эмильевич написал во второй половине мая 1933 года. В "Божественной комедии" он усматривал вершину итальянской речи и одну из стартовых площадок всей европейской культуры.

Данте создавал свое произведение в трудное время изгнания — с 1307 по 1321 годы, назвал его "Комедия". Тогда так обозначали все сочинения с благополучным концом. Лишь восхищенный Д. Боккаччо в монографии "Жизнь Данте Алигьери" (1360 г.) употребил эпитет "Божественная", и под этим именем поэма известна на многих языках все последующие столетия. Хотя во времена Данте поэты слагали стихи на латыни, он еще с юности писал на итальянском, на языке общения своего народа.

Уже в начале "Разговора..." есть предупреждение: чтение Данта "бесконечный труд, по мере успехов отдаляющий нас от цели" (Цель за горизонтом?!). Да и сам Данте не скрывает: чтение поэмы требует образованности, поэтому учитель для него моложе ученика, так как быстрее свершает бег по ее терцинам. Все-таки Мандельштам словно успокаивает: "Divina Comedia" не столько отнимает у читателя время, сколько наращивает его подобно исполняемой музыкальной вещи". И поясняет, отчего темой "Разговора..." избран Дант: "...он самый большой и неоспоримый хозяин... поэтической материи, самый ранний и, в то же время, самый сильный... дирижер поэтической композиции".

Но если Данте "самый, самый", то почему он путешествует в сопровождении Вергилия? Узнаем: Вергилий предотвращает неловкости, которые допускает Данте — разночинец 14-го века, "коррегирует и направляет течение" событий.

Осип Эмильевич называет Вергилия "повивальной бабкой", а Беатриче (Б. Портнинари, 1266-1290 гг.) "вдохновительницей" "Божественной комедии".

В "Разговоре..." показана автобиографичность поэмы — в ее строках о корабельной корме тоска по Флоренции, из которой великий автор "Божественной комедии" был изгнан. "Если бы мы научились слышать Данта, нам стали бы понятны многие его предугаданья. Они осуществились в последующие века". В их числе создание ряда музыкальных инструментов, необходимых для оркестра, да и сам симфонический оркестр, и даже палочка для его дирижера предсказаны Данте".

Мандельштам воспринимал песни, из которых состоит "Божественная комедия", как "партитуры особого... оркестра, в которых... арии и ариозо... достигшие драматической зрелости, как, например, "кантилена Франчески". Известно, что в 1904 г. она реализовалась в опере "Франческа да Римини" С.В. Рахманинова на сюжет одного из эпизодов поэмы Данте.

Осип Эмильевич указал, что немыслимо читать песни поэмы, не "оборачиваясь к современности". Они — "снаряды для уловления будущего".

Как положено исследователю, Мандельштам, заключая "Разговор...", сформулировал задачу следующих изысканий: рассмотреть "соподчиненности порыва и текста" в поэме великого Данте.

В Воронеже более года Осип Эмильевич почти ежедневно общался со ссыльным С.Б. Рудаковым. Обсуждали собственные рукописи, вопросы филологии, критики.

В июне 1936 г. С. Рудаков, собираясь покинуть Воронеж в связи

с окончанием срока своей ссылки, испросил у Мандельштама разрешения скопировать рукопись "Разговора...". Тем самым спас ее от уничтожения во время последнего ареста поэта (А. Корин, 2002).

После публикации "Разговора о Данте" в рецензии на произведение М.Л. Баткин (1973) писал, что в мировой литературе о "Божественной комедии" ничего подобного написанному Мандельштамом не было и нет.

Отдельные письма поэта, сохранившиеся за годы ссылки, отражают его продолжающиеся размышления о словообразовании в русском языке.

Еще в 1932 г. поэт обратил внимание на то, что "слово размножается не гласными, а согласными... Свои мысли он иллюстрировал, перечисляя поэтов, обогативших русский язык, начиная с Тредьяковского и завершая Пастернаком и Хлебниковым.

В декабре 1936 ссыльный поэт, ряд лет не публиковавшийся, писал Н.С. Тихонову: "...Посылаю Вам две новых пьесы. Одна из них "Кащеев кот". В этой вещи я очень скромными средствами при помощи буквы "ща" и еще кое-чего сделал материально кусок золота. Язык русский на чудеса способен: лишь бы стих ему повиновался, учился у него и смело с ним боролся...".

Если письмо Тихонову никаких последствий не имело, то В.П. Ставский в ответ на письмо поэта (март 1938) с новыми стихами обратился к Н.И. Ежову с просьбой "решить вопрос о Мандельштаме".

2 мая 1938 г. Осип Эмильевич Мандельштам по приказу Н.И. Ежова был арестован.

На первом же допросе он не только подтвердил, что является автором контрреволюционных стихов, но еще и продиктовал неизвестные следователю опасные свои строки.

В декабре в лагере начался сыпной тиф. Заболел и Мандельштам. В одной камере с ним с ноября 1938 г. оказался Ю.И. Моисеенко, тоже бывший тенишевец. Он вспоминал: "...Такой он был хилый, беспомощный, и вдруг такой духовно сильный, такое мужество! За все время ни разу не пожаловался. Ни разу! Только на вопрос соседа о самочувствии отвечал: "Слабею". (Э. Поляновский, 1992). 27 декабря 1938 г., когда по приказу всех вывели в баню, Осип Эмильевич упал и мгновенно умер.

Те, кто запомнил Мандельштама по камере, потом говорили, что он был молчалив, неизменно вежлив, на редкие просьбы почитать стихи порой произносил строки Пушкина. "Единственный раз, отвечая Юрию Илларионовичу на вопрос: "За что?", тихо проговорил: "Мы живем, под со-

бою не чуя страны". Кто-то из сокамерников видел, что иной раз писал на сложенном в тугие маленькие (с ноготь) квадратики обрывке бумаги. Что? Уже не узнать. Возможно, даже теперь не все из созданного им опубликовано. Семь десятилетий отделяют нас от гибели О. Мандельштама, выдающегося Читателя. Неисчерпаемая образованность, яркое, не имеющее аналогов восприятие прочитанного, изложенное в сохранившейся части его многогранного литературного наследия, останутся во Времени как свидетельство высочайшего служения Книге, Познанию, Языку, Людям.

Арад, Израиль

Поэт одесского порта

Я верю в весну. Верю, что когда-нибудь мы все — понимающие друг друга и глубоко чувствующие — соберемся вместе, и жить будет веселее.

Лазарь Кармен

Бытописатель одесского дна, защитник босяков, беспризорников, проституток. Лазарь Кармен. При звуках этого имени представляется высокий, смуглый, уверенный в себе брюнет. В действительности Лазарь Моисеевич Корнеман (1876-1920) был совершенно иным.

Василий Львов-Рогачевский вспоминал: "Когда я встретил в редакции газеты этого горячего и преданного друга обездоленных, <...> я не верил своим глазам: передо мною стоял хрупкий и кроткий человек с серо-голубыми глазами романтика, с нежно-девическим лицом и светло-золотистыми кудрями... Он был воплощением простоты, искренности и нежности". Таким же описывал его и Корней Чуковский: "Кудрявый, голубоглазый, румяный, сентиментальный, восторженный, он бросается меня обнимать <...> Я разделяю его энтузиазм вполне. Он близко связан с рабочими одесских предместий. В порту у него много друзей среди "босяков" и грузчиков".

"Сын служащего торговой фирмы и сам мальчик-приказчик, он полюбил литературу и весь отдался ей. "Я был в порту, — говорил мне Кармен, когда провожали уезжавшего из Одессы на Сахалин фельетониста Дорошевича. Проводы его произвели на меня такое сильное впечатление, что я решил во что бы то ни стало и самому стать писателем"— из некролога Кармену.

И он стал писателем. Его очерки моментально поднимали тираж газеты на 600 экземпляров — для того времени цифра более чем приличная. Ими зачитывались, их запрещали — две стороны признания.

В Одессе начала двадцатого века имена трех молодых журналистов были на слуху у всех — Жаботинский, Кармен, Чуковский. В "Повести моих дней" Владимир Жаботинский вспоминал об этом времени: "Когда мы входили с ними в кафе, соседи перешептывались друг с другом: может, было бы лучше, если бы мы не слышали, что они шептали, но, поверьте мне, они пели нам дифирамбы, и Кармен подкручивал кончики своих желтых усов, Чуковский проливал свой стакан на землю, ибо его чрезмерная скромность не позволяла ему сохранить спокойствие духа, а я в знак равнодушия выпячивал свою нижнюю губу, хотя и знал, что в этом не было надобности — она и без того была достаточно выпяченной от природы...".

Можно сказать, что слава Кармена была международной: "Дикари" переведены

на немецкий язык и изданы толстой изящной книжкой в Дрездене под названием "Die Wilden". Мне сообщают, что она имеется во всех библиотеках Вены и о ней хорошо отзываются. Перевела "Дикарей" с моего согласия некая Юлия Гольдбаум, переведшая Гаршина и Горького. Удивительно хорошо переведено. Она хочет перевести еще на французский язык. Цена книжки две марки. У меня есть один экземпляр. Хотел бы послать, да не могу пока. Он ходит по рукам. Меня поздравляют" (из письма Л. Кармена к К. Чуковскому).

Очень трогательная история любви описана самим Карменом в письмах к Чуковскому:

"Я в течение долгого времени встречал на Преображенской улице гимназисткублондинку с удивительно интересным, милым, открытым, улыбающимся лицом, не похожим на пошлые лица многих одесситок. И я постоянно провожал ее взглядом. Я долго потом вспоминал ее образ. И можешь себе представить мое изумление, когда однажды я встретил (4 месяца назад) ее в фойэ городского театра, гуляющей с одним знакомым. Я попросил его познакомить меня с нею, и знакомство состоялось. Она пригласила меня домой. Я не замедлил воспользоваться ее приглашением. Я разговорился с нею и убедился, что имею дело с умной, серьезной девушкой, стремящейся к свету, нетронутой натурой, которой не чуждо современное движение в России. Она с блестящими глазами говорила о людях, которые жертвуют собой на пользу идеи, иронически отзывалась о людях, которые очень узки в своих стремлениях, между прочим, выразила удивление по поводу того, что мы — журналисты — в стороне от общего движения, и рассказала, что она в настоящее время занимается с 10 фабричными девушками, после этого я стал встречаться с нею часто, и в одно прекрасное утро я проснулся влюбленным. Понимаешь, я, который в жизни не написал ни одной строчки о влюбленных, который смеялся над романами, где говорилось о любви, который пожимал плечами при виде страданий Вертера на сцене городского театра, был влюблен. Я отбился от работы и все думал о ней. И ты думаешь, я досадовал за свое неожиданное чувство? Напротив, — безмерно радовался. Я чувствовал, что у меня выросли крылья и я облагородился. Тоска, мучившая меня, грызшая как зверь, доводившая до слез, и вечная мысль о самоубийстве покинули меня. И я стал говорить себе — наконец я нашел человека, который будет мне близок, который поймет меня, который согреет меня, позволит положить голову на свои колени и даст мне возможность выплакать все свое горе, накопившееся годами, и все обиды.

Она знала меня давно по фельетонам и относилась ко мне хорошо. Когда я рассказывал подробности из своих наблюдений, она слушала меня постоянно молча. У нее удивительная привычка молчать и мало говорить. Но в то время, когда она молчит, голова ее много работает, и она изредка вставляет две-три фразы.

...Она послала мне из Вержболова карточку-открытку. На открытке изображен юноша, сидящий в кабинете и окруженный книгами. К юноше в белом облаке спускается прекрасная молодая девушка и говорит ему: "иди в долину слез". Я сказал Дине — "идем

вместе туда". Она согласна. А это — жертва с ее стороны, так как она, благодаря своей красоте и хорошим качествам, могла бы пойти в долину роз, а не в долину слез. Кроме слез, я не могу ничего обещать ей. Зато я обещаю ей интересную жизнь. Мы будем гореть, жить страданиями других, жить с пользой, и она должна будет считать себя уже удовлетворенной тем, что спасла меня — одинокого, от тоски и быть может, самоубийства" (Из письма 1903 г.).

В ноябре 1906 года у Лазаря и Дины родился сын Роман (в будущем знаменитый кинооператор).

В 1906 году Кармен переехал в Петербург (как и Чуковский). Но если для Чуковского переезд стал ступенькой к славе литературного критика, то Кармен, с его романтическим стилем, столь любимым одесситами, в северной столице особо не прославился. Да, он много печатался, но не в ведущих журналах, а в таких, как "Пробуждение", "Новое слово", "Журнал для женщин". В 1910 его портрет попал в альбом "Галерея современных писателей". То есть слава как бы есть, но уже не та, что в Одессе.

Впрочем, в родном городе его по-прежнему обожают. Валентин Катаев: "Я тоже, будучи еще гимназистом и разнося свои незрелые стишки по редакциям одесских газет, однажды увидел Кармена. Он уже в то время был известным столичным писателем, приехавшим в свой родной город и зашедшим повидаться со своими бывшими товарищами — хроникерами и репортерами. Вижу мрачную редакционную комнату с огромным столом, за которым обычно наскоро писали на узких полосках бумаги свои материалы человек десять низшей газетной братии... Комната была наполнена табачным дымом, запах которого смешивался с тем особым запахом керосина, типографской краски, светильного газа и еще чего-то, свойственного лишь газетным помещениям. Кармен был окружен кольцом своих бывших коллег, взиравших на него как на некоего небожителя, — с чувством любви, восторга и гордости, с легким оттенком печальной зависти. Шутка ли? Столичный писатель, звезда! А ведь был таким же, как они...".

В 1918 году Кармен с семьей вернулся в Одессу — у него начался туберкулез груди (по другим сведениям, обнаружилась опухоль в груди). Гражданская война, смена властей чуть ли не каждые три месяца.

Кармен поддерживал большевиков — печатался в тогда газете "Красная звезда". В 1919 в Одессе вышла его последняя прижизненная книга "Под красной звездой" — сборник рассказов о первых днях советской власти.

Поддержка большевиков у многих знакомых одобрения не вызывала. "...С Карменом я теперь не кланяюсь и не буду кланяться", — записал в дневнике И.А. Бунин. Роман Кармен вспоминал: "Власть в городе перешла к Советам. Отец ликовал. Как большевистский пропагандист выступал с лекциями, работал в политуправлении 51-й дивизии, активно печатался в советских газетах. Однажды на улице встретил Бунина. Они с отцом были хорошо знакомы, а тот демонстративно отвернулся, не подал руки".

В одной из газет 1919 г. в заметке "Прогулка детей пролетариата" рассказывалось, как дети красноармейцев и рабочих "под руководством писателя т. Кармена пошли к морю... и т. Кармен давал им объяснения о значении одесского порта". Любовь Кармена к порту оставалась неизменной.

Кармен был арестован деникинской контрразведкой.

Умер Кармен в апреле 1920 г., уже после установления в Одессе советской власти.

Весной 1923 года журнал "Огонек" публикует очерк "Поэт низов. К годовщине смерти Л.О. Кармена" (в сентябре того же года в "Огоньке" дебютирует как фотограф сын Кармена Роман):

"Книги и люди имеют свою судьбу, говорит пословица. Дело, конечно, не в "судьбе", а в сплетении неудачных условий, так что иные книги и иные поэты, яркие и красочные, проходят в человеческой сутолоке незаметными и не оставляют по себе следа.

Широкая публика едва ли помнит писателя Л.О. Кармена, умершего три года тому назад в одесской санатории в расцвете творческих сил. А между тем это была крупная колоритная писательская фигура, о которой в свое время Н.К. Михайловский писал в "Русском богатстве", что в лице Кармена русская литература приобретет крупного писателя, второго Горького.

Первая книга рассказов Кармена "На дне Одессы" вызвала целый ряд восторженных отзывов в газетах. О нем писал гремевший в то время писатель Амфитеатров, Дорошевич посвятил ему ряд фельетонов в "Одесских новостях", в которых знаменитый фельетонист тогда работал.

Кармен был поэтом дна, поэтом порта. Перекати-поле, он странствовал, зачастую с котомкой за плечами, зарисовывая сочным пером то волжских бурлаков, с которыми вместе странствовал, то матросов и корабельную шпану, в среду которых он записался в качестве кочегара с целью совершить дальнеокеанское плавание, то знойные, восточные типы Босфора, Палестины, Египта, куда его забросила его бродяжническая судьба, то холодных финнов, среди которых он бродил.

Он вечно искал, вечно жаждал новых впечатлений и новых красок, цепким глазом схватывал мимолетные сценки и в своих полных юмора и сочности рассказах, повестях и фельетонах давал отображение живой бродячей низовой жизни.

Но судьба... Кармена задавила нужда, вечная забота о куске хлеба для семьи. Кармена душили преследования царской полиции, высылка из Петербурга за еврейское происхождение, печальное скитание по финским городкам, неудачно сложившаяся личная жизнь.

Во время революции Кармена забросило в Одессу, Его потянуло к революционному порту, к матросам, к типам, которые составляли сюжет его ранних произведений. Но здесь "судьба" окончательно надламывает Кармена. Больной туберкулезом, он отдает свои последние силы пролетарской печати, помещая ряд очерков и рассказов в одесской большевистской прессе. Приходят белые, и умирающего Кармена прямо из санатория замуровывают в тюрьму.

Вторичный приход красных принес освобождение Кармену, но он получил свободу, для того чтобы умереть. Почти в агонии он вышел из белого застенка. Поэт умер тогда, когда наступала пора развернуть всю мощь свою для пролетарского творчества.

В истории пролетарской литературы Л.О. Кармен займет далеко не последнее место, потому что он был в рядах первых бытописателей пролетарских низов".

Но наверное, все же лучше и точнее сказал о себе сам писатель еще в 1903 г: "Я прошел через страшное горнило нужды, горя, прошел через тысячу соблазнов, соприкасался со всякой грязью, но пронес сосуд с чистой водою и не расплескал ни капли. Это чистая вода — душа, любовь ко всем падшим, униженным, оскорбленным".

Алена ЯВОРСКАЯ

Лазарь КАРМЕН

Осень в порту

"Дикарь" пригорюнился.

Канун зимы, осень. Поздняя, дождливая.

Низко-низко нависли над портом облака и туманы.

Они ползут, окутывая серым флером всю набережную, вросшие в бухты суда, баржи, маяк, брекватер, каждый тюк, каждую громаду угля, черепицы и клепок, и все рисуется в неопределенных чертах, в дымке.

С моря подул ветер.

Злой, буйный, он рыщет, забираясь в трюмы к угольщикам, полежальщикам, смольным, забираясь на "газовую", где, скорчившись, жарят у трубки свою ветошь два-три тряпичника, в пакгаузы и в "обжорку".

Он рыщет, отрывая слабо привязанные к набережной шлюпки, опрокидывая тюки и ящики.

— Осень, осень! — гудит, напевает ветер.

Мрачно глядит "дикарь" на темный горизонт над рейдом, на темную зыбь моря, на падающие с неба дождевые капли. И текут по его щекам слезы.

Бедный! Он плачет по теплу, по солнцу.

Скоро зачастят дожди. Море — его кормильца — вздует.

А там недалеко — зима. Занесут снега пристань, загудят метели, и покроется море сплошной льдиной.

Порт отрежет от всего мира.

Вторичный приход красных принес освобождение Кармену, но он получил свободу, для того чтобы умереть. Почти в агонии он вышел из белого застенка. Поэт умер тогда, когда наступала пора развернуть всю мощь свою для пролетарского творчества.

В истории пролетарской литературы Л.О. Кармен займет далеко не последнее место, потому что он был в рядах первых бытописателей пролетарских низов".

Но наверное, все же лучше и точнее сказал о себе сам писатель еще в 1903 г: "Я прошел через страшное горнило нужды, горя, прошел через тысячу соблазнов, соприкасался со всякой грязью, но пронес сосуд с чистой водою и не расплескал ни капли. Это чистая вода — душа, любовь ко всем падшим, униженным, оскорбленным".

Алена ЯВОРСКАЯ

Лазарь КАРМЕН

Осень в порту

"Дикарь" пригорюнился.

Канун зимы, осень. Поздняя, дождливая.

Низко-низко нависли над портом облака и туманы.

Они ползут, окутывая серым флером всю набережную, вросшие в бухты суда, баржи, маяк, брекватер, каждый тюк, каждую громаду угля, черепицы и клепок, и все рисуется в неопределенных чертах, в дымке.

С моря подул ветер.

Злой, буйный, он рыщет, забираясь в трюмы к угольщикам, полежальщикам, смольным, забираясь на "газовую", где, скорчившись, жарят у трубки свою ветошь два-три тряпичника, в пакгаузы и в "обжорку".

Он рыщет, отрывая слабо привязанные к набережной шлюпки, опрокидывая тюки и ящики.

— Осень, осень! — гудит, напевает ветер.

Мрачно глядит "дикарь" на темный горизонт над рейдом, на темную зыбь моря, на падающие с неба дождевые капли. И текут по его щекам слезы.

Бедный! Он плачет по теплу, по солнцу.

Скоро зачастят дожди. Море — его кормильца — вздует.

А там недалеко — зима. Занесут снега пристань, загудят метели, и покроется море сплошной льдиной.

Порт отрежет от всего мира.

И теперь уже в порту жутко. Пункт замер.

А давно ли в жадные трюмы с утра до вечера с сотен барж посредством диковинных плавучих элеваторов — по конвейерам[1] с эстакады — из бесчисленного множества мешков, втаскиваемых наверх по "скалам" сносчиками-атлетами, сыпались неудержимыми реками, водопадами миллионы пудов золотого зерна — ржи и пшеницы.

Вокруг слышалась английская речь, слышались меткие словца, хохот, голоса удалых сносчиков, весовщиков, баб-мерщиц, мерщиков, стивидоров, формален, визитировщиков и приказчиков.

Давно ли из целого ряда германских, французских, итальянских, английских и греческих пароходов со звоном и грохотом, потрясающим всю гавань, выгружались чудовищные тысячепудовые машины, железные котельные листы, прутья, глыбы каррара, наковальни, тяжелые водопроводные трубы?!

Жизнь била ключом.

Это был праздник рабочих сил, праздник труда. И этот праздник чувствовался всюду, на протяжении всей набережной, на всех гаванях, от пункта до "нефтяной" — на угольной, практической и арбузной.

Уголь выгружался в сотнях тысяч пудов. Подъемные краны, лебедки и кадки еле поспевали справляться со всей этой массой.

Еле поспевала и черная армия угольщиков, снося всю эту массу в корзинах и на носилках на пристань.

Еле справлялись и с хлопком, прибывавшим каждый день из Александрии в тысячах кип.

А теперь!

Раз-два в неделю привезут хлопок, да заглянет "джон" за хлебом.

Вечер. Тускло мигают в разных концах электрические шары, рассыпанные по пароходным снастям огоньки и глаза бортов — иллюминаторы.

На набережной — ни души, тихо. Только бьет на море похоронным боем сигнальный колокол, слышны трещотка обходного стража да лай пса, мечущегося на цепи на угольном складе.

"Дикарь" идет на спуск.

Мимо проходят запоздавший боцман, "рвач"[2] и приказчик.

— Барин, дайте на хату! (на ночлег) — шепчет "дикарь", бросаясь от одного к другому.

[1] Особые трубы, проведенные с эстакады к пароходам.

[2] Мелкий подрядчик.

Но все точно сговорились.

— Пшел, пшел, пьяница!..

Читатель! Если в темную ненастную ночь вас остановит "дикарь", пусть он даже будет пьян, и протянет вам руку, — не гоните его прочь. И если можете, — уделите ему "на хату", дабы лежа в тепле на матраце, он мог уснуть и хоть на ночь забыть свою боль и горечь.

Смерть у "обжорки"

Старый "дикарь" умирал.

Он умирал в ясный солнечный день у стены "обжорки" в тесном соседстве с выгребной ямой и сорным ящиком.

Чуя близость смерти, он дополз до стены и лег, устремив глаза, полные слез, к небу.

Ему было невыносимо тяжело и больно.

Не было ни одного живого места во всем его жалком вытянутом и необыкновенно худом теле.

Он умирал, никому не нужный, и страшна была эта смерть у грязной стены, одинокая и печальная.

Издали из разных английских таверн — "Old main top" и "Old Cardif castle", винных погребов, трактиров и съестных лавок, доносились пьяные голоса матросов, звон посуды, звуки старых надтреснутых органов и гармоник; доносились специфическая и зловонная брань, мычание волов, скрип колес, крики возниц, беспрерывная канонада выгружавшихся на набережной стали, чугуна и железа, пароходные гудки, звяканье якорных цепей, грохот вагонов, рокот ссыпавшейся с эстакады пшеницы, гул осыпавшихся гор угля, клепок и изредка заглушавший всю эту грандиозную какофонию, какофонию труда, — свист сирены у "большого" маяка, свист "соловья-разбойника".

Но вот грянула пушка, и какофония эта оборвалась. Настал обеденный час.

Широкой волной хлынули из всевозможных щелей порта, трюмов и пакгаузов на Таможенную площадь полежальщики, сносчики, маркировщики и угольщики.

Волна эта захлестнула всю площадь, харчевни, "обжорку", и все кругом почернело от этой волны — грязных голов, лиц и лохмотьев.

У "обжорки" сделалось тесно.

Несколько человек угольщиков, успевших изрядно "клюкнуть", расположились у стены рядом с умиравшим.

Тут же расположились и два тряпичника, выбиравшие из мешков всякую пакость, кости, черепки, тряпки, и весь серый полежальщик со сползшим на подбородок кляпом — этим необходимым в пыльном пшеничном трюме намордником, с синими и сетчатыми очками на носу, весь черный от смоляной пыли — "смольный", и — поодаль — два "стрелка", азартнейшим образом резавшихся в карты в "три листика с подходцем" на штоф водки и табак.

Кто-то над самым ухом умиравшего передавал животрепещущие новости порта: как Гвоздь — известный "стрелок" — забрался в вагон и "настрелял" шесть гаек, и как таможенный стражник и надсмотрщик — "скорпион" — "наклали" ему за это в шею; как Кот-угольщик, работая "на носилках", слетел в трюм и вывихнул себе руку, и как Костяная Нога избежал этапа, спрятавшись от облавы в сорном ящике.

Умиравший зашевелил губами.

К нему подсел на корточки юркий "кадык" — вор — и стал шарить.

"Кадык" сперва порылся у него в "хламиде", а затем, когда кроме дыр ничего не обнаружил, стал рыться в жилете.

Здесь он добыл чудом завалявшийся пятак и, ободрившись, продолжал рыться дальше.

"Дикарь" хотел крикнуть на него, по крик застрял в горле, и он вскинул умоляюще глаза на соседа-угольщика.

— Смотри! — говорили эти глаза. — Он грабит. Заступись, будь добр!

Но тот из боязни быть избитым "кадыком" не шевельнул даже пальцем.

С каждой минутой несчастному становилось хуже и хуже, и он закрыл глаза в томительном ожидании смерти.

А вокруг шла оргия.

Пропивались деньги, лохмотья, уцелевшие "подкандальники" — жалкие остатки сорочек и обувь.

Пропивался заработок завтрашнего и послезавтрашнего дня, пропивалась материнская ладанка.

— Ладанка, купите ладанку, материнское благословение! — выкрикивал пьяным голосом какой-то субъект, помахивая над головой медной ладанкой.

Две мегеры с провалившимися носами — тряпичницы, сцепившись из-за куска тряпья, катались в луже помоев и грызли друг дружку.

А один горячечно больной выкидывал замысловатые фокусы: глотал на потеху пьяных "дикарей" стекло, щебень и вертелся колесом, причудливо высовывая язык...

Наконец площадь понемногу стала пустеть.

Угольщики, полежальщики расползлись по трюмам, и только остались горсть мертвецки пьяных тряпичников, пьяный мальчик — чистильщик котла "шарик", два-три сносчика и "стрелок".

Прошел час, а "дикарь" все еще умирал. Это была длинная, бесконечно длинная агония — агония в продолжение почти двух дней.

Вот подплелась к нему портовая собака, рыжая, жалкая с облезшим боком, пьяная — ее опоили "дикари", — обнюхала его, лизнула в лицо и отошла прочь. Вслед за нею подполз к нему "кадык", уже другой, и напрасно порывшись, самым бесцеремоннейшим образом стащил с него жилетку и теплушки.

"Дикарь" забылся. Но голос сбоку заставил его встрепенуться, и он жадно стал слушать.

— А завтра — слышал, Гвоздь? — у нас в порту чайную и столовую освящать будут. Будет молебствие. Говорят, будут кормить свежо и дешево.

— Врешь! — послышался в ответ другой пьяный и сиплый голос.

— Дурень! Я хоть и пьян, да говорю правду! Столовая, брат, дело хорошее. Сколько наших "дикарей" от "обжорки" гибнет. А много будет ходить в столовую.

— Будут ходить, только не старые. Старый "дикарь" не пойдет.

— Старые не будут ходить, и не надо. Молодые ходить будут. Постой! Скоро будет и баня. "Бекасы"[1] выведутся, выведется грязь и пакость, выведутся болезни.

Умиравший слушал, и на лице его засияла улыбка. Он улыбнулся словам, прозвучавшим ему лучшей музыкой.

— Скоро будет баня... "Бекасы" выведутся... Выведется грязь и пакость... Выведутся болезни...

Он улыбнулся в последний раз. Улыбка погасла на внезапно посиневшем лице. Он захрипел, и тело его вытянулось.

"Дикаря" не стало.

Жаба

— Завтра беспременно уйду отсюда. Ну его, порт, — к бесу! Надоел он. Тут ведь народ — непутевый, пропащий. Одно слово, дикарь — народ! — так часто говаривал своим товарищам Жаба.

[1] Паразиты.

А те слушают, бывало, попивают водочку, ухмыляются в свои грязные нечесаные бороденки и подтрунивают:

— Куда ты пойдешь, Жаба?!

— В гоххход![1] — хрипит тот, глядя бессмысленными, осовелыми глазами на товарищей.

Жаба — несчастнейший человек в мире,

Он — тряпичник, весь день роется в сорных ящиках и выгребных ямах и всем своим существом похож на тряпку.

Жаба пьет, и пьет сильно, так как хочет заморить жабу, нажитую им давно на "полежании" и застрявшую у него в горле.

— А к чему тебе "гоххход"? — пристают хором товарищи.

— Лидку, дочь, повидать хочется. Она у меня славная. Только я — "дикарь", дьявол. Бросил ее махонькой. Осталась она с бабушкой. Та ее и вырастила. Лидке нынче — пятнадцать годов, и шьет она у модистки. Красавица — дочь. У меня вот от нее письмо. "Чего, папашенька, пишет, не проведаете меня? Забыли?! Приходите, буду рада вам". Она, умница, и рублик догадалась запечатать. "Купите, дескать, себе хлебушка, в порту, чай, безработица".

Ведь вот штука! Отец — мразь, дикарь, пьяница; всякий кадык — вор — тебя ни в грош не ставит. Ляжешь у обжорки, так он у тебя все вытащит и рыло горчицей вымажет, точно не человек ты, а идол. А поди, дочь всякое уважение имеет. "Папашенька да папашенька!" Ну и дочь же! Беспременно пойду к ней завтра. Уж мы заживем. Вырежу я эту проклятую жабу и пить брошу. Стану на заводе работать, а там дальше Лидку замуж выдам...

— Ха, ха, ха! — заливаются пьяные товарищи. Они окружают его, дергают, поворачивают его, как деревянного болвана, и нет конца их издевательствам.

— Ишь, "патрет"!

— Япанча — татарский наездник!

— Граф Монте-Кристо!

— Мазини!

— Да ты только погляди на себя. Чучело гороховое! Носа у тебя нет, гол, только и есть на тебе, что рогожа в заплатах. А прешь в "гоххход"!

Те издеваются, а Жаба — пьяный, больной и жалкий — таращит на всех свои маленькие, глубоко зарытые глаза и не перестает сипеть, поминутно хватаясь за горло. Несчастный! Жаба не дает ему покоя, душит его.

[1] В город

— А все-таки завтра беспременно уйду...

Жаба шесть лет таким образом собирался, клялся, что "беспременно" уйдет "завтра". И шесть лет, чуть ли не каждый день, между ним и товарищами повторялась та же сцена.

Жаба кончал тем, что забывал клятвы, по-прежнему продолжал пить, мешая водку с махоркой и кайенским перцем и воюя с жабой, которую также не удалось ему заморить и выжить.

Раз товарищи сильно раззадорили его.

— Когда же, наконец, ты Лидку проведаешь?!

— Завтра!

Это сотни раз упоминавшееся и откладывавшееся в долгий ящик "завтра", как и всегда, рассмешило товарищей. Все загикали на него, зашумели. А Ворон — старый тут же сидевший и выживший из ума "дикарь", качая головой, заметил:

— Нет, брат! Не видать тебе уж твоей Лидки. Не видать тебе счастья и города! Много вашего брата рвалось отсюда. У кого дочь, у кого брат, а у кого жена, родные... Много видал таких. Слава тебе, Господи, не первый год здесь. Сорок лет здесь живем без малого. На моих глазах тут, брат, гавань рыли, эстакаду строили, мимо носа контрабанду тащили, а где ты теперь стоишь, так тут, на этом месте, на моих глазах двух контрабандистов подстрелили. Вот как!.. Уж как рвались они! Я сам рвался. У меня самого на Подолии — дочь и сын. Рвался, да вишь! Сижу здесь, потому что порт, брат, — гидра. Лапы у него цепкие. Как схватит, как вцепится, злющий, — не выпустит. Нет, не видать тебе твоей Лидки, верно.

— А вот врешь и каркаешь ты, Ворон, даром, — сверкнул глазами Жаба. — Захочу и увижу ее. Вот крест — увижу! Дай только одежки добыть.

Жаба на этот раз уверял недаром.

— Ваше благородие, будьте милостивы, дайте одежу! — слезно молил Жаба на следующий день пароходного агента.

— А тебе на что? Пропить, что ли?

— Побей меня Бог, если пропью. Мне только бы в город сходить да повидать Лидку. Она у меня добрая и работает у модистки. Пишет: "рада вам буду, папашенька, приходите...". Ваше благородие, не откажите, век помнить буду!

Агент был человек молодой, мягкий, у него самого была дочь-малютка, и он расчувствовался.

— А ты с нею полагаешь жить вместе?

Жаба нахмурился.

— Знаете, человек полагает, а Бог располагает. Попробую! — и Жаба сильнее нахмурился. — Тут один в порту "дикарь" есть, старый такой, Ворон; "зайчик" в голове у него бегает. Он и каркал: "Не видать тебе, Жаба, города и Лиды, потому что порт — гидра, и лапы у него цепкие. Схватит — не выпустит". Ну, да была не была, посмотрим!

— Он, этот Ворон, даром каркает. Надо только перестать водку пить, и все хорошо будет. Не надо поддаваться соблазну, — наставительно заметил добрый и наивный агент и сунул объемистый сверток Жабе.

— Спаситель, отец родной! — взмолился, ловя у агента руки, Жаба, и из старых очей у него посыпались на драгоценный сверток слезы...

Площадь зашумела, когда Жаба явился остриженный, чисто-начисто выбритый, в светлых элегантных брюках, в рединготе со сверкающими перламутровыми пуговицами, в белой бумажной манишке с галстуком и в высокой серой шляпе, сдвинутой, как у жуира, на затылок.

Жаба мог уйти сейчас в город, но ему хотелось показаться на площади.

Дескать, вот я какой — Жаба!

Он рассчитывал на эффект, и эффект получился огромный.

Появление Жабы было сразу замечено.

— Тю, тю, тю! — затюкали на него и окружили его со всех сторон товарищи.

— Жениться, что ли, задумал? — изумились угольщики. Одни созерцали, щупали его, приценивались к его костюму, другие пожимали плечами и отпускали всяческие замечания и остроты.

Жаба важно выпятил грудь, задрал голову и заявил громко:

— Сказал — ухожу от вас, и ухожу. Баста! Хочу быть человеком, а не дикарем. Брошу пить и займусь делом. Стану на заводе работать. Лучше, чем собирать тряпки... Ну, проваливай, — и он почти вырвался из тесного кольца черных рук и лохмотьев.

Он вырвался и зашагал меж нагруженных биндюгов, которыми была наводнена вся площадь.

— Тю, тю, тю! "Вира помалу, майна банда"! — раздалось прежнее тюканье.

Позади свистали, гикали, кто-то перешвыривал через его шляпу, чуть не задевая ее, камни, по пятам за ним, как назойливые собачонки, гнались босоногие чистильщики котлов и сморчки — "кадыки", дразня его и дергая за фалды редингота, игравшие с береговым ветром.

— Кланяйся до-оч-ке Лиде! — орал ему вдогонку Громобой — "краса и гордость" порта.

Но Жаба, казалось, не слышал ни свистков, ни тюканья, не замечал назойливо юливших вокруг него "кадыков", летавших над ним камней и шел так быстро, как будто на нем был не рединготт, а летательный снаряд.

На душе у него было легко, весело. Глаза сияли. Сияло и улыбалось уродливое лицо.

Жаба летел, и воображение, не омраченное с утра водкой, рисовало ему светлые картины.

Чего только не рисовало оно! И уютную чистенькую комнатку, и кипящий самовар, и замужество Лиды...

Жаба хотел раньше выбраться наверх по спуску, но раздумал и свернул на Приморскую улицу. Там, казалось ему, ближе.

— Куда?! — вдруг осадил его Клепка-корзинщик, вытаращив на него глаза.

— В гоххход! — просипел Жаба.

Тот развел руками.

— Не понимаю!

— Что же не понимать тут?! Не век торчать здесь в порту. Десять лет, как в каторге отсидел, и — баста! Будет гнить по приютам. Ухожу в гоххход. Буду жить, как все живут. Видишь, достал одежу.

— А-а-а! — протянул многозначительно Клепка и усмехнулся.

— Что ты? — спросил Жаба.

— Так, чудно! И что ты, брат, выдумал? К кому же ты в город идешь?

— К Лидке!

— Гм, к дочке! — Клепка опять усмехнулся. — А знаешь, что я тебе, брат, скажу, серьезно?!

— Что?

— Плюнь ты на эту самую Лидку.

— Как?.. — сделал Жаба большие глаза.

— А так! Плюнь и размажь. Ей-богу размажь. Только в тягость ей будешь. И куда она тебя денет, — "дикаря"-то. Завтра запьешь, станешь ругаться по-нашему — "карантинному". Вот тебе и протокол! Хозяин держать не будет. Нет, уж оставайся здесь... Ты бы лучше признанял мне двугривенный. Смерть как пить хочется.

Жаба вздохнул...

— И мне... пить тоже хочется...

Наступило тягостное молчание.

Оба стояли друг пред другом, тоскливо озираясь, словно что-то высматривая и дожидаясь, что вот-вот кто-нибудь да бросит им двугривенный.

А в нескольких шагах рослый загорелый биндюжник с серьгой в ухе ударял широкой ладонью по днищу, выгоняя пробку из объемистой бутылки с водкой.

Пробка выскочила, тот крякнул, вытер рукавом губы, опрокинул голову, перекрестился и забульбулькал водкой над широко раскрытой пастью.

Жаба глядел на него с завистью.

— Где бы раздобыть двугривенный? — продолжал между тем озабоченно твердить Клепка, косясь на редингот Жабы. — А "фрак" у тебя — знатный; сукно важнецкое! — и он пощупал хвост редингота. — Чей он?

— Агента!

— То-то! Пять двугривенных за него дали б. Сукно стоит. Идем! — и он дернул за рукав Жабу.

Жаба машинально тронулся и так же машинально вошел вслед за ним к "Ханке бедной" в лавочку. Прошло пять минут, и оба приятеля вышли.

Жаба вышел без редингота, шляпы, жилета и галстука. Зато в кармане у него болтались два рубля.

— Теперь выпьем! — воскликнул Клепка.

— Выпьем!.. А как Лида?!

— Да ну ее, плюнь!..

Спустя несколько часов Жаба сидел в харчевне среди прежних товарищей и в прежних лохмотьях. Он был пьян и как всегда клялся:

— Завтра беспременно пойду повидать Лидку!

Товарищи хохотали, а старый тут же сидевший и напророчивший ему Ворон качал своей птичьей головой и, как тогда, каркал:

— Порт, брат, гидра, и лапы у него цепкие. Схватит — не выпустит.

Публикация Алены ЯВОРСКОЙ

Софья СЛАВИНА

Моя дорогая Одесса

Этот эксклюзивный материал – воспоминания вдовы писателя Льва Славина – любезно предоставлен внучатым племянником писателя Владимиром Рубцовым, ныне проживающим во Франции.

Софья Славина. 1929 г.

Из Киева в Одессу, в свою семью муж привез меня 18 февраля 1923 года. Он просил не встречать нас на вокзале, так как поезда приходили с опозданием, и мы вдвоем входили в ворота двора, в котором жила его семья. Мы шли через двор, вдруг муж сказал:

— Держись левее, она может выпасть из окна.

Я оглянулась — из всех окон флигелей, окаймлявших двор, на нас глядели. Большей частью женщины, иногда с детьми. Я спросила:

— Что это?

Лева сказал:

— Ну, как же? Они узнали о важном событии — Левочка Славин женился! Интересно посмотреть, кого привез.

Лева взял чемодан в левую руку, а правой меня под руку и зашагал, чтобы сделать наше шествие через двор торжественнее. Я съежилась от смущения, шла, как сквозь строй. Вдруг услышала:

— Мадам Славина!

— Это тебя, — сказал Лева.

— Мадам Славина, вы встретили сметану?

Я опешила, а мой муж спокойно сказал:

— Нет, мадам Прокопович, мы не заходили в магазин.

Ох! Ну, наконец, входная дверь, поднимаемся по лестнице. Я мало знала его родных. Меня встретили ласково, но я очень стеснялась, и когда муж на другой день уходил на работу, я попросила, чтобы он взял меня с собой. Муж работал в библиотеке на Дальницкой — далеко от центра. Пришли. Муж пошел наверх в коллектор, а я села за стол и взяла

книгу. Это оказался Брэм, которого очень любила. Сидела и читала. Вдруг распахнулась дверь, я оглянулась. Вошел высокий худой человек и спросил:

— Никого нет?

— Я здесь...

— А, девочка! Что ты читаешь?

— Брэма.

— Вот что!

Подошел, закрыл ладонью надпись под рисунком и, показывая на какую-нибудь птицу, говорил, в каком краю живет, как ее зовут, как выводит птенцов, какие звуки издает... Я была поражена и даже воскликнула:

— Вы все знаете!

Муж спросил сверху:

— С кем ты разговариваешь?

Ответил мой собеседник:

— Лева? Это я — Эдя!

— Эдя?! Так это Багрицкий Эдуард!

Муж много рассказывал мне о нем, читал его стихи, Я так любила "И пред ним зеленый снизу, голубой и синий сверху, мир встает огромной птицей — свищет, щелкает, звенит!" Багрицкий!

— Эдя, познакомьтесь, это — моя жена.

— Она — жена? — Багрицкий весело рассмеялся. — Ну, тогда надо ее показать Бабелю!

— Хорошо, идите, я все подготовлю, придет моя помощница, и я тоже приду туда.

Бабель! Сейчас увижу Бабеля. Лева о нем тоже рассказывал. Конармия! Конармеец Бабель! На коне всадник Бабель скачет с отрядом через поле на врага!..

— Ну так пойдемте, — обратился ко мне Багрицкий уже на "вы", взял меня за руку и, как ребенка, повел на Ришельевскую, где жил Бабель. По дороге рассказывал о рыбах из дальних рек и морей, которые жили у него в аквариуме.

— Они разнообразны, очень красивы, можно часами смотреть, как они себя ведут. Это очень интересно. Заведите аквариум. Я помогу вам.

Пришли на Ришельевскую. Багрицкий нажал на звонок. Дверь открыл невысокий, скорее широкий, чем полный, человек в очках. Подумала: "Это, конечно, не Бабель".

А Багрицкий сказал:

— Исаак, познакомьтесь, это — жена Левы Славина.

Исаак? Так это все-таки Бабель? Исаак Эммануилович Бабель! Непохож...

Бабель сказал:

— Рад познакомиться. Прошу! — и провел нас в комнату.

Я опять удивилась. Комната была похожа на комнату в доме моей бабушки: большой стол, накрытый темной скатертью, огромный буфет с множеством разных дверец, диван с высокой спинкой и шкафчиками. Бабель предложил мне сесть и крикнул:

— Евгения Аттиловна! У нас гостья — жена Левы Славина, и мы хотим чаю.

— Сейчас. Чай готов.

И вошла женщина, высокая, довольно полная, красивая.

Помню две толстые косы, уложенных, как корона, вокруг головы. Я вскочила. Женщина улыбнулась, поставила поднос, поздоровалась, сказала: "Очень приятно", — и ушла.

Аттиловна? Ее папу зовут Аттила?

Через несколько минут она снова вошла и поставила на стол тарелку с бубликами. Ох, эти знаменитые одесские бублики! Какое царское угощение это было тогда!

Бабель сказал:

— Спасибо, Евгения Нероновна!

— Нероновна? Так Аттиловна или Нероновна?

Конечно, поняла, что Бабель шутит. Позже узнала, что его жену звали Евгения Борисовна.

— Ну, давайте пить чай, — сказал Бабель.

Я от смущения вертела ложечкой в чашке и совершенно напрасно. Сахара не было не только у Бабеля, но и вообще нигде не было никакого сахара. Багрицкий и Бабель разговаривали, шутили, смеялись, о чем-то спрашивали меня, не помню ничего. Была очень смущена, не помню — отвечала или нет, не помню, что говорила. Звонок.

Багрицкий сказал: "Это Славин".

Бабель вышел встречать и почему-то они долго не входили.

Я услышала смех моего мужа, потом он позвал меня.

— Познакомьтесь, Исаак Эммануилович, моя жена — Софья Наумовна Лившиц.

— Как?.. А я думал, она — русская. Вы же знаете... Я считаю, что надо смешиваться... Мы живем где?

— Ну, что поделаешь, на этот раз не удалось! — сказал мой муж.

Эта его неудача длилась шестьдесят один год, пока он был на этом свете.

— Лева, хотите чаю? — спросил Бабель.

— Спасибо.

С приходом мужа мне стало легче. Слышала их разговоры с бесконечными шутками, одесскими анекдотами. Я освоилась, перестала смущаться, веселилась и очень радовалась.

С Бабелем мы в Одессе встречались нечасто. Он вскоре уехал. А Багрицкого, по-моему, мы видели всегда. При библиотеке, где работал муж, был литературный кружок "Потоки Октября", там собирались молодые одесские писатели. Заведующим этим "культурным мероприятием" был человек довольно странный. Кажется, его фамилия была Петров*. Он открывал собрания приветственной речью, которую всегда заканчивал одной и той же фразой: "Россия как таковая хочет петь!". Потом уходил; ему было неинтересно, что там пишут его подопечные. За ним уходила и всегда сопровождавшая его жена. И тут начиналось!.. Пародии, остроты, импровизации... Багрицкий вслед ему говорил:

— Ушел Петров как таковой, за ним жена — как таковая.

Помню какие-то строчки из стихов Микитенко о собрании писателей. Они начинались так: "...И встанет пышный Эдуард, сверкая впадиной зубною, Гехт Соломон войдет в азарт, тряся библейской головою...". Эдуард, перефразируя известные киплинговские "Запад есть запад, восток есть восток.." читал, почти пел : "Здесь справа — Захаров, а слева — Шпирт и Яковен-ко, есть. И столь талантливых парней, что их невозможно счесть..." Сначала дурачились, потом читали всерьез стихи и прозу. Молодые поэты ждали, что скажет Багрицкий об их стихах.

Эдуард Григорьевич был беспощаден, но делал это так дружественно, даже ласково, никто не обижался. Он говорил:

— Я не могу научить вас писать стихи, я могу научить вас любить стихи.

Сам читал стихи свои и других поэтов. Читал Державина, Случевского, Баратынского, Каролину Павлову, Иннокентия Анненского, Тютчева. Своей влюбленностью в Лескова заразил всех, с кем общался. Встречи с ним всегда были праздником. Всегда веселый, остроумный, влюбленный в поэзию, прекрасный поэт, талантливый импровизатор, всегда беспечный Эдуард!

Кстати, он устроил нам комнату через своих друзей. Мы захотели жить отдельно от родителей мужа, мы их стесняли. Да и я стеснялась.

* Возможно, это был Чернов. — Ред.

Друг Багрицкого — филолог, жена — художница, потомок гетмана Скоропадского, претендент на украинский престол. Комната была в доме, где они жили. Когда я познакомилась с ними поближе, художница меня удивила — разорвавшийся черный пиджак мужа она зашила белыми нитками, а когда муж сказал, что суп горяч, она подлила в тарелку холодной воды из-под крана. Хозяин квартиры, одинокий человек, не пользовался комнатой, которую он нам отдал, и денег за нее с нас не брал. Ход в комнату был отдельный — со двора через кухню, которой он тоже не пользовался. Кухня — большое запущенное помещение, заваленное огромным количеством хлама, с разрушенной плитой. Вот в этом хламе, порывшись, переводчик Давид Бродский нашел самовар — почистил, отмыл, отмыл и валявшийся здесь сапог. Не знаю, чем он разогревал самовар, но Давид раздувал его сапогом, и мы пили с друзьями морковный чай из самовара! Счастливый период, праздничный! Неустроенности, нехваток не замечали.

Жить было весело, но надо было что-то делать. Я хотела учиться, хотела поступить на математический факультет. Свидетельство об окончании средней школы у меня было. Гимназия, в которой я училась после революции, была преобразована в украинскую школу с широкой программой: древними языками и т. п.; но началась гражданская война, мой город Умань много раз переходил из рук в руки — власть менялась — занятия прерывались. Словом, к экзаменам в университет я была не готова. Надо бы заняться с педагогом, но денег у нас на это не было. И тогда Лева вспомнил, что у него есть знакомый математик, Иван Петрович Бабичев. Поговорил с ним. Бабичев согласился. Договорились, что будем заниматься два раза в неделю, плата за неделю — буханка хлеба. Муж получал четыреста граммов в день, отец его — тоже 400, а я, мама мужа и две сестры-школьницы — по двести. За неделю можно было сэкономить буханку. Заниматься с Иваном Петровичем было интересно. Ясно, увлеченно он говорил о законах своего любимого предмета. Его задания — задачи по алгебре и геометрии — я решала без него. Он в дни занятий проверял, даже отметки ставил и подписывал мои работы. Однажды я увидела вместо обычной подписи "И. Бабичев" подпись "Антихрист", ничего не поняла и спросила:

— Что это, Иван Петрович?

Он сказал:

— Это — я! Я — антихрист, а жена моя — Тсирхитна.

— Что?!

Бабичев поднял руку с растопыренными почему-то пальцами и ушел. Мы обедали у родителей Левы по их просьбе, и я за обедом рассказала им

и пришедшему туда с работы мужу о странном поведении моего учителя. Мать мужа взволновалась, вскрикнула:

— Я же говорила... говорила... Он — сумасшедший! Зачем ты его привел?

А муж сказал:

— Ну, ничего, на него иногда находит... Это пройдет, пройдет, обойдется!

Но свекровь с этого дня стала посылать ко мне на уроки своих дочек. Уроки начинались после того, как девочки приходили из школы. Мебели у нас в комнате было мало: кровать, стол и стул; так что девочки сидели, пока шел урок, на чемодане. Но дальше произошло вот что. Мой отец приехал в Одессу в командировку, пришел к нам, принес бутылку вина, поставил на окно и сказал:

— А это, когда пойдем обедать к Левочкиным родным, возьмем с собой.

Через некоторое время пришел Эдуард Багрицкий, увидел бутылку вина:

— О! Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Можно выпить?

— Конечно, — сказала я.

Эдуард Георгиевич пошел на кухню, взял с умывальника стакан для зубных щеток, нашел еще какую-то чашку, принес, раскупорил бутылку, налил в чашку себе чуть-чуть (он вообще не пил спиртного), а Бабичеву налил полный стакан. Чокнулись, выпили. И тут Бабичев взвыл!.. Выл отчаянным голосом и стал наступать на отскочившего от него Багрицкого. Багрицкий бросился бежать. Побежал наверх по лестнице к своим друзьям. Бабичев неуклюже, почему-то растопырив руки, побежал за ним. Девочки и я испугались. Слышали, как наверху открылась дверь. Впустили Багрицкого... Потом слышали, как Бабичев долго барабанил в дверь, его тоже впустили. Оказалось, что Багрицкого спрятали, а Бабичев бегал по квартире — искал его. Потом успокоился, попрощался вежливо и ушел. Когда мы с девочками за обедом рассказали об этом, мама мужа решительно заявила:

— Ну, все! Занятия кончены! Бабичев больше приходить не будет. Лева! Ты пойдешь в субботу, отнесешь хлеб и скажешь, что занятия прекращаются.

Позже я узнала, что с Бабичевым это было не в первый раз.

До "Потоков" молодые писатели и художники собирались в чьей-то, может быть, брошенной квартире. Там была какая-то мебель и даже рояль.

Место это называлось "Мебос" (меблированный остров). Туда приходил и Бабичев. Он был довольно хорошим пианистом. Играл всем знакомые музыкальные произведения, иногда импровизировал. Его слушали с удовольствием. Однажды он, импровизируя, вдруг перешел на какую-то бурную музыку. Стал играть все громче и громче. Потом стал просто стучать кулаками по клавишам, взвыл. Собравшиеся бросились бежать, а Лева и Ильф залезли от страха под рояль.

Что касается Левиной мамы — то у нее с Бабичевым тоже была одна встреча.

Такие взрывы были у него, по-видимому, редки. Он чаще впадал в состояние растерянности, беспомощности, и тогда становился доверчивым, как ребенок.

В "Потоках" любили розыгрыши, и однажды какие-то ребята из потоковцев решили пошутить над Славиным. Использовали доверчивость Бабичева. Сказали ему, что они все — члены коммуны земного шара, председатель которого Велемир Хлебников основал в разных точках планеты всякие службы для населения Земли. Сообщаются с другими учреждениями люди внепространственным транспортом. В любую точку можно перенестись в секунду, и в Одессу все прилетают для стирки белья. Прачечная коммуны земного шара в Одессе, на квартире у Льва Славина. Левочкина мама, открыв однажды на звонок дверь, увидела человека с узелком в руках, человек бормотал что-то про какую-то коммуну и сказал, что он принес белье в стирку. Мама испугалась, захлопнула дверь. Долго стояла, прислушиваясь, отошла от двери, когда услышала, что человек спускается по лестнице. Подбежала к окну и увидела, что он идет с узелком по двору к выходу на улицу. Лева, услышав об этом, страшно рассердился, не за себя: его возмутила хулиганская выходка с Бабичевым.

Бедный Бабичев! Бабичев в обычное время был добрым, вежливым и вполне разумным человеком.

Однажды Багрицкий на собрании в "Потоки" не пришел, сказали: сильный приступ астмы. Он тяжело переносил приступы. Вечером меня попросили подняться наверх к его друзьям и сказали, что нужно привезти пакет с едой больному Эдуарду. "Мы все служим, вы — свободны, ему это необходимо". "Конечно, поеду". Взяла сумку, адрес и на следующий день поехала. Я у Багрицкого дома раньше не была. Соседи показали мне вход в его квартиру. Толкнула полуоткрытую дверь и попала сразу в какое-то помещение, где Лидия Густавовна — жена Эдуарда — что-то жарила на плитке, а Эдуард Георгиевич лежал на кровати и, когда я вошла, стал

натягивать на грудь одеяло. Натянул, и из-под одеяла высунулись босые ноги. Одеяло было коротенькое, вероятно, детское. У Багрицкого был измученный вид, он тяжело дышал, говорить не мог. Лида отошла от плиты, наклонилась и сказала:

— Севочка, дай мне, пожалуйста, я тебя очень прошу, одну картофелинку, а то у меня сегодня одни очистки, получается жидковато, а так будет вкуснее.

Из-под стола голос их сынка:

— Ну вот, у меня были генерал и два солдата. Ну, забери одного солдата.

Сева, маленький сын Багрицких, играл картофелинами. У него не было игрушек.

— Лидия Густавовна, я тут принесла кое-что... Тут прислали... Здравствуйте...

— Простите...

— Тут прислали...

— Хорошо, спасибо, очень кстати.

Взяла у меня сумку. Я видела, что Эдуард смущен моим приходом. Я попрощалась, он улыбнулся. Я не забуду его измученного лица и вымученную улыбку. Я ушла подавленная.

Багрицкий выздоровел, пришел в "Потоки" и был так же весел, остроумен, беззаботен, как всегда.

Подходил к концу одесский период нашей жизни. Писатели и поэты Одессы потянулись в Москву. Катаев давно уехал. Олеша и Ильф уехали при нас. Решили переезжать и мы.

В Москве комнаты мы снять не могли — было дорого. Поселились в Кунцево. Кунцево семьдесят лет тому назад было непохоже на сегодняшний благоустроенный район Москвы, — это была подмосковная деревня. Осенью — непролазная грязь, зимой скользкие тропинки и снежные сугробы. Мы сняли комнату почти рядом с вокзалом. Из Москвы в Кунцево ходил паровик. Мы выезжали утром: муж — на работу, я — к родным, В студии, где я училась, занятия начинались после обеда. Вечером приезжали домой. Как мы любили этот наш дом! Комната в бревенчатом доме, стенка — перегородка не до потолка, за перегородкой — комната хозяйки — вдовы священника с десятилетним сыном. В комнате тепло и красиво. Очень нравились бревенчатые стены этой избы. А на стене над столом висела наша гордость — первый предмет обстановки, купленный нами, книжная полка.

Паровик привозил нас с Белорусского вокзала за полчаса, и езда в поезде нравилась. В вагоне обязательно "певец" с шапкой, куда все бросали монетки. Кроме известной "Позабыт, позаброшен", я помню смешную песню. Мы думали, что сочинил ее какой-то профессиональный остряк-рифмач, ее пел пожилой, всегда нетрезвый невысокий мужичок:

"Писатель русский знаменитый
Лев Николаевич Толстой,
Под Севастополем убитый,
Погиб отважно, как герой!
Писатель русский знаменитый
Лев Николаевич Толстой
Не ел курей и рыб убитых
И уважал народ простой.
Жена его — Софья Андревна —
Была совсем наоборот:
Купалась в ванне ежедневно,
Носила валенки весь год.
Позор! Позор! Такой нахалке!
Позор, презренье от людей.
А он горит, как вечный факел
Коммунистических идей!"

Эту песню мы слышали ежедневно, пока не перебрались в Москву.

В Кунцево стали жить и приезжавшие после нас писатели Гехт, Бондарин, Колычев.

Эдуард Георгиевич Багрицкий поселился в Кунцево в 1925 году. Но он снял комнату на другом конце Кунцево, поближе к лесу. Хозяевами его были родители бедной Вали-пионерки. Смерть ее была горем и Багрицких, подросший Сева дружил с ней. Играли вместе во дворе. Эдуард Георгиевич к тому времени уже был известен как поэт: он печатался и в толстых журналах — не только в "Мораке" (так называли в Одессе газету "Моряк". Ну и, конечно, потоковцы в шутку). Приступы астмы становились чаще, но Багрицкому нравилась жизнь на природе, он подружился с охотниками, звероловами, рыболовами. В Москву он приехал, когда получил квартиру, не отдельную, конечно, с писателем Марком Колосовым. Его все больше и больше мучила астма, и он редко выходил из дома.

Московский период его жизни описан в воспоминаниях о нем подробно. Я расскажу только о некоторых моментах.

Я помню, как Эдуард, задыхаясь, читал в нашей московской комнате стихи о четырех ветрах. Тогда собирались делать оперу из "Думы про Опанаса". Помню его комнату в Камергерском переулке с аквариумами до потолка, придвинутым впритык к тахте столом; здесь он спал, жил и работал. И еще несколько стульев для посетителей, которых он любил и хотел видеть. Я помню Кирсанова, Вадима Стрельченко, Липкина, Ярослава Смелякова, их было много около него, молодых поэтов. Но я помню, как он отбивался от графоманов. Над столом висел телефонный аппарат. Багрицкий на звонок снимал трубку и на всякий случай говорил каким-то хриплым, но высоким бабьим голосом: "Вам кого?". И если нужно было, продолжал: "Багрицкого? Его нет. Когда придет? Не знаю. А может быть, и не придет. До свидания". Отвечала баба ко всеобщему удовольствию присутствующих.

Вскоре Багрицкий и вовсе перестал выходить из дома. Как же мы были удивлены, когда узнали, что он собирается ехать в Ленинград! Оказывается, знакомый рыбовод рассказал ему, что в Ленинграде у кого-то есть рыбки, которых нет в Москве, и надо бы поехать взять их. Эдуард привез рыбу. Кажется, она называлась *бойцовый петух*. По-моему, это был последний раз, когда он покидал свою комнату. Умер Эдуард Георгиевич в 1934 году.

Бабеля мы встречали и в 30-х. В 1938 году мы часто с ним встречались в Москве. Я не знаю писателя более жадного до встреч, до узнавания подробностей жизни самых разных людей, из самых разных слоев. От мелких воришек и крупных бандитов до известных всему миру ученых, художников, военачальников, чиновников, беговых "жучков".

Я никогда не забуду, как он смотрел на Андроникова, когда увидел его в первый раз. Ираклий Луарсабович любил слушавших его впервые. Они познакомились у нас, и Ираклий Луарсабович становился Алексеем Толстым, Качаловым, Солертинским. Не только голос, мимика, поведение, тексты, которые он для них сочинял, были их способом выражаться, думать, острить или сердиться. Мы часто слушали Андроникова и теперь только радостно смеялись, а Бабель всматривался в него, он как бы врезался в него. Мы очень любили рассказ Андроникова о его тете и дяде, двух грузинских супругах-старичках. В их диалоге-споре, придуманном Андрониковым, он становился то тетей, то дядей с такой непостижимой убедительностью, что это казалось чудом. Бабель всматривался в Андро-

никова, как будто хотел понять: как сделан этот удивительный инструмент. Он только один раз произнес шепотом: "Черт, он — черт", — и, не сдерживая волнения смотрел, вытянув голову, как охотник, нацеливаясь, боясь упустить драгоценную добычу. Ему нужно было все понять.

Однажды он сказал своему другу:

— Я сегодня встретил Женичку, нашу одесскую Женичку. Она пригласила меня в гости. Вы представляете себе, она сказала: "Я вышла замуж за Николая Ивановича Ежова!" Вы понимаете, наша Женичка — Первая Дама Империи! Я пойду туда! Интересно, как у них там?

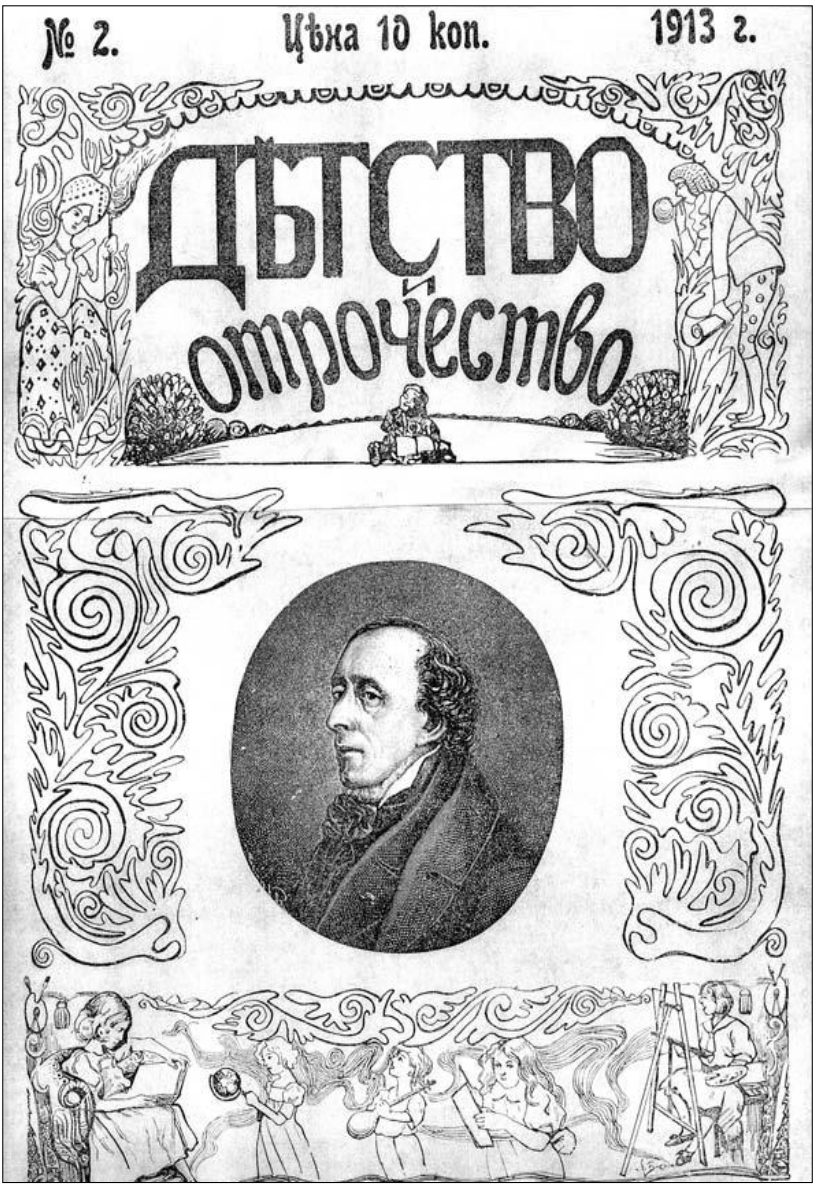
Его писательское любопытство и довело его до трагической гибели. Председатель комиссии по реабилитации рассказывал, что он, знакомясь с его делом, нашел в папке, на которой было написано "Хранить вечно", записку, вернее, расписку. Бабель писал, что приговор к расстрелу он выслушал. Он просит обвинения, которые он подтвердил, не выдержав пыток, против лиц, ему называемых, считать недействительными, так как он этих людей не знает.

— Ваш друг — герой, — сказал председатель комиссии. — Человек, услышавший, что его через минуту не будет, подумал, что он может навлечь беду на других людей. Он — герой!

Как это страшно и горько...

В 1942 году в Воронеже я услышала о том, что убит Сева Багрицкий, военный корреспондент, поэт. Его нашли в избе, он был один, мертвый, у печки с рукописью в руках, В этой избе располагался штаб какой-то воинской части. Внимание фашистов привлекли самолеты, летавшие над деревней. Охраняют, значит, военный объект. Налетевшие вражеские самолеты выпустили заряд по деревне, население которой было давно эвакуировано, по избе, из которой штаб уже уехал. Выпустили весь заряд по одному Севе. Он остался в пустой избе, выправлял фронтовую корреспонденцию. Ему было 20 лет, самому младшему из моих дорогих одесситов.

Публикация Владимира РУБЦОВА

№ 2.
Цѣна 10 коп.
1913 г.
ДѢТСТВО
и
ОТРОЧЕСТВО

"Симпатичное начинание"

Так благосклонно в Одессе отметили выход журнала "Детство и отрочество" (1912-1913). Этот "литературно-художественный с научным отделом двухнедельный журнал для детей" стремился отойти от шаблона уже существующей подобной периодики. Издателем была домашняя учительница Хана Рабинович, которая сумела привлечь к сотрудничеству в журнале известных одесских журналистов и литераторов Незнакомца (Б. Флит), Лоренцо (Б. Генис), Альцеста (Е. Генис), П. Пильского, С. Юшкевича, молодых поэтов Э. Короткого, С. Гехта, Б. Бобовича, Н. Топуза. Наряду с местными силами здесь также печатались столичные авторы.

Привлекает и внешний вид журнала, выполненного в формате большой детской книжки с цветной обложкой, щедро иллюстрированного живописными произведениями, графикой, фотографиями.

После выхода первого номера журнала в газете "Южная мысль" появилась благожелательная рецензия, где отмечалась "опрятная внешность его и очень вдумчивое и любовное отношение к задачам, которые себе поставили идейные руководители этого издания".

В каждом номере обязательно публиковались рассказы о школьной и гимназической жизни с тонкими переживаниями подростков, поучительные истории о животных и об отношении к ним детей. На страницах журнала много стихов – сентиментальных, назидательных и глубоко лирических.

Сразу же в журнале появилась рубрика "Страничка наших читателей", и юные писатели и поэты доверчиво вверяли сверстникам свои первые опусы; по ним можно узнать круг интересов детей того далекого времени.

Подросткам регулярно подавали "научные забавы", учили "своими руками" ставить опыты и делать полезные мелочи, то есть "упражнять детскую фантазию и образовывать вкус ребенка".

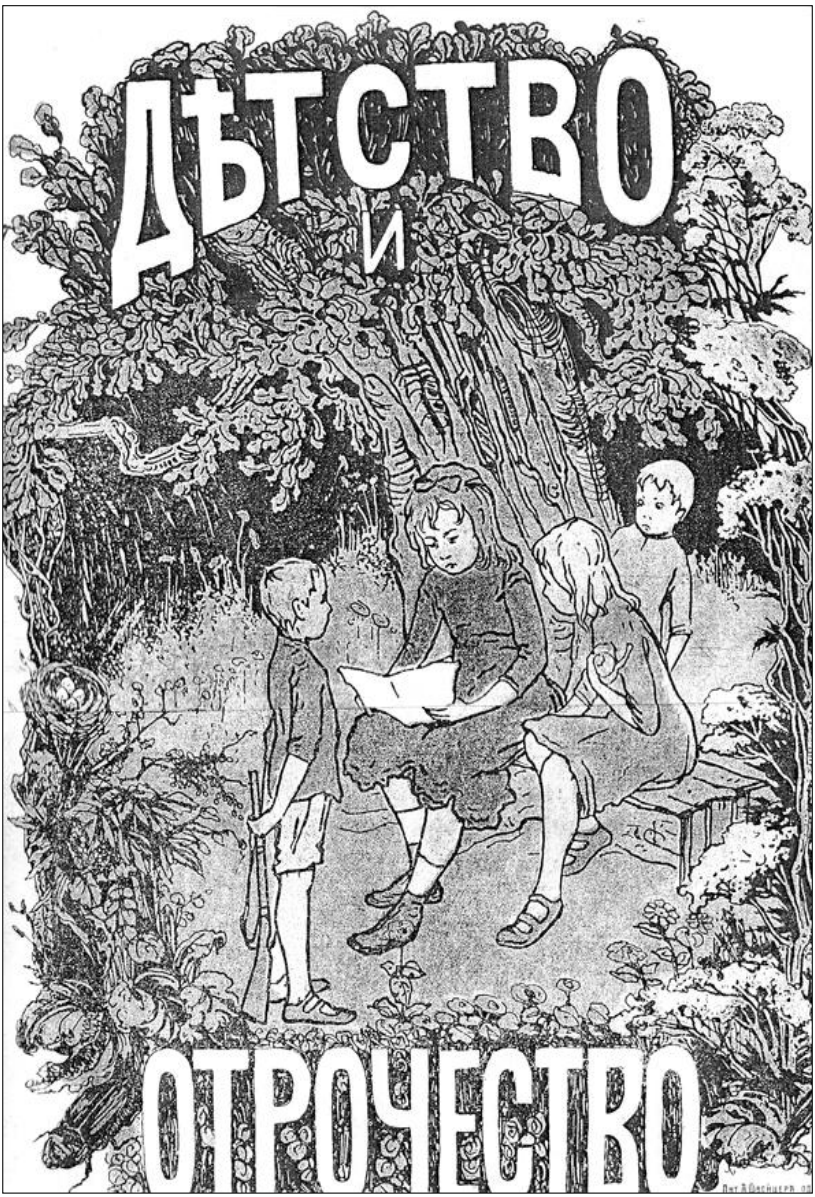
Ребятам старались деликатно подать и грустные моменты жизни. Например, отдельный номер журнала "Белый цветок" был посвящен "злому врагу человека – чахотке" с публикацией стихов умершей от болезни 15-летней Вали Ивановой; в другом номере рассказали о гибели "Титаника".

Постоянной была библиографическая рубрика с обзором новинок литературы. Планомерно прививался подрастающему поколению интерес к классической литературе. Одна из первых публикаций по этой теме называлась "Любите Пушкина", затем появился материал памяти популярного писателя Мамина-Сибиряка, рассказы о Некрасове, Андерсене, Дефо, Свифте, Сервантесе, Гюго и др.

К сожалению, журнал выходил немногим более года. Менялись редакторы, журналисты увлекались новыми проектами. Очевидно, появились и финансовые проблемы...

Жаль, конечно, что не случилось у журнала многолетней жизни, но тем не менее, в истории журналистики Одессы подобный опыт и сейчас представляет большой интерес.

Татьяна ЩУРОВА

ДЪТСТВО
И
ОТРОЧЕСТВО

МАЛЕНЬКІЙ КЛОУНЪ.

I.

Огромный циркъ былъ ярко освѣщенъ. Сегодня тамъ должно было происходить большое представленіе.

Къ цирку подъѣзжали экипажи, кареты, автомобили, выходили нарядные люди и всѣ спѣшили къ кассѣ, чтобы запастись билетами.

По стѣнамъ цирка и у входа висѣли громадныя афиши, на которыхъ красными буквами было написано:

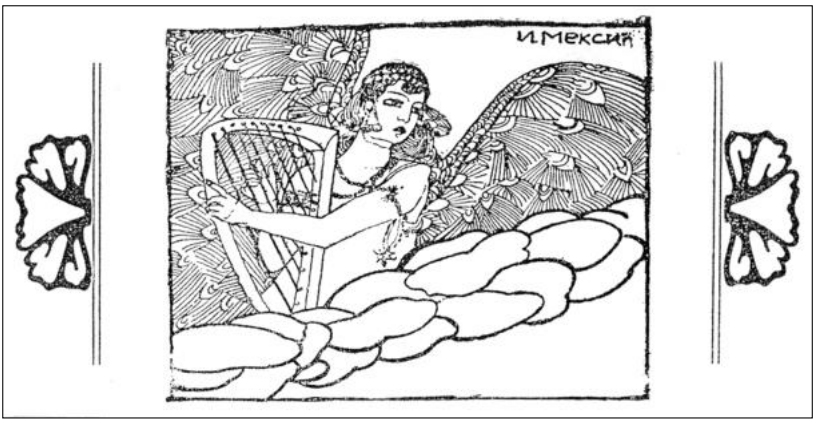
ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ
знаменитаго маленькаго клоуна!
САНЧО-ПАНСО!.
10 лѣтъ.

И всѣ спѣшили посмотрѣть, каковъ этотъ замѣчательный клоунъ, и чѣмъ онъ позабавитъ публику...?

Тамъ, на улицѣ, было холодно и темно. Снѣгъ падалъ огромными хлопьями, и морозъ щипалъ бѣдныхъ прохожихъ и дожидавшихся цѣлыми часами на улицѣ извозчиковъ...

А здѣсь, въ циркѣ, было такъ свѣтло и весело. Всюду стояли люди, горѣли яркія лампы, гремѣла музыка...

Представленіе началось... Маленькій Коля съ мамой и дядею въ первый разъ былъ въ циркѣ.

Его взяли съ собою въ видѣ награды, за то, что онъ хорошо учился цѣлую недѣлю и усердно пилъ рыбій жиръ.

Мама обѣщала ему:

— "Если ты будешь всю недѣлю пить рыбій жиръ, ты пойдешь въ субботу въ циркъ".

И, конечно, она исполнила свое обѣщаніе... Коля жадно оглядывалъ огромное помѣщеніе цирка, ложи, гдѣ сидѣло по 5-6 человѣкъ, кресла, галлерку, гдѣ-то тамъ, высоко, высоко... Но недолго онъ могъ разсматривать залъ, такъ какъ на аренѣ уже шло представленіе...

12 прекрасныхъ лошадей бѣгали по круглой аренѣ и по знаку дрессировщика исполняли разныя штуки.

Эти умныя животныя понимали человѣка безъ словъ и по одному его взгляду прыгали черезъ препятствія, скакали, поворачивали, катали бочку и даже качались на качеляхъ.

II.

Это все было очень смѣшно, и Коля въ увлеченіи даже захлопалъ.

Потомъ вышли гимнасты. Потомъ жонглеры, которые бросали вверхъ высоко, высоко разные предметы, напримѣръ, зажженную лампу, и ловили ихъ обратно въ руки.

Но публика все ждала маленькаго клоуна.

— Мама, когда будетъ маленькій клоунъ? — спросилъ Коля. Мать посмотрѣла въ программку и отвѣтила: — Это во второмъ отдѣленіи, милый...

— Ахъ, если бы скорѣе началось второе

отдѣленіе, — подумалъ Коля и сталъ смотрѣть на дрессированныхъ свиней, которыхъ вызвалъ на арену большой клоунъ, весь вымазанный въ муку и безсмысленно кривлявшійся.

III.

И вотъ, въ то самое время, когда вся публика съ замираніемъ сердца слѣдила за смѣлыми акробатами, которые ходили по проволокѣ такъ же свободно, какъ всѣ люди по полу, садились на стулъ, который двумя ножками стоялъ на проволокѣ и т. д., — въ это самое время откуда то сверху раздался ужасный раздирающій душу крикъ:

— Пожаръ! Горимъ!

Циркъ, весь огромный циркъ замолкъ... Но черезъ мгновеніе началось ужасное бѣгство. Женщины и дѣти рыдали, мужчины скакали черезъ стулья, черезъ кресла, другъ черезъ друга. Истерическій визгъ и плачъ стоялъ въ циркѣ, гдѣ еще за минуту царило такое веселье.

Еще одно мгновенье — и всѣ люди задавили бы другъ друга и въ безумномъ ужасѣ погибли бы всѣ.

Но вдругъ съ арены раздались веселые звуки гармоники. И чей то дѣтскій голосокъ запѣлъ веселую пѣсенку.

Это было такъ неожиданно, такъ поразило всѣхъ, что публика на минуту замерла... А. въ эту минуту съ арены раздался звонкій голосъ:

— Успокойтесь, никакого пожара нѣтъ!!

Всѣ оглянулись: на аренѣ стоялъ маленькій клоунъ Санчо-пансо. Его клоунскій нарядъ нисколько не портилъ миловиднаго личика.

Онъ звонко смѣялся... И снова заигралъ на гармоникѣ.

Прошла минута! Толпа оглянулась во всѣ стороны... Никакого пожара не было. Оказалось, что крикнулъ одинъ карманный воришка, который хотѣлъ въ толпѣ воспользоваться моментом и снять пару-другую часовъ или кошелекъ.

И достаточно было одной минуты, чтобы публика опомнилась...

Паника улеглась, а маленькій клоуинъ гордо стоялъ на аренѣ и говорилъ:

— Стыдно, господа! Точно вы маленькіе!..

Громъ аплодисментовъ раздался въ отвѣтъ. Это было выраженіемъ благодарности маленькому герою, который спасъ своимъ хладнокровіемъ тысячи жизней. А потомъ началось представленіе.

Онъ плясалъ и веселился, и никто не зналъ, что творится въ его маленькой душѣ.

Можетъ быть, онъ былъ голоденъ, можетъ быть онъ не имѣлъ матери или отца?.

Но этотъ мальчикъ смѣялся сквозь слезы!

Онъ былъ еще маленькимъ, но жизнь уже научила его хладнокровію и труду...

Весь циркъ хлопалъ маленькому клоуну!

Всѣ жалѣли мальчика, всѣмъ былъ онъ дорогъ, этотъ маленькій клоунъ...

Но никто не заглянулъ въ его душу, никто не зналъ весело ли самому клоуну?.

Циркъ смѣялся!..

Клоунъ смѣялся! Но можетъ быть его маленькая душа рыдала и плакала?

Кто знаетъ, кто скажетъ?!.

Пожалѣйте его, дѣти!..

Незнакомецъ.

Тоска.

Тихо догораетъ свѣчка...
Свѣтъ свой на меня бросаетъ...
Не теплится больше печка...
Все тоска меня снѣдаетъ.
Всѣ, свои закрывши очи,
Крѣпкимъ дремлютъ сномъ,
Только я сижу средь ночи,
Бодрымъ, какъ и днемъ.
Про дни минувшіе тоскую,
Когда я счастливъ былъ,
Когда обласканъ былъ родными,
Когда въ согласьи съ ними жилъ.
Я дни былые призываю
Съ мольбою, со слезами,
Я счастье и добро имъ обѣщаю,
Напрасно... Ограда между нами.

С. Гехтъ.

Осенніе листья.

Осенніе листья... Какъ слезы,
Роняетъ пхъ бѣдный нашъ садъ...
И сучья простерли нагія березы,
И листья на землю летятъ...

Ковромъ застилаютъ тропинки.
Шуршатъ подъ ногами они...
Спадаетъ слеза за слезинкой,
Покрылися листьями пни...

Врывается вѣтеръ сквозь чащу,
Деревья тоскливо шумятъ...
На землю все чаще и чаще
Поблекшіе листья летятъ...

Забились стрекозаы-плясуньи
Въ вѣтвяхъ одинокой сосны...
Поникли на клумбѣ петуньи:
Имъ осень навѣяляа сны.

Осенніе листья... Ихь много...
Осыпался старый нашъ садъ...
Въ саду золотится дорога...
Осенніе листья летятъ...

Бор. Бобовичъ.

Ожилъ Панъ

Пляшутъ нимфы. Въ чащѣ праздникъ,
Грузно скачетъ фавнъ-проказникъ
Межъ овраговъ и полянъ
И гогочетъ:— Ожилъ Панъ!
Всѣхъ встревожилъ безобразникъ
Дикимъ крикомъ:— Ожилъ Панъ!
Всѣхъ вспугнулъ и всѣхъ встревожилъ.
Сонный боръ, какъ въ сказкѣ, ожилъ.
Даже сумрачный бекасъ —
Тотъ со сна пустился въ плясъ
И веселье всѣхъ умножилъ
Соннымъ кличемъ: — Гайда въ плясъ!
Зной — до дремы, до истомы.
Пляшутъ нимфы, пляшутъ гномы,
И несется средь полянъ
Крикъ васелый: — Здравствуй, Панъ!
Дрогнулъ лѣсъ: ему знакомы
Эти крики: — Здравствуй, Панъ!

Эмиль Кроткій.

Петербургъ.

Всякая всячина.

Какъ узнаютъ время въ Турціи.

Въ Турціи часы являются весьма мало распространенной роскошью и нерѣдко въ большой толпѣ не найдется ни одного человѣка, который могъ бы по часамъ сказать, который часъ.

Несмотря на это, турки умѣютъ удивительно вѣрно узнавать время по нѣкоторымъ примѣтамъ. Наиболѣе распространеннымъ способомъ опредѣленія времени является слѣдующій: они опредѣляютъ двѣ основныя точки компаса и затѣмъ складываютъ руки такимъ образомъ, что одинъ указательный палецъ направленъ вверхъ, а другой внизъ — и затѣмъ слѣдятъ за тѣнью. Утромъ или вечеромъ въ опредѣленный часъ одинъ изъ пальцевъ будетъ непремѣнно обращенъ къ солнцу. Сравненіе двухъ тѣней опредѣляетъ промежуточное время.

На востокѣ чрезвычайно распространенъ способъ узнавать время по глазамъ кошки. Рано утромъ и вечеромъ зрачки ея круглые, въ девять часовъ и въ три часа — овальные, а въ полденъ они представляютъ лишь узкую щелку.

Сообразительный ученикъ.

— Ну, дѣти! — сказаль учителъ начальнаго училища на урокѣ ариѳметики, — будьте внимательны и подумайте прежде, чѣмъ отвѣчать.

Ученики насторожились, нѣкоторые даже рты открыли.

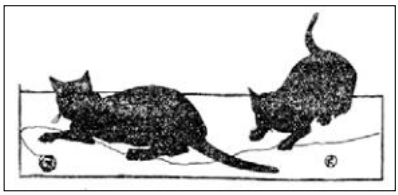
— Что бы вы хотѣли лучше получить — три бумажныхъ мѣшка съ двумя яблоками, или же два мѣшечка съ тремя яблоками въ каждомъ? — спросилъ учитель.

— Три мѣшечка съ двумя яблоками въ каждомъ, — отвѣтилъ мальчикъ съ послѣдней скамейки, когда остальные ученики еще думали надъ рѣшеніемъ вопроса.

— А почему, Павлуша? — спросилъ учитель.

— Потому что тогда будетъ на одинъ мѣшечекъ больше, а если его надуть, то можно громко хлопнуть, — отвѣтилъ мальчикъ.

Мыши-работницы.

Одна англійская газета разсказываетъ, что въ Манчестерѣ одному рабочему пришла въ голову остроумная мысль — использовать мышечную силу мышей для бумагопряденія. Поймавъ нѣсколько штукъ этихъ миловидныхъ звѣрьковъ, онъ посадилъ ихъ въ особую клѣтку, особеннымъ образомъ устроенную. Безпрестанно убѣгая по клѣткѣ, мыши приводятъ въ дѣйствіе своимъ движеніемъ бумаго-прядильный станокъ. При этомъ замѣчено слѣдующее: каждая мышь пробѣгаетъ въ годъ среднимъ числомъ, отъ 15 до 18 верстъ и ткетъ до ста нитокъ. Это даетъ ежегоднаго дохода 3 р. 25 коп. Если отсюда вычесть 28 копѣекъ (стоимость ежегоднаго содержанія мыши) и 47 копѣекъ (ежегодный ремонтъ машины) получимъ чистаго барыша 2 руб. 50 коп. въ годъ на каждую мышь. Газета добавляетъ, что одинъ фабрикантъ, узнавъ объ этихъ выгодныхъ работницахъ, хочетъ поставить это дѣло на практическую почву, намѣреваясь выстроить огромный домъ. гдѣ до 1000 маленькихъ прядильныхъ станковъ будутъ производиться въ движеніе мышами.

Всякая-всячина.

„На чай".

Какъ извѣстно, почти вездѣ существуетъ скверный обычай давать "на чай", дарить деньги за услуги. Въ ресторанахъ, кофейняхъ, театрахъ и др. мѣстахъ служащіе не только не получаютъ отъ хозяевъ опредѣленнаго вознагражденія за работу, но и сами приплачиваютъ. А за это они пользуются "чаевыми" у посѣтителей.

Многіе стали уже отказываться отъ этого унизительнаго обычая: такъ напр., въ нѣкоторыхъ парикмахерскихъ взымаютъ за стрижку большую плату, лучше вознаграждаютъ служащихъ, но отказываются отъ подачекъ. Въ Петербургѣ нѣкоторыя общества оффиціантовъ, капельдинеровъ и пр. запрещаютъ своимъ членамъ пользоваться "чаевыми".

Американскія газеты недавно сообщили о томъ, сколько денегъ раздаютъ "на чай" американскіе богачи.

Милліонеръ, мистеръ Дэли, говоритъ, что при каждомъ посѣщеніи бѣговъ онъ раздаетъ продавцамъ программъ, конюхамъ, полицейскимъ и др. не меньше 37 рублей.

Джэкобу Астору вечеръ въ театрѣ стоитъ 500 руб., простая прогулка по улицѣ не дешевле 200 руб.

Рокфеллеру же новогодніе чаевыя и подарки обходятся почти въ 200000 руб.

Подарки богачей.

Въ прошлый разъ нами сообщалось о щедрыхъ подачкахъ "на чай" американскими милліардерами. Теперь журналъ "Всходы" разсказываетъ о подаркахъ этихъ людей своимъ любимымъ дѣтямъ. Въ этомъ году извѣстный милліардеръ Больтиморъ на праздникъ Рождества Христова сдѣлалъ своему сыну необыкновенный подарокъ. Въ одной изъ комнатъ дома была устроена цѣлая деревня съ церковью, мельницами, пастбищами и лѣсами; когда же нажималась кнопка, деревня оживала: мельница приходила въ движеніе, колокола звонили и маленькіе человѣчки двигались, вертѣлась карусель и дѣти играли въ хороводъ, даже птицы начинали пѣть.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„ТРУДЪ“

Одесса, Дерибасовская № 25. Телефонъ 19-28.

Вся новѣйшая литература

получается немедленно по выходѣ изъ печати.

УЧЕБНИКИ

для всѣхъ среднеучебныхъ заведеній послѣд. изданій въ роскошныхъ коленноровыхъ переплетахъ.

Каталоги высылаются безплатно.

Книжный магазинъ «Трудъ» высылаетъ налож. плат. всѣ существующія въ продажѣ книги, опубликованныя въ газетахъ, журналахъ и каталогахъ книжныхъ магазиновъ и издательствъ.

ТОВАРИЩЕСТВО

Бродскій и Ко.

Готовые Изящные Дѣтскіе Наряды въ большомъ выборѣ.

Цѣны доступныя

для Мальчиковъ и Дѣвочекъ до 15 лѣтъ

= тоже =

принимаются заказы.

ПО ЗАГРАНИЧНЫМЪ МОДЕЛЯМЪ.

Пэйнъ Уистлэй (тоже милліардеръ) своему двухлѣтнему ребенку подарилъ погремушку, украшенную драгоцѣнностями и стоющую нѣсколько тысячъ рублей.

Дочь Лорда Шарона получила въ подарокъ куклу, стоющую 15-ть тысячъ рублей. Эта кукла двигается и говоритъ, она снабжена массою туалетовъ, серебряной посудой и проч. Особая горничная ухаживаетъ за куклой, выполняя каждый капризъ ея владѣлицы. Одинъ филадельфійскій богачъ приподнесъ своему сыну благоустроенную желѣзную дорогу, выполненную прекрасно и стоющую, разумѣется, громадныя деньги.

Шалунья Валя.

Безримѣрнѣйшій скандалъ,
Слыханный едва-ли!
Дядя снова передалъ
О проказахъ Вали.
— Въ цѣломъ мірѣ не сыскать
Этакой плутовки:
Можетъ часъ она писать
Три строки диктовки!
Быть ей въ дружбѣ — надо ждать! —
Съ единицей — палкой
И во-вѣки не видать
Даже двойки жалкой!..
Узнавая день за днемъ
Про проказы Вали,
Мы рѣшили обо всемъ
Написать въ журналѣ.

Эмиль Кроткій.

С.Н. Суховецкая-Исполатова "Въ углу".

Иван ЛИПТУГА

Швейцарское качество — швейцарский стиль жизни

Швейцария — маленькая страна в самом сердце Европы, объединившая в себе черты и особенности разных европейских государств. Швейцария является своего рода небольшой моделью Европы. На севере и в центральной части — немецкая точность и строгий стиль жизни, на северо-востоке австрийский дух, на юго-западе французская богемная жизнь, и совсем рядом — итальянская часть Швейцарии с теплым итальянским колоритом.

Но несмотря на скромные географические размеры, Швейцария распростерла свои границы далеко за пределы европейского континента благодаря утвердившемуся в мире имиджу страны качественных часов, надежных банков, современной медицины, безупречного образования, вкусного шоколада и сказочной природы. Швейцария утвердилась в сознании большинства людей как символ качества и престижа.

Благодаря такой репутации Швейцария ежегодно привлекает миллионы туристов и истинных ценителей качественной продукции и услуг. Путешествуют в Швейцарию все — школьники и студенты, деловые люди и дипломаты, туристы и пенсионеры. При этом любое путешествие в эту страну оставляет ярчайшие и незабываемые воспоминания, и ощущение качества во всех аспектах, качества, которого желает в жизни каждый.

Швейцария занимает территорию около 40000 квадратных километров и обладает самыми разнообразными формами ландшафтов. Горные вершины Альп сменяются круглогодично изумрудными лугами и равнинами с кристально чистыми озерами и реками. Мирно пасущиеся на зеленых лугах коровы и овцы, пышные виноградники и сады, обилие рыбы в прозрачной воде озер говорит о здоровье и чистоте природы, которую бережно сохраняют жители этой сказочной страны.

Говоря о здоровье, нельзя не сказать о швейцарской медицине. Швейцарская медицина зарекомендовала себя как наиболее современная, качественная и инновационная в мире, и это действительно так по нескольким причинам. Первая и главная причина — это образование. Медицинское образование в Швейцарии получают на протяжении 14 лет. Это означает, что молодой человек, выбравший для себя после окончания школы профессию врача, сможет впервые самостоятельно работать с па-

JUST IN TIME

PLASKE
ПЛАСКЕ

ТОЧНО ВОВРЕМЯ

SWISS QUALITY. SWISS LIFESTYLE
ШВЕЙЦАРСКОЕ КАЧЕСТВО. ШВЕЙЦАРСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Транспортно-туристическое агенство ПЛАСКЕ представляет в Украине

ELITE RENT

GENOLIER Clinique
Клиника «GENOLIER»

fincorpo.com legal services
Fincorpo.com

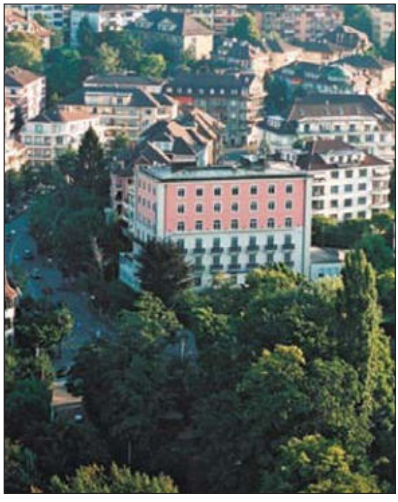
C.I.M BANQUE
CIM Bank

GENOLIER
Swiss Medical Network

GENOLIER
Clinique

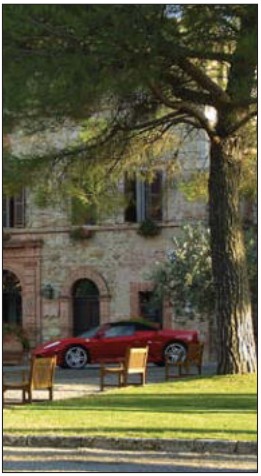

MONTCHOISI
Clinique

VALMONT-GENOLIER
Clinique de réadaptation

ELITE
RENT

циентом лишь после четырнадцати лет учебы и стажировки. За эти годы врач приобретает высокий уровень знаний, навыков и степень ответственности для работы в сфере здравоохранения. Вторая причина — огромные вложения медицинских учреждений, кантональных госпиталей и частных клиник в приобретение лучшего из существующего в мире медицинского оборудования и медицинских препаратов. Третья причина — вложения в разработку инновационных медицинских проектов, которые позволяют находить решения в излечении тяжелейших человеческих заболеваний.

И четвертая — главная причина — отношение врачей к пациентам. Отношение и внимание врачей — это наиболее важная составляющая швейцарской медицины. К пациенту заведомо относятся не как к больному, который уж коль пришел в клинику, то его обязательно нужно вылечить от чего-то, а как к здоровому человеку, которого в данный момент может что-то беспокоить. Но прежде чем принять решение о самом лечении, любой врач проведет детальное обследование, сообщит пациенту о его результатах и всех возможных причинах того или иного беспокойства или заболевания, а также предложит возможные варианты лечения. При этом, если существующую проблему возможно решить без лекарственного или операционного вмешательства в организм, то врачи предложат только такой

способ. Спокойствие за свою безопасность в швейцарских клиниках вселяет внимательность врачей и информирование пациента на всех уровнях взаимоотношений с медицинским учреждением. Постоянное чувство заботы и доброты окружает в клиниках Швейцарии.

Частные клиники, такие, как, например, сеть клиник "Женолье", кроме медицинского обслуживания предлагают для состоятельных клиентов дополнительный сервис гостиничного обслуживания, ресторанного питания, услуг консьержа и удовлетворения других пожеланий и прихотей взыскательных пациентов.

Сеть клиник "Женолье", состоящая из семи медицинских комплексов, в основном, во французской части Швейцарии, предлагает самые современные уникальные медицинские разработки в области онкологии, кардиологии, пластической хирургии, ортопедии, офтальмологии, гинекологии и урологии, и других сферах медицины. Все клиники оснащены комплексами для госпитализации, дополнительными гостиничными сервисами, своими ресторанами и кафетериями. Интерьеры и экстерьеры клиник сделаны в современном дизайне и не создают у пациентов ощущения нахождения в больнице. Прекрасные пейзажи — озера и горы Швейцарской Ривьеры — и чистейший воздух сами по себе способствуют оздоровлению и улучшению душевного состояния пациентов и их сопровождающих.

Так как клиники находятся на удалении от аэропорта Женевы, в партнерстве с компанией "Элит Рент" клиники Женолье предлагают услуги по доставке клиентов на автомобилях любого класса. От "Пежо" до "Ролс-Ройса". Клиенты могут арендовать автомобили для самостоятельного вождения или с шофером. Для тех пациентов, которые не могут передвигаться в автомобиле, возможна доставка вертолетом прямо в клинику.

Возможно, все это звучит слишком идеалистично для нашего читателя, но поверьте автору этой небольшой статьи насчет качества швейцарской жизни, — я побывал в этой стране множество раз, и вполне мог бы привыкнуть к ней, и перестать обращать внимание на ее особенности, — но это почти невозможно. И как некогда сказала королева Великобритании Елизавета Вторая, "Швейцария — это рай", и была в этом недалека от истины.

ЭЛАНА*

Игра в поддавки

Святой долг цивилизованной женщины состоит в том, чтобы не превосходить мужчину. До сих пор многих из них независимая женщина пугает, умная раздражает, а сильная подавляет и напрягает.

Но можно ли не превзойти человека, который не хочет напрягаться? Можно. Если сыграть с ним в поддавки. Эта занимательная игра расслабляет и отвлекает его от тяжелой мужской доли — служения цивилизации (и помогает "соответствовать" придуманному им образу "настоящего" мужчины).

Тех женщин, которые отказываются играть в поддавки с мужчинами и этим мешают им расслабляться, называют по-разному, но смысл всех названий красноречиво сводится к одному: все они — амазонки.

Современные амазонки уже не стреляют из лука и почти перестали метать топоры, но они по-прежнему не боятся быть собой, то есть превосходить, раздражать, пугать и нервировать. Они не боятся ответственности за свои поступки и их последствия. А когда люди перестают бояться самих себя, они начинают возвращение к врожденному, но утраченному в течение жизни состоянию, которое называется счастьем.

Счастье долго не поддавалось научному определению: с философской точки зрения оно было иллюзией, с бытовой — везением и удачей. И только совсем недавно ученым удалось, наконец, установить, что это такое на самом деле.

И оказалось, что счастье — это чистой воды химия.

Это открытие произошло в 1970-х совершенно случайно: экспериментируя с системой иглоукалывания, ученые определили: иглы теряют безболезненность после ввода в организм блокиратора анальгетиков. Но сам анальгетик в организм не вводился. Возник вопрос: что же блокировал блокиратор, если блокировать ему было нечего?

Ответ на этот вопрос и стал сенсацией: оказывается, наш организм способен самостоятельно производить наркотический анальгетик, то есть морфин. Этот гормональный морфин встал в один ряд с уже известным гормоном адреналином, обостряющим творческие способности. И с серо-

* Под псевдонимом Элана публикует прозу психолог, одесситка, работающая в Вашингтоне. Предлагаем читателям главу из ее новой книги, готовящейся к печати в Одессе.

тонином, стимулирующим положительные эмоции. И с допамином, вызывающим удовольствие...

И так шаг за шагом наука доказала, что счастье — это химическая мозаика, все компоненты которой действительно даются нам природой от рождения.

Но если счастье спрятано внутри нас самих, почему же всю жизнь мы ищем его снаружи: в деньгах, вещах, других существах? Или в алкоголе и тех же наркотиках? Может, потому что, как утверждал Геродот, "боги не любят счастливых людей"? В какой-то момент истории люди, желая угодить богам, перестали обходиться внутренним ресурсом и занялись внешним поиском. И с тех пор чем упорнее они ищут счастье извне, тем меньше находят.

Результатом этого становится психическое расстройство, которое называется депрессией. Оно буквально косит население цивилизованных стран, доказывая: все успехи цивилизации, призванные делать нашу жизнь комфортабельнее и счастливее, на самом деле активно способствуют обратному. Парадокс это или закономерность?

Мы привыкли считать цивилизацию явлением положительным, неким источником культуры и гуманизма. Но к гуманизму она не имеет никакого отношения: слово "*цивилизация*" произошло от латинского слова *civitas* — "*государство*", которое, как уже известно, является аппаратом подавления.

Но все-таки, подавления чего именно?

В цивилизованном обществе человек может успешно функционировать, только постоянно подавляя свои естественные импульсы и эмоции. Таким образом, *цивилизация — это подавление естественной природы.* Как раз поэтому долг цивилизованной женщины и состоит в том, чтобы не подавлять мужчину своим естественным природным превосходством.

Долг этот достаточно трудноисполним, из-за того что никакие сложные законы цивилизации до сих пор не изменили простого закона природы: власть животворения дана только женскому полу и земле. Эта власть недоступна мужчинам и остается для них тайной за семью печатями. Той самой тайной, которую они всегда стремились разгадать и присвоить.

Чтобы проще было присвоить, сначала нужно обесценить. Чтобы обесценить — сначала нужно подавить. Государство, подменяя мать, само заботится о своих "детях": разрушив матриархальные общины и единое хозяйство, оно выставило себе на стражу свои ценности — иерархию и денежную систему.

Именно эта система способствует подмене внутреннего счастья на внешнее, на то, которое стимулируется внешними атрибутами: вещами, деньгами, землей и даваемым их количеством социальным статусом. Внутреннее счастье рождалось от ощущения себя и общества частями единой природы. Это ощущение было грубо подавлено и заменено на счастье внешнее, даваемое осознанием своего превосходства над природой и над обществом. Из состояния, с которым человек рождается и живет, счастье превратилось в редкий момент, вспышку. Даже сегодня ребенок появляется на свет с врожденным чувством постоянного счастья и теряет его по мере взросления, то есть с возрастанием давления на него цивилизации.

Денежно-товарная цивилизация подавляет природное счастье потому, что это состояние ей невыгодно: оно не стимулируется денежно-товарными приобретениями. Системе, которая концентрируется на количестве, а не на качестве, невыгодны счастливые люди, потому что они "часов не наблюдают". А если люди не станут покупать часы и остальные ненужные им товары, то система захлебнется.

Потому государство выставило себе на стражу социальную иерархию и денежную систему. И "кормильца"-отца. Если лишенная тайны мать дает молоко, — то он дает добычу. Он — Добытчик, и потому победитель.

Победителей история не судит, потому что именно они — победители — пишут эту историю, и пишут они ее так, чтобы судить их было не за что. И только когда победители теряют свои позиции и переходят в разряд побежденных, частичная правда о них все-таки доходит до нас.

Это верно и в масштабе семьи, и в масштабе государства. Вся история цивилизации и любые написанные по этой истории книги — это описания возвышений и падений государств: Римской империи, Египта, Ассирии, Золотой Орды... Их так называемые "нецивилизованные" орды на самом деле разносили по Земле именно цивилизацию, потому что цивилизация — это государство, государство — это порядок, а кочевые орды были единственными на то время сообществами, подчинявшимися строгой воинской дисциплине.

"Слово "*орда*" до букв совпадает с латинским словом "*ordo*", откуда корень "*ord-*" перешел в западноевропейские языки... и во всех этих языках это слово означает ряд, порядок, а если мы вспомним значение слова "*орда*" в смысле "*войско*", то войско, эффективно воюющее, — это, безусловно, войско предельно упорядоченное".

Именно от таких упорядоченных орд и защищали людей стены, которые они начали возводить вокруг своих деревень на определенном отрез-

ке истории. Точнее, не на отрезке, а в самом начале истории, которая, как известно, родилась вместе с письменностью.

Историю пишут победители: письменность — один из видов их оружия. Военные победители изобрели буквы, потому что военные приказы должны исполняться с буквальной точностью.

Главной ценностью дописьменных общин было общение — то есть живой разговор. Качество этого разговора и составляло культуру народа. Как мертвый заменитель живого общения письменность необходима цивилизации для активной пропаганды "своих" ценностей, которые всегда имели мало общего с ценностями истинными.

Таким образом, письменность — это победа громкого количества над тихим качеством, то есть победа цивилизаций над культурами.

Но побежденные всегда представляют для победителей потенциальную угрозу — угрозу поменяться с ними местами. Письмо же создает иллюзию окончательного уничтожения соперника, производя, так сказать, контрольный выстрел в голову. Только не пулей, а буквой.

Производится этот выстрел по-разному. Во-первых, язык победителей подавляет язык побежденных, как разговорный, так и письменный. Например, когда-то на острове Лемносе скрывались от греков последние из побежденных ими пеласгов (народа-предка писательницы Коринны). Согласно Геродоту, на этом острове пеласги сохраняли свой язык еще долго, после того как утратили его в Беотии.

Однако их надпись сделана не пеласгскими буквами, а древнегреческими. Эта надпись до сих пор не расшифрована, а так как Лемносская стела является единственным сохранившимся памятником пеласгского языка, то можно утверждать, что греческие победители достигли-таки своей цели.

Во-вторых, записанная история легко корректирует неписаные факты под интересы пишущих, меняя дату события, его контекст и интерпретацию. "Что написано пером — не вырубишь топором", и последующие поколения уже искренне принимают художественный вымысел за документальный факт.

И в-третьих, письменность сама по себе является мощным идеологическим инструментом товаро-денежной цивилизации. Когда-то идеология эта прикрывалась религией. Три мировые религии развили и сформировали три системы письменности: католицизм — латиницу, православие — кириллицу, а ислам — арабскую вязь. Исламские направления шиизм и суннизм развили два разных вида вязи.

Сегодня только вязь продолжает "обязывать" людей религией. Латиница же одаривает народы уже не католицизмом, а капитализмом. Филиппины, Индонезия, Малайзия, Корея, Вьетнам, а также исламская Турция и православные Румыния, Чехия и Хорватия широко пользуются латиницей.

В начале XX века важным идеологическим инструментом стала наша кириллица. В качестве официального алфавита коммунизма она начала тогда победный скок по Восточному полушарию: на кириллицу перешли народы Северного Кавказа, Средней Азии, Поволжья, Крайнего Севера, Сибири, на кириллицу перешла Монголия.

А после 1991 г. многие страны кириллицы (Молдова, Черногория, Монголия, страны Средней Азии) переметнулись в лагерь латиницы, рекламирующей товаро-денежные ценности "западной цивилизации".

Реклама — двигатель торговли. Цивилизованные женщины являются главными потребителями товаров, производимых цивилизацией. Таким образом, умело ассоциировав шопоголию с исконным занятием женщин — собирательством, цивилизация поставила не только мужчин, но и женщин на стражу своей незыблемости и заставила их самих закрыть себе путь к счастью.

С одесским штрих-кодом...

Ключ без права передачи...

Одесса, парная на Провиантской.

Трое отходят после крутого пара. Разговор "от нечего делать". Видимо, речь о каком-то общем знакомом.

Первый, обращаясь ко второму:

— ...Слышишь! ШО-то он очень похож на Роминого папу, который делал ключи на Привозе. Правда, через те ключи он сейчас и сидит...

Второй сразу "не догоняет":

— Не понял! Что, за какие-то там ключи сейчас могут посадить?! Не понял...

Первый обращается за поддержкой уже к третьему. Говорит несколько приглушенным голосом — так, чтобы не услышал его собеседник.

— Ну! Как тебе это нравится? А?.. Ну как этому ИДИЁТУ объяснить, ШО Ромин папа делал ключи буквально до всего?!

После некоторой паузы он опять поворачивается в сторону непонимающего собеседника, чтобы дать окончательные пояснения:

— Уже слышишь! Ромин папа сидит потому, что ему... ноги отказали!.. Ровно на пять лет отказали!!! (Показывает пять пальцев.)

— А что будет потом?

— Потом будет видно...

Хоть стой, хоть падай...

— Тамара! Ой, вы упадете!..

— Что я упаду? Этот балкон выдерживает даже моего шурина! Вы же знаете моего шурина...

Так зачем же это "ой!" на людях?!

Я молчу...

Это вы как раз МНЕ сейчас рассказываете за тот нэп?

ТА мой дедушка с тем нэпом вместе за одним столом сидел...

Не уверен — не догоняй...

Я живу со скоростью 150 грамм в час...

Ничего страшного?

— Подожди, подожди!

Я уже давно понял, где и что ты жил. И уже понял, ШО ты ИМ веришь...

А теперь послушай сюда.

Я родился на Малороссийской угол Высокого переулка. Так еще тогда моя бабушка была хорошо жива, она говорила мне: "Яша, ты поц! Но ничего страшного...".

Я же был маленький и я переспрашивал: "Бабушка! А ШО такое поц?".

Она всегда махала рукой: "Яша — ты поц... Тебе надо знать?!".

Так что я сейчас смотрю?

Вчера передали, что после выборов уже сразу вернут все наши вклады.

Как раз мы им теперь нужны, как я хочу сейчас танцевать... А тут — "сразу вернут...".

Спрашивается, а откуда возьмутся эти деньги?

Они отвечают: "Вам надо знать?".

Ой! На их голову нет как раз моей бабушки...

Не короткое замыкание

Бухгалтер сделал плохую "проводку" и... сгорел магазин.

Гвоздь программы
(Отголоски Староконного)

— Ну?!

Ему не подходят эти гвозди! Шо, я первый день продаю?!

НА! Сам уже посмотри, ШО плохие гвозди?..

Ими ШО, надо прибивать Иисуса Христа?!

ТА девочка...

— ...Читаю ИХ газеты, смотрю ИХ телевизор...

Ну и что? Чему ОНИ хотят меня научить?!

Я 30 лет прожила в одесской коммуналке, на Гоголя, 6...

У нас жили одна проститутка, один пьяница, один музыкант, одна старая дева, один стекольщик, один дрессировщик из цирка и... два еврея.

Так ШО еще в этой жизни я не знаю?

Так чему ОНИ еще хотят меня научить?!

Монолог одесского человека

...Боже мой!

Этого не может быть!

Не понял? И ты еще здесь?!

ТА с моего дома на Пироговской уже все давно поуехали... Сначала — евреи, потом — "половинки". А дальше — даже дворники!.. А ШО, они не правы?!

Что, еще осталось с кем что-то сказать?!

Мне так что? Я хоть мир увидел. Плавал и там, и здесь, и всюду. Хоть был, ниврoку, раза три женат... Первый раз, правда, не в счет. Считай, это учебная тревога...

А сейчас?

Что ОНИ вообще себе думают? А?! Оказывается, в украинских школах не учат даже черчения... А как же потом в технический институт?

Кого спросить? Ты что!

Так я сам себе ответил: "Какое черчение? Кому черчение?! Что, в "Заповіті" Шевченко есть хоть одно слово за то черчение? Нет... Просто это он нам не завещал! И конец...

Но, скажу, ОНИ теперь не совсем идиоты. Вот иду в Водный институт, подымаю глаза и читаю табличку с новым названием улицы: "Композитора Нищинского". Ты представляешь, чтобы где-то написали: "Улица поэта Пушкина"?!

Видишь! А тут прямо-таки указано, что тот Нищинский был композитором! А так, кто еще знает, кто такой Нищинский. Иди, гадай...

А что тот Нищинский написал, хоть кто-то знает? Нет, не знает. А я тебе сразу скажу. Он же написал музыку к припеву от песни: "Гоп, мої гречаники! Гоп, мої милі...".

Ну? И куда дальше?!

Страшнее атомной войны?

— ...Ну, как тебе это нравится?!

Он сразу мне дал 64 (!) года. Такое дать!!!

Ни много ни мало...

Так что? Я уже так прямо вся похожа на ровесницу Хиросимы?!!

Бег с препятствием...

— ...Вот, дождались.

"Барселона" уже таки "кинула" за Саркози что-то 26 миллионов денег.

Кто кто, а они свои бабки "отобьют"... Можете даже не брать это себе в голову...

— Ты посмотри какой пацан этот француз! Успевает еще и в футбол играть!..

— Ну ты и идиот!

Я же просто фамилию перепутал! Саркози-Шмаркози...

Так что, уже нельзя самому перескочить через мои мозги?!!

Проверено — мин нет?..

— Ну, как тебе нравится этот "шнурок"?

Он уже третий (!) раз "заходит" на ЭТУ (!) должность. Ну, в тот рыбный магазин на Поскоте!

И я его как раз прекрасно понимаю. Ну кто же отходит от костра зимой?!

В штопоре…

— Ося?

Вы МНЕ будете рассказывать за того Осю?!

А я что, глухонемой?!

Ося!!! Хотя в натуре, он что-то в последнее время опять кидается в разные стороны.

То раньше всучивал кому попало цыганские туфли.

Потом уже "перекидывал" турецкие шаровары с перегоревшими электрочайниками...

Еще дальше — крутился с китайцами-менялами на 7-м километре...

А теперь, кажется, он уже по-взрослому толкает французские духи из... Азербайджана.

Короче, тот Ося уже хорошо "заходит на посадку"...

Семейная драгоценность...

— ШО ты не понял? А ШО тут вообще понимать!

У меня ювелирная торговля. Так поэтому я специально пошла на ювелирные курсы. Ну, там подучиться — подкрутиться...

А теперь я уже много чего узнала, о чем раньше и не догадывалась...

— Это хорошо...

Так теперь ты уже во мне разглядела брильянт?!..

Прохоровская улица
Диагноз мастера по ремонту напольных весов

— О!.. На хлеб уже мажется...

Теперь только надо понять, что...

К слову пришлось…

Он такой видный, представительный...

А она на лет 15 дешевле его.

В смысле моложе...

На Староконном

— ...Наша Бэлла уже, слава Богу, на втором месяце...

Вы ж понимаете, в ее возрасте... Теперь мы с мужем следим за каждым ее шагом.

Когда рожала Вика, кажется, мы не так переживали...

— Счастливые люди!

Иметь двух дочерей — на старости лет это клад.

— Каких дочерей? Каких две?!

Бэлла — это ретривер золотистый, а Вика — это таки дочь...

Заманчивые перспективы…

Фотоателье на Садовой.

С улицы забегает мужчина. Срочно нужны фотографии на паспорт.

Мужчина несколько перепуган...

Мужчина: Скажите, пожалуйста, а на украинский паспорт можно сфотографироваться в свитере?

Мастер: Я вас прошу! ТА садитесь уже...

Скоро ОНИ вообще нас оставят голыми...

Мнение гастроэнтеролога

...Он мне что-то совсем не понравился — ни из внутри, ни снаружи...

Обратной дороги нет?
(Из разговора по мобильному телефону)

— ...Надо уже начинать с ней что-то делать.

Уже, кажется, мозгами поехала насовсем.

То вчера в маршрутке на Фонтан не взяла сдачу со 100 долларов...

А то вдруг говорит: "Хочу, чтобы муж опять ко мне вернулся...".

Кто вернулся? Что вернулся?!

Он уже давно ушел "в мороз", тот муж...

Короче, еще чуть-чуть — и у меня от нее будет полная голова патронов...

Отчаянье…
(Из разговора в подворотне на Садиковской улице)

— Вот ты, Гриша, есть, а водки нету...

В одесской системе координат…

" Кто он? Что он?! Ему красная цена в серый день".

" Как раз с ней можно говорить не о материи, а только о тканях..."

" Это время надо пересидеть "в наличке"..."

" Попасть к ней в рот? Ты что!!! Обдаст с ног до головы, как проезжающая через лужу нахальная машина".

" Только для пианино можно вызвать на дом настройщика..."

" Еще при жизни... ушел из жизни..."

" Сердечность, граничащая с недостаточностью..."

" Пил, как и жил, — как-то невнятно..."

" Он душевно и одет, и обут..."

" Зажиточный минимум..."

" Наши отношения, которых нет, зашли в тупик..."

" Начал исправляться в худшую сторону..."

" Если ее загнать в угол, то еще неизвестно, кто в каком углу окажется..."

" Уже молчи что-нибудь..."

" Инженер-рецидивист".

Частная собственность

— ...Одна подруга вчера мне наговорила столько хороших слов, что я за всю свою жизнь столько не слышал...

Это все хорошо, но что со всем этим теперь делать?

— Как что?

Складывай!!!

Еще чуть-чуть — и будешь иметь уже свой собственный словарный запас.

Когда пробираешься через эту жизнь, все пригодится...

Для непоступающих в школу Столярского…

...А может, все-таки внести в нашу одесскую грамоту новую ноту "ША!". "ДО, РЕ, МИ, ФА, СОЛЬ, ЛЯ, СИ...". И тут на тебе "ША"!

Хотя бы появится какой-то смысл: "Мол, ША! Мол, не нажимай уже на тот клавиш! Уже "ША"...

Ответ знает только ветер…

...Что, я первый раз захожу или, не дай Бог, последний?

Что такое? Один раз нельзя выдать без того паспорта? А то сразу паспорт дай...

До послезавтра мой паспорт на прописке после обмена. Что сказать? Тот обмен был мне нужен, как вам сейчас на голову нужна контрольная закупка...

Но если уже у вас так идет, у меня есть другой паспорт. Хотя я там на фотографии еще с желчным пузырем...

Та ничего не случилось, просто потом его вырезали вместе с теми камнями.

Мало?

А когда я решила подлечиться и поперлась себе в Моршин. На УЗИ говорят: "Женщина, успокойтесь! У вас, слава Богу, никаких камней нет...".

Конечно, нет! Конечно!!! У меня и желчного тоже нет!

Вот так. Все смотрят только по сторонам и в карман.

А я что, жалела?

Платила за каждый сантиметр! Получила шрам так шрам — целый фашистский знак!!! А! Такое не увидеть!!! Чтоб им уже повылазило!

Ну?

Что жить? Как жить?

Платишь, платишь. Платишь, платишь!!!

Все на ветер...

Жизнь без перспективы?..

Всегда путался...

Где I Застава? Где II Застава?!

А теперь путаюсь еще больше...

I Застава — это там, где как раз меня бросила вторая жена.

II Застава — где я кинул первую...

Короче, все наоборот.

Короче, вот так в голове всегда переставляю...

Короче, всегда припоминаю, где меня бросили, или где бросил я...

Слава Богу, что у нас нет ни III, ни других Застав.

Так спокойнее.

Владимир ЕФИМЕНКО

Одесский трамвай № 15
Ностальгический ноктюрн

Это как раз тот самый трамвай, которого никогда не дождешься на остановке, но зато он грохочет за окном с завидной регулярностью, когда собираешься заснуть. Он стартует на Тираспольской площади и катится постепенно в другой конец, туда же, куда и все мы, — больница, кладбище, дурдом... Когда "пятнадцатый" скрипит на повороте возле Кирхи, вой, как от стаи волков. Вагоновожатые (в основном, женщины) имели манеру, поравнявшись со встречным вагоном, стать посреди улицы и приятно поболтать с подругой. Мы тем временем, если не торопились, тоже не скучали: помните надписи трафаретом внутри вагона? "Места для инвалидов и пассажиров с детьми". Соскрести лишние буквы было минутным делом: "...ест ...инвалид ...жир с детьми". Вот такой вот людоед! А еще: "Чтоб ты так проехал, как билет купил!". Или реплика: "Водитель! У вас задний проход забит!". Но это уже — хрестоматия. Компостеры давным-давно ушли в историю, а "компостировать мозги" — продолжают. Зато проехать, "как при коммунизме", то есть без билета, — было делом принципа. Наивные! Это как раз тогда и был коммунизм! В смысле цены.

В детстве мы с пацанами обожали использовать наши трамваи (чешские были еще редкостью) для самых разных целей: плющили гвозди, подкладывали капсюли и пачки пистонов, катались с риском для жизни на хвосте вагона, привязывали к нему железные ящики для стеклотары (чтобы громче грохотало). Однажды даже "словили" трамвай, закинув крюк на токосъемник, с привязанной к дереву веревкой. Слава Богу, "Мастера и Маргариту" мы тогда еще не читали. А Берлиоз — он же и в Африке Берлиоз... Везде играли в войнушки, и партизанское движение не щадило эшелонов. Но история не стоит на месте, и скоро, кажется, дети начнут играть в "мир" — интересно всегда то, чего в данный момент не хватает.

Если взрослые начинали громко возмущаться, мы забегали в парадную, а то действительно нас могли отправить в школу на уроки, которые мы дружно казенили. И в парадной можно было неплохо поразвлечься: наслюнить спичку, наковырять со стены побелки и, зажигая "ракету", запустить вверх. Спичка, естественно, прилипала к потолку, и догорев, оставляла черное пятно копоти. Дымучки из теннисных шариков и пластмассовых расчесок были вне всякой конкуренции. Некоторые бабушки

оставляли в парадных тарелочки с кормом для кошек. Это была благодатная тема: из обычной женской шпильки делалась рогатка, а тоненькая резинка продевалась в отверстия большой пуговицы. Потом эта пуговица на резинке закручивалась до предела, и в таком виде "адскую машинку" придавливали тарелочкой, что сверху и видно не было. Когда очередная бабушка рано или поздно снимала тарелку с пола, рогатка резко и неожиданно тарахтела, как живая. Микроинфаркты гарантировались.

Что касается надписей на стенах, это материал для отдельного исследования, но за все годы в плане содержания обновились только названия популярных групп: уже не Deep Purple, а, скажем, Eminem, остальное — без изменений, как всегда.

Неплохо работала бельевая веревка, если крепко связать дверные ручки у дверей, что напротив друг друга, и при этом одновременно позвонить во все звонки. Не подводил и суперклей, если им намазать перила или те же поручни в трамвае. Помнится, как-то под вечер некая бабушка ехала с тортиком на коленях, да и уснула. Какая-то золотая молодежь тоже направлялась на гулянку. Но что значит обычный кремовый тортик по сравнению с "Киевским"?! А у бабульки был именно "Киевский" — попробуй достань! И молодежь решила "махнуться" со спящей бабушкой, незаметно поменяв коробки. Они сошли тут же, на ближайшей остановке. А старушка, проснувшись, начала причитать: "Господи! Куда же они ее дели! Я свою Мурочку везла хоронить...". Воображаю радость именинника, которому вручили "тортик"!

Трамвай спустился до Балковской и теперь катил мимо Дюковского. Официально это был парк Перекопской победы, но изучение истории шагает так стремительно, что теперь это можно назвать, скорее, Перекопским поражением. Вот высохший пруд с островком посередине. Когда-то тут жили в специальных домиках белые лебеди. Несколько лет жили, пока какие-то хулиганы не зарезали их и не съели, как обыкновенных гусей. Сейчас, правда, лебеди не прожили бы и дня... Китовая челюсть пред павильоном тоже куда-то запропастилась. И немудрено: когда в стране такие разборки — не только киту челюсть свернут!

Вагон был набит, как бочка сельдью, и не было никакой возможности отодвинуться от соседа, от которого несло не одной только кислой капустой. Кроме того, у него то и дело то "А-агурцы росли", то "А-аптека за углом" возникали. Но трамвай — это общественный транспорт, а как говорил Карл Маркс, "живя в обществе, нельзя быть свободным от общества".

На переднем сидении ехал мальчик лет пяти в огромной мохеровой шапочке и доставал бабушку: "Ба! А я теперь царевич или королевич?". Когда в очередной раз наследник престола задал свой дурацкий вопрос, бабушка заорала на весь вагон: "Да падла ты!". Все вздрогнули от такой грубости по отношению к дитяти. А бабушка в ответ сорвала шапочку с головы внука. На голову была натиснута хрустальная ваза, по самые брови. "Вот, полюбуйтесь! Доигрался, зараза! Теперь едем на Слободку — снимать!"

В другой раз маленькая девочка, сидя на руках у папы возле окошка, ковырялась в носу и размазывала найденное по стеклу. Папа несколько раз строго сделал ей замечание. Ноль эмоций. Тогда он грозно прорычал: "Да сколько ж раз, убоище, тебя просить?!". Все пассажиры затаив дыхание ждали развязки конфликта. И девочка в гробовой тишине тонким голоском спокойно ответила: "А сколько раз мама просила тебя не писать в отлив?". Вагон — покатом. Святая простота — так облажаться! Ну, теперь скажите мне честно: в каком городе есть еще такие трамваи?

Нина ДАНИЛОВА

Заграница нам поможет

Этот незабываемый лозунг, провозглашенный Остапом Бендером в далекие тридцатые годы, всегда был актуальным для удивительного и неповторимого города Одессы. Причина такого постоянства заграницы по отношению к любимому городу вполне понятна — наличие в нем большого черноморского порта. Даже в те далекие времена, когда заграничные товары были в нашей стране сверхдефицитами, в Одессу моряки кое-что привозили. И одной из главных достопримечательностей наряду с потрясающим оперным театром, Приморским бульваром, Потемкинской лестницей и Дюком де Ришелье всегда был одесский толчок. Этот весьма живой общественно-ритуальный организм был зачат самим бытием на обычной базарной почве, рос и успешно развивался как в мирные периоды, так и в военные годы. Теоретически, на одесском толчке можно было купить все, что угодно твоей душе. На самом деле все зависело от затрат времени, денег, физической подготовки и личной удачи. Но посещать вожделенный толчок мне доводилось только перед самыми торжественными событиями, и купленные там вещи безмерно ласкали глаз и душу.

После выпускного вечера 11-го класса мы, как водится, ходили к морю встречать рассвет. Утром, перед тем как лечь спать, я поставила возле кровати стул, на который положила свою золотую медаль и купленные на толчке выпускные французские перламутровые туфельки (тогда 35-го размера), от которых просто не могла оторваться. Еще неизвестно, что радовало меня тогда больше!

Позднее, будучи уже мамой подрастающей дочери, я не раз сопровождала ее по бесконечным толчковым рядам в поисках той единственной желанной вещи, о которой она мечтала в данный период. Необходимо было проявлять двойную бдительность, чтобы не быть обворованными и обманутыми при покупке. Ведь там запросто можно было получить вместо импортных вещей изделия, сшитые в одесских подпольных цехах и снабженные лейбами любых известных фирм. Кстати, эти "фирменные" лейбы продавались пачками тут же. Мне это было доподлинно известно, так как один из организаторов подпольных пошивочных цехов был нашим родственником. Его звали дядей Мишей, и он был мужем двоюродной сестры моего отца — тети Лизы. Эта колоритная одесситка при любой нашей встрече не забывала напоминать о том, что именно она в далеком 1946-м году познакомила блестящего старшего лейтенанта

Абу, на кителе которого сверкали боевые ордена и медали, со своей очаровательной подружкой медсестрой Симочкой. Каждый раз, вспоминая ту послевоенную весну и первую встречу моих родителей, тетя Лиза не могла сдержать слез умиления.

Но очень быстро ее глаза высыхали и начинали яростно сверкать, когда она смотрела на своего мужа. Мы знали, что дядя Миша дома бывал редко, потому что проводил много времени в тюрьме. Первый раз он отсидел, по собственной формулировке, за лень, то есть за анекдот, рассказанный в обществе неленивого приятеля Сени, который тут же на него донес. С тех пор дядя Миша постоянно рассказывал политические и другие анекдоты, но сажали его уже по другим статьям. Его предприимчивый ум и оптимистический нрав исключали бездействие даже в обстановке, совершенно не способствующей реализации гениальных проектов подпольного бизнеса. Дядю Мишу сажали снова и снова, но он все не унимался, а тетя Лиза свирепела все больше и кричала на него все громче. Доносчика Сеню также стали иногда посаживать. Мой отец говорил, что они так друг другу мстят, но дядя Миша в принципе не возражал, чтобы периодически отдыхать от всех хлопот и от "мишигасов" сварливой жены.

Когда наступили другие времена, и стало возможно предпринимать всяческие гешефты относительно легально, он утратил к этому делу спортивный интерес. И в 1990-м году они с сыновьями уехали в Америку. К этому времени моих родителей уже давно не было, у брата возникли большие проблемы со здоровьем — нам приходилось нелегко. Тетя Лиза перед отъездом вызвала нас к себе и сказала: "Берите от меня все, что хотите, — на добрую память!". Мы решили взять посуду и ручную машинку "Зингер", хотя шить никто не умел, но дочь пообещала научиться. Через несколько месяцев неожиданно пришло почтовое извещение на посылку из Америки. Я имела допуск к секретной информации на своем вычислительном центре, поэтому перепугалась. И недаром.

На следующий день меня вызвал особист за железную дверь. "Так как же так, Нина Абрамовна, почему нам ничего не известно о ваших родственниках за границей?" — грозным тоном спросил он. Особист был у нас по совместительству еще и парторгом, что не облегчало ситуации. Я объяснила, что эти дальние родственники уехали совсем недавно, и не было ясно, куда они в результате попадут — в Израиль или Америку. Вот я и не хотела раньше времени понапрасну беспокоить и отрывать его от важных дел, потому что знаю, что в этих делах необходима предельная точность и искренность. А теперь — совсем другое дело: я вынуждена с глубоким

сожалением просить о снятии с меня допуска, так как уже не могу за себя полностью поручиться в предстоящем общении с заграничными родственниками.

Парторг-особист был обладателем крупного пористого красного носа, который в моменты гнева и выпивки увеличивался до ужаса. Как-то на праздничной вечеринке он хорошо выпил в бдительно охраняемом им же коллективе и посетовал в стихах на удивительный диагноз:

Врачи сказали, что мой нос
Ест изнутри трихомоноз.
И это вовсе не прикол —
Я пью, ребята, трихопол.

На следующий день на железной двери секретного отдела была приклеена записка следующего содержания:

Узнав диагноз, ясно стало:
Предохраняться надо всем
И не совать куда попало
Свой нос, чтоб не было проблем!

Особист знал, что автором вполне могла оказаться я, но тогда не стал ничего выяснять. Нам ведь с ним приходилось периодически работать вместе в "очень важной" комиссии по сжиганию секретной документации. Теперь настал его звездный час. За то, что я своевременно не поставила его в известность о контакте с отъезжающими родственниками, полагалось много кой-чего, о чем я была когда-то предупреждена при оформлении допуска. Увольнение с работы было наименьшим наказанием из того перечня. Мы сидели друг напротив друга за столом, и он начал задумчиво рисовать на белой бумаге лошадиные крупы. Я уже давно знала эту его привычку — в период глубокой сосредоточенности рисовать задние части эскадрона лошадей. Он всегда занимался этим на длительных планерках, чтобы не заснуть и не свалиться со стула. Надо сказать, что рисовал он замечательно, но вот с фантазией были проблемы — дальше лошадиных задов дело не шло! В народе его называли особист-кавалерист, и форма ног этому соответствовала.

Был у меня перед кавалеристом еще один грех — я неоднократно отвергала его предложения вступить в партию. Но при этом всегда отказывала парторгу и утверждала, что еще пока не чувствую себя достойной такой высокой чести. Однако были и заслуги — несколько раз, когда он все же умудрялся засыпать и даже позорно похрапывать на планерках, я очень деликатно подталкивала его в бок. В общем, после того как лошади-

ная дивизия успокоила нервы старшего товарища, он сказал: "Значится так! Завтра идете на Главпочтамт, получаете посылку и, не вскрывая, приносите ко мне в кабинет". "Будем сжигать по протоколу?" — только и оставалось спросить. Но он обещал проконсультироваться, где нужно, и отпустил меня. При вскрытии посылки никаких шпионских приспособлений обнаружено не было. Элегантные мужские рубашки в полоску для мужа и брата, блузки и свитерки для нас с дочерью и невообразимо роскошные, просто голливудские мужские туфли. В прилагающемся письме, прочитанном также особистом, тетя Лиза и дядя Миша рекомендовали мне продать эти туфли на толчке и очень опрометчиво обещали вскоре передать нам доллары, которые я никогда до тех пор не держала в руках. Что мне оставалось делать в этой ситуации? Я попыталась предложить товарищу взятку американской рубашкой. (Ну не туфлями же, в самом деле!) Но он благородно отказался и остался на своеобразной высоте. Мне было официально объявлено о выводе из комиссии по уничтожению секретных документов. На вопрос о дальнейшей судьбе моего допуска к секретной информации последовал глубокий вдох и сообщение о том, что весь "секретный" отдел в нашем ВЦ ликвидируется за ненадобностью (это было и так всегда понятно!). А он остается работать у нас просто освобожденным парторгом. Спрашивается, зачем нужно было устраивать мне все эти кавалеристские гонки с посылкой?!

С большим облегчением в душе я выскочила из-за железной двери к переживающему коллективу. Все посылочные вещи были тщательно осмотрены и одобрены, особенно "продажные" туфли. У нас были толчковые специалистки, которые при всем своем опыте не могли даже представить, сколько можно за них получить. Самой продвинутой в этих делах была Неля, умудрившаяся заработать деньги на толчке для покупки квартир себе и дочери. Правда, этот процесс занял более 20 лет и забрал вагон здоровья. Неля часто работала на ВЦ сверхурочно, потом брала отгулы и уезжала за товаром в Польшу. Она утверждала, что при удачной торговле можно за выходные заработать на продаже нашу месячную инженерную зарплату. Но через несколько лет такой сумасшедшей нагрузки и жутчайшей экономии у нее началась настоящая цинга. Все накопленные за первые 5 лет деньги пришлось потратить на протезирование полностью утраченных зубов. У нас всегда говорили, что Неля на торговле буквально съела зубы. Так вот, эта Неля дала мне бесценные советы, самый главный из которых — держать в руках только одну правую туфлю. Ни в коем случае не вынимать обе туфли одновременно, пока покупатель не отдаст всех денег.

Этот совет я еще успела оценить, когда решилась в воскресенье попробовать себя в новом деле. Но погулять по толчку с роскошной мужской туфлей в дрожащих от волнения руках мне пришлось совсем недолго. Очень скоро я почувствовала себя Аллой Пугачевой, так как толпа плотно окружила меня и требовала ответов, к которым я была очень слабо готова. Если о размере туфель я еще имела хотя бы приблизительное представление, то с ценой мне так и не удавалось определиться. Горящие глаза окружающих людей не предвещали ничего хорошего, выкрикиваемые цены повышались, они ругались между собой, и я предчувствовала, чем это все для меня может закончиться. Страсти накалялись, а я так и не могла решиться достать левую туфлю. Стихийный аукцион продолжался, народ напирал, и я поняла, что совершенно не гожусь для продажи даже суперских вещей. Вдруг какой-то довольно пожилой юркий человек резко выдернул у меня из рук туфлю и гнусавым голосом крикнул: "А ну, шуруй за мной, биииstренько!". Он круто развернулся и начал улепетывать прочь, крепко зажимая в руках туфлю, как Паниковский гуся. Я мчалась за ним, а толпа за мной, и это продолжалось довольно долго. Наконец, он запрыгнул внутрь какого-то закрытого обувного лотка. Я поняла, что там работали его знакомые реализаторы, и заскочила вслед.

Отдышавшись, Паниковский, начал монолог: "Ви шо, баришня, соткудова до нас прибили? Жизня, значить, вовсю набридла. Кто ж такое сотворяеть на людях?!". Я сбивчиво объяснила ему ситуацию. Внешнее сходство с Зиновием Гердом, которого я обожаю, заставило меня совершенно утратить бдительность, забыть советы Нели и отнестись к дяде Моне как к родному. Переварив информацию о посылке из Америки, классик спекуляции достал блокнот и попросил мой адрес и телефон. Увидев мое замешательство, он произнес: "Слушайте сюда, баришня! Моня береть етот товар увесь и завсегда. Шо з вамы, ей-богу, шо ви так дрейфите? Мы же ж живьем з етих посилок. Нашо вам сюда самим таскаться? И навищо мени трэба знаты отой размер ваших шикарных штиблет — ноги завсегда знайдуться! Если они в тебе даже з разных ног, все одно в Одессе фраеров з одною ногою тоже досыть". В общем, куда мне было браться торговаться с этой могучей личностью? Он торжественно вручил мне 50 долларов за туфли и позднее несколько раз звонил в ожидании новых "посилок". Его телефонные перлы были также неповторимы: "Але, вас взволнуеть Моня Порто-Франко по нашим справам з толчка. Ну шо, вже е, чи знову ни?" — и советовал писать родственникам "душераздернутые" письма с резонным обоснованием: "Хто ж, як не та клята заграница нам допоможе?!".

А вскоре нам сообщили по телефону, что нужно посетить один адрес, куда приехал гонец из Америки и привез нам живой привет весом в 200(!) долларов. Мы с мужем вечером зашли в тихий одесский дворик на улице Бебеля. На скамейке сидели два подвыпивших джентльмена, один из которых вполне доброжелательно спросил нас: "Ви шукаете Бушмана, шо приихав з Америки? Ви за долларами прыперлыся? Так это на третьем этаже, он тамочки. Народ валить изо всий Одессы!". Такое начало нас здорово насторожило, учитывая, что доллары тогда официально были еще запрещены.

В маленькой квартире действительно набралось полно людей. И что-то нам показалось странным в этой тишине, в которой все читали переданные им письма. Меня вообще ждал потрясающий сюрприз, ибо в заокеанском посланнике я с огромным трудом (в основном, по очень специфической грассирующей речи) узнала папиного двоюродного брата Шурика. Честно говоря, его считали давно умершим от туберкулеза, которым он страдал после отсидки уже много лет назад. Тем радостнее было видеть крепкого румяного седого человека с голливудской улыбкой и торжествующим взглядом. Вот что сотворила с ним эта волшебная Америка! Оказывается, его там вылечили и снабдили шикарными зубами. Он работал электриком в доме престарелых на Брайтоне, удачно женился и был счастлив посетить родные места, где его благополучно похоронили.

Но отсутствие туристического опыта сыграло с Шуриком злую шутку. В те времена евреи, уехавшие в Америку, старались передать доллары оставшимся родственникам, используя любую оказию. Ведь даже 10 долларов тогда были неплохой добавкой к месячному бюджету. Шурик не отказал никому — у него собралась толстая пачка конвертов с письмами и деньгами. Но когда его досматривали родные украинские таможенники, пришлось срочно выгрести все деньги из конвертов, подсчитать общую сумму и занести в таможенную декларацию. И теперь все получатели внимательно перечитывали привезенные письма, надеясь выяснить, какие суммы им были переданы. А ведь по-настоящему интеллигентные люди об этом обычно скромно умалчивают! Одна пожилая женщина горько плакала от обиды, так как обнаружила в послании из-за океана следующий текст:

"В прошлом письме вы отметили, что на ту мелочь, что мы в состоянии вам передать, уже невозможно решить никакие проблемы. Вот и мы решили не унижать ваше человеческое достоинство и не раздражать вас лишний раз. Передаем горячий привет и наилучшие пожелания". Часть денег

Шурику пришлось увезти обратно — так и не удалось выяснить в Одессе точные цифры и выявить, для кого именно они были переданы.

Долгий советский период своей жизни я искренне была уверена, что у меня, как и у подавляющего большинства окружающих людей, за границей нет родственников. Заполнять анкеты было просто: нет, не был, не привлекался, не имею. И вдруг посыпались сюрпризы, впрочем, как и у многих других окружающих граждан. И когда еще к тому же стало известно о богатых предках, сбежавших от революции во Францию, я уже и не знала, чего ожидать. Но наша жизнь в 90-е годы менялась в таком историческом темпе, что вскоре понадобилось заполнять совсем другие анкеты, и через несколько лет мы и сами оказались за границей. Этому предшествовал период утрат всего того, что раньше считалось нашей повседневной жизнью. Оставшись без работы, мы с мужем вынуждены были, как и многие, какое-то время заниматься торговлей, но толчок оказался нам не по силам. До сих пор храним целую коллекцию разнообразных фальшивых денег, врученных нам за товары, взятые на реализацию.

Перед отъездом в Израиль в 1997-м году мы, естественно, снова посещали толчок, опять в качестве покупателей. Он превратился в огромный город, состоящий из разноцветных улиц — Голубая, Абрикосовая и т. д. В каждом мини-магазинчике-контейнере аккуратно и выигрышно развешаны всевозможные товары. По улицам на тележках развозили кофе, чай, минеральную воду, пирожки и домашние обеды. Цивилизация не обошла этот торговый мир. Но одесский толчок неуклонно соблюдал законы своего существования. Мы увидели подходящие мужские рубашки и хотели купить парочку для моих "Гариков на каждый день" — так зовут и брата, и мужа. Пришлось немного постоять в очереди и послушать разговоры людей, берущих целыми пачками и очень хвалящих эти заграничные рубашки. И мы купили шесть штук, попросив разные размеры, решив использовать их также для подарков. Когда через какое-то время мы возвращались по этой же улице, то увидели ту же очередь, состоящую из тех же самых людей, таскающих за угол одни и те же пачки рубашек и громко восхваляющих их качество. До нас тогда дошел этот популярный на толчке прикол, но было уже поздно. К удивлению, рубашки, уж не знаю, в каком одесском цехе они были сшиты, оказались действительно очень красивыми и качественными. Но только одного размера, несмотря на нашитые "фирменные" бирки!

Такой простой прием ускорения оборота торговли с минимальными затратами не может не восхищать. Все же гениальные головы всегда придумают что-то свеженькое.

Прошли годы... Все изменилось в жизни, и многое отпало за ненадобностью. К сожалению, гениальная голова дяди Миши в Америке тоже не пригодилась. Они с тетей Лизой живут в доме для престарелых, и она ругает его за бесконечные азартные игры с такими же пенсионерами.

А мы, живя в Израиле, опять регулярно слышим знакомый лозунг "Заграница нам поможет!". И на этот раз речь уже идет об украинских пенсиях, которые помогут выживать бывшим украинским евреям. Ничего, что эти люди, официально живущие за чертой бедности, в большинстве своем объездили весь мир и требуют в туристических агентствах предоставить им для своих путешествий "другой глобус". Лишних денег не бывает, а справедливость все же когда-нибудь должна восторжествовать. Так лучше, чтоб она торжествовала, как говорится, еще при нашей жизни!

Бат-Ям, Израиль

Григорий ШУХИН

И я по-свойски с ним дружил...

Мне в детстве повезло, я слышал льва.
Не монологи Троцкого, конечно, не Толстого
(Купался в книжках их и впитывал слова),
Я слышал сфинкса африканского, живого!
Скучая, рядом с моим домом жил,
И я по-свойски с ним дружил.
Мы просыпались вместе. Нет, сначала он.
От рыка трепетали перепонки.
Я волновался за него, какой он видел сон.
Саванну щедрую свою? За антилопой гонки?

А может, прайда вспомнился сходняк
У туши буйвола, громады неуемной.
За грифами нахальными гонялся молодняк,
А царь зверей припал к артерии яремной.
Свирепые две кошки, две жены —
Тела стальные для охоты рождены,
Следили за стадами желтыми глазами.
Тореро — бык! Сраженье, полное интриг.
А после — красться по ранжиру за призами!
Загривок, сердце, печень и язык.

И вдруг укол, забвение, испуг —
Пленен могучий наш супруг.
И в толк он не возьмет песочка для интима,
Костей и жил, что называют мясом...
А женщина в парче — циркачка, прима —
Хлыстом и пряником льва обучает пассам.

Лев покорился, злобу затаив,
Сквозь обруч и огонь лететь в прыжке,
Минуты ждать, когда вражды порыв,
Спрессованный в Пандорином мешке,
Наружу вырвется и страху вопреки

Порвет когтями кисть любой руки.
Теперь вот зоопарк, вольера клетка.
Напротив совы, филины, сычи.
"Послушай и запомни рык мой, детка.
Чтоб сердце не порвать, всегда рычи!"

Бат-Ям, Израиль

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол!

Городок с покупками

На лестничной клетке двое грузчиков вносят в квартиру новый холодильник. Рядом Хозяин.

ХОЗЯИН. Осторожно, мужики, осторожно!

Открывается соседняя дверь, высовывает нос Сосед.

СОСЕД. Что тут такое?.. А, привет, Петя!.. Тебя что, можно поздравить с покупкой?

ХОЗЯИН. Новый холодильник — мечта жены!.. Кстати, покупку надо вспрыснуть — заходи!

СОСЕД. Это я завсегда! Как тут не помочь! (*С готовностью выскакивает и закрывает свою дверь на ключ.*) А я сегодня тоже с покупкой буду. Утром продал свою старую машину, а сейчас пойду — куплю новую.

ХОЗЯИН. Совсем новую?

СОСЕД. Ну, не совсем новую... Но и не совсем старую, как была! И машина есть машина! А это... (*Машет рукой.*) Тебе не жалко было столько денег угрохать на эту ерунду?

ХОЗЯИН. Жалко, конечно... Но я же говорю, новый холодильник — это мечта жены.

СОСЕД. Скажу тебе как опытный холостяк. За такие деньги проще было купить новую жену...

Они входят в комнату. Хозяин наливает стопки.

СОСЕД (*бьет себя по лбу*). Ой! Что же это я... Извини, насчет вспрыснуть это я малость погорячился. Мне же сейчас идти новую машину покупать... Эх, жалко-то как...

ХОЗЯИН. Ну, тогда давай чайку попьем, раз уж ты зашел... Разговорчик у меня есть... М-да... (*Наливает чай и, тяжело вздохнув, начинает разговор.*) Говорят, Леша, ты к моей жене в мое отсутствие частенько заглядываешь.

СОСЕД. Я?! Частенько заглядываю?! Да кто же такое может говорить?!

ХОЗЯИН. Участковый. Не могу, говорит, не сигнализировать уважаемому человеку, это в смысле мне, о вопиющих фактах аморального поведения его жены и соседа, который в ваше отсутствие частенько к ней заглядывает.

СОСЕД. Чего?!.. Врет!.. Ты сам посуди — ему-то какое дело?

ХОЗЯИН. Ну... Раньше он к ней частенько заглядывал...

СОСЕД. Ух!.. И как тебе, Петя, такое могло в голову прийти? Да, я человек одинокий и иногда захожу к твоей Людмиле по хозяйству... Вот и сегодня, кстати, когда продал машину и шел с авторынка, зашел к ней. За лавровым листом...

ХОЗЯИН. Ну, ты зашел, и как?.. Она дала?

СОСЕД (*поперхнулся чаем*). Дала?! Да что ты?! Как ты такое мог подумать?! Вообще!.. Нет у вас лаврового листа! Не-ту!

Грузчики заносят в комнату еще один большой картонный ящик.

СОСЕД. Ты что, еще что-то купил? Ну, ты прямо оптовый покупатель какой-то.

ХОЗЯИН. Оптовый не оптовый, а почему не купить, если деньги есть.

СОСЕД. Вот это ты прав! Деньги не должны лежать, они должны работать! А когда наши деньги работают — мы можем и полежать! Согласен со мной?

ХОЗЯИН. Согласен — можешь и полежать... (*Грохает кулаком по столу.*) Только не здесь!!

Грузчики заносят в комнату ящик с настольным хоккеем.

ХОЗЯИН. А это настольный хоккей, ставьте там.

СОСЕД. Я смотрю, мало того что ты стал навязчивыми идеями страдать про нас с Людмилой, так ты еще и в детство впал — игры покупаешь. (*Дергает руками, пародируя игрока в настольный хоккей.*) Тык-пык! Гы-гы!

ХОЗЯИН. Раньше я в шахматы играл. Еще Ленин говорил, что шахматы — это гимнастика ума.

СОСЕД. Ну так и играл бы себе в шахматы! Или женой больше занимался!

ХОЗЯИН (*вздыхает*). Староват я стал... для гимнастики...

СОСЕД. Вообще-то, я тоже хоккей люблю. И за футболом слежу. Особенно за тем, кто, кого, кому, как и за сколько миллионов продал. Так интересно!

ХОЗЯИН. Да. Кстати, вот и тебя с Людкой мне участковый так продал... За две бутылки пива.

СОСЕД. Ну вот... Очень обидно мне это слышать! Очень!

ХОЗЯИН. Что так продал?

СОСЕД. Что так дешево...

Грузчики заносят еще пару ящиков.

СОСЕД. Ничего себе. А это что?

ХОЗЯИН. Это? Новый компьютер.

СОСЕД. Да ты и старым не очень-то пользовался. Чем тебя старый компьютер не устраивал?

ХОЗЯИН. А тебя старая машина чем не устраивала?

СОСЕД. Сравнил! И потом, я же на ней в столб въехал, пришлось починить и быстренько продать. А все из-за того, что за рулем по телефону запретили говорить!

ХОЗЯИН. А это тут при чем? Ну, запретили за рулем говорить, ну и что?

СОСЕД. Так пришлось СМСку писать! Двумя руками...

Грузчики заносят в комнату еще один большой ящик.

СОСЕД. Ого! А это еще что принесли?

ХОЗЯИН. Это, Леша, новый унитаз.

СОСЕД. Что ты мне сказки рассказываешь? Такой большой?!

ХОЗЯИН. М-да... Вот сразу видно, Леша, что нет у тебя инженерного мышления!

СОСЕД. Не понял...

ХОЗЯИН. Понимаешь, все элементы технологической цепочки должны быть сбалансированы по производительности. И если покупаешь в дом новый большой холодильник, то соответственно надо приобрести и большой... Иначе беда!

Грузчики заносят еще ящики.

ХОЗЯИН. Домашний кинотеатр, мужики, ставьте сюда.

СОСЕД. Ого! Ты уже и кино дома собираешься смотреть! Так ты, может, и билеты на него начнешь продавать? Гы-гы...

ХОЗЯИН. Может... Но только ты, конечно же, будешь, как всегда, на утренний сеанс бегать. Я на работу, а ты сюда, причем без билета.

СОСЕД. Ну, зачем ты меня обижаешь? Кому ты поверил? Участковому? Он что, за нами подсматривал?

ХОЗЯИН. Говорит, что подсматривал. Со спутника. Сейчас у милиции знаешь какие возможности!

СОСЕД. Участковый со спутника? Гы-гы! С телескопом, что ли?

ХОЗЯИН. С биноклем. Гостиница "Спутник" у нас же вот (*Показывает на окно.*), напротив, а бинокль ему по такому случаю в отделении выдали...

СОСЕД. Ну что тебе сказать, Петя... Пойду я. (*Они подходят*

к входной двери.) Мне пора идти машину покупать. А тебе срочно лечиться надо.

ХОЗЯИН. Это от чего?

СОСЕД. Во-первых, от мании подозрительности. Я тебе клянусь, что ничего у меня с твоей Людкой не было. Я вообще к ней никогда дальше прихожей не заходил. Ни шагу! Клянусь! А во-вторых, я смотрю, ты на нервной почве еще и шопоголиком стал.

ХОЗЯИН. А это еще что?

СОСЕД. Так смотри, сколько всего ты за один день накупил! И где только деньги на все взял?

ХОЗЯИН. А я пару часов назад под кроватью бумажник с кучей денег нашел. То ли это жена от меня там сбережения прятала... То ли он тут из штанов выпал... У кого-то... (*Достает из кармана пустое портмоне.*)

СОСЕД (*хватается за карман брюк и с трудом сдерживает гримасу ужаса*)**.** Нет!.. Нет... Нет... (*Чуть не плача.*) Это не у меня... Не у меня...

ХОЗЯИН. Конечно, не у тебя! Ты же никогда дальше прихожей не заходил!

СОСЕД. Никогда... Никогда...

Убитый Сосед выходит, Хозяин закрывает за ним дверь. Из-за двери слышен истошный вопль Соседа: "А-а-а-а!". Хозяин довольно наблюдает за зрелищем в дверной глазок.

Книжный развал

Аркадий ВАЙНЕР, Эдуард КУЗНЕЦОВ
Весь Жванецкий в шаржах, пародиях, эпиграммах
Одесса, Студия "Негоциант", 2009

Пародировать юмориста, писать эпиграммы на сатирика заведомо трудно. Нужно быть на уровне своего героя, иначе выявится беспомощность пародиста. Еще печальнее, когда эпиграммы звучат как торжественные оды. Увы, все это и произошло "в случае Жванецкого". Но как всегда, титанический труд А. Вайнера и Э. Кузнецова, а они авторы ряда книг, собравших пародии, шаржи, эпиграммы, принес плоды. Наряду с беспомощными текстами они отыскали и жемчужины, которые позволяют что-то новое понять, увидеть в М.М. Жванецком.

Для примера всего один текст из 140-страничной книжки:

В. Трухнин, И. Полторак
(на мелодию Булата Окуджавы)

"Книжку Миши Жванецкого в теплую землю зароем,
Потому что разумное, доброе, вечное сеять хотим,
Автор вновь залетел — забеременел новым героем,
Потому что он всею страной постоянно любим.
Этот мальчик родился в Одессе еще в прошлом веке,
И как только нап`исал — сказали: он будет пис`ать,
И откуда, спросили потом, этот ум в человеке,
Но иначе зачем нашим мамам в Одессе рожать?"

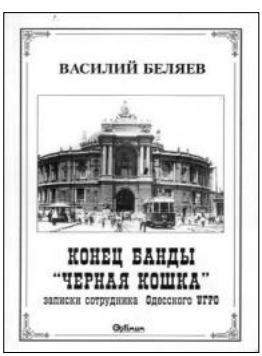
Дина ФРУМИНА
Стихотворения
Одесса, Друк, 2009

К 95-летию со дня рождения Дины Михайловны Фруминой благодаря усилиям Тамары Михайличенко в Одессе не только прошли четыре выставки ее живописи и графики, но и вышла книжка стихов художницы.

Это своеобразный лирический дневник, куда художница записывала свои мысли, одолевавшие ее в бессонницу, словами дополняя то, что было основным в ее жизни, — живопись.

Кстати, давно отмечено, что многие одесские художники писали стихи. Интересно было бы издать антологию художников-поэтов, сопроводив стихи репродукциями живописных работ. Но это планы на будущее, а пока вслушайтесь в негромкий голос Д.М. Фруминой:

Долгой полунищей жизни омут
Мог бы вызвать уст моих печальных ропот,
Но улыбкой сердца принимаю
Слов поток, которым меру знаю.
Чем светлее уст моих улыбка,
Волей я сильнее в мире зыбком.

Василий БЕЛЯЕВ
Конец банды "Черная кошка"
Одесса, Optimum, 2009

Читатели нашего альманаха, думаю, обратили внимание в двух последних выпусках на главы воспоминаний Василия Белова. Теперь этот текст стал книгой, выпущенной издательством "Optimum". И тут, конечно же, велика роль Олега Губаря, узнавшего о существовании этих мемуаров, получившего рукописные тетрадки и приведшего их в порядок, подготовившего к печати.

Бесхитростные, очень бытовые, детально записанные сотрудником Одесского уголовного розыска капитаном Беляевым истории ценны тем,

что в них отсутствует всякая "литературщина", лжепсихологизм, на которые так падки авторы детективных романов. Не все, "как в жизни", а жизнь как таковая, с удачами, неудачами, случайными встречами, совпадениями, реальность, которая дороже самых изощренных выдумок.

Уверен, что если бы эта книжка, глава "Конец банды "Черная кошка", попала в руки создателей телесериала "Ликвидация", реальная обстановка в Одессе 1944-1945 годов была бы показана "тщательнее", да и бандит, создавший банду, стал бы приближен к жизненным реалиям.

...В МОСКВЕ

Валерий ЮХИМОВ
Карантин
Москва, Половодье, 2009

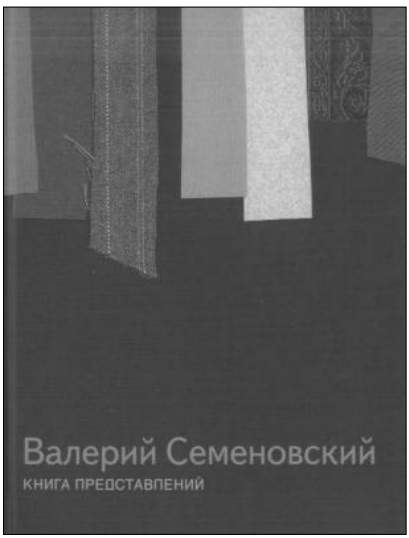
Случается же такое, одесский поэт, живущий в Киеве, издающий свою книжку в Москве. А впрочем, это еще раз доказывает, что культура живет по своим законам, слово пересекает границы государств.

Начинал Валерий Юхимов в студии "Круг" под руководством Юрия Михайлика. От того времени осталась книга "Вечный город", куда вошли стихи двадцати двух студийцев. Все они были людьми поэтически одаренными, у многих сегодня уже по нескольку своих книг стихов.

Валерий Юхимов стал профессиональным художником. Уехал в Киев. Кандидат технических наук, он редактор специализированных изданий. Но писал и пишет стихи. И вот сейчас в Москве вышла его первая книга "Карантин". Почему именно так он назвал свою книгу? Почему презентацию провел в Одессе? А может, все эти 15 лет в киевской журналистике и были — сидением в карантине — для одесского поэта.

А вот самое короткое стихотворение из сборника:

Когда еще только вдох,
только — начало,
и музыки счет — до трех,
и воздуха мало,
то ли снова влюблен, то ли свободен —
предчувствие света:
сейчас полыхнет на восходе.

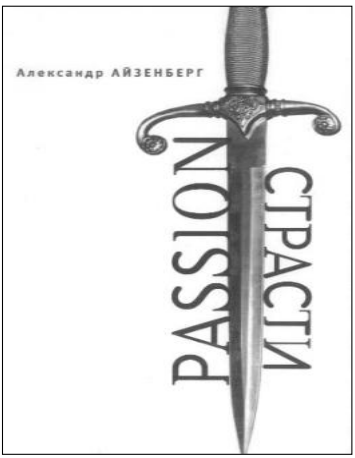

Валерий СЕМЕНОВСКИЙ
Книга представлений
Санкт-Петербург, Балтийские сезоны, 2009

Валерия Семеновского многие знают как театрального критика, многие годы возглавлявшего журналы "Московский наблюдатель", "Театр". А быть может, помнят и как одесского журналиста, автора рецензий в "Комсомольской искре" на спектакли в ТЮЗе, Русском театре, Музкомедии.

Но быть критиком, организатором театрального процесса В. Семеновскому всегда было мало. Он хотел и сам участвовать в процессе, выносить на суд зрителя свои размышления о жизни. И вот одно за другим возникали эти представления, где автор, отталкиваясь от произведений прозы, создает не инсценировки, а свои трактовки книг, свою историю чужих жизней. В "Книге представлений" мы найдем своеобразный диалог с Федором Сологубом, а по сути, возвращение в нашу жизнь "Мелкого беса", и диалог с Федором Достоевским, возвращение нам "Бедных людей". С удовольствием прочитал "Возвращение в Одессу", написанное по мотивам И. Ильфа и Е. Петрова, не пересказывающее знаменитые романы, а иронично дополняющее их фантасмагорическими текстами.

Режиссер Михаил Левитин, кстати, тоже одессит и тоже писатель, свое послесловие к книге назвал "Дуэлянт". Так вот, как мне кажется, из всех опасных дуэлей Валерий Семеновский вышел победителем. Кстати, надеюсь, что одесситы смогут в этом убедиться сами, так как в сентябре москвичи рассчитывают на одесской сцене показать "Возвращение в Одессу".

Александр АЙЗЕНБЕРГ
Страсть
Санкт-Петербург, Алетейя, 2009

Александр Айзенберг — автор нашего альманаха. Его исторические повести, которые сам он называет "голографическими импровизациями", сделаны по законам ритмической прозы, как бы соприкасающейся с поэзией.

Умело построенный сюжет (мне всегда кажется, что в этом автору помогает опыт профессионального адвоката), прерывистое дыхание действия держит читателя в напряжении, но одновременно позволяет ему ощутить не только психологию героев, но и мастерство автора, блестяще владеющего исторически инструментарием, знакомого с бытом, культурой разных эпох и разных стран.

Хотелось бы надеяться, что книгу, изданную в "культурной столице России", заметят редакции толстых журналов, жюри литературных премий.

...В США

Рудольф ОЛЬШЕВСКИЙ
Полуночный звонарь
США, Бостон, 2009

Увы, эта книга вышла уже после смерти автора. Его жизненный путь (1938-2003) очерчен тремя городами: Одесса — Кишинев — Бостон.

Хорошо помню Рудольфа Ольшевского, которого к нам в редакцию, тот жил уже тогда в Кишиневе, заводил Юрий Михайлик. Мы публиковали его стихи. Прозрачные, звонкие, как и сам этот человек, казавшийся мне вечным мальчиком.

В книге, изданной в Бостоне, есть стихи о Р. Ольшевском Кирилла Ковальджи, статья Станислава Рассадина... Жаль, нет хороших стихов о друге Юрия Михайлика, возможно, оставшихся неизвестными составителю.

Хорошая книга. Достойная книга. Конечно, чтобы у нее появился ее читатель, ее нужно переиздать в Одессе, Кишиневе, Москве. Но думаю — это со временем состоится. А сейчас строфа из стихов Р. Ольшевского, предваряющая книгу:

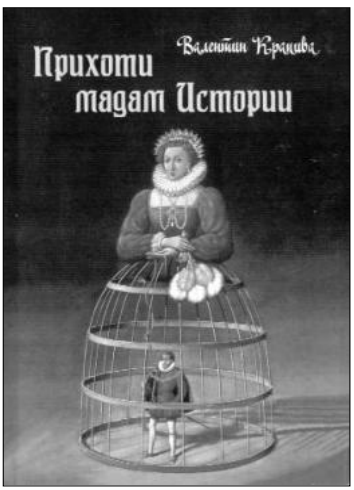
...Что в этом вихре, в этом мирозданье,
Где ни конец не ясен, ни исток,
Оставлю я горячее дыхание —
Как муравей, как птица, как цветок.

Читаешь книгу "Полуночный звонарь" — все время ощущаешь "горячее дыхание" автора, оно осталось с нами.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Истории от Крапивы

Валентин КРАПИВА
Прихоти мадам Истории
Одесса, ОМД, 2009

Вышла в свет очередная книга Валентина Крапивы "Прихоти мадам Истории". Автор — человек известный не только в Одессе, но и за ее пределами. Его знают повсюду, где играют в КВН и где живут нынче создатели и пропагандисты этой воистину всенародной игры.

Крапива — из них. Один из основателей легендарной одесской команды, увенчанной всевозможными титулами, он был и автором, и актером, и режиссером, и играющим тренером.

Все эти годы Валентин занимается краеведением, историческими изысканиями, причем старается познакомить нас не просто с важными и занимательными фактами, но и теми, которые развлекая — поучают, а поучая — развлекают. В новой книге собраны сюжеты, связанные со многими историческими личностями, в разные эпохи проживавшими в разных странах.

Разумеется, среди них есть и наши земляки, и те, кто был тесно связан с Южной Пальмирой.

Феликс КОХРИХТ

Предлагаем нашим читателям фрагменты главы

"Шустов-внук, или "Армянин" одесского разлива

...На Всемирной выставке в Париже в 1900 г. жюри, состоящее из маститых французских дегустаторов, присудило гран-при неизвестному русскому виноделу и в виде исключения разрешило Шустову (единственному иностранцу!) писать на бутылках с его продукцией не "бренди", как положено, а именно "коньяк".

К тому времени уже не основатель дела Николай Леонтьевич Шустов, а его сыновья завоевывали рынки. Дело расширялось. Открылись филиалы в Одессе, в Кишиневе ("Белый аист" тоже ведь с шустовской родословной). Все делалось с размахом небывалым. Фирменный медный колокольчик украшал борта пароходов и дирижаблей. По улицам российских городов только-только появившиеся трамваи уже везли рекламу коньяка Шустова. В Малом Императорском театре исполнительница роли Ларисы в "Бесприданнице" всякий раз оговаривалась и просила подать ей "шустовского коньяку". Вы понимаете, что во времена великого драматурга А.Н. Островского о таком коньяке слыхом не слыхивали. Ну и что, зато это приносило актрисе ежемесячно 1,5 тыс. рублей в конверте. Кстати, и дирекции Императорского театра, закрывавшей на "оговорки" глаза, это приносило после спектакля неизменные пять ящиков "Шустова".

Шустовы первые догадались помещать свою рекламу прямо под заголовком популярных журналов и газет. Они же первыми стали покупать обложки известных изданий под рекламу. В разделе анекдотов всегда мелькал один "с умыслом", типа:

Сынок. *Папа, не можешь пи ты мне указать примеры закона инерции?*

Папаша. *Лучший пример в этом случае — шустовский коньяк. Если, положим, ты выпиваешь одну рюмку, то со следующей уже дело устанавливается само собою по инерции.*

Сын рос разумным, просвещенным ребенком.

Но в доме Шустовых всегда помнили завет уже покойного отца: "Зарабатывать деньги можно научиться. Но делиться заработанным никто не научит, тут нужен талант". Благотворительность Шустовых тоже была талантливо срежиссирована. Еще Николай Леонтьевич строил в Москве дома от имени "неизвестного жертвователя". Конечно, авторство "жертвователя" хранилось в тайне недолго. А слухи о его скромности приносили хорошие дивиденды.

Кстати, не только на Москву распространялась щедрость Шустовых. Докатилась она и до Черного моря. Здесь была построена винодельческая станция — ныне знаменитый Одесский институт виноделия им. Таирова.

...Серьезное завоевание Южного региона началось в 1908 г. Не знаю, витает ли до сих пор в нынешнем здании Одесского областного управления милиции, что на улице Еврейской, благословенный дух шустовского коньяка, но дух Николая Шустова-сына должен там являться. Именно в этом дорогом доходном доме обосновался поначалу филиал Шустовско-

го товарищества, который возглавил почетный гражданин Одессы Михаил Банников.

А уже в феврале 1912 г. на первой полосе "Одесских новостей" появилось объявление, радующее одесситов тем, что на ул. Мельничной, 23, начали работать оптовые склады коньяков и вин Шустова. Одесса была очень удобным для Товарищества городом. Здесь занимались доводкой коньяков, привозимых из Молдавии и Армении. А дальше их ждали корабли, которые везли продукцию в Европу. Правда, везли то, что успевали вывезти. Потому что смешно думать, будто Одесса не употребляет то же самое, что и Европа. Причем местные "запросы" всегда были посолиднее. Клиентами филиала на Мельничной были лучшие торговые дома города: Дубинина, Крапивина и др. А скромное Одесское офицерское собрание просто не давало шансов Европе вдоволь надегустироваться шустовским коньяком — у рта перехватывало. Явно назревал конфликт, который впоследствии историки назовут первой мировой войной. Можно долго спорить о ее первопричине, мы же приведем свою банальную версию: "Пить надо меньше!".

Мировая война сильно подорвала благополучие Товарищества "Н. Шустов с сыном". Вскоре после ее начала Государственная Дума провозгласила в России "сухой закон". Все шустовские предприятия были законсервированы. Думали, временно, но в 1917 г. пришел гегемон, и выяснилось, что при толковом руководстве временные трудности можно сделать вечными.

Как всегда, особый взгляд на ситуацию имела Одесса. На антиалкогольные мероприятия правительства здесь ответили антивоенной акцией — на ул. Екатерининской, 24, открыли фирменный магазин "Ренский погреб", куда с Молдаванки поставлялись лучшие вина и марочный коньяк. Недоумевающим военным властям представитель фирмы Шустова вдумчиво объяснил, что руководствуясь патриотическими соображениями, решено передать принадлежащие фирме помещения для военных нужд. Потому срочно освобождаются емкости и площади. Что вам сказать, тогда война имела свои особенности: освобождение Европы и освобождение емкостей шло неторопливо, причем за ценой не стояли.

1917 год, слава тебе Господи, освободил всех — и от обязательств, и от капиталов, и от иллюзий. Знаменитый бренд Шустова канул в Лету. После революции фамилия Шустовых упоминается только в личной переписке английского премьера Черчилля. Он ежегодно заказывал советской власти 400 бутылок "шустовского" коньяка, который чудом сохранился

в одной из бочек на ереванском заводе. Советская власть всегда доброжелательно откликалась на просьбы союзников по Второму фронту, хотя не забывала регулярно Черчилля поправлять, называя коньяк "бывшим шустовским".

Но это уже стилистические тонкости, ныне не уместные, ибо имя "Шустова" снова возродилось в Одессе. А это особая тема.

Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Феликс КОХРИХТ
Дитя расчета и отваги 6

Олег ГУБАРЬ
О том, как инвестировался "Одесский проект" 7

Леонид АВЕРБУХ, Вадим НЕДОСТУП,
Всеволод РОЗАНОВ, Михаил ФРЕЙДЛИН
Стратегический план устойчивого развития Одессы: возрождение и преемственность научного наследия 15

Олег ГУБАРЬ
Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы 26

Сергей РЕШЕТОВ, Лариса ИЖИК
Мария Фердинандовна Кич-Маразли и ее родственное окружение 53

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ
Угол Екатерининской 71

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Город, в котором было все! или Коллекция-свидетель 84

Игорь ЧОПП
Талисман 90

Елена ГОЛЕНИЩЕВА
Однажды в Риме… 93

ПРОЗА

Владимир КАТКЕВИЧ
Санаторий на Воробьева 98

Елена НЕКРАСОВА
Прекрасная Маргарита 119

Анатолий КОНТУШ
Чаще, чем никогда 126

Александр БИРШТЕЙН
Три рассказа 131

Сергей ОСТАШКО
Восьмая нота, или Кларнет в России больше, чем кларнет 138

ПОЭЗИЯ

Михаил ЯСНОВ
Музей поэта 143

Константин ИЛЬНИЦКИЙ
"Мы ходим по толстому гулкому льду житейского смысла..." 158

Галя МАРКЕЛОВА
"Свела меня судьба на все края земные..." 164

Всеволод ЛЮМКИС
В Круглом доме — квадратный двор... 172

ЖИЗНЬ — ИСКУССТВО — ЖИЗНЬ

Виталий АБРАМОВ
Первая выставка Одесского общества изящных искусств в 1865 году 174

Ольга ТАНГЯН
"Одесский парижанин" А. Нюренберг 182

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Энергия любви 207

Феликс КОХРИХТ
Братяширман и рыжий мальчик 210

Валентин МАКСИМЕНКО
Давид Макаревский: инженер и артист 213

Софья ЛЕБЕНЗОН
О.Э. Мандельштам — читатель 219

ПУБЛИКАЦИИ

Поэт одесского порта 229
Лазарь КАРМЕН
Осень в порту 233
Публикация Алены ЯВОРСКОЙ

Софья СЛАВИНА
Моя дорогая Одесса 243
Публикация Владимира РУБЦОВА

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
"Симпатичное начинание" 255

ПУТЕШЕСТВИЕ

Иван ЛИПТУГА
Швейцарское качество — швейцарский стиль жизни 270

ВИАГРА

ЭЛАНА
Игра в поддавки 274

АХ, ОДЕССА

Михаил ПОЙЗНЕР
С одесским штрих-кодом... 280

Владимир ЕФИМЕНКО
Одесский трамвай № 15 288

Нина ДАНИЛОВА
Заграница нам поможет 291

Григорий ШУХИН
И я по-свойски с ним дружил... 299

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол! 301

ИЗДАНО В...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Книжный развал 306

Феликс КОХРИХТ
Истории от Крапивы 312

Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 37

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 37

Издается с 2000 года

Технический редактор Евгений Светин
Корректор Татьяна Коциевская

Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 77-33-705

Подписано в печать XX.XX.2009.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак. № 2. Тираж 500 экз.

www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "Печатный дом"

Издательская организация "ПЛАСКЕ" ЗАО
Регистрационное свидетельство ДК № 2149 от 08.04.05
а/я 299, г. Одесса, 65001, УКРАИНА
Тел. +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua